Роджер Стиир

Джеймс Хадсен Тейлор

В сердце Китая

Роджер Стиир

Джеймс Хадсен Тейлор

В сердце Китая

CLV
Christliche
Literatur-Verbreitung e.V.
Postfach 11 01 35 * 33661 Bielefeld

1 издание 2009

название оригинала: A Man in Christ

название немецкого издания:
J. Hudson Taylor – Im Herzen Chinas

Postfach 110135 * 33661 Bielefeld
интернет: www.clv.de
перевод с немецкого: Маргарита Эпп
корректоры: Елена Петерс, Инна Никель
обложка: Samenkorn e.V.
верстка: Samenkorn e.V.
печать и переплет: GGP Media GmbH, Pößneck

ISBN: 978-3-89397-694-2

Содержание

Предисловие

Имя Хадсена Тейлора многие христиане связывают с Внутренней Китайской миссией, которая долгие годы осуществляла пионерскую работу в этой огромной стране.

Многим Хадсен Тейлор знаком как муж веры и молитвы, никогда не просивший средств для своей постоянно возрастающей работы с сотнями сотрудников, но всегда ожидавший помощи от Бога по принципу: «Божья работа, которая совершается по Божьим методам, всегда будет иметь Божью поддержку».

Нередко цитируется и его знаменитое высказывание «Нам нужна не великая вера, но вера в великого Бога». Но мало кто знает, как в молодом Хадсене Тейлоре эта вера росла, через какие испытания она прошла, как он осознанно упражнялся в ней и как он потом, на протяжении десятилетий, жил ею зачастую в крайне тяжелых и опасных ситуациях.

Именно этому нам, христианам третьего тысячелетия, следует учиться у Хадсена Тейлора. У нас есть реальная опасность полагать, что рост церквей и миссии – это дело организации и финансового планирования, мы ломаем себе головы и, стараясь избежать риска, подстраховываем себя со всех сторон, в то время как в девятнадцатом столетии отцы веры стояли перед Господом на коленях и жили Его обетованиями. Это делало их смиренными, зависимыми от Бога и скромными – черты характера, которые сегодня, к сожалению, в большей мере утеряны.

Когда Тейлор в последние годы своей жизни был представлен в Австралии большому собранию как «наш знаменитый друг», он после короткой смущенной паузы дал характерный для него ответ: «Дорогие друзья, я маленький слуга большого Господина!» Чем лучше мы познаем Бога, тем трезвее будет наша самооценка. К сожалению мы и в этой области утеряли способность находить разумные соотношения.

Биография Хадсена Тейлора рассказывает нам не только о захватывающих событиях жизни миссионера, но освещает мышление и жизнь читателя Божьим светом и в то же время поощряет и в наше время доверять Богу так же, как и двести или тысячу лет назад.

От внимательного читателя не останется скрытым и то, что и у Хадсена Тейлора были свои слабости и недостатки, и он не всегда действовал согласно своим библейским познаниям. Это также ха-

рактерно для данной биографии и дает нам возможность учиться не только на его сильных чертах характера, но и на его слабостях.

Дал бы Бог, чтобы эта биография пробудила в каждом читателе глубокое желание уподобиться Христу и посвятить свою жизнь для славы Господа.

Вольфганг Бюне

Глава 1

Молитва с последствиями

«Дорогой Господь, если Ты хочешь подарить нам сына, то пусть он станет миссионером в Китае!»

Так молились в один из вечеров Джеймс Тейлор и его жена Амелия в комнате за принадлежащей им аптекой в городе Барнсли. В комнате стоял огромный стеллаж, полки которого прогибались от множества книг. И их становилось все больше. Джеймса интересовало все, что имело дело с Китаем. Его восхищало, что такие мировые империи как персидская, греческая и римская, которые в свое время казались очень сильными и непоколебимыми, исчезли, а китайская все еще процветала. Величайший современный памятник былого могущества! Но до начала девятнадцатого столетия еще ни один протестантский миссионер не ступил на китайскую землю!

Проходили недели, месяцы. Прошла зима. Началась весна. 21 мая 1832 года в семье Тейлоров родился сын, первенец, которого они назвали Джеймс Хадсен Тейлор. Хадсен – была девичья фамилия матери, которой тогда было двадцать четыре года.

Обе семьи принадлежали к методистам. Хадсен позднее вспоминал, как его брали в маленькую церковь на Пинфолд Хилл в Барнсли. Ее построил его прадедушка, каменщик Джеймс Тейлор. Мальчик любил слушать историю о том, как его прадедушка принимал у себя знаменитого гостя. В июне 1786 года Джон Уэсли, в то время уже 82-летний старец, посетил Барнсли, и Джеймс Тейлор пригласил его в свой домик. Уэсли проповедовал перед большой толпой людей недалеко от рынка и при этом с радостью заметил, как горячо воспринималось каждое его слово.

Дом, в котором Хадсен провел свое детство и юность, – номер 21 на Чипсайде – находился недалеко от места, на котором когда-то проповедовал Уэсли. Он стоял невдалеке от деревенской площади Мэй Дэй Грин, на этом очень удобном месте отец Хадсена открыл свою аптеку. Джеймс Тейлор был и аптекарем и врачом. Очень скоро он завоевал большой авторитет. Это и неудивительно, потому что он был честен, старателен и с уважением относился к своим пациентам.

В аптеке, находящейся на нижнем этаже, всегда было много работы, и поэтому Джеймс Тейлор часто принимал больных в

комнате за аптекой. Пациенты доверяли советам этого скромного тихого человека. Он помогал каждому, сколько мог.

Особенно хорошо Джеймс чувствовал себя в кругу друзей, для которых их дом всегда был открыт. Они горячо дискутировали о росте методизма и о возможностях миссионерской работы за рубежом. Много лет спустя сестра Хадсена, Амелия, вспоминала, как интересно им было слушать эти разговоры отца с его друзьями: «Богословие, проповеди, политика, служение для Господа здесь и в других странах – обо всем говорили с сочувствием и с пониманием дела. Это производило на нас, детей, сильное впечатление».

Возможно, под этим впечатлением Хадсен иногда говорил: «Когда я вырасту, то стану миссионером и пойду в Китай».

Тогда родители вспоминали свою молитву но, многозначительно поглядывая друг на друга, молчали.

У Хадсена было две сестры – Амелия, младше его на три года, и Луиза, которая родилась, когда ему было восемь лет. Его брат Уильям, который родился между ним и Амелией, умер в семь лет. Каждый день Джеймс Тейлор брал своих детей к себе в спальню, склонялся с ними на колени, обнимал их и молился за каждого в отдельности. После этого дети шли в свои комнаты и читали Библию.

– Учитесь любить Библию, – не раз говорил отец. – Бог не может обманывать. Он никогда не введет вас в заблуждение. Он никогда не оставит вас.

После обеда Амелия, Луиза и Хадсен занимались в комнате за аптекой. Мать шила, а дети что-нибудь читали ей или писали под ее диктовку. Она была очень строгой учительницей и ничего не упускала: ни небрежного выражения, ни грамматических ошибок, ни неправильного произношения.

Джеймс Тейлор был тоже строг к детям. Он не терпел, когда кто-то опаздывал к столу. Но если он знал, что кто-то из его пациентов не может заплатить за лечение, то обслуживал его почти бесплатно. В таких случаях он говорил:

– Все в порядке! Мы пошлем счет на небо и там все урегулируем.

Отец учил детей французскому и латинскому языкам, а также математике, неизменно обращаясь к своей любимой теме:

– Какое государство на земле в сто раз больше Англии и занимает десятую часть заселенной земли?

– Китай.

– Правильно! Если бы все китайцы встали в один ряд на расстоянии одного метра друг от друга, то они семь раз окружили бы экватор. А кто изобрел порох, компас, бумагу и печатание?

– Китайцы.

– Правильно! Порох и бумагу в Китае изобрели к началу христианского летоисчисления. Когда у нас правил саксонский царь Ательстан, китайцы уже учились печатать.

Но Джеймс Тейлор не только работал со своими детьми. В субботу после обеда он гулял с ними по окрестностям родного графства Йоркшир. Хадсен и Амелия брали с собой обручи, и отец, на время забывая Китай, рассказывал им все, что знал о бабочках, птицах и цветах в этой местности.

Хадсен полюбил природу. Он научился сажать цветы и папоротники, которые собирал в лесу. Отец с удовольствием поддерживал его интересы – он выписал журнал натуралиста и собирал коробки от таблеток, чтобы Хадсен мог коллекционировать в них бабочек и насекомых.

Осенью 1843 года, через шесть лет после вступления на престол королевы Виктории, одиннадцатилетний Хадсен впервые переступил порог школы, но проучился в ней только два года. После этого в школу пришел новый директор, который Хадсену абсолютно не понравился. Он вернулся домой, где отец продолжил его обучение, в то время как сын помогал ему в аптеке. Мальчик научился смешивать, взвешивать и упаковывать лекарства.

Когда Хадсену исполнилось пятнадцать лет, в одном из банков Барнсли освободилось место ученика. А так как Джеймс Тейлор придавал большое значение тому, чтобы его сын мог вести счета и писать служебные письма, он посоветовал Хадсену принять участие в конкурсе. И Хадсен действительно получил это место.

Новое место работы привело его в соприкосновение с миром, которого он не знал, находясь дома. Банковские коллеги высмеивали его веру в Бога и часто загоняли в тупик своими аргументами. Еще никто и никогда не говорил так с Хадсеном.

– Христиане – это лицемеры, – утверждали коллеги. – Они говорят, что верят Библии, но живут так, как будто никогда не читали ее! Хадсен чувствовал себя беспомощно. Что отвечать им? Часами он размышлял над тем, что слышал от родителей. С раннего

детства они с ним молились, читали Библию. Каждое утро после завтрака отец вслух читал отрывок из Священного Писания. Это, конечно, было хорошо, но затем отец минут двадцать молился на языке, с которым Хадсен никак не мог смириться. Все это ему казалось скучным, а отец с его «выдающимися» молитвами даже немного смешным.

«Если Бог действительно есть, – думал Хадсен, – тогда разумнее было бы доверять Ему, слушать Его и служить Ему от всего сердца». Рассуждая так, Хадсен пытался как-то сделать из себя христианина, что ему, конечно же, не удавалось, и он чувствовал себя глубоко разочарованным. В конце концов, он пришел к выводу, что не может быть спасенным. «Значит, – решил он, – нужно пользоваться всеми прелестями этого мира, так как по ту сторону могилы для меня нет никакой надежды».

Он начал с интересом прислушиваться к разговорам своих коллег о вещах, о которых ребенок из приличной методистской семьи никогда не слышал. Он перестал молиться, и решил, что ему нечего делать в церкви. В своих действиях и мышлении Хадсен все более уподоблялся своим коллегам. Если они правы, тогда не стоило переживать о том, какой страшный конец ожидает неверующих.

Зимой Хадсен заболел воспалением глаз, и после девяти месяцев учебы в банке ему пришлось оставить ее. Итак, он снова стал работать у своего отца. Теперь он немного познал мирскую жизнь, но перестал понимать самого себя, кто он есть и чему на самом деле верит. Отец не мог понять, почему его сын так несчастен. Задумчивость сына его сердила. Мать лучше понимала Хадсена и, особо не расспрашивая его, старалась осторожнее обращаться с ним, и, прежде всего, молиться за него.

В июне 1849 года, через месяц после того, как Хадсену исполнилось семнадцать лет, у него выдалось после обеда свободное время. Не зная, чем заняться, он подошел к огромному стеллажу с книгами и взял один из христианских трактатов.

Он знал, что в начале любого христианского трактата обычно описывается какая-нибудь история, а в конце – мораль. «Я прочитаю историю, – решил он, – а проповедь читать не буду».

Хадсен не знал, что его мать, которая гостила у своей сестры в Бартон-апон-Хамбер, в это время тоже была свободна. После обе-

да она пошла в комнату и закрыла за собой дверь, приняв своеобразное решение: она хотела молиться за Хадсена так долго, пока не получит уверенность, что ее молитва услышана.

В это время Хадсен, взяв трактат, пошел через задний двор к старому складу, куда отправлялся всегда, когда ему хотелось побыть одному, и стал читать. В трактате речь шла о торговце углем из Соммерсета, который тяжело заболел туберкулезом. Незадолго до смерти его посетило несколько христиан, которые говорили с ним о различных местах Священного Писания. Один текст произвел на торговца сильное впечатление. В нем говорилось, что Иисус вознес наши грехи Своим телом на крест. Когда посетители сказали ему, что Иисус на кресте воскликнул «Совершилось!», тогда торговец понял, что он грешник, и покаялся.

Эта совсем простая история коснулась сердца Хадсена. При этом он вспомнил и обо всех разговорах его прежних коллег в банке…

И Хадсен вдруг понял, что он тоже грешник, и должен принять какое-то решение. Слово «Совершилось!» не давало ему покоя. Что совершилось? Конечно, он слышал немало проповедей о страданиях Христа, но, по-видимому, никогда не понимал их до конца. Но не напрасно он раньше так много читал Библию. Он сам мог ответить на свой вопрос. «Полное и совершенное оправдание! Цену за наши грехи заплатил другой. Христос умер за мои грехи».

«Что мне еще остается делать? – думал Хадсен. – Какой смысл имели все мои усилия сделать себя христианином?»

«Как будто Дух Святой осветил мою душу», – писал он позже. – «Я не мог иначе, как упасть на колени, принять Спасителя и Его спасение и прославить Его».

Хадсен Тейлор склонился на колени на полу склада в Барнсли и обратился к Богу. В тот же момент его мать, находившаяся в Бартон-апон-Хамбере, поняла, что ее молитва услышана. Она была уверена, что Хадсен покаялся. Эту уверенность дал ей спустя несколько дней Святой Дух.

Несколькими днями позже Хадсен под большим секретом рассказал своей сестре Амелии о том, что случилось, не позволив ей никому говорить об этом. Через две недели вернулась мать, и Хадсен был первым, кто приветствовал ее у двери.

– Мама, у меня для тебя хорошая новость!

Счастливая мать обняла своего сына и сказала:

– Я знаю, мой мальчик! Я уже две недели радуюсь этому!

– Значит, Амелия не сдержала свое слово? Она же так твердо пообещала мне, что никому не скажет ни слова!

– Амелия ничего мне не говорила. Никто мне не говорил этого, но все же я знаю, что ты покаялся. Это ответ на мои молитвы.

Вскоре в руки Хадсена попала записная книжка, которую он вначале принял за свою собственную. Прежде, чем он заметил, что она принадлежит сестре, он прочитал короткую запись, сделанную несколько недель назад: «Я каждый день буду молиться о покаянии Хадсена». Молитвы Амелии были услышаны в течение одного месяца.

Лето 1849 года было счастливым временем для Тейлоров. Хадсен мог снова ясно и уверенно смотреть в будущность, и отношения отца с сыном наладились. Как благодарны были Богу мать и дочь! Все искреннее и сердечнее становились отношения между Хадсеном и Амелией. Они решили, что в воскресенье вечером будут ходить не на богослужения, а в бедные кварталы Барнсли. Они шли от дома к дому, раздавали трактаты и свидетельствовали о своей вере во Христа.

Но потом все изменилось. Амелию отправили в интернат в Бартон-апон-Хамбер, которым руководила сестра их матери, миссис Ходсен. Вместо нее на учебу к дяде Джеймсу приехал старший сын тети, Джон. Хадсен, который искал тишины и покоя, никак не мог привыкнуть к веселому и необузданному нраву Джона.

И все же, хотя Джон часто прерывал его, Хадсен начал буквально проглатывать Библию. Но потом у него наступил новый кризис: ему все тяжелее было молиться, и Библия снова казалась ему пресной и скучной.

Преодолеть это тяжелое время ему помогли три обстоятельства. Во-первых, статья в газете «О красоте освящения». Прочитав ее, он понял, что стремиться к добру все-таки стоит. Во-вторых, как новый член церкви он получил открытку с текстом из Иез. 36,26: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное».

– Дорогой Господь, – молился тогда Хадсен, – пожалуйста, возьми мое каменное сердце и дай мне плотяное! Помоги мне доверять обетованиям Твоего Слова!

В-третьих, в церкви на Пит-стрит проходила евангелизация, и Хадсен принимал участие в ее проведении. Во время этих богослужений покаялись сотни людей.

В воскресенье Хадсен из-за простуды остался дома. Он использовал эту возможность, чтобы написать письмо своей любимой сестре. Он писал: «Слава Богу, я счастлив в Его любви. Но я не заслужил всех Его благословений. Как часто я не могу противостоять искушениям! Ты знаешь, как я склонен к поверхностным суждениям, как часто ищу для себя удовольствий, как охотно посмеиваюсь над другими. Молись за меня, дорогая Амелия, молись за меня! Я еще так далек от настоящего освящения».

В тот вечер он долго разговаривал с Богом в своей комнате, прислушиваясь к Его голосу. Он чувствовал присутствие Божье. Снова и снова он благодарил Иисуса за то, что Он сделал для него.

– Дорогой Господь, – молился Хадсен, – дай мне возможность служить Тебе. Я этим хочу выразить Тебе мою любовь и благодарность.

После молитвы Тейлору стало совершенно ясно, как он должен провести остаток своей жизни. «Казалось, что я заключил завет со Всемогущим. Я уже не мог отказаться от своего обещания. Я почувствовал, что моя молитва услышана. И с этого мгновения я был твердо убежден, что должен идти в Китай».

Глава 2

Срединная империя

Распространение Евангелия в Китае с самого начала было связано с приключениями. В 431 году Несторий был приговорен к смерти как еретик, но уже в конце пятого столетия церковь Персии официально стала называться несторианской. Влияние этой церкви распространялось все дальше на восток. В 635 году несторианский христианин Алопен дошел до Китая, до столицы царства Танг. Император приветливо принял его, желая все узнать о христианстве. Услышанное понравилось ему, и он повелел, чтобы эта вера распространялась в его царстве.

Больше двух столетий продержалось в Китае несторианское христианство. В стране, которая находилась под влиянием буддизма, эта форма христианства существовала в основном в монастырях, и влияние монахов мало распространилось за монастырские стены.

В 845 году очередной император Танга начал преследовать монахов, и несториане оказались в тяжелом положении. Христианская религия была запрещена, все монастыри закрыты, и монахи были вынуждены вернуться к гражданской жизни. Многие столетия в Китае христианской церкви практически не существовало. Один монах, который в 987 году вернулся в Европу, сообщил, что во всем Китае он не смог найти ни одного христианина.

В тринадцатом столетии монгольский правитель Чингисхан, захватив Северный Китай, повелел признать равноправными все религии. И вновь в Центральной Азии появилась несторианская церковь, а в 1275 году в Пекине, новой столице хана Хубилая, внука Чингисхана, был назначен епископ.

В то время путешественник и первооткрыватель Марко Поло несколько раз посетил Китай. После первой поездки по Китаю Марко Поло и его дядя привезли послание Хубилая папе Римскому. В нем император просил прислать в его страну сто христианских ученых. Они должны в диспуте доказать ученым в царстве Хубилая превосходство христианства над другими религиями.

Прошло двадцать лет, пока просьба императора была исполнена. Папа Римский послал в Китай Иоанна из Монте

Корвино. В 1294 году он прибыл в Пекин и был сердечно принят преемником Хубилая Тимуром. Посланнику папы не удалось убедить императора покаяться, так как его сердце «слишком сильно охладело из-за служения идолам». Но Иоанн построил церковь и утверждал, что до 1305 года крестил шесть тысяч человек. Папа Клементий V посвятил Иоанна в сан епископа, но после смерти Иоанна в 1328 году в Китае снова наступил упадок христианской церкви.

В 1557 году португальцам удалось обосноваться в маленькой провинции Макао вблизи Гонконга. Эта колония стала исходным пунктом деятельности многих миссионеров, в том числе и иезуита Маттео Риччи, одного из знаменитейших римско-католических миссионеров на Востоке. В 1600 году Риччи пришел в Пекин и завоевал признание императора как необычайно способный часовщик и составитель географических карт. Десять лет Риччи жил в столице, и за это время там возникла церковь численностью в две тысячи членов. В нее входили дворяне и знаменитые ученые. Была введена китайская литургия, а также выпущена христианская литература на китайском языке.

Риччи, как и многие другие миссионеры после него, особенно боролся с двумя проблемами: какие подобрать слова на китайском языке для христианских выражений и как старые обычаи китайцев привести в соответствие с христианской верой. Чтобы христианство стало приемлемо для китайцев, оно должно быть китайским, а не иностранным. Но это было легче сказать, чем сделать.

После долгих исследований и размышлений Риччи пришел к заключению, что китайские ритуалы конфуцизма и почитания предков, не имели никакого духовного значения. Это означало, что те, кто обращался в христианство, мог по своему желанию соблюдать эти ритуалы. И Риччи предоставил китайским христианам самим избирать, что им делать, а что – нет.

Преемником Риччи был немецкий иезуит Иоанн Адам Шалл фон Белл, который в 1622 году приехал в Пекин. Шалл был грамотным человеком, астрономом, умеющим предсказывать затмение солнца и луны. Он даже был введен в круг ученых, которые отвечали за разработку календаря.

Христианская церковь постоянно росла. Все большее число людей принимали крещение, среди них была и одна из жен императора со своим ребенком.

В семнадцатом столетии другие ордена католической церкви – прежде всего францисканский и доминиканский – достигли Китая и имели успех в своей миссионерской работе. В 1674 году впервые в сан епископа был посвящен китаец. Но постоянно возникали споры о том, какие китайские выражения можно использовать для слова «Бог» в литургии и насколько китайские христиане могут практиковать традиционные китайские обычаи. Отношения между Ватиканом и китайской церковью становились все напряженнее.

В восемнадцатом столетии гонения на христиан в Китае усилились. Все меньше людей осмеливались посещать собрания, многие церкви были разрушены. Так к концу столетия работа римско-католических священников в Китае стала практически невозможной, хотя некоторые продолжали трудиться тайно и при этом часто рисковали своей жизнью.

Должно быть, отец Хадсена Тейлора часто рассказывал сыну о Роберте Моррисоне, первом протестантском миссионере в Китае. В сентябре 1807 года он на американском корабле прибыл в Гуанчжоу (бывший Кантон). Довольно долго ему пришлось скрываться, но в 1809 году его приняли переводчиком в Восточно-Индийскую Компанию. Это обеспечило ему защиту и постоянный заработок. Со временем он стал знатоком китайской литературы и мудрости, «одного из величайших даров, которые Бог когда-либо дарил какому-то народу».

Более двадцати пяти лет Моррисон оставался в Гуанчжоу, единственном месте Китая, где европейцы смогли утвердиться на долгое время. Моррисон был твердо убежден, что китайцы нуждаются во Христе. Поэтому он долго и упорно работал, чтобы усвоить китайскую культуру и язык. Ибо – в этом он был совершенно уверен – только так можно с успехом возвещать Евангелие.

В 1814 году принял крещение первый уверовавший через Моррисона китаец, а в 1819 году Моррисон завершил полный перевод Библии на китайский язык. После этого он довел до конца свою работу над большим китайским словарем. Все больше китайцев каялись в своих грехах, и один из них уже работал евангелистом среди своего народа.

Но когда в 1834 году Моррисон умер – Хадсену Тейлору было тогда два года – то с евангелизацией Китая дело обстояло так же плохо, как и до его приезда. За это время в Китай приехало всего

трое миссионеров для служения Богу: Вальтер Медхерст, печатник, который путешествовал во внутренних областях Китая, раздавая христианскую литературу на китайском языке; доктор Веллс Уильям, который с 1833 года долго трудился в Китае и в свое время написал замечательную книгу под названием «Срединная империя»; и, наконец, американский хирург Петр Паркер, открывший в Гуанчжоу глазную клинику. Своей работой он смог опровергнуть многие предубеждения китайцев по отношению к миссионерам.

Хадсен Тейлор был еще очень молодым человеком, когда в Англии стало известно имя Карл Гютслаф, который был членом голландского миссионерского общества, а позднее – переводчиком британского посольства в Гонконге. Его книги взволновали многих христиан, а о его путешествиях вдоль китайского побережья сообщали торговцы, морские офицеры и политики. Богатый идеями, он находил все новые оригинальные и необычные пути, по которым сами китайцы могли бы нести Евангелие во все восемнадцать провинций. Например, для того чтобы распространять Библию внутри страны и наставлять людей, он образовал «Китайский христианский союз».

Но, казалось, все мероприятия были напрасны. Гютслаф был горько разочарован китайскими евангелистами. Почти все они обманывали его и курили опиум. Они писали сообщения о путешествиях, которых не совершали, прилагали списки покаявшихся, которых на самом деле не было. Когда это обнаружилось, Гютслаф, не подозревавший об этих проделках, был глубоко потрясен. Он хотел возобновить работу среди китайского населения, но умер прежде, чем чего-то достиг.

Китайцы враждебно относились к иностранцам, а это означало, что едва ли кто-то сможет продвинуться за границы Гуанчжоу. Полвека христиане в Англии молились о том, чтобы миссионеры более свободно могли трудиться в Китае. Но это стало возможным только после того, как западные страны оказали на Китай финансовое и политическое давление. В 1839 году между Китаем и Англией разразилась война по причине ввоза наркотиков, так как британцы, невзирая на протесты Китайского правительства, настояли на том, чтобы и дальше импортировать в Китай индийский опиум. Конечно, распространению христианства в Китае препятствовали и другие обстоятельства: например, ограничение китайцами внешней торговли, их нежелание исполнять определенные обязанности, а также их неприязнь к иностранцам.

В 1842 году война закончилась. С подписанием договора в Нанкине европейцам удалось добиться некоторых преимуществ. Так, Гонконг стал британской колонией. Кроме того, было открыто пять портовых городов, в которых имели право жить иностранцы, – Гуанчжоу, Сямынь (Амой), Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Иностранцам также дали право быть судимыми по своим собственным законам, у них были судьи и адвокаты из своих стран. В каждом порту были консулы, которые имели такую же власть, как и высшие китайские служащие – мандарины. Британским гражданам, по крайней мере на бумаге, была гарантирована свобода от всех ″беспокойств и ограничений″. Хотя в религиозной области договор едва ли мог чего-то достичь, было ясно, что миссионеры, как и торговцы, были твердо намерены использовать новые привилегии.

Разумеется, миссионеры нисколько не поощряли войну, но они считали, что Бог использовал это прискорбное событие, чтобы открыть Китай для Евангелия. Но позднее представления китайцев, что миссионеры и христианство пришли к ним в ходе военных событий, скорее мешали их работе.

Когда британские христиане узнали о подписании договора в Нанкине, они поняли, какие возможности открылись для них. Дверь для них была открыта! Миссионеры могли изучать китайский язык на китайской земле, они даже могли строить дома, школы, больницы и церкви в британских и иностранных поселениях и портах.

Восхищаясь новыми возможностями, а также мыслями и энергией Гютслафа, деловые британские люди стали издавать новый журнал: «Собиратель колосков на миссионерском поле». Целью этого журнала было содействие заокеанской миссии. Начиная с первого выпуска в марте 1850 года, этот журнал постоянно читался в доме Тейлоров. К тому же Хадсен обнаружил в Лондоне общество «Китайская ассоциация». Целью этого общества была подготовка китайских евангелистов и достижение с помощью уже созданных миссий распространения Евангелия в еще не достигнутых областях Китая.

Хадсен написал секретарю общества и попросил прислать ему все, что могло бы помочь ему сделать работу «Китайской ассоциации» известной в кругу его друзей.

Когда Хадсен узнал, что у пастора одной из церквей в Барнсли есть книга печатника Медхерста «Китай сегодня и его будущность», он сразу попросил ее на время.

– Я охотно дам тебе эту книгу, – сказал пастор. – Но почему ты так интересуешься этим?

– Бог призвал меня на миссионерское служение в Китае, и я хочу посвятить этому свою жизнь, – ответил Хадсен без промедления.

– А как ты хочешь попасть в Китай? – с удивлением спросил пастор.

– Этого я еще не знаю. Может быть, я должен пойти туда, как двенадцать или семьдесят учеников Иисуса пошли в Иудею – без посоха, сумы, пищи или денег. Только в надежде на Господа.

Пастор мягко и дружелюбно положил руку на плечо Хадсена.

– Ах, мой мальчик, когда ты подрастешь, то станешь более разумным, чем теперь. Такая идея была неплохой для тех дней, когда Христос жил на земле. Но сегодня…

Еще много лет Хадсен вспоминал этот разговор. «Я теперь стал намного старше, но нисколько не разумнее. Более того, я убежден: если мы полностью доверимся указаниям и обещаниям, которые Господь дал своим первым ученикам, то очень скоро убедимся, что Божьи обещания в наше время так же действенны, как и во времена Христа».

В своей книге Медхерст не раз подчеркивал, что в миссионерском служении очень важно иметь медицинские познания. И Тейлор решил в первую очередь заняться изучением медицины. Кроме этого он начал упражнять свое тело – отказался от перины и других удобств, чтобы лучше подготовиться к жизни в Китае.

С большим воодушевлением он стал изучать китайский язык. Для этого нужно было «тело из стали, легкие из благородных металлов, голову из дубового дерева, руки из железа, глаза орла, сердце апостола, память ангела и жизнь Мафусала». Так однажды написал один миссионер – и Хадсен придерживался этого в своей жизни. У него не было учебника по китайской грамматике, не было словаря, но у него было Евангелие от Луки на китайском языке, которое кто-то подарил ему. Он начал изучать его вместе со своим двоюродным братом Джоном. Они выбирали короткий стих из Евангелия и искали другие английские стихи, содержавшие это же слово. Затем смотрели эти стихи в китайском Евангелии, тот знак, который встречался во всех этих стихах, они записывали на листок, напротив соответствующего слова на английском языке и с усердием искали, где этот знак еще встречается в китайском

тексте. Если во всех местах они находили одно и то же слово и в Евангелии на английском языке, то записывали этот знак в свой словарь и писали предполагаемое значение карандашом. Если их дальнейшее изучение подтверждало, что это значение правильно, то записывали чернилами.

Таким образом, друзья со временем выучили большинство обиходных китайских знаков.

Хадсен теперь всегда вставал в пять часов утра. «Если я хочу трудиться в Китае, то должен еще многому научиться, – писал он своей сестре Амелии. – Поэтому должен основательно подготовиться. Я хочу обновить свои знания латинского языка, выучить греческий и немного еврейский. И вообще мне хочется узнать все о Китае. Молись обо мне. Я очень нуждаюсь в твоей молитве».

На Рождество 1849 года Амелия на несколько дней приехала домой в отпуск. Она привезла с собой подругу – жизнерадостную Марианну Вейган, одну из учительниц тетиной школы. Хадсену понравилась эта девушка. Почти все в семье Тейлоров имели музыкальные способности и играли на рояле. Но что это было по сравнению с игрой Марианны! Слушая ее игру и пение, Хадсен возносился в небесные сферы. Марианна была очень привлекательна, и, казалось, ей тоже понравился брат ее подруги. Во время каникул, проведенных совместно с Амелией и Марианной в округе Пик, Хадсен по уши влюбился в Марианну. Поэтому неудивительно, что он не заметил слабый интерес Марианны к Китаю. Она слушала его воодушевленные рассказы вежливо, но равнодушно.

1850 год был для Хадсена очень беспокойным. Он был совершенно уверен в том, что Бог посылает его в Китай. Но правильно ли будет взять с собой Марианну? Мысль, отправиться в Китай без нее, была для него невыносима. Амелия посоветовала брату просить поддержку одного из известных миссионерских обществ. Таким образом, он сможет лучше всего позаботиться о Марианне.

– Очень хороший совет! – согласился Хадсен. – Но какого миссионерского общества?

У сподвижников Уэсли не было миссионерской станции в Китае. У англиканской церкви были одна или две, но Хадсен не принадлежал к этой церкви и вряд ли мог обратить на себя их внимание. Баптисты и некоторые другие церкви имели миссионерские станции, но Хадсен не мог согласиться с их взглядами. «Китайская ассоциация» же была очень бедной.

«Значит, только Бог и Он один – моя надежда. А что мне еще нужно?»

«Как ты думаешь, она подозревает, что я влюблен в нее? – спрашивал он Амелию в письме. – Интересуется ли она мной? Пожалуйста, ответь честно на мои вопросы».

Ответное письмо сестры, которое не сохранилось, привело Хадсена в замешательство. «Как часто я перечитывал твои письма, – писал он, – особенно последнее. Я переживаю одновременно и надежду, и страх. Но я твердо решил и этот вопрос доверить Богу».

Между тем Хадсен уже пять лет помогал отцу в аптеке и сам стал опытным аптекарем. Он считал, что теперь пришло время самому зарабатывать себе на жизнь. Став ассистентом врача, он получил бы медицинское образование и необходимые деньги. При этом он регулярно писал Джорджу Пирсу в «Китайскую ассоциацию», так что общество было твердо уверено, что сможет послать Хадсена Тейлора миссионером в Китай. Джордж Пирс обещал поддержку, а это означало, что «Китайская ассоциация» была готова оплатить затраты на медицинское образование Хадсена в Лондонской больнице.

Но Тейлор не мог принять это предложение, так как не имел средств для проживания в Лондоне. Но затем появилась неожиданная возможность: один из самых уважаемых врачей в Халле искал себе ассистента. Это был зять тети Анны, Роберт Харди. Для Хадсена это было Божьим водительством. Он принял приглашение доктора Харди и поехал в Халл.

Глава 3

Самостоятельная жизнь

В пятидесятые годы XIX столетия Халл был известен как рыбацкий город. Хадсен прибыл туда 21 мая 1851 года – в день, когда ему исполнилось девятнадцать лет. Роберт Харди жил и работал на Шарлотт-стрит, 13, – поистине «врачебной» улице. Харди не только имел частную клинику, но и работал хирургом в больнице, был доцентом медицинского факультета и лечащим врачом на многих фабриках.

Дом, увитый виноградом, показался Хадсену светлым и солнечным. Харди лично открыл ему дверь и приветствовал его. Хадсену он понравился с первого взгляда. Высокий и сильный, доктор Харди был очень сердечным человеком, к тому же он обладал чувством юмора. Пациенты любили его. Харди повел Хадсена в столовую, откуда можно было увидеть маленький сад, в конце которого находилась аптека. Он представил Хадсена своей жене, настолько же строгой и холодной, насколько ее муж был мягким и сердечным. С минимальной приветливостью она проводила Хадсена в его комнату. Затем сразу же началась работа.

В тот вечер Хадсен писал своей сестре: «Я еще точно не знаю, но думаю, что новая работа очень понравится мне».

Хадсен Тейлор быстро освоился на новом месте. Он выдавал медикаменты, вел бухгалтерский учет, перевязывал раны, ассистировал доктору Харди при родах и посещал лекции медицинского факультета. Харди рекомендовал ему некоторые учебники и терпеливо объяснял ему многое во время работы. Он был методистом и вел кружок по разбору Библии. Скоро они стали друзьями, которые не только вместе работали, но и часто вместе молились.

По воскресеньям Хадсен Тейлор ходил в церковь, которой руководил Эндрю Юкс. Богослужения там проводились по методу ранних плимутских братьев. Юкс посещал одну из знаменитейших школ Англии, Харроу, и раньше был дьяконом англиканской церкви. Это был способный учитель, который своими проповедями мог побудить слушателей к размышлению. Вместе с другими членами церкви Хадсен Тейлор начал евангелизационную работу в доках Халла.

В этой церкви Хадсен услышал о замечательном человеке – Георге Мюллере из Бристоля. В духовном росте Хадсена и его жизненном пути этот христианин сыграл значительную роль. В молодости Мюллер был никчемным человеком – пьяницей и мошенником. Но потом, во время учебы в Галле (Германия) он покаялся. Став пастором церкви в Бристоле, Мюллер очень скоро заметил, что не так уж много людей верили в то, что Бог поистине слышит молитвы. И это в его церкви! Тогда он стал искать возможность показать им, «что Божьи ответы на молитвы – реальность». Так он, во всяком случае, выражался.

Это было именно то время, когда Чарльз Диккенс своей книгой «Оливер Твист» привлек внимание читателей к страданиям детей-сирот. Мюллер размышлял: «Если мне удастся построить и содержать дом сирот только молитвой веры, тогда это будет поистине доказательством веры, и даже неверующие должны будут признать, что Бог реален!»

В 1836 году в арендованном здании в Бристоле Мюллер основал свой первый сиротский приют. В 1849 году состоялось открытие его собственного дома в Эшли Даун, недалеко от Бристоля. В 1851 году он заботился о трехстах детях, планировал дальнейшее развитие дела и при этом мог посылать большие суммы миссионерам по всему миру. Георг Мюллер никогда не призывал жертвовать, никогда не просил никого из людей о поддержке – он полностью полагался на молитву и веру в великого Бога.

В то время журнал «Собиратель» выпускался Китайским Евангелизационным Обществом (ранее «Китайской ассоциацией»). Хадсен Тейлор часто читал в нем о работе другого немца, Вильгельма Лобшайда, и восхищался им. Лобшайд работал совместно с Гютслафом и был одним из тех немногих, кто из собственного опыта знал, какие миссионерские возможности, кроме договорных портов, имеются в Китае.

В сентябре 1851 года журнал «Собиратель» сообщил, что Лобшайд находится в Англии. В газете звучал призыв идти в Китай. Прежде всего, там были нужны евангелисты с медицинским образованием.

Хадсен Тейлор решил обязательно поехать в Лондон, чтобы познакомиться с Лобшайдом. В Хайд парке скоро должна была состояться знаменитая мировая выставка. Новый Кристальный дворец предоставил сотни мест для выставочных стендов, недо-

рогие поезда из всех частей страны приглашали многих принять участие в этом большом событии.

20 сентября Амелии исполнялось шестнадцать лет. Роберт Харди дал Хадсену неделю отдыха, а его дядя, Бенджамин Хадсен, предложил молодым людям комнату в своей квартире в Сохо. Приблизившись к сверкающему дворцу на площади Пикадилли, оба были очарованы его блеском. Они долго ходили по выставке, а затем – в честь дня рождения Амелии – пообедали в одном из знаменитых ресторанов. На десерт им подали сочный ананас – неслыханный деликатес в то время.

После обеда они пешком пошли по переполненным, шумным улицам к английскому банку, где Хадсен договорился встретиться с Джорджем Пирсом, который в то время был не только секретарем Китайского общества, но и членом биржи. Он предложил им вместе посетить в воскресенье быстро растущую братскую общину на Брук-стрит-Чэпел в Тоттенхеме. Там Тейлор, наконец, встретился с Лобшайдом.

Миссионер испытующе посмотрел на симпатичного молодого блондина из Барнсли.

– Китайцы называют меня рыжим дьяволом, – улыбаясь, сказал он. – А Вы видите, что я довольно темноволосый. Но, когда я смотрю на Вас, то думаю, что люди, скорее всего, с ужасом убегут от Вас. Вас никто не захочет слушать.

– И все же, Бог призвал меня на это служение, – спокойно ответил Хадсен Тейлор, – хотя Он отлично знает цвет моих глаз и волос.

Прошло немного времени, и Лобшайд изменил свое мнение.

Так как комната в доме Роберта Харди, в которой жил Хадсен, понадобилась другому члену семьи, то вскоре он переселился к своей тете Ханне, которая жила на площади Кингстон, недалеко от клиники и медицинской школы, где он посещал лекции.

Фотограф Ричард и его жена Ханна, художник-портретист, жили не очень богато, но они были очень великодушными и добродетельными. У них не было детей, и они с радостью приняли сына Амелии. Широкий круг их друзей в Халле вносил в жизнь большое разнообразие, и Хадсену нравилась теплая атмосфера, царившая в доме, особенно когда на выходные из Бертона приезжала его сестра.

Но Хадсена беспокоил один вопрос. Изучая соответствующие места Священного Писания, он решил отдавать на дело Божье

хотя бы десятую часть доходов. К его доходам относилась и та сумма, которую он платил тете Ханне за жилье и пропитание. Давать ли ему и от этого десятую часть? Если же он будет отдавать на дело Божье десятую часть всех доходов, то у него не останется достаточно средств для жизни. Поэтому он решил найти более дешевую квартиру.

В нескольких минутах ходьбы от города у канала Коттингхэм Дрейн, находился рабочий поселок. Здесь Хадсен в совершенно новом доме нашел подходящую комнату на первом этаже. Дом под номером 30 принадлежал капитану парохода Финчу, который больше находился в плавании, чем дома. Его жена, христианка, сдала Хадсену комнату за три шиллинга в неделю. В комнате размером 13 квадратных метров стояли только стол, стул и кровать. Но зато в ней был открытый камин, отделку которого миссис Финч полировала с большим усердием.

Из окна своей комнаты Хадсен мог наблюдать, как голубые зимородки и цапли ловят рыбу, и как птицы строят в камышах гнезда. Соседи ставили в воду кувшины с молоком, чтобы оно оставалось холодным. В морозные зимние вечера Хадсен часто разделял общение с Финчами, ощущая их сердечность и теплоту. Иногда он позволял себе разжигать огонь в камине.

22 марта 1852 года Хадсен сообщил матери, что у него и его друзей из церкви Эндрю Юкса появилась уверенность в том, что Бог скоро пошлет его в Китай.

Хадсен очень основательно готовился к этому путешествию. Он наметил для себя две цели: научиться быстро и рассудительно выходить из всех трудных ситуаций, а также научиться жить как можно экономнее. Очень скоро он заметил, что можно расходовать на жизнь намного меньше средств, чем ему казалось раньше. В одном из писем он написал матери о темных булочках, которые стоили так же, как белый хлеб, но были гораздо вкуснее. Итак, на завтрак он ел булочки с селедкой, которая была дешевле масла, и пил кофе. На обед у него обычно была жареная картошка с языком и кусочек сливового или яблочного пирога или рисовый пудинг. Иногда вместо картофеля он варил горох и изредка покупал рыбу. Хадсен восторженно писал о маленьком магазине, где мог купить сыр за 4-6 пенсов за фунт, который, по его мнению, был намного лучше сыра, который дома стоил 8 пенсов. За 1 пенни он покупал краснокочанную капусту и мариновал ее с уксусом.

Так как Хадсен питался дешево и «оригинально», он мог отдавать до 60% своего дохода. При этом он обнаружил: чем больше он давал, тем счастливее становился! «Целый день я имел невыразимую радость, и так было каждый день. Да, мой Бог был живой чудесной реальностью, и все, что я делал, было радостным служением для Него».

Но все же у Хадсена было чувство, что он должен еще больше тренировать свои «духовные мускулы», так как он говорил себе: «Если я пойду в Китай, то ни от кого ничего не могу требовать. Я должен полностью надеяться на Бога. Поэтому я должен уже теперь учиться влиять на человека только с Божьей помощью и молитвой».

Глава 4

Удачный заем

– Напоминайте мне, пожалуйста, когда Вы должны будете получать зарплату, – попросил Роберт Харди Хадсена Тейлора.

Хадсен же решил никогда не напоминать о зарплате своему шефу, но просить об этом Бога. Это была для него чудесная возможность!

Одно время все шло хорошо. Но затем он три месяца подряд не получал зарплаты, так как Харди совершенно забыл об этом. Когда Тейлор хотел в субботу вечером посчитать свои деньги, он к своему ужасу обнаружил, что у него осталась одна-единственная монета – полкроны. Он стал взывать к Богу о помощи.

На следующее утро после богослужения Хадсен как обычно шел по неровной полевой дороге к докам Халла. Здесь, в доходных домах, в нищете и тесноте жили сотни ирландских рабочих. Эта местность пользовалась дурной славой из-за насилия и преступлений, так что полицейские решались показываться там только группами не менее шести человек. Хадсен работал у любимого всеми доктора Харди, возможно поэтому он осмеливался в одиночку посещать тамошних пациентов, раздавать трактаты и даже проповедовать перед маленькими группами.

«Тогда, – писал он позже, – мне временами казалось, что небо очень близко ко мне, и моя радость все увеличивалась».

Этим вечером, часов в десять, к Хадсену подошел мужчина, в речи которого слышался сильный ирландский акцент:

– Моя жена лежит при смерти. Пожалуйста, придите и помолитесь о ней!– попросил он.

– Почему же вы до сих пор не позвали священника? – удивился Тейлор.

– Я хотел. Но он отказал, так как я не мог заплатить ему восемнадцать пенсов. У меня нет таких денег! У нас даже есть нечего.

Тейлор подумал о своей полкроне. Это было все, что он имел, и это была одна монета. Этих денег было достаточно для одного завтрака, но не для обеда.

– Почему же вы не обратились в пункт обеспечения?

– Я обратился. Мне назначили там встречу на завтра. Но я боюсь, что моя жена не переживет эту ночь.

«Если бы у меня вместо этой полкроны было два шиллинга и шесть пенсов, – размышлял Тейлор, – как охотно я дал бы этим бедным людям один шиллинг!»

Он последовал за незнакомцем. Они вошли во двор, и Хадсен вспомнил, что недавно заходил сюда. В тот раз люди разорвали трактаты на куски и грозились сделать еще худшее, если он еще раз появится там. С опаской он проследовал за мужчиной по узкой лестнице наверх в грязную комнату.

Пятеро исхудалых детей молча уставились на него. Обессиленная мать лежала на кровати и держала на руках новорожденного.

«Ах, если бы у меня было два шиллинга и шесть пенсов», – снова подумал Тейлор.

– Не отчаивайтесь, – неожиданно услышал он собственный голос. – У нас есть добрый и любящий Небесный Отец.

Но что-то внутри обвиняло его: «Лицемер! Ты говоришь этим людям о любящем Отце, а сам не готов доверять Ему, так как у тебя в кармане только одна монета!»

Поэтому он обратился к мужчине:

– Вы просили меня прийти к вам и помолиться о вашей жене.

– Да, сэр.

Хадсен склонился на колени.

– Отец мой Небесный, – начал он.

Но совесть снова начала осуждать его: «Ты с полкроной в кармане осмеливаешься склоняться на колени и называть Бога Отцом?» Он едва смог закончить молитву.

– Вы видите, как обстоят у нас дела, сэр, – сказал мужчина. – Если можете, то ради Бога, помогите нам!

Тейлор посмотрел на него, затем на жену и детей.

Ему невольно пришли на память слова: «Просящему у тебя дай...». Он сунул руку в карман и вытащил полкроны.

– Вы, конечно, думаете, что это очень мало, – сказал он нерешительно, протягивая монету. – Но это все, что у меня есть. Это мои последние деньги. Но то, что я рассказал Вам – истинная правда. Бог – действительно Отец, Которому мы можем доверять.

Когда Хадсен в тот вечер по опустевшим улицам и по неровной степной дороге спешил домой, у него на сердце было так же легко, как в его кармане. Дома он съел корку хлеба с жидкой овсяной кашей. Но он не променял бы этот скудный ужин на праздничный обед короля.

– Дорогой Господь, – молился Хадсен, склонившись у своей постели, – Твое Слово говорит, что кто дает бедным, дает взаймы Господу. Пожалуйста, верни мне как можно скорее этот долг, иначе завтра я останусь без обеда!

Женщина и ее новорожденный ребенок выжили. Тейлор же теперь точно знал, что он потерпел бы крушение в своей духовной жизни, если бы в этой ситуации не проявил смелость – вполне довериться Богу.

Когда на следующее утро Тейлор завтракал, в дверь постучал почтальон, и миссис Финч принесла Хадсену письмо. Почерк был незнаком ему, и к тому же миссис Финч своими мокрыми руками стерла почтовый штемпель. Когда он открыл конверт, то увидел в нем пару лайковых перчаток. С удивлением он взял их, и тут на пол упала золотая монета в десять шиллингов.

– Слава Господу! – восторженно воскликнул он. – Вот это да! Четыреста процентов за двенадцатичасовую инвестицию! Таким процентам позавидует коммерсант Халла!

Он решил всегда свои деньги вкладывать в банк, «который никогда не обанкротится» – как выразился однажды Георг Мюллер. «Если мы верны в малом, – думал он, – тогда можем получить столько опыта и силы, что сможем выстоять и в самых тяжелых жизненных испытаниях».

Этот случай укрепил веру Тейлора. Но даже в те времена десять шиллингов хватало ненадолго, и уже вскоре у Тейлора снова появились денежные проблемы.

Казалось, Бог не слышит его молитвы. Через десять дней он снова был в подобном затруднительном положении.

– Дорогой Господь, напомни доктору Харди о том, что он уже давно не дает мне зарплату, – усиленно молился он.

На этот раз для Тейлора дело было не просто в деньгах. Ведь если сила его молитвы недостаточна, как ему тогда со спокойной совестью ехать в Китай?

В субботу Тейлор должен был заплатить за комнату миссис Финч. «Может быть, ради нее надо все же поговорить о зарплате с Харди? – думал он. – Но это будет означать, что я не годен в миссионеры».

Поэтому он, два дня – четверг и пятницу – каждую свободную минуту посвящал усиленной молитве. В субботу он молился:

– Дорогой Отец Небесный, пожалуйста, дай мне ясность, следует ли мне поговорить с доктором Харди о зарплате.

Но ему казалось, что Бог говорит: «Подожди еще! Я знаю более подходящее время». Теперь Тейлор был уверен, что Бог каким-то образом будет действовать. И он успокоился.

В пять часов вечера Тейлор и Харди были вместе на работе. Врач закончил свои посещения и подготовил все рецепты. Он уютно откинулся в своем кресле и начал говорить о том, о сем.

Тейлор повернулся к нему спиной и внимательно смотрел на лекарство, которое подогревал в тигле. Вдруг Харди стукнул себя ладонью по лбу:

– Тейлор, разве еще не наступил срок Вашей зарплаты?

Хадсен был так взволнован, что едва ли мог ответить. Продолжая смотреть на тигель, он как можно спокойнее ответил:

– Да, уже давно.

– Почему же Вы не напомнили мне об этом! Вы же знаете, в какой суете я живу. Как ужасно, что я раньше не вспомнил об этом! Но сегодня после обеда я отнес все деньги в банк, а то я мог бы сейчас все выплатить Вам.

От волнения Тейлору стало плохо. К счастью, лекарство как раз начало кипеть, и Харди ничего не заподозрил, когда Хадсен с тиглем в руках выбежал из комнаты. Ни за что на свете он не хотел, чтобы врач заметил его волнение.

Весь субботний вечер Тейлор пробыл в клинике, читая Библию и готовясь к беседам с людьми. Было около десяти часов вечера, когда он надел свое пальто, собираясь идти домой. У него был свой ключ, и он надеялся, что миссис Финч уже пошла спать. Может, он сможет заплатить за комнату на следующей неделе.

Он уже хотел погасить свет, как услышал в саду шаги доктора. Харди громко смеялся.

– Тейлор, дайте мне кассовую книгу. Вы не поверите! Один из моих богатых пациентов только что пришел и оплатил свой счет. Наличными!

Хадсен действительно удивился, что этот человек, который буквально плавал в деньгах, пришел поздно вечером, чтобы оплатить счет. Еще удивительнее было то, что он не использовал для этого чек, а заплатил наличными.

Харди занес сумму в кассовую книгу и уже направился к дверям. Вдруг он повернулся к Тейлору и сунул деньги ему в руки.

– Ах, Хадсен, я же могу отдать эти деньги Вам в счет зарплаты! Я точно не знаю, сколько я Вам должен, но мы можем рассчитаться на следующей неделе.

Тейлор шел домой, громко и радостно прославляя Бога. И неудивительно! Если дела обстоят именно так, то он мог ехать в Китай!

В мае 1852 года в журнале «Собиратель» сообщалось, что «Китайское Евангелизационное Общество» переименовывается в «Китайский Евангелизационный Союз». Но миссионерское общество не только получило новое имя. Возросли и его цели. В будущем оно будет не только поддерживать миссионерскую работу в Китае, но и высылать туда миссионеров. Вильгельм Лобшайд должен стать их «первой ласточкой». Им стало ясно: для успешного распространения Евангелия миссионеры должны идти во внутренние области Китая, не оставаясь только в пяти договорных портах. «Китай созрел для Евангелия, – писал «Собиратель». – Мы надеемся, что Бог пошлет еще одного миссионера из Европы, который будет работать в области медицины».

И этот кандидат – Хадсен Тейлор – уже собирался в Лондон, чтобы закончить там медицинское образование. Но как ему оплачивать свою учебу и проживание в Лондоне? Он все еще переживал, что не сможет поехать в Китай, не проверив свое упование на Бога еще несколько раз. Время проживания в Лондоне давало ему для этого хорошую возможность.

Отец Хадсена был готов заботиться о сыне во время его учебы в Лондоне. Это была значительная жертва! Свою поддержку ему также предложил комитет миссии КЕС (Китайский Евангелизационный Союз). Хадсен написал своему отцу и в КЕС и попросил несколько дней на обдумывание. Обоим он сообщил о предложении другого.

После того как он помолился, ему стало ясно, что он откажется от обоих предложений – не уведомляя никого о своем решении. КЕС не будет знать, что он в этом вопросе хочет полностью положиться на Бога, а его отец будет думать, что он принял предложение КЕС.

Хадсен заказал место на пароходе из Халла в Лондон. Попрощаться с ним пришла Амелия. Она провела свой семнадцатый день рождения у брата и осталась провести последние дни перед отъездом у него в Коттинхэме.

В пятницу, 24 сентября 1852 года, пароход «Лондон» с Хадсеном Тейлором на борту отошел от пирса в Халле. Прощание с сестрой было нелегким. Он долго махал рукой ее уменьшающейся фигурке в кринолине и нарядном чепчике. По ее щекам беспрепятственно текли слезы.

Глава 5

От воды и хлеба к бифштексам и портвейну

Хадсен Тейлор проснулся на рассвете. Пароход был уже в устье Темзы. Хадсен выбежал на палубу, желая в полноте насладиться светлеющим небом и спокойной гладью реки. К обеду они вошли в Лондонский порт.

Хадсен тут же пошел к пансиону мистера Раффлса на Черчстрит в Сохо, совсем недалеко от Шафтсбери-авеню. Там жил дядя Бенджамин, брат его матери, которого очень любили в семье, хотя некоторые считали его немного "мирским". С ним никогда не было скучно. Это был исключительно умный рассказчик.

Дядя Бенджамин сердечно обнял племянника, но очень невнимательно слушал Хадсена, когда тот говорил, что ему нужно молиться о водительстве Божьем. Вместо этого дядя хотел как можно быстрее познакомить его с некоторыми врачами из круга своих друзей, в надежде, что один из них предложит Хадсену место учебы.

Совсем недалеко от пансиона жил кузен Хадсена Том. Он предложил Хадсену поселиться с ним в комнате, чтобы было меньше расходов. Хадсен с радостью согласился. Том не был христианином и поэтому с удивлением наблюдал, как его кузен читал Библию и склонялся на молитву.

При первой же возможности Хадсен пошел в бюро КЕС. Там у него попросили письменную характеристику от его матери и от доктора Харди.

«Ты можешь писать совершенно открыто, – ободрял он свою мать, – думаешь ли ты, что я возрожден, и серьезно ли я желаю пойти в Китай. Ты можешь написать все свои доводы, почему я могу или не могу стать миссионером. При этом у меня есть просьба. Не пиши как моя мать, но так, как будто речь идет о любой другой личности. И, прежде всего, – пиши открыто и честно! Ты же знаешь, как это важно».

Миссис Тейлор и доктор Харди написали свои письма.

Через две недели секретарь КЕС сказал Хадсену, что в следующем месяце он может начать работу в Лондонском госпитале в Уайтчепеле. КЕС будет финансировать его образование.

Шесть километров – от Сохо до Уайтчепела – Хадсен Тейлор каждое утро шел пешком. Вначале он шел городским кварталом Холборн, мимо погонщиков скота, гнавших быков на Смитфильд-рынок, затем поднимался по Людгейт-хил, шел дальше в тени кафедрального собора Св. Павла, вдоль Чипсайда, через Олдгейт до Уайтчепел-роуд. Но дорога не казалась ему длинной. Везде он видел что-то интересное, слушал звуки большого города, вдыхал его типичные запахи. По булыжной мостовой катились повозки, громкие окрики регулировали движение, бородатые евреи продавали старую одежду, а навстречу выбегали уличные девицы в своих красных блузках.

Утреннее путешествие заканчивалось, когда Тейлор достигал ворота и, проходя под аркой, попадал «в Лондон», как в народе называлась больница. Она могла принять триста больных. В то время больные переносили большие страдания. Единственным средством обезболивания был алкоголь. Очень часто Хадсен слышал крики пациентов, которых при операции держали помощники врачей или привязывали к столу. «Если больной громко кричит, это хорошо, – говорил один из старых хирургов. – Для врача это верный признак, что больной еще жив».

Хадсен Тейлор жил очень скромно. Когда вечером он шел домой, то покупал себе большую булку черного хлеба и просил пекаря разрезать ее пополам. Одна половина была предназначена на ужин, а другая – на завтрак. Каждое утро он, не поев, выходил из дому и съедал свой хлеб где-нибудь по дороге. Обед обычно состоял из нескольких яблок. И все же его здоровье было «хорошим», как он писал матери. Были даже люди, которые утверждали, что он стал поправляться! «Но этому можно было поверить только имея очень большое воображение», – добавлял он.

Через несколько недель после прибытия в Лондон к Хадсену обратилась с просьбой миссис Финч, его бывшая хозяйка. Ее муж как-то попросил его забирать в начале каждого месяца часть его зарплаты в пароходном бюро и посылать его жене. Миссис Финч писала, чтобы Хадсен как можно быстрее выслал ей следующую часть денег. Тейлор часто работал и учился до позднего вечера. Он решил послать ей свои деньги, а затем, когда у него будет время, взять себе в пароходном бюро деньги миссис Финч. Но когда он, наконец, пошел туда, то служащий сказал ему:

– Капитан Финч оставил свой пароход! Видимо, он пошел в золотоискатели.

– Что теперь будет со мной? – воскликнул Хадсен. – Я послал его жене свои деньги, и она вряд ли сможет вернуть их.

– Мне очень жаль, – ответил служащий. – У меня свои предписания, и я ничем не могу Вам помочь.

Хадсену в этот момент было не легко довериться Богу, но он попытался вспомнить, что он во всем зависит от Бога. «Хорошо, я доверяю Ему и не буду заботиться об этом».

В тот же вечер, сшивая несколько листов бумаги для заметок на лекциях, Тейлор уколол палец, но тут же забыл об этом.

На другое утро он вскрывал труп человека, который умер от тяжелого воспаления. Эта работа требовала большой осторожности, так как самая незначительная царапина из-за трупного яда могла стать смертельной.

В течение дня Тейлора все больше одолевала усталость. При обходе больных он вдруг почувствовал себя так плохо, что ему пришлось быстро выбежать на улицу. Стакан холодной воды привел его в чувство, и он вместе с другими студентами продолжил обход. Но Хадсену становилось все хуже. Во время послеобеденной лекции он едва был в состоянии держать карандаш. Во время следующей лекции в руке появились сильные боли.

Он пошел в комнату, в которой проводили вскрытия, закончил там свою работу и убрал инструменты.

– Я не знаю, что со мной, – пожаловался он обучавшему его врачу, – Мне очень плохо… – и описал свои симптомы.

– Все ясно! – взволнованно воскликнул врач. – Видно, во время вскрытия трупа Вы поранили себя. Вы смертельно больны.

– Это исключено! Я был очень осторожен – я в этом совершенно уверен! Я не порезался и не поцарапался.

– Но это не может быть ничего другое!

Врач обследовал руку Тейлора, но ничего не обнаружил. Тут Хадсен вспомнил, что накануне укололся.

– Я вчера укололся иглой, – сообщил он врачу. – Неужели эта ранка еще сегодня утром имела значение?

– Вполне возможно. Возьмите себе экипаж и быстро езжайте домой, приведите все свои дела в порядок. Вас уже ничего не спасет.

Отнюдь не ободряющее заключение! Но Хадсен не потерял самообладания.

– Если я не заблуждаюсь, то должен трудиться в Китае. Это значит, что я не умру. Но если я действительно не поправлюсь, то охотно пойду к моему Господу.

– Это все хорошо и прекрасно, – прервал его врач, – но теперь быстро езжайте домой! У Вас совсем мало времени! Скоро Вы ни на что уже не будете способны.

Хадсен Тейлор сначала хотел идти пешком. Но вскоре отказался от своего намерения, так как его силы иссякли, и он поехал в Сохо конкой. Придя в свою комнату, он попросил домработницу принести горячей воды и "как смертельно больной человек" убеждал ее, чтобы она стала христианкой. Затем он вымыл голову и сделал себе порез на пальце, в надежде, что часть отравленной крови выбежит, Но тут же потерял сознание из-за страшных болей.

Придя в себя, Хадсен обнаружил, что лежит на кровати. Добрый дядя Бенджамин пришел к нему и вызвал своего врача.

– Я чувствую, что мне не поможет никакой врач, – прошептал Хадсен слабым голосом. – Не трать деньги на врача.

– Глупости! – прогремел дядя Бенджамин. – Я сам оплачу счет!

После основательного обследования доктор сказал:

– Если Вы жили порядочной жизнью, то, возможно, переживете этот кризис. Но если Вы постоянно пили пиво и водку, тогда нет никакой надежды.

– Если трезвость имеет такое значение для моего выздоровления, – ответил ему Хадсен, – тогда никто другой не имеет больше шансов, чем я. Я уже несколько месяцев ем только черный хлеб и пью только воду.

– А теперь, – заметил врач, – Вы должны набираться сил. Предстоит тяжелая борьба. Вы должны каждый день выпивать бутылку портвейна и съедать столько бифштексов, сколько сможете.

Конечно, Хадсен не мог позволить себе такого удовольствия. Но дядя Бенджамин, который слышал предписание врача, позаботился о том, чтобы его племянник точно придерживался этой «диеты».

Однажды, придя к Тейлору, доктор увидел его сидящим на диване. Он растерянно уставился на него. Неужели его пациент без чьей-либо помощи спустился по лестнице?

– Теперь, как только у Вас появятся силы, Вы должны поехать в деревню. Там Вы сможете по-настоящему окрепнуть и выздороветь. Если Вы приступите к работе слишком рано, это может иметь плохие последствия.

После ухода врача Тейлор в полном бессилии упал на диван. Он начал молиться:

– Дорогой Господь, я совершенно осознанно никому не рассказывал о своей нужде, чтобы укрепилась моя вера. Но что же мне теперь делать? Я же никогда не смогу позволить себе поехать домой, так как у меня нет на это средств.

«Может, мне снова надо пойти в пароходное бюро, чтобы узнать о зарплате капитана Финча?» – подумал Хадсен.

– Но, дорогой Отец Небесный, – молился он, – я даже не могу позволить себе поехать туда на конке. И к тому же… у меня нет никакой уверенности, что я получу деньги. Может, я только воображаю, что Ты посылаешь меня туда? Может, это последняя соломинка, за которую я цепляюсь? Может это не Твоя воля и не Твое водительство?!

И все же Тейлор был уверен, что Бог посылает его в пароходное бюро. Но как ему попасть туда? С большими трудностями он спустился по лестнице, а до пароходного бюро надо было пройти три километра.

Позднее он писал об этом дне: «Мне вдруг стало ясно, что все, о чем я попрошу Бога во имя Христа, исполнится. Я попросил у Бога сил для долгой ходьбы и отправился пешком».

Итак, он пошел. После каждых двух-трех шагов он вынужден был отдохнуть, остановиться, отдышаться, прислониться к витрине магазина. Прежде чем идти дальше, он долго рассматривал витрины. Еще никогда Хадсен не интересовался ими! Наконец он достиг Чипсайде и устало опустился на ступеньки, ведущие в бюро на втором этаже.

Мимо Тейлора спешили люди, бросая любопытные взгляды на уставшего человека сидящего на ступеньках. Немного отдохнув, он поднялся в бюро. Какое счастье! Он увидел там того же служащего, что и в последний раз. Мужчина испуганно посмотрел на Тейлора.

– Господин, вам плохо?

– Я был тяжело болен, – ответил Тейлор, – и врач посоветовал мне поехать в деревню, чтобы поправиться. Поэтому я хотел еще раз заглянуть к Вам и спросить, что нового Вы знаете о капитане, который ушел на золотые прииски.

– Я очень рад, что вы пришли, – облегченно сказал мужчина. – За это время выяснилось, что золотоискатель – это совсем другой человек с той же фамилией. Капитан Финч, как и прежде, трудится на своем корабле. Впрочем, он только что

прибыл в Грейвсенд и скоро будет здесь. Я сейчас выдам Вам деньги. Не желаете ли Вы пообедать со мной?

Как благодарен был Тейлор за это приглашение!

И так как теперь у него было достаточно денег, он поехал в Сохо конкой.

Врач дяди Бенджамина не стал брать денег от Тейлора, потому что Хадсен был студентом-медиком, то есть был уже почти его коллегой.

– Разрешите мне сказать Вам несколько слов? – попросил Тейлор в этой ситуации.

– Да, пожалуйста! – врач выжидающе посмотрел на него.

– Я совершенно уверен, что с Божьей помощью Вы спасли мне жизнь, – начал Тейлор. – Поверьте, что я от всего сердца желаю, чтобы вы разделили мою веру! После учебы я хочу пойти служить Богу в Китай. Но прежде я хочу научиться доверять Богу во всех делах. Из-за этого я отказался от всех предложений финансовой поддержки – как от отца, так и от Китайского Евангелизационного Союза. Хотите – верьте, хотите – нет, но до сих пор Бог всегда заботился обо мне. Вчера Он даже дал мне силы дойти пешком из Сохо в Чипсайде.

– Это невозможно! Когда я вчера оставил вас, Вы были едва живы!

– Тем не менее, это так! Я пошел туда пешком. И еще! У меня теперь достаточно денег, чтобы поехать в Йоркшир и укрепить свое здоровье.

– Это чудесно! Я бы много дал, чтобы иметь такую веру, как у Вас.

Эти два человека никогда больше не встречались. Хадсен Тейлор уже на следующий день был в Барнсли, и позволил своей матери немного побаловать его.

Глава 6

Волнующие новости

Во время этого пребывания в Барнсли Хадсен Тейлор обручился с Марианной Вейган. Ее отец дал на это свое согласие, хотя все еще не мог смириться с тем, что Хадсен хотел вместе с его дочерью отправиться в Китай.

Сам Хадсен тоже был несчастен. Как хорошо было в те времена, когда Марианна играла на пианино, а они с Амелией стояли рядом и пели. Теперь же, когда они с Марианной были обручены, она почему-то постоянно находила повод уклониться от встречи с ним. Почему она избегала его? Он чувствовал, что она не любила его больше так, как прежде. Видимо она не могла смириться с тем, что ее друзья были против этого брака.

В январе 1853 года Хадсен возвратился в Лондон. Там он застал Тома Ходсена, который за это время стал христианином, тяжело больным. Хадсен много ночей просидел у постели больного кузена, и это отнюдь не ободряло его и не поднимало настроения. Когда он молился, небо казалось ему свинцовым. Вот если бы сейчас здесь была его сестра Амелия, с которой он мог поговорить обо всех своих переживаниях!

Ко всему прочему, у него снова начались финансовые трудности. Но и на этот раз Бог помог ему. Доктор Браун, имевший в Лондоне частную клинику, предложил Хадсену место ассистента, предоставив ему жилье и довольствие. Утром и после обеда Хадсен мог посещать лекции, а вечером – помогать доктору Брауну. В конце марта 1853 года Хадсен переселился к доктору Брауну. Теперь ему нужно было идти пешком не шесть километров, а только три.

Его рабочий день проходил так: с восьми утра до трех часов дня он был в лондонском госпитале, затем, наскоро пообедав, готовил и раздавал медикаменты, посещал больных или занимался бухгалтерским учетом. После этого он учил анатомию и проводил химические анализы, затем ему нужно было опять посещать больных. Он был очень занятым человеком!

Воскресенье Тейлор проводил почти всегда на Брук-стрит-Чэпел в Тоттенхеме. Бывшая квакерша, мисс Стейси, охотно принимала молодого человека. Это было началом дружбы, сохранившейся на всю жизнь! Мисс Стейси всегда заботилась о молодых

людях в церкви. Заметив, каким уставшим и бледным выглядел Хадсен, она взяла его под свою опеку. Летом он проводил много времени в ее саду, а в воскресенье часто ночевал в ее доме, откуда шел прямо на работу.

И снова перед Хадсеном стоял нелегкий вопрос. КЕС хотел заплатить ему сто фунтов, чтобы он учился дальше и мог стать членом Британской врачебной палаты Научного Института Хирургов, но если он примет это предложение, чтобы потом под покровительством КЕС руководить больницей в Китае, он будет привязан к обществу и не сможет пойти вглубь страны. Как же ему поступить? Ведь деньги были бы очень кстати.

Кроме того, его волновали его отношения с Марианной. Он встретился с ней у Раффлсов.

– Ты знаешь, что я тебя очень люблю, – обратился он к ней. – Но как обстоит дело с тобой?

– Моя мать болеет, – нерешительно ответила Марианна. – И мой отец переживает, что она скоро умрет. Он боится остаться один, если мы с тобой уедем в Китай. И хотя он дал свое согласие на нашу помолвку, я знаю, как он несчастен. Я ... я в ужасной дилемме.

– Может нам написать ему, – предложил Хадсен, – чтобы узнать его истинное мнение? Ведь так продолжаться не может!

Тем временем из Китая приходили многообещающие новости. «Собиратель» призывал миссионеров как можно скорее приехать в Китай. Самыми волнующими были сообщения о Тайпинском восстании, которое в 50-60-е годы влияло на политическую жизнь в Китае. Газета «Таймс» называла его «самой большой революцией, которую когда-либо переживал мир». Многие христиане находили в этих событиях и нечто положительное, и считали, что они способствуют улучшению евангелизации в Китае.

Тайпинское восстание вспыхнуло из ненависти к династии Цин (1644-1911). Маньчжурам, праотцам этой династии, так не удалось добиться признания китайцев. Они были и оставались чужими. Они были ленивыми, слабыми и деспотичными, и поэтому неудивительно, что в первой половине XIX столетия недовольство в народе против этой династии возрастало. Тайные союзы вырастали как грибы, и все чаще случались вооруженные мятежи.

Предводителя Тайпинского восстания звали Хун Сюцюань. Он прочитал много христианских книг Лианг Афа, который через миссионеров Роберта Моррисона и Уильяма Милна стал христианином. В 1843 году Хун и его кузен крестили друг друга и начали проповедовать. Хун познакомился с американским миссионером Исахером Робертсом, который читал с ним Библию.

Возникла секта, которая называлась «Поклонники Шангди» (Божьи поклонники), и с 1849 года ею руководил Хун, сохраняя связи с Исахером Робертсом.

Среди руководителей поклонников Шангди, были некоторые менее образованные, чем Хун, но зато более воинственные. Они образовали военные группы и связались с членами тайного общества триад. А у тех была только одна цель – свергнуть династию Цин и помочь прийти к власти династии Мин.

Военные действия между приверженцами Хуна и правительством маньчжуров начались в 1850 году. Повстанцы считали себя основателями новой династии – владычества Небесного Царства. Хун должен был стать их первым царем – Тай Пин Ван, откуда и получило название это восстание.

Тайпинцы хотели свергнуть маньчжуров, и при этом запретить идолопоклонство и употребление наркотиков. Вначале своего движения они очень ценили Библию, придавали большое значение десяти заповедям, молились молитвой «Отче наш», каждый день проводили богослужения, на которых пели хоралы, воспевая триединого Бога, и слушали проповеди. Они практиковали крещение взрослых, и хотя терпели многоженство, строго держались моральных устоев. Куда бы они ни приходили, обязательно разрушали идолов.

Эти события в Китае вызвали у христиан Англии, Европы и США большой интерес и сильное волнение. Неожиданно приблизилась возможность создания христианской династии в Китае и свержение идолопоклонства. Еще большим ободрением для христианских миссионеров означало отношение тайпинцев к иностранцам. «Великий Бог, – так объяснял один из вождей тайпинцев, – Отец всех народов под небом. Китай находится под Его руководством, ощущая Его заботу, как и все другие народы. Есть много людей под небом, но они все братья».

В марте 1853 года армия тайпинцев достигла Нанкина – столицу династии Мин. Здесь армия маньчжуров потерпела пора-

жение. Нанкин – сердце страны, был в руках повстанцев, которые этим самым достигли важнейшей водной дороги – большого канала, соединяющего север и юг страны.

Журнал «Собиратель» сообщал подробности всех событий, происходящих в Китае. Хадсен Тейлор был готов тут же оставить свою учебу и поехать в Китай, но сначала хотел жениться и поэтому с нетерпением ожидал от отца Марианны ответа на свое письмо. Наконец он держал долгожданное письмо в своих руках.

«Если бы Вы остались в Англии, – писал отец Марианны, – я был бы очень рад Вашему союзу с моей дочерью. Конечно же я не могу, да и не хочу, запретить Вам вступить в брак с ней. Но в то же время я чувствую, что никогда добровольно не отдам ее, и не могу смириться с мыслью, что она однажды покинет эту страну».

Помолвка, – как описывает Хадсен, – была расторгнута «с обоюдного согласия и с честью».

Более трех лет он любил Марианну, молился и надеялся, что она поедет вместе с ним в Китай. А теперь? В письме к Амелии он писал: «Я считаю неправильным, что отец Марианны так долго терпел нашу помолвку, а теперь не дал своего согласия... Я все еще люблю Марианну и верю, что она тоже любит меня».

Это было очень печальное время для Хадсена. Ручные белочки, которых он себе завел, были очень слабым утешением. Что они были по-сравнению с очаровательной Марианной и ее музыкой? Гуляя с доктором Брауном и его женой в парке, он с умилением держал на руках их малыша... Как страстно он желал иметь собственную семью. Будет ли он когда-нибудь ее иметь?

Весь христианский мир в это время горячо интересовался судьбой Китая. Издатели «Собирателя» во всеуслышание сообщали, что Пекин скоро перейдет в руки тайпинцев. «Над Китаем светает. Очень скоро мы вышлем в Китай людей с медицинским образованием и ясными христианскими убеждениями».

В июне этого года одно событие стремительно сменялось другим. Чарльз Бёд обратился к Хадсену Тейлору и настойчиво просил его: «Как только Вы окончите медицинское обучение, то сразу же поезжайте в Китай. Мы бы хотели, чтобы вы выехали с нашими представителями. Они отправляются в начале сентября, чтобы избежать осенних штормов. Комитет миссии не будет препятствовать Вам, если Вы захотите пойти вглубь страны, при условии, что это вообще возможно. Если Вы когда-нибудь, по

какой-либо причине, не сможете успешно работать совместно с нашим обществом и оставите нас, то мы не будем считать это нечестным или нехристианским поступком. Подумайте и молитесь об этом. Если Вы готовы идти сейчас, то Вам нужно немедленно оформлять документы».

Хадсен Тейлор решил ехать.

Документы состояли из подробной анкеты и из духовной характеристики. Он работал над анкетой две ночи подряд. Его ответы были абсолютно честны. И все же Тейлор боялся, что его не примут из-за неортодоксальных взглядов. И в самом деле, один сотрудник комитета позднее рассказывал, что особенно одно высказывание Хадсена заставило членов комиссии нахмуриться. Он написал: «Я считаю неправильным, что в церкви делают различие между служителями и прихожанами. Думаю, что все христиане имеют право проповедовать Евангелие, крестить и раздавать вечерю». Комитет отреагировал на это, мягко говоря, с удивлением, потому что большинство из присутствующих были совсем другого мнения.

Прошло три недели, а Хадсен все еще не получил ответа от миссионерского комитета. Родители поддерживали его решение ехать как можно быстрее, хотя мать считала, что он слишком поспешно оставил работу у доктора Брауна, не дождавшись решения КЕС.

Доктор Браун хотел оставить Хадсена у себя и всячески пытался уговорить его остаться, хотя бы еще на год, пока не сдаст экзамены! Но Хадсен твердо решил: «Сколько времени и денег придется потратить, чтобы получить докторский титул или быть принятым в медицинскую палату! Если вместо этого я приведу ко Христу хотя бы одного китайца – насколько больше я принесу плода для вечности!»

И тут пришло сообщение от Чарльза Бёда. Комитет миссии решил послать Хадсена в Китай, как только он приготовится к отъезду.

В августе Хадсен Тейлор провел еще несколько прекрасных недель в Барнсли в кругу семьи.

В конце месяца он прибыл в Лондон. Времени оставалось мало, а ему еще нужно было приготовить медикаменты, одежду и многое другое, что ему понадобится в Шанхае.

В сентябре по просьбе церкви на Брук-стрит Хадсен рассказал там о себе и о своем будущем служении. «Я был немного рассеян», – говорил он о своем выступлении, но в церкви его речь нашла большой отклик. Добрая мисс Стейси предложила ему заказать теплый утренний халат, а счет переслать на ее имя.

В Бюро КЕС ему посоветовали сразу же ехать в Нанкин, где находилась главная квартира тайпинцев. Из бюро КЕС он направился на железнодорожную станцию Юстон и поехал ночным поездом в Ливерпуль. Там его ожидали мать и Джордж Пирс. Отец и тетя Ханна пришли позднее и встретились с другими членами семьи в гостинице «Оуэн». Джеймс Тейлор, не мог надолго отлучаться из своей аптеки и вынужден был вернуться в Барнсли. Семья проводила его на станцию. Хадсен не подозревал, что проститься с отцом будет так трудно. Локомотив свистнул, выпустил огромное облако дыма и пара и состав тронулся. Хадсен крепко держался за поручни вагона и, задыхаясь, бежал рядом. О, если бы он хоть немного мог задержать поезд! Отец и сын смотрели друг на друга, и у них чуть не разрывалось сердце. Наконец Хадсен отпустил поручни – и они расстались.

Пароход «Дамфрис» должен был отплыть 19 сентября. В последние дни пребывания в Ливерпуле Хадсену нужно было написать еще много писем – своей любимой сестре Амелии, Джону Ходсену, который все еще работал у доктора Харди в Халле.

«Приди к Иисусу, – просил его Хадсен в письме. – Я пишу тебе это, потому что люблю тебя – но насколько больше любит тебя Бог!»

Джон умер в двадцать девять лет, но до этого Бог услышал молитву Хадсена.

Глава 7

Долгое путешествие

В понедельник, 19 сентября 1853 года, маленький быстроходный трехмачтовый парусник «Дамфрис» был готов выйти в море. Матросы еще заносили на борт последний груз, когда в каюте Хадсена Тейлора собрались несколько человек: Хадсен, его мать, Артур Тейлор, (другой миссионер, который не был родственником Хадсену) и пожилой пастор, с которым Тейлоры познакомились в Ливерпуле. Каюта была большая. Ее специально покрасили для молодого человека, которому исполнилось двадцать один год и который решился на такое длительное путешествие, из которого он, возможно, никогда не вернется.

Хадсен попросил друзей спеть вместе с ним хорал Джона Ньютона:

Словам Господним верю я,
Моя вся крепость в них:
Он – верный щит, Он – часть моя
Во всех путях моих.

Затем Хадсен помолился. Вначале его голос был твердым, но когда он стал вверять Богу людей, которых любил, то голос вдруг стал отказывать ему. Он сделал небольшую паузу, взял себя в руки, немного успокоился и закончил словами: «Никакие трудности не помешают мне. Я хочу с радостью пойти на это служение и исполнить поручение, данное Господом – исповедовать Евангелие благодати Божьей». При этом он, видимо, думал о трудностях, которые обязательно встретятся ему.

Последний раз Амелия Тейлор поправила постель своего сына. Увидятся ли они еще раз на этой земле?

Они вышли на палубу и вдруг увидели, что судно медленно отходит от пристани. Они наспех попрощались, и крепкие руки матросов успели пересадить троих провожающих на землю.

Увидев, что мать дрожа всем телом, присела на пристани, Хадсен не смог удержаться. Он перепрыгнул с корабля на берег и нежно обнял мать.

– Мамочка, милая, не плачь! – мягко попросил он. – Мы еще увидимся! Обязательно! Не забывай, почему я уезжаю от тебя!

Но Хадсену надо было торопиться. Ему удалось запрыгнуть на борт в последнюю минуту. Со всех ног он побежал к своей каюте.

Там лежала его карманная Библия. Он быстро написал на первом листе: «Любовь Божья, которая превыше всякого разумения – Д.Х.Т». Выбежав на палубу, он бросил Библию своей матери.

Старший помощник капитана, который еще стоял на берегу, подал Амелии руку.

– Не переживайте, – успокаивающе заговорил он, – я наверняка привезу вам хорошие новости.

«Дамфрис» снова приблизился к пристани и офицер поднялся на борт. Хадсен смог еще раз пожать руку своей матери.

– До свидания! Да благословит тебя Бог!

Кроме Хадсена Тейлора на борту судна были: капитан Моррис, два офицера, стюард, боцман, кок, столяр, матросы, юнги и ученики – всего 23 человека. Кроме маленького китайского мальчика из Макао, Тейлор был единственным пассажиром, если не считать множество свиней, кур, уток, собак и двух кошек, которые путешествовали с ними.

Хадсен удобно устроился в своей каюте. Сильно уставший, он лег на койку и заснул. Но вскоре он проснулся. Спросонья он стал наблюдать, как равномерно, почти по инерции качалась в разные стороны лампочка на потолке.

Но когда «Дамфрис» достиг Ирландского моря, мягкий бриз превратился в сильный западный шторм. За три дня они едва сдвинулись с места. В конце недели ветер немного стих, но с наступлением сумерек возобновился.

В воскресенье, к обеду, ветер был таким сильным, что матросам пришлось убрать, насколько возможно, все излишние паруса.

Хадсен чувствовал себя очень плохо и отсиживался в своей каюте. Стрелка барометра по-прежнему падала, шторм грозился перерасти в ураган.

После обеда Тейлор еле смог выйти на палубу. Никогда в жизни он не забудет открывшуюся перед ним картину. Казалось, что море превратилось в сплошную пену. Волны высотой в дом грозно вздымались по обе стороны судна и как будто хотели поглотить его.

– Такого я еще не видел! – крикнул капитан сквозь шум. – Если Бог нам не поможет, мы погибли!

Ветер гнал «Дамфрис» к берегу.

– Как далеко мы находимся от уэльского берега? – спросил Тейлор.

– Где-то пятьдесят морских миль. Не остается ничего другого, как только поднять паруса. Чем больше парусов, тем меньше мы отклонимся от курса. Дело идет не на жизнь, а на смерть! Да поможет нам Бог, чтобы выдержали мачты!

«Дамфрис» несся по волнам, то на мгновение поднимаясь высоко над водой, то в следующее же мгновение снова падая в море, как бы желая достичь дна.

С грохотом треснул кругляк, связывающий фок-мачту с прямым парусом. В страхе и ужасе все смотрели вверх. Но дерево выдержало.

В этот ужасный момент солнце опустилось за горизонт. И невольно Тейлор подумал: «Завтра солнце взойдет как всегда. Но если Господь не сотворит чуда, от нашего судна останется только несколько досок».

Без солнечного света Тейлор вдруг почувствовал себя одиноко, и отчаяние начало овладевать им. Он снова спустился в каюту, прочитал несколько хоралов, псалмов.… И ему даже удалось немного заснуть.

Проснувшись, он посмотрел на барометр. Неужели?! Стрелка барометра медленно ползла вверх. Хадсен быстро поднялся на палубу. Теперь они шли на север, все еще держась уэльских берегов.

– Сможем ли мы благополучно обойти остров Холихед? – спросил Тейлор капитана.

– Если только не попадем на рифы. Если мы ляжем в дрейф, то горе нам.

Корабль действительно лег в дрейф.

Вначале огни маяка Холихеда были ясно видны перед ними, затем Тейлор увидел огоньки со стороны моря и понял, что они приближаются к берегу.

Капитан Моррис был мрачен, но спокоен. Стрелка барометра по-прежнему поднималась вверх, но очень и очень медленно.

Тейлор думал о родных, о друзьях, и на глаза у него навернулись слезы. Он заговорил со стюардом, который тоже был христианином.

– Я – ничто. Христос – все! – воскликнул стюард.

Хадсену пришел на память стих из Псалма 49: «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя». Сохранит ли их Бог?

Луна светила так ярко, что можно было видеть землю. И хотя барометр показывал улучшение погоды, ветер не унимался. Тейлор спустился в каюту, взял записную книжку и написал в ней свое

имя, фамилию и домашний адрес – на случай, если найдут его тело. Он связал несколько своих вещей и положил их в корзину. Может, она останется на плаву и поможет ему или кому-то другому достичь берега. Поднявшись на палубу, он снова спросил:

– Выдержат ли такой шторм шлюпки?

– Нет.

– Может, нам связать вместе сломанные мачты и балки и построить своего рода плот?

– Уже слишком поздно! – прокричал капитан. – Нам осталось жить не больше полчаса. Как же теперь с Вашим призванием в Китай?

– Несмотря ни на что я рад, что нахожусь здесь, на корабле и не хотел бы быть в другом месте. Кроме того, я совершенно уверен, что попаду в Китай. А если нет, то мой Господь знает, что я, по крайней мере, пытался исполнить Его повеление.

Совсем рядом они увидели землю, мирно освещенную луной.

– Мы должны попытаться повернуть судно в море и затем лавировать, – воскликнул капитан, – или нам всем – конец! Возможно, волны смоют нас всех за борт, но мы должны рискнуть…

Моррис отдал приказ. Однако попытка повернуть судно в море не удалась.

Они делали все возможное, но «Дамфрис» продолжало нести к берегу. Когда от скал их отделяло расстояние в два корпуса судна, и все думали, что погибли, ветер вдруг резко повернул в другую сторону, и они были спасены.

На следующее утро для Хадсена Тейлора снова взошло солнце!

Матросам капитана Морриса удалось во время путешествия отремонтировать все повреждения «Дамфриса». Но они сами тоже были изранены и нуждались в уходе. Например, Тейлор зашил зияющую рану над глазом шведскому столяру, с которым они стали друзьями. Оказалось, что не только швед и стюард, но и капитан были методистами. Поэтому не удивительно, что капитан Моррис разрешил Хадсену проводить регулярные богослужения для матросов. Стюард помогал ему при этом.

6 октября Тейлор и стюард встретились для молитвы в каюте Хадсена.

– Дорогой Отец, – молился Тейлор, – пошли нам попутный ветер и спокойное море для путешествия, так как только Ты один управляешь ветром и волнами.

Еще во время молитвы они услышали торопливые шаги на палубе. Ветер опять неожиданно поменял направление, и матросам пришлось срочно выровнять реи. Во время этого путешествия Тейлор часто молился о хорошей погоде и пережил при этом чудесные ответы на молитвы. После шторма у Бискайского залива длительный северо-восточный попутный ветер отнес их по направлению к Южной Америке. Благодаря хорошему западному ветру они обогнули мыс Доброй Надежды и попали на мощные буруны южного океана в направлении Австралии.

Какие только чудеса Божьей природы Хадсен Тейлор не увидел во время этого путешествия! Он не мог насмотреться на мягкий свет вечернего или утреннего неба, на летающих рыб, на птиц, которые садились на такелаж судна, на потрясающе прекрасные закаты солнца…

Как врач, Хадсен пользовался на корабле большой популярностью. Нужно было лечить нарывы, от которых страдали капитан и матросы. Одному из матросов пришлось удалить гланды, а стюарду – коренной зуб. Когда море было спокойно, он сортировал и подписывал купленные им в Англии лекарства, дистиллировал воду и алкоголь для химических анализов и фотографии, пытался построить камеру с микроскопической линзой – конечно, без успеха. Капитан Моррис давал ему уроки по алгебре, а за это он обучал его игре на концертино, а одного из офицеров – игре на флейте. В один из жарких дней Хадсен пошел наверх, когда матросы чистили палубу. Прежде чем он понял, что происходит, его окатили шестью ведрами воды. Фыркая и отряхиваясь, он стоял и смеялся. Это понравилось матросам, которые ожидали услышать ругань.

Другой раз они с капитаном спустились на плот, чтобы проверить, нет ли повреждений у «Дамфриса». Затем они сделали круг вокруг судна – зорко наблюдая, не появится ли где на поверхности треугольный плавник акулы.

Иногда Тейлор помогал матросам в работе и учился при этом обращаться с парусами.

Рождество 1853 года они праздновали на борту и впервые за время плавания зарезали к праздничному обеду свинью.

Ветер, сопровождавший их в пути, ослаб, и они продвигались вперед очень медленно. В конце года они все еще были на расстоянии 1.600 морских миль от Австралии и 16.000 морских миль от Китая.

В пятницу, 13 января 1854 года, Хадсен Тейлор проснулся в два часа ночи. Он не был суеверным, но ему показалось, что в его каюте кто-то находится. Призрачная фигура стояла прямо рядом с кроватью.

– Вставайте, Тейлор, и следуйте за мной на палубу, – приказал капитан.

Тейлор последовал за ним. Ярко светила луна. Они находились юго-восточнее острова Сумбы, в море Саву.

– Видите ли Вы эти острова? – спросил Моррис, и в его голосе прозвучали одновременно забота и восхищение. – Они неточно нанесены на карту, поэтому проходить между ними чрезвычайно опасно.

Между островами удалось пройти благополучно. На следующий день они плыли в северо-восточном направлении мимо острова Оби, леса и ущелья которого выглядели чудесно. Глядя на них, Хадсен Тейлор затосковал по земле. Ему захотелось снова почувствовать под ногами твердую почву.

Воскресенье, 29 января. Снова опасности! Вода была совершенно спокойна, но сильное течение относило судно со скоростью четыре узла в час на северный берег Папуа-Новой Гвинеи, усеянной многочисленными подводными рифами. На острове жили охотники за черепами с воинственно разрисованными лицами. «Дамфрис» уклонился от курса более, чем на сто морских миль. Его гнало совсем недалеко от берега, и команда была бессильна это предотвратить. Матросы, желая воспрепятствовать дальнейшему уклонению от курса и уменьшить возможный удар, спустили шлюпку и попытались развернуть нос корабля против течения. Хадсен Тейлор как обычно проводил утреннее богослужение. Моррис принимал участие, но с большой тревогой наблюдал за курсом корабля.

– Мы сделали все, что могли! – сказал он после богослужения Тейлору. – Теперь остается только ждать.

– Нет, мы еще не все сделали, – возразил Тейлор.

– И что же это? – спросил капитан.

– На борту нас четверо христиан, – ответил Хадсен. – Каждый из нас должен пойти в свою каюту и просить Господа, чтобы Он послал нам ветер. Он может сделать это сейчас точно так же, как и перед заходом солнца.

Капитан, стюард, столяр и пассажир пошли в свои каюты, чтобы молиться. Хадсен Тейлор провел «хорошее, но очень короткое

время в молитве», и получил уверенность, что Бог услышал его. Он снова поднялся на палубу.

Помощник капитана как раз нес службу. Хадсен Тейлор видел, что концы большого паруса были подняты вверх, чтобы они напрасно не бились о такелаж.

– Пожалуйста, опустите их снова вниз, – попросил он.

– Почему? – возразил офицер.

– Мы помолились, чтобы Бог послал нам ветер, и он скоро подует. Мы так близки к рифам, что нам нельзя терять ни одного мгновения.

Офицер бросил на Тейлора насмешливый взгляд.

– Я поверю в Ваш ветер, когда он подует.

Слушая его, Тейлор взглянул на верхний парус. Он начал трепетать в поднимающемся бризе.

– Разве Вы не видите, что начинается ветер? Посмотрите же на парус! – воскликнул Тейлор.

– Ах, он такой маленький, что не стоит говорить об этом! – возразил офицер.

– Все равно! – закричал Хадсен Тейлор. – Спустите скорее большой парус, нам нужно использовать этот ветер!

Офицер дал команду, и спустя несколько минут судно плыло со скоростью шесть-семь морских узлов в час и оставило далеко позади себя рифы и разрисованных дикарей.

«Если ветер продержится, то в течение недели корабль достигнет Шанхая, – подумал Хадсен Тейлор и начал паковать вещи и книги.

В субботу, 25 февраля, они бросили якорь в 24 километрах от Шанхая, у острова Гютслафа вблизи устья реки Янцзы. Шесть месяцев они были отрезаны от внешнего мира. Теперь они засыпали вопросами английского лоцмана, прибывшего на борт парохода.

– Тайпинские повстанцы уже четыре месяца назад заняли Шанхай. Теперь они наступают на Пекин, – сообщили они.

В среду, 1 марта 1854 года, они достигли Усона. Проходящая лоцманская лодка взяла Хадсена Тейлора и отправилась с ним по Хуанпу в сторону Шанхая. На реке и у пристани Тейлор видел европейские пароходы, китайские джонки (мореходные парусные лодки), британские и французские военные корабли. Около дюжины иностранных домов стояли совсем рядом с богато украшенным китайским храмом, который теперь использовали как таможню. Выше по реке он увидел старые городские стены Шан-

хая, а за ними разноцветные флаги и палатки императорской маньчжурской армии, осаждавшей тайпинцев в городе.

Это был Китай. Все, что он читал о нем в «Собирателе», – стало действительностью!

Глава 8

В поисках смысла жизни

Пылающие закаты за холодными горными вершинами, грозовые раскаты над плодородными равнинами, мягкое вечернее сияние на холме с пагодой над тихим течением реки, остатки все еще крепкой городской стены старых времен, приглушенное звучание храмового гонга, далеко слышное в ночи, кули, поющие в душный летний день, лениво текущая Янцзы, монастырь, почти скрытый на поросшей бамбуком равнине, ровно размеченные контуры ухоженного сада, захватывающие дух краски императорских дворцов – все это древнее очарование страны очаровывало Хадсена Тейлора.

Но Тейлор приехал не для того, чтобы наслаждаться захватывающей красотой, привлекающей всех в этот огромный волшебный край. Он оставил свою семью и, рискуя жизнью, объехал половину земного шара, потому что был твердо убежден в том, что в этой стране живут миллионы людей, которые погибнут без всякой надежды на вечную жизнь. Он приехал в Китай, чтобы принести этим людям весть спасения. Эта весть необходима стране, в которой с давних пор процветали различные религии, где ученые странствовали с места на место, чтобы беседовать с людьми о смысле жизни, а также дискутировать о политических и хозяйственных теориях.

Самым известным из всех был Конфуций, который жил в то же время, что и ветхозаветный священник Ездра (551-479 гг. до н.э).

В то время в Китае существовало четыре религиозных течения, а также определенное представление о Божественном провидении. Конфуций чувствовал себя призванным исполнить свое поручение под покровительством неба. Ранние китайские записи говорят о высшей Божественной личности – Шангди, которая справедливо управляет миром, ожидая справедливости и от людей.

Характерным для китайской религиозности было бесконечное множество духов. Китайцы поклонялись домашним идолам, например, богу очага или угла, в котором хранились семена для посева, а также духам рек, гор и звезд. Глубже всего в мышлении китайцев был укоренен культ поклонения духам предков. В каждом доме была рака (ларец), в которой семья хранила дощечки с именем, датой рождения и смерти каждого умершего члена семьи. В богатых домах раки были позолочены и богато украше-

ны. Члены семьи ежедневно склонялись перед ними, зажигали свечи, сжигали курение и приносили ритуальную пищу. Когда умирали отец или мать, старший сын оказывал им от имени всей семьи последнюю почесть. Он склонялся на колени перед ракой и молился: «Пусть их тело возвратится в землю, и пусть их души останутся в нашей родословной».

Для каждого китайца почитание предков было высшей семейной обязанностью. Они верили, что посредством этого могут вступить в настоящее общение с миром духов и что благополучие умерших полностью зависит от жертвенности их потомков. А умершим должно быть хорошо, так как считалось, что духи умерших имеют власть благословлять или проклинать живых. Кроме того, была еще и императорская, или большая жертва, которую император приносил как ходатай и как «небесный сын» своего народа. При этом он преклонялся перед ракой предков, посвященной «высшему правителю императорского неба», и своей молитвой и жертвой Шангди давал знать, что его народ обязан высшим силам и зависим от них.

Конфуций очень серьезно воспринимал все эти религиозные традиции. Он верил как в существующий мир духов, так и в высшую силу, которая определяет человеческую судьбу. И все же его главный интерес представляла не религия. В первую очередь он преследовал политические цели.

Учение Конфуция очень удачно назвали «целенаправленным евангелием», которое «особое внимание уделяет здоровому человеческому разуму и хозяйственной добродетели». Учеба необходима только для достижения моральных целей. Он хотел реформировать развращенную династию Чжоу, восхваляя образ благородного человека, который не отступает от высоких моральных масштабов и с большой строгостью придерживается семейных и государственных традиций.

Самым уважаемым качеством Конфуций считал человечность. Ни один человек не должен делать другому то, что он сам не хотел бы перенести.

Конфуцианская этика отличается от христианской прежде всего тем, что личные проступки должны быть строго наказаны, а все остальное покрывается милостью и прощением. К тому же учение Конфуция распространялось только на высшие слои населения. Все остальные могли спокойно продолжать поклоняться своим предкам и умиротворять злых духов.

Этот пробел конфуцианства заполнил таоизм.

Таоизм взял свое начало от Лао-цзы, современника Конфуция. Он учил, что вселенная подчиняется высокой личности. Но как религия крестьян, таоизм, в конце концов, стал крайне запутанной смесью спиритизма, заклинаний, магии и гаданий. В течение столетий периодически наступали времена, когда таоизм становился серьезным соперником конфуцианства. Временами он завоевывал большую популярность при дворе, хотя конфуцианство никогда полностью не исчезало, так как оно исполняло в государственном ритуале определенные функции.

Династия Хань (206-221 гг.) приняла, наконец, конфуцианские принципы, по которым управление Китаем должно было осуществляться лучшими и способнейшими людьми независимо от происхождения. Были созданы высшие школы, где учили конфуцианству. Здесь сдавали экзамены, которые давали право нести службу в государственном аппарате. В этих школах столетиями, что было типично для китайской культуры, обучались мандарины.

Во время династии Хань, за 400 лет до того, как первые христиане вступили на китайскую землю, из Индии в Китай пришли буддистские миссионеры. Буддизм распространялся так быстро, что очень скоро стал одной из самых больших религий Китая. Куда бы ни посмотрел Хадсен Тейлор, везде он видел буддистских монахов – остриженных наголо священников в желтых одеждах. И все же буддизму никогда не удалось полностью искоренить конфуцианство или таоизм. Во всяком случае, Хадсен наткнулся на забавную смесь всех трех религиозных направлений.

Экзамены перед приемом на государственную службу с течением времени достигли такого значения, что даже самые умные люди Китая боролись за право доступа к ним. И неудивительно! Государственная служба открывала доступ к высокому положению, богатству и признанию. Идея, что Китаем должны управлять образованные и способные люди, положительно подействовала на общую государственную сущность. Конфуцианские философы распространяли высокие идеалы человечества, что вело к упорядоченному и богатому обществу, которое способствовало расцвету литературы, имело изысканный вкус и ценило спокойную жизнь.

Во время династии Цин (1644-1911 гг.) началось распространение влияния китайской культуры на Европу. Католические миссионеры стали переводить китайскую литературу, и описания их

путешествий по Китаю охотно читались на их родине. Китай вошел в моду! Китайские мотивы были повсюду: в искусстве рококо, во дворцах и игровых парках появились китайские сады, пагоды и павильоны. Лучшими сортами цветов считались китайские чайные розы, азалии, хризантемы, пионы, китайские астры. Также вошли в моду паланкины, лак, ладан, чай, китайские краски, живопись и орнаменты на обоях.

Во времена династии Цин развились тесные контакты с Западом, которые позже имели чрезвычайные последствия для Китая. Усиливающаяся неспособность правителей, их упадок, связанный с всеобщим моральным и культурным разложением, привели страну к самому серьезному кризису в ее истории. Следствием этого падения было восстание тайпинцев, которое достигло своего апогея в то время, когда в Китай прибыл полный энтузиазма Хадсен Тейлор.

Глава 9

Нелегкое начало

Сойдя на землю на одном из многих пирсов Шанхая, Хадсен увидел дом, над которым весело развевался британский флаг. Это было консульство. Какая радость! Наконец он получит почту с родины и, как он надеялся, письмо из КЕС, которое даст ему право законно получить деньги. Но какое разочарование!

– Бюро, в котором выдается почта, закрылось час назад. Приходите завтра, – услышал он от служащего консульства.

Тогда Хадсен вынул из кармана рекомендательное письмо для доктора Вальтера Медхерста от Лондонского миссионерского общества (ЛМО). Медхерст был одним из опытнейших британских миссионеров в Китае, который к тому же работал переводчиком и советником в британском консульстве.

Хадсену Тейлору описали, как пройти к поселению лондонских миссионеров, и он отважился пойти вдоль реки Хуанпу по болотистой тропинке, вдоль которой были глубокие сточные канавы. Китаец, открывший Хадсену дверь, не говорил по-английски, но все же Хадсен понял, что супругов Медхерст нет дома.

К великому облегчению, Тейлор, наконец, встретил молодого английского миссионера. Доктор Джозеф Эдкинс сердечно пожал ему руку и представил его остальным миссионерам. Одним из них был доктор Уильям Локарт, врач, который построил больницу в Шанхае.

– Вы можете некоторое время пожить у меня, – предложил Локарт.

Тейлор с благодарностью принял это предложение. Сначала ему было немного неловко, что он, будучи миссионером КЕС, вынужден был принять гостеприимство ЛМО. Но когда Локарт согласился принять от Тейлора небольшую плату, то это показалось ему приемлемым.

В тот вечер Тейлора пригласил на ужин пастор Джон Бердон из Церковного миссионерского общества (ЦМО), живший со своей женой в том же поселении. Оба они были молоды и имели уютную комнату с камином. Беседовать с ними было очень приятно и интересно. Тейлору очень понравился этот вечер. Позже Бердон стал первым миссионером ЦМО в Пекине и, наконец, епископом в столице Гонконга, Виктории.

Из комнаты в доме Локарта, в которой Хадсен Тейлор провел первую ночь в Китае, он мог видеть нейтральную полосу между Тайпинцами и императорской армией. Справа расположились правительственные войска. Городская стена была освещена, и Тейлор мог наблюдать, как по ней взад-вперед ходили постовые. После напряженного дня Тейлор сильно устал и заснул так крепко, что за ночь ни разу не проснулся, даже когда дом содрогался от оружейных выстрелов.

Под утро его, наконец, разбудил взрыв снаряда, но вслед за ним зазвучал веселый щебет птиц. Хадсен подошел к окну. На полях колыхалась еще зеленая пшеница, а в саду начинали распускаться почки. Нежный, но сильный запах цветов наполнял воздух. Сразу же после завтрака Хадсен Тейлор пошел в консульство. На этот раз он надеялся получить почту. Но для него оказалось только одно письмо, написанное пять месяцев назад, и один экземпляр «Собирателя». Ничего от КЕС! Ни денег, ни совета, ни указаний. Неужели они действительно ждали, пока он прибудет в Шанхай?

Подавленный, Тейлор забрал с парохода свой багаж и побрел по многолюдным улицам города в поисках пристанища. За ним шествовала целая процессия кули. Они несли на плечах бамбуковые палки, на которых висели вещи Тейлора.

Позже он нашел и больницу, в которой доктор Медхерст проповедовал в приемной пациентам. Медхерст сердечно приветствовал Тейлора и обещал помочь ему, особенно в важной для каждого миссионера проблеме – изучении языка.

– У Вас две возможности, – объяснил ему Медхерст, – или Вы будете учить шанхайский диалект, на котором разговаривают и который понимают только здесь, или Вы будете учить язык мандарин. Он используется – конечно, с различными диалектами – по всей стране. Я советую Вам изучать язык мандарин и могу найти Вам учителя.

– Если Вы думаете, что это лучше, я буду придерживаться Вашего мнения, – ответил Тейлор. – Пожалуйста, будьте добры, найдите мне учителя.

Однако в первую очередь Хадсену Тейлору нужно было найти жилье, решить финансовый вопрос с представителями КЕС и – самое важное – хорошо познакомиться с китайцами, узнать, как они живут, что думают, чтобы в дальнейшем обходиться без помощи миссионеров ЛМО и ЦМО.

«Я был очень разочарован, не найдя письма от Вас, – писал он Джорджу Пирсу. – Я надеюсь, что это важное для меня письмо придет со следующей почтой. В Шанхае царит хаос, повстанцы и правительственные войска воюют без перерыва. Здесь почти невозможно найти какое-нибудь жилье. Все дома забиты китайскими торговцами, которые бежали из внутренних районов страны. Миссионеры, которые жили там, тоже были вынуждены бежать. Их приняли в миссионерском поселении. Если бы доктор Локарт не принял бы меня так дружелюбно, мне было бы очень плохо. Но и теперь я еще не знаю, что мне делать…»

В первое воскресенье после обеда он пошел в город с Александром Уайли. Уайли – неустрашимый евангелист – был печатником и работал для ЛМО. Он хорошо знал, как важна для китайцев литература. Он изучал их классиков и сам писал статьи на китайском языке, чтобы привлечь внимание к Тому, Который сотворил Вселенную. Тейлору нравилось общение с Александром, так как от него он узнал много интересного.

Уайли показал своему спутнику осажденный город. Вначале они пошли вдоль городской стены, где виднелись ряды разрушенных домов. Они разговаривали с некоторыми повстанцами, охранявшими вход в город, которые носили богато украшенные высокие головные уборы, дорогие шелковые кафтаны с разноцветными бортами, зеленые шелковые штаны и сапоги.

Путешествуя по городу, они раздавали трактаты, и Уайли говорил с людьми, которые встречались им. Они даже заходили в некоторые храмы и разговаривали со священниками. Когда они наконец пришли к часовне ЛМО, в ней теснились люди. Неудивительно – проповедовал доктор Медхерст.

У северных ворот они могли наблюдать сильные сражения за городом. Как раз в это время вносили убитого. Другой получил ранение в грудь. Тейлор обследовал третьего, которому пуля пробила руку и раздробила кость. Мужчина корчился от боли, но они не смогли помочь ему. Его нужно было отправить в больницу.

– Если мы обработаем его рану здесь, – сказал доктор Медхерст, – вполне вероятно повязку с него просто сорвут.

Пройдя дальше, они встретили солдат, которые захватили маленькую пушку и тянули ее в город. Другая группа тащила за косы пленных. Пленные взывали о помощи, но что могли сделать миссионеры для этих бедных людей?

Почти все миссионеры в Шанхае имели отличное образование. Одни приехали в Китай по поручению англиканской церкви, другие – от известного миссионерского общества. Тейлор не принадлежал ни к одной из этих конфессий, он был слишком быстро выслан КЕС. Он даже не закончил свое медицинское образование. И это все в надежде достичь тайпинцев в Нанкине. Приукрашенные сообщения ввели комитет КЕС в заблуждение, и он наметил планы, над которыми миссионеры, живущие в Китае и имеющие практический опыт, только качали головой. Они открыто смеялись над КЕС и его журналом «Собиратель».

Прошло немного времени, и Тейлор увидел ошибки КЕС. Он страдал оттого, что не мог работать в полную силу. Но в то же время никогда не терял уважения к сотрудникам комитета или к секретарю общества. Он знал об их честной глубокой вере, их любви к Слову Божьему и их страстном желании приводить людей ко Христу.

В это время многие европейцы в Шанхае жили в роскоши, бросающейся в глаза. Западная экономика открыла для себя новый мир. Даже некоторые миссионеры вели, по мнению Тейлора, очень мирскую жизнь. Они часто использовались служащими правительства как переводчики и имели контакт с офицерами военных кораблей, которые находились здесь для защиты интернационального поселения в Шанхае. Открытое общение с миром, которое царило во многих местах, поразило молодого человека, который вырос в строгой методистской семье.

Хадсен Тейлор был интеллигентен и имел соответствующее школьное образование, но он не учился ни в университете, ни в колледже, и не мог предъявить документ о медицинском образовании. Однако он мог проповедовать, и, несмотря на молодость, был хорошим душепопечителем – но он не был рукоположен на служителя. Титул «пастор», с которым многие обращались к нему, он категорически отклонял. От КЕС он получал 80 долларов в год – сумму, на которую невозможно было прожить даже при самой экономной жизни. ЦМО платило несемейному мужчине 700 долларов, а также оплачивало его квартиру, расходы врача, обучение китайскому языку и необходимые книги. Что были по сравнению с этим 80 долларов Тейлора…

В унынии он начал наконец распаковывать свои ящики и сундуки. При этом он установил, что во время путешествия некоторые бутылки с чернилами разбились и на веки вечные залили его книги. К тому же соленая вода повредила его одежду и обувь.

В это время «Дамфрис» уже отплыл в направлении Англии, однако никогда не прибыл туда. У Пескадорских островов он потерпел крушение, но при этом – слава Богу! – все люди были спасены. В начале марта к Тейлору пришел учитель языка мандарин. С большим усердием Тейлор принялся за учебу и каждый день занимался с этим человеком из Северного Китая.

Через четыре дня они уже могли общаться на очень простом китайском языке. Тейлор применял предложения, которые выучил, в разговорах с солдатами и даже осмелился пойти в магазин. И какая радость! Его понимали, и он мог понять людей.

Коер-хангар, командующий генерал правительственной группы в Шанхае, получил приказ посредством блокады оторвать город от внешнего мира. Но на севере, где город граничил с интернациональным поселением, он оставался открытым. Иностранцы снабжали население продуктами и оружием, так что блокада оставалась бездейственной. Иностранные торговцы давали повстанцам и населению деньги и оказывали другую помощь, так как надеялись на смену власти при победе тайпинцев. Миссионеры не обращали внимания ни на одну из военных групп, но раздавали рис и мясо всем нуждающимся.

4 апреля 1854 года началось сражение при Мадди Флат. Уже ранним утром Хадсена разбудила стрельба. Не успел он выйти на улицу, как буквально рядом с ним пролетел снаряд и попал в дом Уильяма Мьюхад.

Тейлор и Мьюхад побежали по улицам интернационального поселения к берегу реки. Там они увидели, как ниже по реке китайские военные джонки приблизились к поселению, где стояли британские, французские и американские фрегаты. Не обращая внимания на все требования остановиться, они пытались достичь реки Сужоу. Тогда британский фрегат открыл огонь.

На суше в это время развернулась напряженная дипломатическая деятельность. Консулы требовали вывода правительственных групп из интернационального поселения. Британский консул Рутерфорд Олкук предъявил генералу Коер-хангару ультиматум:

– Если вы после трех часов дня не начнете вывод трупп, наши солдаты сойдут на берег! И если ваши солдаты до четырех часов не уйдут, мы выгоним их и разрушим лагерь.

Наступило три часа, но ничего не произошло. Тогда британские и американские солдаты в сопровождении торговых кораблей сошли на берег. С развевающимися флагами и барабанным

боем они по приказу Олкука вступили на ипподром, где разбили свой лагерь правительственные группы.

В четыре часа Хадсен Тейлор услыхал гром орудий, увидел, как взорвалась первая граната. Британцы и американцы начали атаку!

Китайские правительственные труппы побежали по всем направлениям. Вдруг появилось целое море красных тюрбанов. Триадские повстанцы не хотели упустить этот момент и вступили в сражение.

Для британцев и американцев это было легкой победой. После того как маньчжурские солдаты оставили лагерь, повстанцы захватили все их оружие.

Конечно, для миссионеров это имело плохие последствия: побежденные правительственные войска вначале не пускали внутрь страны ни одного иностранца. И только осенью миссионеры осмелились пойти вглубь страны. Жить где-то вне интернационального поселения стало совершенно невозможно. Поэтому Хадсену Тейлору пришлось еще некоторое время довольствоваться жизнью под крышей чужого миссионерского общества.

Глава 10

Песня сохранила жизнь!

Хадсен Тейлор сидел перед большим листом белой бумаги. Он хотел написать Амелии, открыть ей все свое сердце. И именно в этот момент пришло письмо от матери. Он быстро распечатал конверт, но как только увидел родной почерк, на глазах у него выступили слезы. Как ему не хватало их всех! Ему нездоровилось. Его глаза воспалились, и он постоянно страдал от сильных головных болей. Если бы он чаще получал письма! Отец еще никогда не писал ему.

Он чувствовал себя ужасно одиноким. У всех миссионеров были жены. А он?

«Напиши мне, пожалуйста, что отец думает о мисс Сиссонс. И передай ей от меня привет», – попросил Хадсен Амелию. Элизабет Сиссонс была подругой Амелии и Марианны Вейган. Она работала учительницей в школе его тети, и однажды, когда он навестил Марианну, влюбилась в него. Она подарила ему несколько рисунков, и он тоже дал ей что-то на память.

Элизабет тогда проявляла интерес к Китаю, и Хадсен надеялся, что она, может быть, приедет в Китай и со временем сможет стать его женой. В своем письме он справился и о Марианне, которую никак не мог забыть. «Она, возможно, найдет более богатого и более красивого мужа, чем меня. Но вряд ли кто-нибудь сможет полюбить ее больше меня».

Пришла весна. В Шанхае стало теплее и солнце прогнало мрачную печальную серость. «Вид, открывающийся из дома, чудесен, – писал Тейлор. – Я вижу сады, поля, городскую стену, а над крышами возвышаются мачты и такелаж пароходов, в то время как цветущие анемоны погружают все в разноцветные краски».

Между тем в стране происходили новые, необычные события. Предводители красных повстанцев сообщили, что они по примеру тайпинцев тоже хотят стать христианами. Они призвали всех прославить Бога, Небесного Отца. Но главный вождь красных был зависим от опиума, и предводители повстанцев брали себе каждую женщину, которая нравилась им, угрожая ей мучениями и смертью, если она не повиновалась им. Это означало, что они ничего не знали ни об учении тайпинцев, ни о христианстве.

Тайпинцы между тем достигли вершины своего успеха. Ходили слухи, что Пекин скоро будет принадлежать им или даже уже находится в их руках.

Спустя годы Джордж Пирс писал, что КЕС не имел никакого представления о тяжелом положении в Шанхае и, к своему стыду, предоставило Тейлору совершенно недостаточное содержание. Тейлор посылал им перечень всех своих расходов до последнего пенса, объясняя, почему невозможно обходиться еще меньшей суммой. «КЕС должен лучше заботиться о своих миссионерах, – в негодовании писал он своим родителям. – Так дальше не пойдет!» КЕСу он писал: «Общие расходы в первый год будут едва ли меньше 200 фунтов – это сумма, которая предельно низка. Каждый другой миссионер расходует намного больше».

В июне жара стала просто невыносимой, к тому же сырой тяжелый воздух затруднял дыхание. Весь день температура держалась выше сорока градусов и даже ночью редко опускалась ниже двадцати пяти.

«Мы непрерывно купаемся в поту», – писал Тейлор, который все также пять часов посвящал изучению китайского языка. Время от времени он брал трактаты, Библии и свою санитарную сумку и вместе с Джоном Бердоном и Александром Уайли посещал села в окружности. Пока другие проповедовали, Хадсен обследовал людей и иногда делал небольшие операции. Он не оставлял свою медицинскую учебу и эксперименты, продолжал изучать химию, наблюдал и помогал при операциях. Все эти усилия впоследствии окупились сторицей: Лондонская врачебная палата приняла его как своего члена!

Между тем он уже мог без проблем сам покупать продукты, то есть он мог объясниться с продавцом и даже поторговаться. Он с увлечением наблюдал за работой печатников, и был твердо убежден: китайцы – гениальный народ, который все делает очень просто, и в то же время очень успешно.

Но с продолжением войны моральное состояние китайского населения все больше падало. Люди теряли веру в своих идолов, некоторые даже выбрасывали их из дома. Миссионеров, наоборот, встречали с уважением, во время богослужений часовни всегда были полны людей.

Видя все это, Хадсен Тейлор решил отказаться от комфорта и уюта дома доктора Локарта и искать себе пристанище на нейтральной полосе. Он надеялся, что в этом опасном месте сможет платить квартплату. И на самом деле, он нашел домик всего за 8 долларов в месяц!

Крытый деревом дом находился рядом с северными воротами Шанхая. Состоял он из двенадцати комнат с бесчисленными дверями и проходами. Распорядившись побелить и покрасить все комнаты, Тейлор решил жить на верхнем этаже. Одну комнату он использовал как спальню, вторая была столовой и учебной комнатой. На первом этаже он хотел оборудовать маленькую аптеку, школу и часовню.

Чтобы сделать дом жилым, нужно было приложить много стараний, и это стоило Хадсену большого терпения. Он нанял несколько человек, чтобы освободить дом от мусора. Вернувшись через некоторое время, он обнаружил, что они только слонялись и смотрели на каменщиков. Рассердившись, он указал им на работу, которую нужно было сделать. Но когда через час вернулся, то один из них писал, другой курил, а остальные спали! Это было уже слишком! Тейлор попросил поставить для себя письменный стол и стул – так он мог работать и наблюдать, чтобы нанятые рабочие что-то делали.

– Нужно все тщательно вымыть, – распорядился он.

Какое-то время он слышал, как они возились в воде и скребли, затем снова наступала тишина. Тогда он шел посмотреть, что случилось.

– Но вы только снаружи вымыли дом!

– Ах, вы хотите вымыть дом и внутри и снаружи? – удивились рабочие.

– Да, конечно!

И работа продолжалась, пока следующее недоразумение снова не останавливало ее.

30 августа Тейлор наконец вселился в свой дом. В первое же утро доктор Локарт прислал ему два кувшина изысканного чатни. Позже добавились еще две бутылки вина. Бердон объяснил ему, как он ежедневно должен проверять покупки своего повара, чтобы тот не обманывал его. Хадсен Тейлор наметил два раза в день проводить собрания со своими слугами и соседями на китайском языке. То, что он нанял себе повара и носильщика воды, подняло

его авторитет в глазах китайцев. Только в таком случае он был настоящим учителем!

Христианин Зи научил Тейлора диалекту Шанхая, а мистер Дзин стал его новым мандарин-учителем. Зи помогал на домашних собраниях, читая отрывки из Библии слугам и соседям. К ним присоединялось все больше людей. Скоро Тейлор открыл маленькую школу, вначале – с десятью мальчиками и пятью девочками. Большую часть занятий проводил Зи, так как у Хадсена все еще были трудности с языком. Но уже через несколько недель Тейлор начал ежедневно опрашивать детей.

Каждый день в маленькую аптеку Тейлора приходили пациенты, и он скоро научился задавать вопросы и объяснять, как они должны принимать лекарство.

И все же местность, в которой он жил, была очень опасной! Каждый вечер планки, по которым можно было пройти в интернациональное поселение, убирались. Тейлор на всю ночь оставлял гореть свет. Кроме этого, у него наготове лежал надувной спасательный жилет, чтобы в случае опасности можно было сразу бежать к реке.

В середине сентября Тейлор отправился с Джозефом Эдкинсом и молодым американцем Джоном Квортерменом на лодке вниз по реке Хуанпу. У них был большой запас Библий и трактатов, который они уложили в большие джонки. Так они могли достичь людей и в недоступных частях страны.

Вечером они на своей лодке хотели вернуться назад. Но как им незаметно миновать военный флот правительственных войск? Всем было известно, что ночью солдаты стреляли без предупреждения, и вполне могло случиться, что они примут миссионеров за повстанцев.

– Может нам просто громко петь, – предложил Эдкинс. – Тогда они заметят, что мы иностранцы.

– Правильно! – воскликнули Тейлор и Квортермен.

Итак, приблизившись к флоту, все трое начали радостно петь. Они уже хотели поздравить друг друга с успехом, когда боцман посоветовал им продолжить пение, так как это был вовсе не правительственный флот. Они снова начали петь. На этот раз хорал. Закончив последний куплет, они обнаружили, что находятся рядом с самым большим кораблем флота.

– Быстрее, что мы сейчас споем? – воскликнул Эдкинс. – Нам нельзя терять ни минуты!

Эдкинс запел песню, которую Тейлор еще никогда не слышал. Квортермен громко запел величественную американскую мелодию, и Тейлору ничего не оставалось, как начать во весь голос петь третью песню. Солдаты на военном корабле заревели от восторга, но пение на миссионерской лодке звучало еще громче. Тейлор не выдержал и засмеялся.

– Кто там? – прокричал кто-то на военном корабле.

– Бай гуй (белые дьяволы), – ответили матросы.

– Да винг-гуо (большая английская нация)! – закричали Тейлор и Эдкинс.

– Хуа ги гоу (страна цветного флага! Америка)! – прогремел Квортермен.

Тогда императорские войска пропустили их. Эдкинс и Квортермен обличили матросов. Как они могли назвать их «белыми дьяволами»?

– Нам очень жаль, – уверяли матросы. – Но мы так боялись, что не знали, что говорили. Мы никогда больше не окажем вам такое неуважение.

Глава 11

Ваши слова – истина

Наконец КЕС все-таки счел необходимым повысить содержание Тейлора до 60 фунтов в квартал. Но, к сожалению, миссионерский комитет дал своему представителю в Шанхае настолько неясные указания, что Тейлор никак не мог получить свои деньги. Ему пришлось написать жалобу. Но пока его письмо достигнет Лондона, пройдут месяцы, и ответ будет идти также долго. «Миссионеры-пионеры должны иметь терпение, как у Иова», – со вздохом признал Тейлор. Ко всему прочему он обнаружил, что его второй учитель мандарина Дзин все время обворовывал его. Ему пришлось уволить его.

Осенью в Шанхае началась эпидемия холеры. Ее жертвой стала и жена Джона Бердона. Ему самому нездоровилось, и поэтому Хадсен много времени проводил в доме Бердона, чтобы он мог хотя бы иногда немного поспать. Миссис Бердон умерла 26 сентября. Это было тяжелым ударом для Джона Бердона. Хадсен очень заботился о нем. Он старался как мог рассеять печаль и одиночество Джона, предпринимал длительные прогулки с ним и не оставлял его одного.

В конце октября Бердон решил оставить свой дом в поселении ЛМО и предложил его Тейлору. К тому времени жить в доме у северных ворот стало очень опасно, так как каждый день вблизи взрывались снаряды. К тому же КЕС сообщил о прибытии в Китай нового миссионера: в Шанхае со дня на день ожидали доктора Уильяма Паркера и его семью. Поэтому предложение Бердона было очень кстати. В ноябре Тейлор переселился в новый дом, но оставил себе дом у северных ворот, чтобы проводить вечерние встречи с соседями и слугами. Посетители в то время приходили постоянно. Завтракал Тейлор тоже в старом доме, проводил там утреннее собрание и продолжал работу в своей маленькой аптеке.

Он все еще не знал, когда приедут Паркеры. Если бы не проблемы с жильем, он был бы безмерно рад наконец-то иметь спутника и коллегу. Пароход «Суифтшюр», на котором они должны приехать, был еще в море. Но никто не знал где. Может, он вообще пропал?

Между тем сражения между императорскими силами и повстанцами становились все ожесточеннее, и жить у северных ворот

стало слишком опасно. Тейлору пришлось оставить этот дом, закрыть свою маленькую школу и перенести все вещи в новый дом.

В конце ноября – Хадсен был как раз у своих соседей у северных ворот – ему принесли срочное сообщение от доктора Локарта:

– Возвращайтесь как можно скорее!

Тейлор побежал к дому Локарта – и наконец-то! За обеденным столом у Локартов сидел Уильям Паркер. Его семья была еще на борту парохода «Суифтшюр».

Посланец КЕС Уильям Паркер был очень рассудительным шотландцем. Он получал поддержку от филиала КЕС в Глазго и поэтому чувствовал себя независимым от миссионерского общества. Это был человек, который знал чего он хочет, и который точно придерживался своих планов. Когда КЕС, полный оптимизма из-за восстания тайпинцев, торопил его тут же поехать в Китай, он вначале отказался, сказав, что он еще не готов.

Тейлор и Паркер никогда не встречались в Англии и, естественно, не знали друг друга. Они были очень разными людьми. Паркер был пресвитерианцем, Тейлор же не хотел принадлежать к какой-нибудь определенной деноминации, Паркер был квалифицированным врачом, который защитил свой докторский титул в Глазго, Тейлор же прервал свое медицинское образование. Их связывало только членство в одном миссионерском обществе, проживание в чужой стране и общая цель: приводить китайцев ко Христу. Они были коллегами, но никогда не стали близкими друзьями. Тейлору официально не сообщили об отъезде Паркера из Великобритании, и КЕС не поручал ему подготовить все необходимое для новых миссионеров. Сам Паркер тоже не сообщил о своем приезде, и комнаты, которые Тейлор предназначил для них, были почти пусты. Эти проблемы разрешили супруги Медхерст, взяв семью Паркеров в свой дом. То, что Тейлор не подготовил встречу новых миссионеров, выставило его в плохом свете перед другими миссионерами, и это повергло его в уныние!

Приближалось Рождество, и Хадсен Тейлор начал готовить посылку своим родным и друзьям. Чего там только не было: старый снаряд, попавший в его дом, веер, ожерелье из резных персиковых косточек, шахматные фигуры, китайские висячие замки, чайницы, палочки, китайские книги и медикаменты, горшки и картины. Он не забыл и о Элизабет Сиссонс. Для нее он положил (с сердечным приветом!) складной веер, абак (счеты) из слоновой кости, книги и новый перевод Библии. Письмо, адресованное

всем, доказывает, как хорошо он мог писать, передавая иносказательный китайский стиль. Письмо отражает неистощимый юмор Хадсена, который не оставлял его и в тяжелые времена.

«…Вкушайте плоды неслыханного великодушия, высокое как небо и безграничное как океан, которое побудило меня вспомнить о вас, бедных варварах, которым по милости Небесного Сына предназначено жить на скудном острове в отдаленном уголке земли», – писал он.

Со времени заключения договора в Нанкине в 1842 году прошло двенадцать лет. За эти годы в пяти договорных портах все привыкли к иностранцам, и миссионерская работа, хотя и медленно, начала приносить первые плоды. Но еще никто не решался проехать вглубь страны. Джозеф Эдкинс и Хадсен Тейлор решились предпринять первую попытку. Они планировали продвинуться внутрь страны на 150 км. Тогда будет видно, как отреагируют на это продвижение мандарины и как примет их китайское население.

Друзья арендовали джонку с закрытой каютой. Их обслуживающий персонал состоял из трех матросов и одного мальчика. Британское и иностранное Библейское общество предоставило им три тысячи новых Заветов на китайском языке. Они погрузили их на джонку, кроме этого, взяли с собой медикаменты и медицинские аппараты, продукты, одежду и постель.

Ранним декабрьским утром 1854 года они отправились в путь под британским флагом. Но ветер и течение мешали продвигаться вперед. Поэтому они пристали к берегу, взяли на плечи сумки с Библиями и Новыми Заветами и посетили села на берегу Хуанпу. Они проповедовали и искали людей, умеющих читать, чтобы дать им трактаты и Евангелие. После того как погода снова улучшилась, они поплыли дальше и в воскресенье проснулись вблизи Сунцзяна, в 50 км от Шанхая.

Сунцзян был старым городом. Тейлор и Эдкинс пошли прямо к буддистскому храму, в котором обычно проводились открытые собрания. Как иностранцы они привлекли всеобщее внимание. И так получилось, что в храм их сопровождала огромная толпа. Пока Эдкинс проповедовал, а Тейлор раздавал христианские книги, обритые наголо священники в желтых одеяниях молча смотрели на них. Но когда они пошли по улице дальше, дорогу им с угрожающим видом преградила группа мужчин и молодых

парней. Эдкинс быстро свернул в боковую улицу, так как думал, что она приведет его к общественному причалу. Но он ошибся! Это был частный причал, а это означало, что они пойманы! Толпа за ними кричала от возбуждения. Теперь оба «варварских дьявола» были в их руках и они могли по-настоящему поиздеваться над ними. Они все ближе приближались к миссионерам, круг становился все теснее. О побеге не могло быть и речи. На узкой реке было несколько маленьких лодок, но ни одна из них не хотела взять на борт Тейлора и Эдкинса, хотя оба громко кричали о помощи. В последний момент Тейлору удалось прыгнуть на проходящую лодку. Он притянул ее к берегу, и Эдкинс тоже смог залезть в нее.

Люди в лодке были рады высадить обоих миссионеров на другом берегу, где у моста вниз по реке их ожидала джонка. Тейлор и Эдкинс старались как можно быстрее достичь своей лодки, но орущая толпа снова догнала их недалеко от цели. В этот момент Хадсен Тейлор увидел своего бывшего учителя Дзин, которого он уволил. Дзин был известным в городе ученым и, казалось, не имел никакого зла против своего ученика. Он успокоил толпу и проводил обоих друзей к лодке.

Но это происшествие не остановило миссионеров. После обеда они взяли еще больше книг и снова пошли в город.

О том, как успешно сотрудничали власти соседних областей, друзья узнали на следующий день, когда прибыли в маленький городок Цзиашань. Пассажир, который попросил довести его до Цзиашаня, оказался служащим городских властей Сунцзяна. Было совершенно ясно, что он имел задание следить за ними. Кроме этого у него было сообщение для мандарина Цзиашаня. Когда Тейлор и Эдкинс узнали об этом, они решили оставить джонку, не доезжая до города. Они надеялись таким образом как можно быстрее раздать книги, пока еще никто не запретил им этого. Но служащий сопровождал их как тень.

В Цзиашане им навстречу шла очень впечатляющая процессия, которая, увидев обоих миссионеров, остановилась. Двое мужчин стояли впереди и били в гонг. За ним следовали мужчины в красных фуражках с флагами в руках. За ними шел один с большим зонтом, и в конце шествия сильные молодые люди несли большой паланкин.

Тейлор и Эдкинс с любопытством подошли к паланкину. В нем в пышном убранстве сидел самый уважаемый человек города.

– Разрешите спросить, каковы Ваши намерения? – с уважением спросил он.

Друзья ответили.

– Я читал Вашу литературу, – заметил благородный мужчина. – Если Вы позволите мне дать вам совет, то хочу сказать: не идите в Цзясинь.

– Но мы твердо решили пойти туда, – ответили миссионеры.

– Тогда я предоставлю вам эскорт для охраны!

Цзясинь был старейший из всех городов, которые они когда-либо посетили. Его историю можно проследить за две тысячи лет до нашей эры. Миссионеры поехали на маленький остров на озере, где один из китайских императоров построил себе прекрасную летнюю резиденцию. Но даже здесь преследователи не оставляли их в покое. Они следовали за ними в лодках и этим приносили большую выгоду хозяевам этих лодок. Хадсен Тейлор обслуживал больных пациентов, а Эдкинс проповедовал. Некоторые, и среди них даже мандарины, приходили к миссионерам, чтобы поговорить о книгах и трактатах, которые они раздавали им. Один из них, служащий высокого положения, о чем говорил хрустальный глобус на его фуражке, шепнул им:

– Ваши книги истинны! Ваши слова истинны!

Через два дня они снова были в Шанхае. Никто не обратил особого внимания на то, что они, проделав путь в триста километров, переступили договорную границу в 50 км вокруг Шанхая. После этого друзья решили продолжать поездки вглубь страны. Для этого Хадсен купил старую лодку, которая стоила 12 фунтов. Будущее выглядело многообещающим.

Глава 12

Чаепитие у благородного Чена

Хадсен Тейлор и Паркеры жили теперь вместе в поселении ЛМО, в доме, ранее принадлежавшем Бердонам. Часто они сидели до поздней ночи и горячо дискутировали о том, как они представляют дальнейшее развитие работы КЕС в Китае. Наконец они представили своему центру в Англии смелый план: они хотели построить больницу, школу, здание филиала КЕС в Китае и три-четыре сельские школы с аптеками. Они просили также прислать еще двух миссионеров, которые сопровождали бы Хадсена Тейлора в путешествиях и помогали при раздаче Библий и христианской литературы.

Последовало долгое время ожидания – пока предложение миссионеров пришло в Англию, пока миссионерский комитет оправился после первого шока, пока он потом основательно рассудил обо всем, – и, наконец, пока в Китай пришел ответ.

Но не только этого письма ожидал Тейлор с большим нетерпением. Дело в том, что он твердо решил покончить со своим холостятским образом жизни. Он был очень рад, что в отношении Элизабет Сиссонс нашел поддержку своей матери. Поэтому он отправил в Англию сразу два письма – одно Элизабет, второе ее отцу. Согласится ли она приехать в Китай, выйти за него замуж и работать с ним здесь? Во всяком случае он умолял ее отца не препятствовать им. Китайским женщинам Евангелие было крайне необходимо. А кто мог бы принести его им лучше, чем женщина?

В январе 1855 года представители КЕС были на приеме у лорда Клерендона, британского министра внутренних дел в Лондоне. Они жаловались, что Нанкинский договор, а также другие договора заключенные в 1842-43 годах, совсем не защищают интересы миссионеров. Договор между Францией и Китаем, заключенный в октябре 1844 года, содержал особые уступки, как для французских граждан, так и для китайцев, которые покаялись через них. Поэтому КЕС предлагал, чтобы Великобритания обновила или заключила новый договор, чтобы и британские миссионеры, и покаявшиеся через них китайцы имели те же привилегии. Министерство Внутренних Дел посещали и другие миссионерские общества с подобными просьбами.

Лорд Клерендон пообещал основательно поразмыслить над этим и сдержал свое слово. Договора, заключенные в Тяньцзине

(1858) и Пекине (1860), предоставили иностранцам право беспрепятственно путешествовать внутрь страны и гарантировали свободу вероисповедания для христиан. Все, кто проповедовал христианство, находились под защитой китайских властей.

Но в 1855 году об этом еще не было и речи. При строгом соблюдении Нанкинского договора мандарины могли арестовать всякого иностранца, который оставлял договорные порты, чтобы пойти внутрь страны. И все же торговцы и контрабандисты снова и снова осмеливались забираться в запрещенные области, чтобы расширить свою торговлю. Миссионеры тоже переступали предписания, хотя и по другой причине. Но как далеко они могли зайти? Тейлор, Паркер и другие решили испытать, как будут реагировать на это мандарины и местное население. В большинстве случаев они встречали терпимость, даже благосклонность. Но при распространении Евангелия естественно всегда было препятствием то, что для китайцев Англия была неразделено связана с торговлей опиумом.

Шанхай между тем был полностью окружен императорскими и французскими войсками. Красные повстанцы в отчаянии искали какой-то выход. Было ясно, что они не продержатся и месяца. Китай грозился выйти из-под контроля. Тайпинские повстанцы уже не имели того успеха, как раньше. Они все дальше уходили от своих первоначальных целей и мотивов. Слабая династия маньчжуров не была готова провести определенные реформы. К этому времени Тейлор основательно изменил свое мнение о Тайпинцах. Он писал матери: «Я боюсь, что успех тайпинцев будет иметь катастрофические последствия. Во всяком случае, худшие, чем их падение. Они во многом заблуждаются и ведут двойную игру».

В 1855 году Тейлор, Александр Уайли и Джон Бердон получили разрешение одну неделю евангелизировать внутри страны. В одно февральское утро они двинулись в направлении юго-запада. Взобравшись на холм с руинами одинокой пагоды, они пели хоралы и читали Библию. Вдруг вдалеке они заметили клубы дыма над Шанхаем – красные повстанцы поняли, что нет никакой возможности на успех, подожгли город и бежали.

Миссионеры тут же вернулись назад. Перед ними открылась ужасная картина. Южные ворота были взорваны, а сам город

превратился в дымящиеся руины. Знакомые места были просто неузнаваемы. Дорогу преграждали бесчисленные трупы, почти все обезглавленные. С женщин и детей, кроме того, были сорваны одежды.

Да, в Шанхае теперь был мир. Но каким ужасным был этот мир!

Начались восстановительные работы, и миссионеры не остались в стороне. Тейлор и Паркер купили землю для запланированной больницы и миссионерского центра. Это был смелый шаг, так как разрешения от КЕС они еще не получили. «Молодые миссионерские общества высылают своих людей на миссионерские поля и не думают о том, упадут они на голову или на ноги», – сказал кто-то Тейлору. И так оно и было на самом деле! В отношении организационной работы в КЕС был полный беспорядок! Может, по этой причине некий В. Т. Бергер из Хекни пожертвовал 10 фунтов с условием, что они предназначены для Хадсена Тейлора и Паркера, и они сами должны решить, куда употребить их. Оба миссионера поддерживали этими деньгами осиротевшего китайского мальчика. В то время они еще не подозревали, что это был первый шаг на пути создания интерната в Шанхае.

В апреле 1855 года Хадсен Тейлор и Джон Бердон арендовали две джонки и поплыли вверх по Янцзы – почти до ее устья. Лодочники переправили джонку в близлежащий рукав реки. Здесь миссионеры сошли на берег, так как отсюда можно было подняться в горы, которые возвышались на северном берегу реки.

Их взору предстала необычно плодородная земля, свежий ветерок нежно пробегал по цветущим полям. Они насчитали пять холмов, на самом высоком из них стояла красивая, сияющая в прекрасных красках пагода. У подножия холма они увидели огромный буддистский храм и монастырь.

Гора была скалистой, но повсюду отвоевывали себе место цветы и деревья. Во время восхождения Хадсен Тейлор восхищался красками листвы «от высоких темных кипарисов до светлых привлекательных ив, а также апельсиновых, сальных и других деревьев». На каждом повороте миссионеров приветствовали новые раки и павильоны.

У храма они увидели группу рабочих, занятых покраской и позолотой. Тысячи празднично одетых людей справляли какое-то

торжество. Тейлор и Бердон с удивлением смотрели на сотни разрисованных светящихся идолов. На улицах раздавался звон монет, закидываемых в корзину, звучала музыка, разговоры. Люди шли и шли, их не смущал тяжелый воздух, наполненный курением.

Наконец миссионеры достигли вершины холма и поднялись на пагоду. Их взорам открылась чрезвычайно красивая местность. «Там, где люди не желают прославить своего Творца, там природа прославляет Его», – такие мысли теснились в голове Хадсена Тейлора.

В противовес к наполненному курением тяжелому воздуху у храма, здесь наверху он был легким и прозрачным. В подзорную трубу миссионеры разглядывали местность. Пышно зеленела пшеница на увлажненных дождем полях. Плантации персиков, абрикосов, слив, яблок и вишни были окружены пшеничными полями. Ивы склонялись над вьющимися по местности реками. Посреди этой цветущей местности стояли ухоженные крестьянские дома, в тени кипарисов виднелись крохотные кладбища.

В этом месте Янцзы достигала почти тридцатикилометровой ширины. За далекими берегами возвышались святые горы с их бесчисленными монастырями и храмами. Виден был даже город Тонжоу.

При спуске с холма путь Хадсену Тейлору преградил священник. Он пригласил Хадсена поклониться перед фигурой Будды, сжечь курение и пожертвовать деньги. Тейлор последовал этому приглашению – совершенно иным образом. Хадсен произнес горячую проповедь о том, как бессмысленно служение идолам, и как важно людям знать, что Бог любит их. Было совершенно ясно, что священники хорошо поняли миссионеров и даже соглашались с ними.

– Разве мы не правы? – обратился Бердон к собравшимся.

Все молчали.

Миссионеры возвратились к своим джонкам и решили на следующий день посетить Тонжоу, город, называемый троном дьявола. Он был известен жестокостью своих жителей и враждебностью против иностранцев.

Следующий день был пасмурным и дождливым. Оба китайских учителя, которых Тейлор и Бердон взяли с собой, пытались всеми силами удержать своих спутников от посещения этого города.

– Останьтесь здесь на джонках, – посоветовали миссионеры своим боязливым учителям. – Если мы сегодня вечером не вер-

немся, то попытайтесь узнать, что с нами. Затем вернитесь как можно быстрее на одной из джонок в Шанхай и сообщите там о случившемся. Другую лодку оставьте здесь, чтобы мы могли последовать за вами, когда это станет возможным.

Тейлор и Бердон взяли с собой книги и в сопровождении одного из слуг отправились Тонжоу. Дороги были в таком плохом состоянии, что они решили не идти пешком, а нанять две ″тачки″, которые толкали кули.

Они прошли совсем немного, когда слуга, заикаясь от страха, попросил разрешения вернуться к джонкам. Как только он оставил их, к ним обратился благородный с виду человек.

– Я настоятельно прошу Вас, – обратился он к Хадсену и Бердону, – не идите в город. Иначе Вам на собственном опыте придется убедиться, какие ужасные люди живут в Тонжоу.

– Сердечно благодарим Вас за дружеский совет! Но мы твердо решили пойти в Тонжоу.

Тут один из кулей тачки категорически заявил, что не сделает ни шагу дальше. К счастью, Тейлор нашел другого, который согласился повезти его – хотя и за бесстыдно высокую цену.

Недалеко от города они попросили своих кулей остановиться и объяснили им, где их следует ожидать, а сами пошли дальше пешком.

Когда они достигли западных ворот, на встречу им вдруг направился человек мощного телосложения. Он был пьян и схватил Джона Бердона за плечи. Бердон попробовал стряхнуть его – но без успеха. Вдруг их разом окружила дюжина разъяренных мужчин, которые загнали их в город.

– Ведите нас сейчас же к властелину города! – закричали Тейлор и Бердон.

– Мы знаем, куда вести таких людей и что с ними делать! – прокричали они в ответ.

Они были уверены, что перед ними тайпинские повстанцы.

Огромный человек, державший Бердона, вдруг отпустил его и направился к Тейлору. Он схватил его своими ручищами, повалил на землю, стал рвать на нем волосы и сжимать его горло до тех пор, пока тот не начал задыхаться. Он таскал его за руки и плечи так, что они покрылись синяками.

Джон Бердон не испугался. Он смело попытался раздать несколько книг. Но это еще больше разозлило великана.

– Дайте сюда наручники! – закричал он.

К счастью, их не оказалось. Но Бердон уже больше не осмеливался раздавать литературу.

Между тем мужчины начали горячо спорить между собой.

– Отведите их к мандарину! – кричали одни.

– Убейте их на месте! – кричали другие.

В этой потасовке Тейлор и Бердон на мгновение оказались рядом.

– Подумай о том, как апостолы радовались тому, когда они страдали за дело Божье, – прошептал Тейлор своему другу.

Ему удалось засунуть руку в карман и вытащить свой паспорт – красный листок бумаги, на котором стояло его имя. Это подействовало. К ним стали относиться чуть ли не почтительно.

– Паспорт надо показать высшему служащему этого города, – потребовал Тейлор. – Ведите нас сейчас же к нему!

Их потащили дальше к дому мандарина. Совершенно изнемогший и вспотевший, Хадсен Тейлор остановился и бессильно прислонился к какой-то стене. Язык прилип к нёбу.

– Пожалуйста, принесите нам стулья!

– Ждите здесь! – грубым тоном приказали им.

– Тогда дайте нам хотя бы немного чая, – почти умоляюще попросили они.

– Ждите!

В это время их окружала большая толпа – это была возможность, которую Джон Бердон не мог упустить. Он начал проповедовать! У них забрали паспорта и книги и отнесли к мандарину. Какое-то время тот заставил их ждать. Затем он решил освободиться от неприятной обязанности, передав дело своему начальнику в другой части города.

Когда Тейлор и Бердон услышали об этом, в них, невзирая на страх, пробудилась решительность.

– Мы ни шагу не пойдем дальше! – объявили они. – Принесите нам паланкины!

После немногих пререканий им принесли паланкины и понесли их по переполненным людьми улицам.

– Они как-то не похожи на плохих людей, – говорили некоторые из окружающих.

«Некоторые, – так вспоминал позднее Тейлор, – казалось, даже жалели нас». Наконец они достигли резиденции высшего мандарина. Там их провели через двое больших ворот до большого щита с надписью: «Мин ци фу му» (отец и мать народа).

У них снова забрали паспорта и отнесли их мандарину. Через некоторое время их повели к "благородному отцу Чену". На его фуражке был темно-синий знак вице-губернатора. Все его слуги с почтением пали перед ним на колени, поклонились до земли, указывая обоим англичанам сделать то же самое. Тейлор и Бердон низко поклонились.

К счастью, Чен раньше был префектом Шанхая и знал, как важно почтительно относиться к иностранцам, так как это было записано в договоре. Он вежливо подошел к ним и приветствовал их. Затем он повел их в маленькое помещение, куда за ним последовали некоторые служащие.

Так как Хадсен Тейлор знал язык мандарин лучше, чем Бердон, разговаривать с Ченом пришлось ему. Он объяснил губернатору, зачем они пришли сюда, и попросил разрешения подарить ему книги. Получив согласие, Хадсен передал ему Новый Завет и некоторые трактаты. Затем он немного рассказал о себе и Бердоне и попытался также кратко рассказать о христианском учении. Чен и его подчиненные вежливо слушали. Затем он приказал принести освежающие напитки и пообедал вместе с ними. Прощаясь, Хадсен Тейлор и Джон Бердон попросили разрешения посмотреть город, чтобы раздать оставшиеся книги. Великодушным жестом им было разрешено.

Они попрощались. С уважением, но в то же время решительно Тейлор посмотрел правителю в глаза и сказал:

– Когда мы пришли в Ваш город, нас схватили и очень плохо обращались с нами. Мы не хотим придавать большого значения этим происшествиям, потому что нам ясно, что эти люди так научены. Но все же мы не желаем еще раз пережить такое. Можно ли нам попросить Вас позаботиться в будущем о нашей защите?

– Это, само собой разумеется! Такого больше не случится! – заверил Чен.

Он сам проводил миссионеров к воротам своей резиденции и приказал некоторым бегунам сопровождать миссионеров и охранять их в случае надобности. В сопровождении бегунов, они очень быстро раздали свои книги. При этом они с улыбкой наблюдали, для чего их телохранители использовали свои косы: как только улицы были блокированы людьми, они махали своими косами как кнутами и прокладывали себе дорогу. Один из служащих Чена пошел с ними назад к реке, где их ждали джонки. Какое отличие от их прибытия в город!

Глава 13

Новые пути

Воодушевленный поддержкой Британского и Иностранного Библейского общества, Хадсен Тейлор вскоре стал планировать еще одно путешествие вглубь страны. Библейские общества не только великодушно снабжали его Библиями, они были готовы взять на себя почти все путевые расходы.

Снова лодка отправилась вверх к устью Янцзы. В Шаньджияси Хадсен сделал остановку. Насколько он знал, там никогда не видели иностранцев. Поэтому было понятно удивление жителей Шаньджияси, когда они обнаружили, что он понимает их язык. Когда же он вытащил из кармана часы, вдруг начался очень оживленный разговор.

– Такие очки я еще никогда не видел! – сказал кто-то.

– Глупость! – возразил другой. – Это же совсем не очки. Это подзорная труба. Люди на западе изобретают такие удивительные штуки.

– Нет! – заявил третий. – То, что мы видели, это часы. Они показывают время. А то, что иностранный дьявол носит на носу, это подзорная труба, а не очки. Какие же вы глупые!

Но когда Тейлор посетил бывшего мандарина в Шаньджияси, то и ему пришлось удивиться. Тейлора проводили в фойе, над дверью которого он увидел высказывание: «Поступай морально хорошо, и ты найдешь счастье».

Хадсен долго беседовал с этим старцем на различные темы и предложил ему книги. Улыбаясь, старик ответил:

– У меня тоже есть книги для Вас.

Он передал Хадсену Тейлору десять книг в красивом переплете. В них освещались разные темы – от астрономии до метеорологии, от географии до математики. Все богатство знаний!

При беседе старец тихо, но очень убежденно сказал:

– Я имею честь передать Вам выдающуюся мысль. На этой земле есть три больших царства: Англия, Россия и Китай. Но ни одному из них это открытие до сих пор не знакомо. Ни Конфуций ничего не знал о нем, ни все наши великие философы. Это истина, которую знает только один человек, и это я. Мне восемьдесят лет. Поэтому я хочу сообщить ее Вам.

Хадсен Тейлор с интересом ждал. Что же скажет ему этот старец?

– Солнце стоит на месте, – прошептал мандарин торжественным голосом. – А земля движется вокруг него.

Молодой человек вежливо улыбнулся.

– Я думаю, что вы правы, – наконец сказал он.

Так они стали друзьями.

На следующий день Хадсен Тейлор снова посетил старца.

– Иисус – ваш мудрец, – сказал он Тейлору, – а Конфуций – наш мудрец.

– Но Иисус не был англичанином, – объяснил Хадсен к большому удивлению старика. – Он родился в народе, который называют иудеями. И Иисус был не только человеком. Он был одновременно Богом и совершенным Человеком.

Для доказательства Божественности Иисуса Тейлор стал рассказывать о чудесах, сотворенных Иисусом и о Его воскресении. Старец молча слушал, а затем сказал:

– Через несколько недель я поеду в Шанхай. Тогда я посещу Вас. За это время я почитаю Ваши книги. Но Вы также должны почитать и мои. Обязательно!

21 мая 1855 года Хадсену Тейлору исполнилось двадцать три года. Свой день рождения он провел на острове Киндаоша. Там говорили на языке мандарин, и он без труда мог проповедовать. Между тем он уже научился хорошо кушать палочками и начал постепенно откладывать свои европейские привычки. Его спутники были довольны: он все больше уподоблялся им.

– Вам еще нужно сбрить волосы и надеть китайскую одежду, – предложили они в восхищении.

– Но Ваши глаза и нос должны остаться теми же, – задумчиво произнес один из них.

К вечеру Хадсена позвали к одному больному, и Хадсен смог помочь ему. Эта весть распространилась с быстротой молнии, и прежде чем он смог вернуться к своей лодке, собралось больше ста человек – все больные, нуждающиеся в помощи. И действительно, многим из них он смог помочь.

В этом путешествии он купил себе кошку с двумя котятами, надеясь истребить крыс в своем доме в Шанхае. Наглые крысы постоянно съедали его свечи и забирались к нему в постель – очень неприятное соседство! Теперь же им придется иметь дело с тремя преследователями, а сам он будет не так одинок.

Все женщины постоянно напоминали ему Амелию. С тоской Хадсен часто думал о ней и о Элизабет. «Но могу ли я вообще жениться?» – размышлял он. «На миссионерское общество абсолютно нельзя положиться. Если бы я был в Англии и мог закончить медицинское образование... Тогда я не зависел бы больше от КЕС. Я без проблем получил бы работу, где мог бы зарабатывать 300 или даже больше фунтов в год, и при этом имел бы возможность продолжать свою миссионерскую работу».

В июне 1855 года Хадсен Тейлор, Джон Бердон и Уильям Паркер поехали в Нинбо, один из пяти договорных портов. Впервые Тейлор вступил в миссионерский центр, который позднее имел для него очень большое значение.

Нинбо – был один из красивейших городов Китая, с великолепными садами и храмами, прекрасными господскими домами и озером в середине города, а также с широкими и чистыми улицами. Река Юн с севера на юг образовала естественный городской ров. Окруженный цепью гор, город казался бастионом. Это впечатление подтверждалось мощным гранитным валом, окружающим город, по которому проходила дорога. Город выдержал даже бомбардировку англичан в 1814 году. Жители города были образованы и культурны. Поэтому неудивительно, что позднее Хадсен Тейлор нашел здесь хороших друзей.

Первые миссионеры в этом городе были американские врачи – Макгоуэн и Макарти. В 1843 году сюда приехала англичанка Мэри Энн Олдерси, и организовала школу. Вместе с ней работали две учительницы – Бурелла и Мария Дайер, очень миловидные дочери уже отошедшего в вечность пастора Сэмюеля Дайера, который в 1827 году выехал в Пенанг и был благословенным миссионером среди язычников. Он был мужем Божьим.

Представителями «Миссионерского Общества Церквей» были Уильям Рассел, который позднее стал епископом в Северном Китае, а также Р. Г. Коболд и Фредерик Гаф, оба превосходные переводчики Библии. Американец Уильям Мартин жил в Нинбо с 1850 года, он провел в Китае пятьдесят семь лет.

Бердон, Паркер и Хадсен Тейлор были приветливо приняты доктором Макгоуэном. На следующий день они вместе с Фредериком Гафом осматривали город. Но через несколько дней из Шанхая пришла печальная весть: тяжело заболел сын Джона Бердона! Второй раз в этом году Хадсен поддерживал своего дру-

га в тяжелых испытаниях. Они тут же отправились домой. Хотя они ехали день и ночь и нигде не останавливались, они все-таки опоздали. Ребенок умер.

Иностранные миссионеры и торговцы в Нинбо попросили Уильяма Паркера как врача переселиться к ним. Миссионеры в Нинбо жили между собой очень дружно, хотя принадлежали к разным конфессиям. «Я очень желал бы, – писал Тейлор домой, – иметь верующего сотрудника, который думает и воспринимает все окружающее так же, как я, и у которого я мог бы искать совета».

Паркер никогда не был для него таким сотрудником. Паркер хотел идти своим путем, хотя и не уклонялся от совместной работы. Уже через месяц он принял приглашение в Нинбо, и Тейлор остался в Шанхае один.

Весь июль и август Хадсен Тейлор проводил ежедневные богослужения на шанхайском диалекте. На них присутствовало от 30 до 40 человек – это были учителя, слуги, просто интересующиеся мужчины и женщины. Когда по соседству кто-то неожиданно умер от холеры, Тейлор говорил о том, как важно быть спасенным от грехов и их последствий.

– Иисус умер за вас и заплатил за ваши грехи. Кто-нибудь просил Бога, чтобы Он простил его грехи? – он сделал небольшую паузу, но ответа не ожидал.

– Да, я, – вдруг раздался голос Гуюа, молодого повара, брата мальчика, которого они поддерживали средствами, получаемыми от Уильяма Бергера.

«У него есть недостатки, – писал Тейлор позднее о нем, – но он уже во многом изменился к лучшему».

Гуюа был первым китайцем, который покаялся через Хадсена Тейлора и был крещен им. «Если одна-единственная душа дороже миров, – писал Хадсен своей матери, – разве я не богато вознагражден, и ты тоже?»

Вальтер Медхерст посоветовал Хадсену Тейлору носить во время своих странствий по стране китайскую одежду. Он сам в 1845 году поступал так.

Уже в путешествии по Янцзы Тейлор размышлял об этом вопросе. Нужно ли ему маскироваться? Конечно нет! Но из уважения к китайцам он мог бы это делать. Он может одеваться, говорить

и жить так, как они, во все время проживания в Китае. С другой стороны, он слишком хорошо знал, что европейские торговцы в городе примут такое поведение как оскорбление, как предательство своей расы, и некоторые миссионеры будут думать так же.

Но, несмотря на некоторые сомнения, 27 июля Хадсен Тейлор принял важное решение! Он решил арендовать домик в селе, постоянно заниматься медицинской практикой и евангелизацией, носить китайскую одежду и – даже отрастить китайскую косу (банзи)! Если его эксперимент не удастся, он присоединится к Паркерам в Нинбо.

В сентябре пришел ответ из КЕС на предложение Тейлора и Паркера организовать в Шанхае постоянный миссионерский центр. «Мы поставили себе целью, – писал КЕС, – работать не в свободных договорных портах, а внутри страны. Поэтому мы не можем расходовать средства на Шанхай». Этот ответ, конечно, не вызвал восторга. Но, может быть, КЕС и прав, если он так настойчиво придерживается своей стратегии? Многим в Шанхае эта стратегия не нравилась, но Тейлор решил ее испробовать.

В один из особенно жарких дней Паркер сидел в доме КЕС в Шанхае и писал письмо протеста Джорджу Пирсу. Неужели союз не мог понять, что его стратегия хотя и вполне приемлема, на данный момент просто нереальна? Шотландец не мог молчать. «Как могут люди, которые находятся за тысячи километров отсюда, думать, что они понимают обстановку в стране лучше, чем люди, которые находятся здесь на месте?»

Пока Паркер изливал на бумаге свое негодование и давал наставления своим начальникам, Хадсен Тейлор орудовал с подозрительными ингредиентами, составляя смесь, которой можно будет покрасить светлые волосы в черный цвет, когда они станут достаточно длинными. Он взял с полки большую бутылку аммиака, и так как день был жарким, с большой осторожностью стал вытаскивать из нее пробку. Но он не учел давление, которое образовалось в бутылке. Несмотря на всю осторожность, пробка вылетела у него из рук, и из бутылки вырвались газ и жидкость. В отчаянии он закрыл горлышко рукой. Но аммиак брызнул ему в глаза, нос, рот, на волосы и одежду.

Он бросился бежать и, хотя он едва мог что-то видеть, ему удалось добраться до кухни, где стояла большая бочка с водой. Он тут же сунул туда голову, плечи, руки. И это спасло ему жизнь. Снова

и снова он повторял эту процедуру, и все же ему казалось, что у него горит все тело. Как только он смог говорить, он закричал:

– Позовите сейчас же доктора Паркера!

Паркер, который конечно же слышал подозрительные звуки, уже сам спускался вниз. Придя на кухню, он едва узнал лицо Тейлора. Как можно быстрее он обработал ему глаза и лицо и назначил сильную дозу опиума. Затем он сунул ноги Хадсена в горячую воду и положил ему на лицо мешочки со льдом. Тейлор поправился на удивление быстро. Он выздоровел без каких-либо осложнений.

Глава 14

Сквозь магическое кольцо

Буквально через несколько дней после несчастья с аммиаком Хадсен Тейлор снова был на ногах. Но тут они с Паркером получили сообщение, что их дом нужен для нового миссионера ЛМО и его семьи. Им пришлось его освободить.

Паркер был готов уехать в Нинбо и попросил Тейлора помочь ему при переезде. «Хорошая возможность наконец изменить мою внешность», – рассудил Хадсен. Некоторое время он отращивал свои волосы, так что уже мог заплести косу, к тому же прибыла его китайская одежда. Теперь он мог испробовать, как отреагируют на это китайцы и европейцы.

В первую очередь он хотел арендовать себе лодку. В этих поисках он узнал о пустующем доме с четырьмя комнатами в китайском районе Шанхая – вблизи южных ворот. Недолго думая, он заплатил аренду на полгода вперед и уже через десять дней переселился в этот дом.

Поздно вечером он пригласил к себе китайского парикмахера, который должен был сопровождать его в поездке и ежедневно совершать сложную задачу – заплетать косу «банзи».

Когда в первый раз бреют твою голову, то это очень болезненная процедура, особенно если волдыри от ожога еще не зажили. Последующая пяти-шестичасовая обработка средством отбеливания волос тоже не утоляет боль. В завершение этой болезненной процедуры парикмахер выдернул еще остатки волос на голове у Тейлора.

На следующий день Хадсен надел свою новую одежду. Сначала – ситцевые носки с толстой жесткой подошвой. Затем «хан ку», шаровары. А так как они были слишком широкими в бедрах, он сложил их складками на животе и перевязал крепким ремнем. Внизу они были тоже широки, поэтому он засунул их в носки и перевязал цветными повязками. Потом он надел хлопчатобумажную рубашку, а на нее – тяжелый цветной шелковый кафтан с широкими рукавами, которые были на сорок сантиметров длиннее его рук. Прошло довольно много времени, пока он привык откидывать рукава, если хотел воспользоваться руками. Наконец он сунул ноги в матерчатые туфли – сверху выпуклые и к тому же достаточно широкие для его толстых носков.

Уильям Паркер окинул его сверху донизу немного растерянным взглядом, пока взор его не остановился на штанах.

– В них Вы можете хранить запас провианта на четырнадцать дней! – улыбнулся он.

Вдвоем они пошли к лодке. Шотландец – со своей обычной самоуверенностью, человек из Йоркшира – напротив, очень неуверенно: ему приходилось бороться с непривычными носками и туфлями. Парикмахер и слуги уже были на борту с экипажем лодки, багаж Паркера тоже был на месте. В это мгновение кто-то передал Паркеру письмо. В нем было написано: «От друга. Для основания госпиталя в Нинбо. Передано через пастора Дж. Хобсона. Эти деньги были вначале предназначены для госпиталя в Шанхае».

«Другом» же был не кто иной, как сам Хобсон, работавший пастором ЦМС среди английского населения в Шанхае. В конверте лежали сто долларов.

Они отчалили и поплыли в южном направлении, с трудом пробираясь через целый лабиринт каналов. Через четыре дня они достигли бухты Ханчжоу. Во время путешествия они останавливались во всех городах и, пока Уильям Паркер обслуживал в лодке больных, Хадсен раздавал Библии.

В Ганпу, где Хадсен Тейлор должен был оставить Паркера, случились неприятности. Капитан упорно отказывался брать их дальше с собой, пока они не заплатят ему вперед. Но так как Тейлор подозревал что капитан воспользуется неопытностью Паркера, если тот даст ему деньги сейчас, он не соглашался на условия капитана.

– Откуда мне знать, заплатите ли вы мне, когда мы приедем на другую сторону бухты? – спросил капитан.

– Нас здесь трое учеников Христа, – ответил слуга Паркера. – А ученики Христа не обманывают. Что доктор обещал, то он и сделает.

Паркер и Тейлор удивленно переглянулись. Они и не подозревали, что слуга верит в Иисуса! Капитан согласился.

Хадсен Тейлор отправился в обратный путь. Уже в первом городе он спокойно разгуливал по улицам в своем китайском наряде. Никто не опознал в нем иностранца. Только когда он начал раздавать книги и принимать больных, люди поняли, кто он на самом деле. Эта весть моментально разнеслась среди населения. Вначале люди посмеивались над ним. Но это отношение быст-

ро изменилось, когда он открыл свой медицинский чемоданчик. Раньше женщины и дети подходили к нему очень робко, теперь же они не стеснялись. Тейлор был очень удивлен, что китайская одежда так помогает ему.

Возвратившись в Шанхай, он писал своей матери: «Я должен уповать на Бога и доверять Ему, тогда все будет хорошо. Мне кажется, что я люблю Его сейчас больше, чем когда-либо. Во мне все больше растет желание служить Ему так, как Он этого желает. Последние месяцы Господь дал моей душе очень много силы, хотя я этого совсем не заслужил».

Амелии он писал: «Это что-то чудесное – размышлять о любви Божьей. Доктор Паркер живет теперь в Нинбо, но я не один, потому что сейчас я намного больше ощущаю, что Бог со мной. Я чувствую в себе желание бодрствовать и молиться. Это большое благословение, ведь это очень важно».

Но его занимали не только эти мысли. Он получал письма от Элизабет Сиссонс и ее родителей. Ее письма того периода не сохранились, но Тейлор находил их – по крайней мере! – «вполне удовлетворительными». Но как ответ ее отца был похож на ответ мистера Вейгана! «Если бы я работал в Англии или, по крайней мере, невдалеке от нее, у него, вероятно, не было бы столько возражений», – писал Тейлор. Все та же старая песня – бедный Тейлор!

Его новый дом у южных ворот был готов: две комнаты наверху и две внизу, на другой стороне маленького двора располагалась кухня. Этот дом не был прекрасной виллой. Влажный пол состоял из утоптанной земли с камнями, через трещины в стенах, сбитых из жалких деревянных планок, свистел ветер, а крыша была покрыта только тонкой черепицей. Но лучшее жилище он не мог себе позволить на содержание КЕС, к тому же дом имел очень удобное расположение.

Между тем он носил только свою китайскую одежду, и его коса достигла значительной длины. Реакция в Шанхае на его смелый шаг была двоякой. Джордж Вудкок писал по этому поводу в своей книге: «Тот, кто понимает буквально, что все люди равны перед Богом, и живет в соответствии с этим пониманием, часто достигает форм поведения, которые современное общество не может единодушно одобрить. Для тайпинцев и всех остальных, видевших благородство белого человека, прежде всего в его британской одежде и в соблюдении британских обычаев, поведение

Хадсена Тейлора было шокирующим. Он стал китайцем, потерял свое лицо. Он разорвал магическое кольцо белой солидарности. Он стал предателем».

Оказать китайскому народу честь, принять их культуру, было очень смелым поступком, независимо оттого, что в течение столетий люди уже не раз поступали так.

Тейлор был немного утешен письмом Уильяма Бергера. К письму Бергер приложил два подарка. Десять фунтов с обещанием, присылать эту сумму каждые шесть месяцев на содержание мальчика, которого Хадсен Тейлор принял у себя; и еще сорок фунтов, которые Тейлор мог употребить по своему усмотрению. Видимо Бергер, как и многие другие, не доверял больше КЕС, раз выслал Тейлору наличные деньги.

Ежедневно, несмотря на большой объем работы, Хадсен всегда находил время, чтобы позаниматься с тремя новообращенными китайскими христианами. Их звали Гуюа, Си и Цин. Кроме того, он часто проповедовал перед множеством людей, собиравшихся в его доме. Он также выходил на улицы Шанхая и возвещал Евангелие. Си поддерживал его при проповеди, а Цин, подобно Гуюа, хотел принять крещение. Шанхай должен был стать для Тейлора исходной базой. Это было его целью. Здесь он хотел начать свою деятельность – причем как можно скорее.

В октябре Тейлор, Цин и Гуюа отправились на остров Чунмин в устье Янцзы. Вначале они на месяц арендовали шесть комнат. Для их обширного медицинского и евангелизационного служения это было идеальным местом. «Если бы ты могла заглянуть и увидеть, как уютно у нас здесь!» – писал Хадсен своей матери.

Но через некоторое время им пришлось вернуться в Шанхай, чтобы закупить продукты и медикаменты. Там их ожидало два письма одно хорошее и одно неприятное. В одном письме Уильям Бергер прислал им пятьдесят фунтов. А второе письмо было от главного правителя Чунмина, выражавшего в нем свое недовольство по поводу того, что Тейлор арендовал на острове дом. В том же месяце Тейлору пришлось предстать перед британским консулом Рутерфордом Олкуком – должно было состояться официальное расследование.

– К сожалению, я вынужден запретить Вам проживание на Чунмине, – объявил Олкук. – Иначе Вам придется заплатить штраф в 500 фунтов!

Хадсен Тейлор понимал, что у его китайских друзей будут еще большие трудности, чем у него, если он не откажется от дома. Как иностранец, он пользовался большими правами, чем они. Ему пришлось подчиниться. И все же он чувствовал, что консул несправедливо поступил с ним, ведь два французских миссионера построили на острове даже католическую часовню. По оговорке о наибольшем благоприятствовании из Нанкинского договора он имел такое же право.

– Возвращайтесь как можно скорее, возвращайтесь как можно скорее! – кричали ему вслед соседи, когда через шесть недель он оставил дом в Чунмине. – Возвращайтесь скорее! Пожалуйста! Как же нам теперь быть без доброго доктора с его небесными словами.

«Мне действительно было тяжело оставить их, – писал Тейлор. – Я так надеялся провести там хорошую работу. Много посеяно там, люди получили от нас много книг. Теперь все зависит от Господа, Который даст всходы. Он бодрствует над Своим Словом».

Немного позже Тейлор получил письмо от мисс Стейси из Тоттенхема. Она писала ему о некоторых реакциях в Англии на поведение консула. Многие считали, что Хадсен должен был игнорировать угрозы и, подобно апостолам, оставаться в арендованном доме пока его не выгонят. Но мисс Стейси поддержала Хадсена. «Ты сделал правильно, – писала она, – поступил по слову: „Если вас будут гнать в одном городе, то бегите в другой"». Затем следовали слова утешения и ободрения, в которых он очень нуждался: «Бог даровал Вам, мой дорогой брат, у нас в Тоттенхеме совершенно особое место: здесь никогда не забывают Вас в молитвах, ни одно имя здесь не повторяется чаще, чем Ваше. А теперь до свидания, дорогой брат во Христе и участник упования славы. Какие богатые обетования ожидают тех, кто побеждает!»

Каким бальзамом было это письмо для израненной души!

В Лондоне КЕС также встал на сторону Хадсена Тейлора и поместил в «Собирателе» пламенную статью в защиту своего миссионера.

Глава 15

«Кусочек неба»

«Это один из тех совершенно особых людей, которые редко встречаются, – писал Хадсен матери. – Один из тех, для которых единственно важно, чтобы прославился Бог. Секрет его успеха прост: он муж молитвы, силен и крепок телом и обладает непреклонной волей».

Наконец Хадсен Тейлор нашел друга и единомышленника – пастора Уильяма Бернса. Он был на семнадцать лет старше Тейлора. Шотландское пробуждение 1839 года объясняется не в последнюю очередь его сильными проповедями. Бернс был благословенным проповедником, набравшим евангелизационный опыт в Ирландии и Канаде, и люди охотно слушали его проповеди, не в последнюю очередь благодаря его тонкому чувству юмора.

В 1847 году Бернс прибыл в Китай, выучил язык простого народа, сочинил хоралы и перевел «Путешествие пилигрима» на китайский язык. Некоторое время он пытался работать среди тайпинцев в Нанкине, но, к сожалению, без успеха.

С 1855 года он жил в лодочном домике в Шанхае. И хотя его волосы поседели, его евангелизационное усердие нисколько не ослабло. Тейлор часто посещал его в лодочном домике, а Бернс проповедовал в доме Хадсена Тейлора у южных ворот.

Хадсен многому научился от Уильяма Бернса, что послужило ему большой помощью при создании Внутренней Китайской миссии. Во времена искушений Бернс обращал внимание на то, чего Бог хочет достичь в нем этими искушениями, и это придавало жизни новые перспективы и новое значение. Он считал, что евангелизация – это главная задача христианской церкви, и придавал большое значение работе простых евангелистов.

Бернс и Тейлор стали друзьями – настоящими друзьями. И как друзья, они стали вместе служить Богу. В декабре 1855 года они отправились на двух лодках в путешествие и взяли с собой своего учителя Сонга, а также слуг и экипаж лодки. Цин и Гуюа должны были присоединиться к ним позже.

У Хадсена была комфортабельная лодка с большой каютой. В ней было окно, маленький столик, за которым он мог писать и кушать, и одностворчатый шкаф, над которым он ночью раскладывал постель. Он спал под двумя толстыми китайскими стегаными

одеялами, называемыми «пугай». В каюте даже было два стула для посетителей. В другой каюте жили его слуга и Сонг, в следующей располагался экипаж лодки и книги Тейлора. Эту каюту также использовали как кухню.

В Нансуне, южнее «Большого Озера», Бернс услышал, что у рисовых полей за городом показывают безнравственное театральное представление. Громкая музыка неслась им навстречу, когда они прибыли на место – в огромный лагерь с толпами людей. Трибуна была окружена соблазнительно одетыми проститутками, рядом стояли бордели.

Не теряя времени, Бернс прыгнул на трибуну и этим самым прервал представление.

– Вы поступаете, неправильно! – закричал он. – За это вы попадете в ад!

Его и Тейлора мягко, но уверенно взяли под руки и вывели. На следующий день они пришли снова, но уже не пытались прервать представление, а стали проповедовать с лестницы. Вначале вокруг них собрались люди – любопытные, веселые, подшучивающие, но все же их снова вывели. «Я чувствовал глубокую любовь к этим людям, – писал Тейлор. – Ах, если бы Господь открылся им! Мне было бы очень жаль, если мне по какой-то причине пришлось бы оставить их».

Почтенные люди из Нансуня просили миссионеров посодействовать прекращению театральных представлений. Тейлор и Бернс помолились и решили, что Тейлор должен сделать еще одну попытку. В своей китайской одежде он незаметно прошел мимо борделей и пробил себе дорогу через толпу. Он залез на трибуну и повелел прекратить представление. Пораженные зрители очень внимательно смотрели на него. И тут он обнаружил в толпе Бернса. Несколько мужчин пытались остановить Тейлора, но Бернс так внушительно приказал им сесть, что при виде его больших кулаков, они тут же послушались.

– Вы должны пожалеть свою душу. Почему вы позволяете использовать себя как приманку для того, чтобы привлекать других людей на путь к вечному проклятию? – обратился Тейлор к артистам.

Ему не дали договорить и стащили с трибуны. Когда его отпустили, он снова пошел в толпу. Одна проститутка встала со стула, и Хадсен тут же использовал эту возможность. Он залез на стул и воскликнул:

– То, что вы здесь делаете, неправильно. Не так ли?

Многие люди согласно кивнули, но другие тут же столкнули Тейлора со стула.

– Неужели вы хотите, чтобы ваши дочери стали такими же, как эти женщины здесь? – услышал он голос Бернса.

Он услышал, как толпа в ответ воскликнула:

– Нет, мы этого не хотим!

– Так зачем вы покупаете дочерей других отцов? – спросил он прямо.

Большинство жителей Нансуня были согласны с миссионерами. Один человек даже следовал повсюду за ними и повел их затем в чайную.

– То, что вы проповедовали, – это правда, – сказал он. – Я приглашаю вас на чай.

Несколько мужчин собрались за столом, за которым сидели Тейлор и Бернс, хотя их прежде всего привлекал фонарь Бернса, с трех сторон которого было стекло, а с четвертой – зеркало, чтобы отражать свет. Такие лампы в то время еще не были известны в Китае.

– Неужели все идолы фальшивы? – с любопытством спрашивали люди.

– Что дает вам вера в Иисуса?

– Если Иисус на небе, как мы можем поклоняться Ему на земле?

– Покажи мне Бога и Иисуса, – сказал один. – Тогда я смогу поверить Ему.

Когда мальчик, обслуживающий их, наполнял стаканы, он ставил свой чайник в сторону и внимательно прислушивался к разговору.

Тейлор случайно услышал, как один мужчина спросил другого:

– Веришь ли ты учению этих варваров?

– Да, – прозвучал скромный ответ.

Задумчивый молодой человек из Пекина, который не понимал шанхайского диалекта, сказал Хадсену Тейлору:

– Я думаю, что у нас с Вами есть что-то общее. Наша родина далеко отсюда. Мы живем одни без друзей среди людей, чей язык мы не понимаем. Чувствуете ли Вы себя одиноким, или Бог, Ваш Отец, не дает Вам тосковать?

– Да, бывают времена, когда я чувствую себя одиноким, – подумав, согласился молодой человек из Барнсли, – особенно, когда я болею. Часто я скучаю по своим родителям и родным. Но я мо-

люсь, и Бог посылает мне в сердце кусочек неба. Даже если тоска по родине не совсем уходит, я все же получаю новую силу.

– О, это хорошо!

Несколько мужчин осмотрели Уильяма Бернса и заметили:

– Вам тоже нужно побрить голову и носить китайскую одежду, как Ваш друг. Это Вам будет гораздо больше к лицу!

Бернс решил последовать примеру своего друга. Он писал своей матери: «В последнее время моим спутником был молодой английский миссионер – Хадсен Тейлор. Мы путешествовали каждый в своей лодке, и испытали Божью милость и большую поддержку в нашей работе. Четыре недели назад, 29 декабря, я решил носить китайскую одежду. Тейлор уже несколько месяцев назад решился на это. Почему бы мне не последовать его примеру?»

Тейлор разговаривал с некоторыми китайскими гостями в каюте своей лодки, которая все еще стояла у берега в Нансуне.

– Поклоняться идолам – просто глупо, – с энтузиазмом говорил он им. – За все доброе мы можем благодарить только настоящего живого Бога.

– Не отвергайте всех подряд, ведь есть добрые и полезные идолы, – возразил один китаец.

– Где эти добрые идолы? – спросил Тейлор.

– Например, там, – ответил мужчина и показал в направлении близлежащего храма. – Много лет назад в наш город пришли двое мужчин. Их лодка была загружена рисом, который они хотели продать. В то время был сильный голод. Когда незнакомцы увидели это, они раздали рис бедным. Но потом они не решились ехать домой.

– Почему же?

– Так как они раздали рис бесплатно, вместо того чтобы продать.

– Разве он не принадлежал им?

– Нет, он принадлежал их господину. А так как они его боялись, то утопились здесь, в реке. Люди затем утверждали, что эти незнакомцы были богами. Жители сначала создали их изображения, а потом там, наверху, построили храм, и с тех пор поклоняются этим двум незнакомцам.

– Но ваши идолы были только людьми, которые обворовали своего господина и согрешили, умертвив самих себя.

Впервые Тейлор мог рассказать своим гостям о действительно живом Боге, Который отдал Своего единственного Сына, чтобы все, верующие в Него, не погибли, но имели жизнь вечную.

В то время Хадсен писал своей сестре: «Многие люди узнали здесь о пути спасения. Некоторые даже склонялись на колени с нами и исповедовали, что они верят истине нашего учения».

Вспоминая время сотрудничества с Бернсом, Хадсен писал: «Эти счастливые месяцы были неизреченной радостью и милостью для меня. Удивительно, как сильно Уильям любит Слово Божье. Его жертвенная отдача Богу и постоянное общение с Ним превращали наше общение в большое наслаждение, что волновало меня до глубины души».

Вернувшись в Шанхай, Хадсен Тейлор и Уильям Бернс как-то в один зимний вечер пошли на молитвенное собрание у доктора Медхерста. На собрании присутствовал верующий капитан Бауэрс. Он только что прибыл на своем корабле из Шаньтоу в Шанхай. Этот капитан очень настойчиво просил присутствующих молиться за Шаньтоу. Так как – все снова утверждал он – этот портовый город может очень быстро стать центром для миссионерской работы.

– Там живут люди всех национальностей, – сообщил он. – Почему же там нет миссионеров? Конечно, миссионер, который пойдет туда, должен быть готов делить свою участь с отбросами китайского общества.

Шаньтоу находится примерно в 1.200 километрах южнее Шанхая. Хотя он не был договорным портом и по закону не был открыт для иностранцев, многочисленные иностранные торговцы поселились на острове перед въездом в порт – и это с молчаливого согласия, как собственного консульства, так и китайских властей. Слова «честь», «право», «порядок» были чужды жителям Шаньтоу. Торговля шла, прежде всего, опиумом и людьми. Тысячи мужчин, женщин и детей продавались как батраки.

Тейлор никак не мог забыть слова капитана Бауэрса. Он чувствовал, что Бог зовет его в Шаньтоу. Но какая это для него была жертва!

«У меня никогда не было такого духовного отца как Бернс. Никогда я еще не имел такого радостного общения. Неужели это воля Божья, что мы должны расстаться?»

Несчастный, раздвоенный сам в себе, Хадсен через несколько дней пошел с Бернсом к пастору Рубену Лоури. После обеда они собрались вокруг пианино, и миссис Лоури спела песню, которую Тейлор никогда до этого не слышал: «Призвание миссионера».

Да, я хочу пойти!
Я не должен дольше медлить,
Я должен отдать друзей, тщеславные надежды
И всякий союз, связывающий мое сердце.
Шторм или солнце определяют мою жизнь,
Сладка или горька моя чаша,
С этого момента я только молюсь:
«Боже, освяти меня и приготовь мой дух к тяжелой битве».

Хадсен был так взволнован, что едва мог говорить. Он попросил Бернса проводить его домой. Подойдя к дому у южных ворот, он разрыдался.

– Бог показал мне, что я должен идти в Шаньтоу, чтобы трудиться там для Него. Но я ни за что не хотел. Я не хотел разлучаться с Вами, не хотел, чтобы закончилось наше совместное служение.

Удивленно, скорее с радостью, чем с печалью, Бернс смотрел на него.

– Я тоже услышал зов Господа идти в Шаньтоу, – наконец сказал он. – И мне было так же тяжело, как и тебе. Но теперь мы можем продолжить наше совместное служение.

Когда все узнали эту новость, никто не был так окрылен, как капитан Бауэрс. В радостном вдохновении он предложил обоим миссионерам бесплатный проезд на своем корабле.

6 марта 1856 года они оставили Шанхай. Что ожидало их в Шаньтоуе?

Глава 16

Беспокойные ночи

Путешествие длилось шесть дней. Шаньтоу находится в очень красивой местности, окруженной высокой цепью гор и маленькими плодоносными долинами, где растут тропические деревья, кусты, кактусы, пальмы и бананы. Но какой контраст этому составляли люди!

«Люди здесь бедны, несчастны и злы, – писал Хадсен Тейлор. – Они агрессивны, жестоки и не имеют ничего от культуры китайцев, которых я до сих пор знал».

Ни один из миссионеров не понимал диалекта шаньтоу, на котором разговаривали там. Бернс мог говорить на кантонском наречии, и они встретили кантонца, который был родственником высшего правителя Шаньтоу. Этот человек был так рад, что кто-то заговорил с ним на его диалекте, что употребил все свое влияние, чтобы найти миссионерам комнату. И на самом деле, у них скоро была комната. Она находилась над фимиамовой лавкой, и туда нужно было забираться по приставной лестнице через отверстие в потолке.

Друзья, с помощью простыней и нескольких полок, разделили помещение на три части. «Комната» Тейлора была на южной стороне, Бернс выбрал северную, а часть комнаты на западе они использовали как рабочий кабинет. Их арендатор обещал им к тому же дополнительную роскошь: закрывающийся люк! Кровати были из сосновых досок, стол – из крышки ящика, которую они поставили на две стопки книг.

– Неужели Вы не могли найти что-нибудь получше? – спросил капитан Бауэрс придирчивым тоном при первом посещении.

– Лучше жить с приключениями среди китайцев, чем комфортабельно и уютно среди иностранцев, – смеясь, сказал Бернс.

– Сколько же они берут с Вас за комнату? – наконец спросил Бауэрс.

– Десять долларов в месяц.

– Десять долларов в месяц! – удивился Бауэрс.

Однажды ночью Хадсен Тейлор услышал невдалеке пронзительные крики женщин. Испуганный, он спросил хозяина, что это значит.

– Это, наверное, женщины, которых привезли в бордель, – прозвучал безразличный ответ. – Если они не хотят работать

проститутками, то их мучают до тех пор, пока они не покорятся. Здесь так принято.

Еще минимум два часа были слышны крики. Как нужен Шаньтоу Христос!

В конце марта они встретили старого крестьянина, который обладал очень редкой способностью – он мог хорошо читать. Они тут же наняли его учителем для Хадсена. Каждый день они разговаривали и читали по нескольку часов. Тейлор преуспевал, и уже через несколько недель мог самостоятельно работать.

Однажды путешествуя со своим слугой, они пришли в одну деревню.

– Есть ли здесь школа и учитель? – спросил Хадсен.

– Нет, – ответил старый человек, который возвращался с поля. – В прошлом году у нас был учитель, но теперь мы слишком бедны. У нас едва есть что одеть, – при этом он показал на свои изношенные шаровары.

– Если бы вы не курили опиум и не отдавали так много денег, чтобы чествовать ваших предков, небесную царицу и других идолов, вы жили бы намного лучше, – решительно заявил Хадсен. – Вы надеетесь на охрану, богатство и хорошую жизнь, но разве вы не видите, что обманулись? Ваши идолы имеют глаза, но могут ли они видеть? Они имеют уши, но могут ли они слышать, когда вы молитесь? У них есть рот, но могут ли они говорить? Могут ли они сохранить вас от разбойников, ссор, болезней и несчастья?

Между тем вокруг них собралась толпа в тридцать или сорок человек и множество детей, которые сидели в тени бананового дерева и внимательно слушали.

– Правильно! Правильно! – согласились некоторые. – Наши идолы не имеют большого значения.

– И все же есть Один, которого следует прославить, – произнес Хадсен. – Это большой Отец, Который сотворил небо, землю, людей и все вокруг. Если вы обратитесь к Нему, Он простит вам ваши грехи. Верьте этому чудесному Спасителю, тогда вы найдете мир – в жизни и в смерти. И на этого Отца можно действительно положиться!

В памяти Тейлор навсегда запечатлелись те длинные жаркие летние месяцы в комнате над фимиамовой лавкой. Крыша дома так нагревалась, что к черепицам нельзя было прикоснуться. Поэтому Тейлор на балке крыши повесил простыню. Таким

образом получилось «опахало» и он мог обеспечить себе поступление воздуха, когда лежал на кровати или сидел на стуле. Для этого ему нужно было только дернуть за веревочку.

Письма с родины скрашивали одиночество Хадсена. От своего старого друга Бенджамина Брумхола он получил приятную новость, что он помолвлен с Амелией, его сестрой, и что они думают приехать миссионерами в Китай! Хадсен был вне себя от радости и тут же послал им свои сердечные поздравления. Если Бенджамин действительно хочет приехать в Китай, то Хадсен советовал ему, чтобы его обязательно рукоположили на пастора. Иначе он всегда будет в невыгодном положении по отношению к другим миссионерам.

Хадсен к тому времени полностью изменил свое мнение в отношении этого вопроса. В своем заявлении в КЕС он еще писал, что считает неправильным делать различие между служителями и лицами, не имеющими духовного образования. Но теперь он был бы очень рад, если бы мог работать в миссионерском обществе типа ЦМО.

Хадсен был, разумеется, разочарован тем, что Амелии не понравилось его решение ходить в китайской одежде. «Ты пишешь, что китайская одежда выглядит дикой. А разве английская одежда в глазах китайцев не выглядит дикой? Но я могу уверить тебя: если бы мы не носили местную одежду, то не могли бы остаться здесь».

Уже шесть месяцев КЕС не посылал Тейлору денег. Видно, он надеялся на то, что его поддерживал Уильям Бергер. Миссионерское общество, испытавшее в свое время настоящий бум пожертвований, утопало в долгах. Тейлор стал подумывать над тем, не оставить ли ему КЕС, и поделился этими мыслями с Джорджем Пирсом. От Бергера он еще раз получил 50 фунтов.

Спустя годы доктор де ла Порте, врач-христианин, работавший среди торговцев и деловых людей в Шаньтоу, писал, о Хадсене Тейлоре: «Я видел, как вечером он приходил домой с опухшими ногами, с потницей на лице. Совершенно изнемогший, он падал на кровать, чтобы, после нескольких часов сна, снова вставать и брать на себя все тяготы нового дня. Совершенно очевидно, что у китайского народа он был в большом авторитете, так как он делал для них много доброго. Может, его труд можно сравнить с расцветшим цветком, который распространяет вокруг себя благоухание христианства».

Заболел мандарин Шаньтоу, и никто из его врачей не мог помочь ему. От друзей он слышал, что есть молодой англичанин, который вылечил уже много больных, и позвал его к себе. Хадсен Тейлор позже сообщал: «Бог благословил мой труд, и мандарин выздоровел. Он был так благодарен за это, что посоветовал нам арендовать дом, в котором можно было бы разместить аптеку и больницу. С его разрешения мы приобрели то небольшое владение, в котором до тех пор снимали комнату».

Тейлор оставил в Шанхае почти все свои медикаменты и хирургические инструменты. Теперь ему вновь была предложена бесплатная поездка на пароходе, чтобы он мог перевезти в Шаньтоу все свои вещи. 5 июля он взошел на борт парохода «Уилд Флауер». Бернс провожал его на пристань, он так же, как и Тейлор, был исполнен больших надежд на будущее.

Десять дней продолжалась поездка на Север. После сильной жары в Шаньтоу для Тейлора это было настоящим блаженством! Прибыв в Шанхай, он сразу же пошел к зданию ЛМО. Но – о ужас! Пожар полностью уничтожил здание. Тридцать тысяч Новых Заветов и почти все медицинское оборудование Тейлора сгорело! Пожар выдержали лишь несколько хирургических инструментов! От медицинского оборудования для Шаньтоу ничего не осталось! Хадсен решил просить помощи в Нинбо у доктора Паркера.

Ко всему прочему, его постиг еще один тяжелый удар: Элизабет Сиссонс написала, что решила отклонить его предложение.

Хадсен отправился в Нинбо. Запланирован был нормальный маршрут через Великий Канал и Ханчжоу. Он взял с собой двое часов, уложил в большой бамбуковый ящик свою камеру, фотографии, коллекцию насекомых, несколько медицинских инструментов, концертино, некоторые ценные книги о китайском языке и свои незаменимые простыни-опахала.

После четырнадцатидневного похода Тейлор со своим слугой Юкси достигли города Шимвон. Из-за низкого уровня воды в Великом Канале Тейлор не смог арендовать лодку, и ему пришлось нанять кули, которые должны были нести его багаж почти тридцать километров до Хайниня. Но уже через десять километров он заметил, что его кули – хронические курильщики опиума – обессилили. Ко всему прочему, Юкси объявил ему, что он хочет посетить своего друга, который живет в городе Шименьсиянь. Хад-

сен был раздражен задержкой и не разрешил ему. Он приказал Юкси нанять других кули, а сам пошел вперед. В Ченгане он стал ожидать Юкси и кули, но никто не пришел.

После того, как Тейлор провел беспокойную ночь в грязной гостинице, он пошел в Хайнинь. Туда должны были принести его багаж. Но ни от багажа, ни от кули не было и следа. Ко всем несчастьям, он не нашел там ночлег и был вынужден спать на ступеньках храма, где ему с трудом удалось избежать ограбления.

На следующий день Хадсену ничего не оставалось, как возвратиться в Ченган. До обеда он пытался узнать, где его слуга и кули, но напрасно.

После того, как Хадсен поспал, покушал и обработал свои отекшие ноги, он пустился в путь в Шименьсиянь, где два дня назад оставил Юкси и кули. В дороге он вдруг вспомнил, что прошлым вечером забыл попросить у Бога ночлег. Он чувствовал себя виноватым, что так переживал из-за своих немногих пропавших вещей, но так мало заботился о людях вокруг себя, которые не знали Иисуса.

«В этот момент я ощущал великую любовь Иисуса! – сообщал Тейлор. – Я молился за себя, за друзей в Англии и за моих сотрудников. Я даже не думал о пути, который мне нужно пройти, и вдруг оказался у цели».

Перед южными воротами Шименьсияня Тейлор выпил чашку чая, спросил о своем багаже – снова без успеха – и проповедовал перед несколькими людьми. Когда он уже хотел отправиться в десятикилометровый путь в Шимвон, он встретил одного из своих кули и узнал, что Юкси видели с его багажом на пути в Ханчжоу. Теперь ему ничего не оставалось, как возвратиться на лодке в Шанхай.

Ночь он провел в лежащей на мели лодке. Сразу же при восходе солнца он пошел искать себе место в лодке, идущей в Шанхай. Но как велико было его разочарование, когда он узнал, что ни в этот день, ни на следующий день пассажирские лодки плыть не будут из-за низкого уровня воды в реке.

– А почтовые лодки?

– Они уже ушли.

В этот момент Хадсен обнаружил вдалеке одну из почтовых лодок, которую, вероятно, случайно задержали. Он быстро побежал, пока не нагнал ее.

– Вы едете в Джиасинь? – крикнул он задыхаясь.

– Нет! – прозвучал ответ.

– Вы едете в направлении Шанхая? – снова спросил Хадсен.
– Нет!
– Может, Вы хоть немного подвезете меня?
– Нет!
Это было уже слишком! Хадсен Тейлор упал без сознания.

– Он говорит на чистом шанхайском диалекте, – услышал Хадсен голос, когда он снова пришел в себя.

Голос звучал из большой пассажирской лодки, находящейся на другой стороне канала. Очевидно, несколько человек услышали его крики, прежде чем он потерял сознание. Они послали небольшой ялик, чтобы взять его к себе на борт.

Пассажирская лодка пришла из Шанхая и направлялась на юг, но не могла плыть дальше. Экипаж напоил его чаем и дал немного покушать. Затем он мог помыть в горячей воде свои покрытые волдырями ноги. С состраданием люди на лодке выслушали его историю. Они кричали каждой лодке, которая шла на север, чтобы узнать, не идет ли она в Шанхай. Но без успеха.

– Я слишком устал, чтобы идти пешком в Джиасинь, – сказал Тейлор. – И у меня нет денег, чтобы поехать на почтовой лодке. В этот момент я действительно не знаю, как Бог, Которому я служу, поможет мне. Но Он поможет. В любом случае! Вы увидите, что все, о чем я и другие миссионеры проповедовали вам в Шанхае – это правда! Теперь я хочу Ему служить там, где я нахожусь.

Итак, он с капитаном сошел на землю и хотел проповедовать в близлежащем храме. Но когда они шли к городу, капитан взволнованно показал ему на почтовую лодку.

– Смотрите, это же почтовая лодка! Может, она едет в Шанхай.

– Может, – ответил Тейлор. – Но я уже сказал, что у меня нет достаточно денег, чтобы заплатить за проезд.

Но капитана нельзя было удержать. Он окликнул людей в лодке и спросил, куда они едут. И на самом деле, целью их поездки был город, находящийся всего в пятнадцати километрах от Шанхая.

– Этот господин здесь – иностранец, живущий в Шанхае, – крикнул капитан. – Его обворовали, и у него нет достаточно денег, чтобы доехать домой. Если вы возьмете его с собой и на оставшийся путь наймете ему носилки, то он заплатит вам в Шанхае. Моя лодка стоит в мелководье. Я ручаюсь за этого господина! Если он не сможет заплатить вам в Шанхае, тогда я заплачу вам, когда вы вернетесь назад.

– Хорошо! – ответили мужчины с почтовой лодки и взяли Хадсена Тейлора на борт.

Почтовые лодки длинные и узкие. Они едут удивительно быстро. Двое мужчин ногами и руками работают веслами. В них мало места. Пассажирам все время нужно лежать, так как любое неосторожное движение может опрокинуть лодку. Тейлора это не волновало! Он был счастлив наконец отдохнуть и благополучно прибыть в Шанхай.

Глава 17

Трагедия на канале

Но как Хадсену Тейлору поступить с Юкси, который, очевидно, исчез с его имуществом?

Вначале Хадсен послал вестника в Шименьсиянь, который должен был узнать: не попал ли Юкси под арест к мандарину? Было совершенно ясно, что он украл багаж Хадсена.

Несколько вещей Хадсену было особенно жаль: фото Амелии, концертино, сборник хоралов, Библию, которую подарила ему мать, не говоря уже о географических картах и одежде.

Конечно, он мог заявить в суд, и многие советовали ему сделать это. Но чем больше он размышлял об этом и молился, тем больше не решался на этот шаг. Как часто он молился за покаяние Юкси! Если он пожалуется властям, которые, без сомнения, посадят Юкси в тюрьму, тогда он поступит не по слову Христа. Будет ли Юкси после этого вообще верить ему?

Он решил послать Юкси откровенное письмо. «Я совершенно точно знаю, что ты сделал, – писал он. – Моя первая мысль была заявить об этом деле в полицию. Но если мы хотим следовать за Христом, мы должны платить добром за зло. Поэтому я не хочу заявлять на тебя. В конце концов проигравшим окажешься ты. Я прощаю тебе от сердца и настоятельно прошу тебя избежать грядущего гнева».

«Может, он вернет мне хотя бы иностранные книги и бумаги, которые для него совсем бесполезны?» – думал Тейлор.

Письма, где Хадсен описывал своим родным этот случай и свою реакцию на него, были напечатаны в «Собирателе». Георг Мюллер из Бристоля прочитал журнал, и эта статья понравилась ему. Он был твердо убежден, что все заповеди Иисуса нужно принимать всерьез. Если исполнять Нагорную проповедь не от всего сердца, то она теряет свою ценность. Но какое это удивительное богатство, если ученик Христа, который полностью доверяет своему Господу, исполняет ее на практике. И этот молодой человек совершенно искренне верил ей и поступал по ней. Мюллер написал Хадсену Тейлору ободряющее письмо и приложил 40 фунтов. Этим он возместил Тейлору нанесенный ему ущерб. Примеру Мюллера последовали еще многие другие.

Несмотря на потери, Хадсен Тейлор не унывал. Он снова отправился в Нинбо. Он надеялся, что доктор Паркер сможет возместить ему хотя бы некоторые из инструментов, которые он потерял при пожаре. На этот раз путешествие прошло благополучно и без происшествий. При этом посещении Тейлор познакомился с Джоном и Мэри Джонс. Джон Джонс был представителем КЕС в Нинбо. Супруги приехали в Китай с готовностью быть довольными тем, что мог им дать КЕС, не вынуждая его платить определенную сумму. Для них вопрос содержания был делом доверия Богу. Хадсен Тейлор и Джон Джонс очень хорошо понимали друг друга и быстро стали друзьями.

Почти два месяца Хадсен работал в клинике Паркера в Нинбо. Один раз в неделю Паркеры ужинали у мисс Олдерси и сестер Дайер, которые работали вместе с этой замечательной дамой. Как в Англии королева Виктория правила страной, так мисс Олдерси была главой англичан в Китае, по крайней мере, это утверждали некоторые люди в Нинбо. Ходили слухи, что даже британский консул вроде бы получал от нее указания.

Однажды, жители города даже землетрясение приписали магическим силам мисс Олдерси. Китайцы по секрету передавали друг другу, что якобы она на рассвете взошла на городскую стену и выпустила из флакона могущественных духов, которые и привели в движение столпы Земли. Мисс Олдерси и в самом деле в любую погоду в пять часов утра ходила на прогулку на городскую стену, зимой в сопровождении мужчины с фонарем. И в ее флаконе действительно были могущественные духи – карбонат аммония – средство, которое она постоянно применяла против головной боли или же против «неприятных запахов». Но были ли эти «духи» достаточно сильны, чтобы вызвать землетрясение...?

Школа, которую мисс Олдерси вела вместе с Буреллой и Марией Дайер, была первой школой для девочек, которую протестантские миссионеры создали в Китае. К тому же Бурелла и Мария были единственными незамужними молодыми дамами по всей округе. С детства они разговаривали по-китайски, а по диалекту Нинбо они были настоящими экспертами. Но, прежде всего, жизнерадостные девушки вносили оживление в однообразную жизнь иностранцев в городе. Мы не знаем, какое впечатление эти девушки произвели на Хадсена Тейлора, но Марии этот молодой человек понравился, и она «сразу принесла это в молитве к Богу».

15 сентября 1856 года Хадсен Тейлор получил от Уильяма Бергера 20 фунтов. Это было очень кстати. Хадсен Тейлор мог теперь заплатить за медикаменты и инструменты, которые дал ему Паркер. Через три дня он опять получил 40 фунтов от Бергера. Тейлор был так благодарен за эти дары, что отдал 50 долларов на строительство больницы Паркера.

В конце месяца Тейлор оставил Нинбо и поехал с Джоном Джонсом и его сыном Томом в Шанхай. Том после перенесенной болезни должен был там подлечиться. Как только Хадсен уехал, Мария Дайер с растерянностью установила, что ей очень не хватает его.

В Шанхай в это время снова поступили деньги от Бергера. В тот год Бергер послал Тейлору триста фунтов, в которых Хадсен очень нуждался, так как КЕС посылал ему только небольшую часть обещанного содержания.

Когда Тейлор уже хотел отправиться из Шанхая в Шаньтоу, он получил письмо от Бернса. К удивлению Тейлора, оно было отправлено не из Шаньтоу, но из Гуанчжоу. Бернс писал, что он и двое его китайских сотрудников арестованы и брошены в тюрьму. Их держали шесть недель, а затем передали консулу в Гуанчжоу. Судя по письму, в данное время было неразумно ехать в Шаньтоу. «Разве я не должен был видеть и в этом руку Бога, – так писал много лет позднее Тейлор, – Который закрыл дверь, через которую я так хотел пройти».

На самом деле у Хадсена Тейлора были веские причины пока оставаться в Нинбо. Там жили его коллеги по КЕС: Уильям Паркер, который уже хорошо прижился там и строил больницу, Джон Джонс, который очень нуждался в опытном спутнике и евангелисте. Возможно и Мария и Бурелла Дайер...? Во всяком случае, Хадсен Тейлор с Джоном и его сыном решили вернуться назад в Нинбо.

Они арендовали джонку и взяли с собой Петра, молодого китайца, с которым Уильям Паркер познакомился в Англии, а в своем путешествии в Китай взял его как слугу и учителя. Петр, который еще не был христианином, спросил Паркера в письме, можно ли ему приехать в Нинбо и работать у него, и Паркер согласился.

Однажды утром Тейлор сидел в своей каюте и готовил книги и трактаты для раздачи. Петр прогуливался по джонке. Его уже часто предупреждали о беспечной привычке – перелезать на другой конец лодки по узкой планке на внешней стороне каюты.

Вдруг Хадсен Тейлор услышал крик. Он быстро выбежал из каюты на палубу. Петр вниз головой упал в канал. Уровень воды хотя и был довольно низок, но Петр застрял в глубоком иле! Экипаж беспомощно смотрел на происшествие. Сильный ветер быстро уносил джонку вперед, хотя они ехали против течения. Никто не знал, как далеко позади остался Петр.

Тейлор торопливо спустил паруса. Затем он прыгнул в воду и стал отчаянно искать Петра. Вдруг он обнаружил лодку рыбаков с сетями и багром.

– Сюда! – крикнул он. – Человек тонет! Быстрее плывите сюда и бросьте сеть!

– Потом! Сейчас мы хотим ловить рыбу, – ответили мужчины.

– Какая теперь разница, что вы хотите! Человек тонет! Вы слышите?

– Мы должны ловить рыбу и нам некогда!

– Ловить рыбу вы можете потом. Я дам вам больше денег, чем вы заработаете своей ловлей. А теперь быстрее плывите сюда!

– Сколько денег Вы дадите нам?

Хадсен не верил своим ушам.

– Сейчас некогда говорить об этом! Поторопитесь, а то может быть поздно! Я даю вам пять долларов.

– За пять долларов мы не сделаем этого. Дайте нам 20 долларов!

– Столько у меня нет. Давайте быстрее, я дам вам все, что имею.

– А сколько это?

– Я точно не знаю, может, 14 долларов.

Наконец рыбаки нехотя подъехали. И все же они не особенно торопились. Они бросили сеть и действительно в течение одной минуты нашли Петра. Но Петр уже не подавал никаких признаков жизни. Он слишком долго пробыл под водой. Тейлор, не теряя времени, стал делать ему искусственное дыхание. Все его движения сопровождались причитаниями рыбаков, которые жаловались, что он им не сразу заплатил.

К сожалению, все старания оказались напрасны: Петр был мертв.

Тейлор хорошо знал, что китайцы думают о смерти и какой страх у них перед духами. Что еще им придется пережить! Они поехали назад в Шанхай, но погода для плавания была очень неблагоприятной, так что им понадобилось очень много времени на дорогу. К тому же своим страшным грузом они вызывали все больше возмущения.

В Шанхае Хадсен долго искал родных Петра. Его мать не хотела брать тело своего сына, но пыталась выманить у Хадсена как можно больше денег. После долгого крика, воплей и мелочных торгов, родные наконец согласились взять тело. Тейлор дал им пять долларов на погребение.

«Этот случай очень опечалил меня, – писал он. – Он открыл мне еще более печальную действительность. Не были ли эти рыбаки виновны в смерти бедного китайца? Они могли бы спасти его, если бы только захотели! Да, конечно, они были виновны! И все же! Прежде чем выносить им приговор, остановимся на мгновение, чтобы никто не сказал нам: ты виноват! Если жестоко не захотеть спасти тело человека – насколько хуже оставить душу человека на погибель и сказать, как Каин: ”Разве я сторож брату моему?”

Иисус повелевает нам, Он повелевает это мне, повелевает тебе: пойти по всему миру и проповедовать Евангелие всей твари!»

Глава 18

Темные планы

«Если вы с восточной стороны зайдете в Нинбо через Соляные ворота, тогда идите вдоль главной улицы, мимо старой пагоды и пересеките канал по ухабистому каменному мосту. Вы попадете прямо на узкую улицу, которая мимо большого храма Конфуция ведет к Солнечному и Лунному озерам. Затем, – так писал Хадсен Тейлор своим друзьям на родину, – идите вниз примерно километр по мощеной улице. Если вы увидите там человека, который бьет в большой бронзовый колокол, то остановитесь. Он пригласит вас зайти и послушать Евангелие. Как только вы пересечете хорошо вымощенный двор, вы зайдете в большой зал. Там вы найдете нас, мы ожидаем вас и хотим начать».

Через пару недель, после того как Хадсен с Джоном Джонсом и его сыном прибыли в Нинбо, он поселился в чердачном помещении над школьной комнатой на Бридж-стрит. Классную комнату занимал Паркер. Как только дети уходили, зал становился часовней.

Хотя зима была относительно мягкой, Тейлор мог каждое утро писать свои инициалы на снегу, который собирался на его одеяле. «Крыша китайского дома может удержать дождь, если он не очень сильный, но от снега она не может защитить. Он проникает через все щели!» Стенами из досок чердачное помещение было разделено на пять маленьких комнат. Тейлор побелил стены и заклеил щели бумагой.

Паркер, который в то время имел хорошо оплачиваемую работу как портовый врач, начал строительство новой больницы на берегу реки за Соляными воротами. В городе и в окрестности он был известен как хороший врач, и пациенты стремились попасть к нему.

Хадсен Тейлор помогал Паркеру в медицинской работе, а Джон Джонс вместе с Фредериком Гафом проповедовал в чайных. Мэри Гаф брала с собой Мэри Джонс, когда посещала по домам китайских женщин. Тейлор иногда сопровождал Гафа и Джонсона, и при этом все лучше понимал диалект Нинбо.

Семья Джонс арендовала дом в центре города, вблизи Восточных ворот. Недалеко находились дом и школа мисс Олдерси.

Как-то Мисс Олдерси пригласила Джона и Мэри Джонс, а также Хадсена Тейлора на ужин, хотя этот – как она говорила – «эксцен–

тричный» молодой человек не очень нравился ей. Он не принадлежал ни к какой деноминации, и, кроме того, одевался как китаец! Неслыханно! Ко всему прочему, он еще отрастил волосы и носил «банзи». Но добрая мисс Олдерси не догадывалась, что младшая из сестер Дайер полюбила этого молодого человека. Она очень часто молилась, чтобы Хадсен, наконец, обратил на нее внимание.

Друг Хадсена, овдовевший Джон Бердон, полюбил Буреллу. В скором времени они хотели объявить о своей помолвке. А сорокалетний Джозеф Эдкинс сделал предложение Марии, над чем она только посмеивалась. Эдкинс был слишком скромным, чтобы еще раз попытать свое счастье у Марии, хотя некоторые считали, что успех Бердона мог бы придать ему смелости.

После ужина у мисс Олдерси Хадсен описывал Марию как миловидную девушку, которая немного косит. Он заметил, что она очень хорошо говорит по-китайски. Ему рассказали, что прежде чем в 1827 году пойти миссионером в Пенанг, отец Марии учился в Кембридже, что на своем смертном одре он посвятил ее миссионерскому служению, и что она очень серьезная, честная и прилежная девушка. Ему так же рассказали, что Мария жизнерадостна и интеллигентна. У нее были прекрасные светло-каштановые волосы и стройная фигура. Сестры Дайер были талантливыми.

Однажды, когда Мария была у Джонсов, туда зашел Тейлор. Он как раз побелил и заклеил комнату на Бридж-стрит.

– Ты можешь скоро принимать гостей! – заметила Мэри Джонс.

Мария выглядела так серьезно, насколько это возможно застенчивой девятнадцатилетней девушке и насколько это положено викторианской молодой даме.

– Да, – подхватил Тейлор это предложение, – я действительно надеюсь иметь многих посетителей. Мэри вздохнула. Свести этих двух молодых людей будет не так-то просто.

Тейлор был в подавленном настроении. Хотя большинство миссионеров в Нинбо сердечно приняли его, от него не осталось сокрытым, что они не приняли его как себе равного. Неудивительно! Он не был рукоположенным пастором и не имел диплома врача. Рукоположенные пасторы постоянно приглашаются на английские и китайские богослужения, его же очень редко просили сказать проповедь. И это несмотря на то, что он довольно бегло говорил на нескольких китайских диалектах. А эта мисс Олдерси даже не скрывала своего пренебрежения к нему. Все чаще ему в голову приходила мысль вернуться в Англию, закончить там медицинское образова-

ние и жениться. Он может затем снова вернуться в Китай. Иногда он даже думал вообще прекратить миссионерскую деятельность.

Подошло Рождество, и он на какое-то время забыл свои проблемы. Супруги Гаф организовали праздник для пятнадцати английских миссионеров в Нинбо, с бифштексом, пудингом и десертом. Фредерик Гаф имел прекрасное пианино, и он попросил Буреллу и Марию сыграть для гостей. Хадсену очень понравились их дуэты. Они напомнили ему о его пропавшем концертино, и это причиняло ему страдания. «Американские миссионеры здесь все имеют фисгармонию, зачастую очень хорошие инструменты», – писал он своей матери на следующий день. Если в Англии можно купить переносную фисгармонию за 10-15 фунтов, то он очень хотел бы иметь такую. Но фисгармония должна иметь пять или больше октав, чтобы они с женой, которую он надеется иметь, могли играть дуэтом!»

В тот же день Мэри Джонс взяла Марию с собой на посещения. Вечером Хадсен пил с ними чай, а потом проводил Марию домой. Счастье Марии не знало границ.

Джон и Мэри Джонс стали между тем для Хадсена как брат и сестра. Им он доверил, что подумывает возвратиться в Англию. Они растерянно посмотрели на него и просто не хотели этому поверить.

– Я хорошо знаю, что тебя удержало бы здесь, – наконец сказала Мэри. – Тебе нужна хорошая жена! Такая, например, как Мария Дайер.

– Но об этом мне даже и думать нечего! – запротестовал Хадсен. – КЕС даже для меня не дает достаточно денег!

– Но Господь дает тебе все, в чем ты имеешь нужду, – ответила Мэри. – А если тебе нужно будет больше, Он даст тебе и больше.

С тех пор Тейлор начал молиться, чтобы Господь дал ему верный ответ в отношении Марии.

Между тем Хадсен и Джонс узнали, что КЕС оказался в долгах и еле-еле сводит концы с концами. «В Слове Божьем написано: „Не оставайтесь должными никому ничем". Занимать деньги – означает для меня действовать против Писания. Брать в долг означает, что Бог удерживает что-то доброе, а человек решает сам взять то, что Он не дает ему», – писал Хадсен домой.

После смерти матери Буреллы и Марии в 1846 году и после их отъезда из Пенанга, их отчим, Дж. Г. Баузум, снова женился.

После смерти господина Баузума его вторая вдова продолжала его работу в Пенанге, пока мисс Олдерси, которой скоро должно было исполниться шестьдесят лет, не попросила ее приехать в Нинбо. Миссис Баузум должна была работать в школе и позднее перенять ее от мисс Олдерси. В октябре 1856 года она приехала в Нинбо.

В январе 1857 года Мария рассказала ей о предложении Джозефа Эдкинса. На это миссис Баузум ответила.

– Дама не имеет права предавать насмешкам джентльмена только из-за того, что он любит ее, а она не может ответить взаимностью. Она не должна презирать его за то, что он высоко думает о ней. Ты не должна была сразу отказывать ему, но нельзя также очень быстро принимать предложение, не помолившись вначале об этом деле.

– Я не могу принять его предложение, – ответила Мария и рассказала ей о своих чувствах к Хадсену Тейлору.

– Я не заметила, что он интересуется тобой, – сухо сказала миссис Баузум.

У Марии было много поклонников. Среди них был и переводчик британского посольства в Нинбо. Его звали Роберт Харт. Несмотря на свою занятость, он всегда находил время для молодой дамы, которая так хорошо могла говорить по-китайски. В начале 1857 года он сделал ей предложение. Но Мария отказала и ему.

Между тем между Англией и Китаем развился опасный конфликт. Над страной навис призрак войны. Причиной послужил неприятный случай, происшедший в октябре 1856 года. Китайские корабли, которые были зарегистрированы в Гонконге, имели право плавать под британским флагом, что ограждало их от своих таможенников и организации, боровшейся с торговцами опиума. 8 октября китайские чиновники в Гуанчжоу взошли на борт китайского корабля «Арроу», который перевозил опиум. Корабль шел под британским флагом. Китайские служащие дали команду спустить флаг и арестовали экипаж. Британский консул потребовал от вице-короля в Гуанчжоу освободить экипаж и поднять флаг. Но вице-король не согласился. После этого сэр Джон Бауринг, губернатор Гонконга, поставил ультиматум: если в течение двадцати четырех часов экипаж не будет освобожден и не будет принесено открытое извинение, а также не будет дано обещание,

что впредь такого больше не случится, Гуанчжоу подвергнется бомбардировке. Извинений не последовало, и дело дошло до бомбардировки.

На самом деле англичане заблуждались. «Арроу» не имел права ходить под британским флагом, так как их лицензия закончилась за несколько дней до этого события. Китайские чиновники поступили правильно, и отказ вице-короля высказать открытое извинение был правомерным.

Честь обоих государств была затронута. И к тому же, британская общественность хотела иметь британского посла в Пекине, чтобы Китай открылся для иностранцев.

Британские военно-морские силы под руководством адмирала Сеймора атаковали Гуанчжоу и осадили тюрьму. Теперь китайцы начали искать возможность отомстить иностранцам. Вице-король Гуанчжоу поклялся отомстить британцам, ведь они осквернили его дворец и бомбардировали город. Он назначил премию за каждую голову этих варваров, поэтому всем иностранцам в Китае стала угрожать опасность.

До сих пор отношения между жителями Нинбо и иностранцами были хорошими и мирными. Но многие мандарины, которые прибыли из других частей Китая, не имели с ними контакта. Многие из них – в большинстве своем кантонцы – жили вблизи Нинбо. Хотя Хадсен Тейлор и его сотрудники осуждали действия британцев, китайцы не делали никакого различия между миссионерами, деловыми людьми и военными.

В начале января 1857 года кантонцы в Нинбо решили освободиться от всех иностранцев в городе. Они знали, что большинство европейцев – консулы, деловые люди и миссионеры – по воскресеньям принимают участие в вечернем богослужении в доме Уильяма Рассела.

Этот дом было решено окружить и всех присутствующих там убить. На остальных иностранцев, которые не принимали участия в богослужении, также было решено напасть в то же самое время. Главный служащий города поддержал этот заговор.

Но один из заговорщиков начал переживать за своего друга, который был слугой у одного миссионера. Он предупредил его о заговоре и настаивал, чтобы тот оставил место работы. Слуга тут же рассказал об этом своему работодателю, а тот сообщил об этом остальным миссионерам.

В срочном порядке миссионеры собрались на молитву, чтобы попросить у Бога водительства и защиты. Молитвенное собрание еще не закончилось, когда к правителю города уже пришел молодой мандарин.

– При всем уважении к вам, – начал молодой мандарин, – я должен сказать, что считаю неразумным такое посягательство на жизнь иностранцев в Нинбо. Если оно удастся, то иностранцы из всех частей Китая пошлют сюда войска, чтобы отомстить за жизнь своих людей. Они сравняют город с землей.

– Если они сделают это, – ответил правитель, – то я просто буду отрицать мое участие в этом заговоре. А это означает, что они будут мстить кантонцам и уничтожат их. Так мы одновременно освободимся как от иностранцев, так и от кантонцев.

– Такие попытки уйти от ответственности – напрасны, – убежденно заявил молодой мандарин. – У меня даже есть основания подозревать, что иностранцы знают о запланированном нападении и знают его участников. По-моему, они готовы к нападению.

Это подействовало. Правитель заявил о готовности отдать приказ: запретить нападение.

В это время совсем недалеко от резиденции правителя миссионеры после молитвы расходились по домам. Никто из них не подозревал, что их молитвы уже услышаны.

И все же все иностранцы в Нинбо продолжали находиться в опасности. Некоторые деловые люди и миссионеры ставили охрану вокруг своих домов. Другие решили отправить женщин и детей в Шанхай. Мисс Олдерси очень хотела, чтобы Бурелла и Мария тоже поехали в Шанхай, В то время как она с миссис Баузум будут охранять школу. Но сестры отказались оставить Нинбо.

Так как Джон Джонс и Хадсен Тейлор меньше всего были привязаны к Нинбо, им было поручено сопровождать женщин и детей в Шанхай и там позаботиться о них.

Мария пошла на пристань, чтобы попрощаться с друзьями. На борту «Фоам» были две американские семьи, а на «Японии» – семья Мартин, Джон и Мэри Джонс с детьми, Мэри Гаф с детьми и Хадсен Тейлор. Хадсен сидел на палубе и держал на коленях малыша Гафа.

Мария помахала им, когда «Японию» тащили на буксире в бухту, откуда она могла плыть дальше. Почти всю дорогу Хадсен заботился о «маленьком сокровище». Во всяком случае – как он

позднее рассказывал – чтобы «скрыть свои переживания за Марию, которая оставалась в Нинбо».

Мария же, в свою очередь, писала своему брату в Англию: «Мистер Тейлор, хотя он этого вначале совсем не хотел, по просьбе одного из своих друзей уехал в Шанхай, чтобы там позаботиться о его семье. Перед его отъездом мне показалось, что он немного интересуется мною. Но, пожалуй, мне нельзя быть слишком оптимистичной...»

Никто из них не знал, увидят ли они друг друга.

Глава 19

Важное сообщение

В Шанхае Хадсен Тейлор и Джон Джонс большую часть времени проводили, проповедуя Евангелие и раздавая Библии в китайской части города и в селах. В течение нескольких недель они не знали, смогут ли вернуться в Нинбо, или же им вообще придется оставить Китай.

Но в конце февраля волнения в Нинбо улеглись. Паркер сообщил, что жители и мандарины вели себя дружелюбно. Большинство беженцев возвратились назад. Только Мэри Гаф, семья Джонс и Хадсен Тейлор остались в Шанхае. «Господь, приведший нас сюда, не повелел нам пока возвращаться, – писал Тейлор. – И мы останемся здесь, пока столп облачный не пойдет впереди».

В это время Тейлору стало ясно: «Мне очень не хватает человека, с которым бы я мог иметь неограниченное общение. Человека, которого я люблю и которому доверяю». Ему очень не хватало Марии. Мэри и Джон Джонс советовали ему написать ей, и он на самом деле написал письмо.

Это письмо не сохранилось, но мы знаем, что Хадсен описал в нем свои чувства к Марии. Он просил разрешения ближе познакомиться с ней, и умолял ее не отвергнуть его. Если же она не имеет к нему расположения, то пусть сожжет это письмо. Он согласно строгому обычаю того времени также написал Фредерику Гафу и сообщил ему о предложении, которое он сделал Марии.

Утром 8 апреля, когда Мария была в школе, Мэри Гаф принесла это письмо. Так как на конверте был незнакомый почерк, Мария не спешила прочитать письмо. Она спокойно продолжала работать, пока не закончились занятия. Затем она пошла в свою комнату и открыла письмо. В растерянности она прочитала: отправитель – Хадсен Тейлор.

Значит, ее молитвы все же были услышаны! Она быстро побежала к Бурелле и, сияя от счастья, сообщила ей новость.

– Чудесно! – обняла ее сестра. – Я поздравляю тебя!

Но затем об этом услышала мисс Олдерси.

– Я надеюсь, что ты не собираешься принять это предложение, – возмутилась пожилая дама.

Когда Мария попыталась сказать, что она, наверное, ..., мисс Олдерси прервала ее:

– Лучше всего написать мистеру Тарну и попросить его, чтобы он побольше узнал о мистере Тейлоре.

Уильям Тарн был дядей Марии и ее опекуном, и жил в Лондоне.

– А теперь со всей серьезностью, – категорически заявила мисс Олдерси, – ты должна отклонить предложение мистера Тейлора и попросить его никогда не возвращаться к этой теме. И вообще, выбей все это из головы!

Что же было делать Марии? Впрочем, с правовой точки зрения, она не была обязана подчиниться повелению мисс Олдерси. Но как могла она противиться мнению этой дамы, которую, несмотря ни на что, от всего сердца любила и которая все эти годы сделала ей так много добра? Мэри Гаф понимала и жалела Марию, но тоже считала, что она должна послушаться мисс Олдерси.

– Ведь мисс Олдерси для тебя как мать! И даже, если ты его на самом деле любишь, неужели ты думаешь, что будешь счастлива, если выберешь путь, который она абсолютно отклоняет?

Мисс Олдерси тут же написала Уильяму Тарн не очень лестное для Хадсена Тейлора письмо. Мария тоже написала своему дяде письмо, в котором описала свои чувства к Хадсену Тейлору и просила его дать согласие на этот брак. Но мисс Олдерси передала ей через Буреллу, что она не согласна с содержанием этого письма.

Мария долго размышляла над тем, как ей ответить Хадсену Тейлору. Одно было несомненно. Мисс Олдерси обязательно захочет прочитать это письмо. Ее сердце и разум говорили ей, что она должна ободрить Хадсена в его решении. Но так как мисс Олдерси ей это запретила, ее письмо должно было выглядеть как отклонение предложения. Письмо, которое она в конце-концов отослала, было шедевром дипломатии. Слова, выбранные ею, и метод, которым она давала знать свое истинное мнение, были великолепны. Во всяком случае, между строчек можно было прочесть больше, чем в них.

«16 апреля 1857 года

Многоуважаемый мистер Тейлор!

Сообщаю Вам, что получила Ваше письмо от 21 марта. Мне отдала его лично в руки 8 апреля миссис Гаф. Вначале я хочу поблагодарить Вас за Ваше приветливое, пропитанное христианским духом письмо.

Просьбу, которую Вы изложили в письме, я в серьезной молитве принесла Богу, и хочу откровенно признаться, что я желаю познать волю Божью и хочу поступать согласно ей. И хотя мне очень неприятно причинять Вам страдания, я должна на Ваше письмо ответить так, как, по-видимому, соответствует Божьей воле. И мне кажется очень ясной моя обязанность – отклонить Ваше предложение. Но не думайте, дорогой мистер Тейлор, что я это делаю легкомысленно и что я не ценю Ваши чувства по отношению ко мне. Я очень уважаю эти чувства (хотя считаю своим долгом не поощрять их) и ни в коем случае не смеюсь над Вами и Вашим предложением.

Я посчитала правильным ознакомить с вашим предложением мисс Олдерси и мою сестру. Кроме людей, через которых Вы передали мне свое письмо, об этом, насколько мне известно, знает только еще миссис Баузум.

Мне хотелось бы, чтобы никто больше не узнал об этом, кроме моих самых близких родных и тех, кому Вы посчитали нужным сообщить. Прежде чем окончить письмо, я сожгу Ваше, как вы пожелали.

Считаю Вас, уважаемый мистер Тейлор, братом во Христе и надеюсь относиться к Вам так, как должны относиться друг ко другу ученики Христа. Но не требуйте от меня большего. Я прошу Вас не повторять больше предложения, так как я должна буду дать Вам тот же ответ. По моему письму Вы увидите, что мне нелегко было дать Вам отрицательный ответ. Я написала Вам менее сдержанно, чем ответила бы другим, с которыми я не чувствую себя связанной узами христианского единения. А теперь да благословит Вас Господь обильно, чтобы Вы были благословением для других. Да употребит Вас Господь в деле спасения многих душ, чтобы в день Христов Вы могли радоваться многим венцам.

Ваша Мария Джейн Дайер».

Мария переживала: Пройдет ли это письмо «цензуру»? Христиане, конечно же, должны любить друг друга. С одной стороны она просила Хадсена не возвращаться к этой теме, но она и не запрещала этого. Поймет ли Хадсен, что она считает своим долгом следовать указаниям мисс Олдерси?

Письмо беспрепятственно прошло через «цензуру» мисс Олдерси.

«После того как я отослала письмо, – писала Мария, – мне стало ясно, что я не могу больше желать чего-то. Я могу передать это дело только Богу и просить Его сделать то, что Он считает лучшим».

В начале мая Хадсен Тейлор получил ответ Марии. Он снова и снова перечитывал письмо и заметил, что его можно понять двояко. Вроде бы – «нет» и, пожалуйста, не пытайтесь повторить предложение. «Во всяком случае, не сейчас». Или же: если бы я могла так, как хотела... У Тейлора возникло подозрение, что тут не обошлось без мисс Олдерси, и что поэтому письмо получилось двусмысленным.

29 мая 1857 года, через неделю после своего дня рождения (ему исполнилось 25 лет), Хадсен Тейлор оставил КЕС. Довольно часто он предупреждал миссионерское общество, что ему придется предпринять этот шаг. Но КЕС снова не прислал ему полную сумму, которая была предназначена на полгода. Кроме этого, миссия и дальше работала с занятыми в долг средствами, что, по мнению Хадсена, было совершенно не по-библейски. Но Хадсен был не только недоволен обществом, оно служило для него даже препятствием. Оно запрещало миссионерам самим зарабатывать деньги, чтобы улучшить скудное жалованье.

В Халле и в Лондоне Тейлор испытал, что Бог по молитве посылал ему все необходимое, в чем он нуждался. Теперь он снова хотел жить по этому принципу. «Если Господь Вас благословит, – писал он в КЕС, – и Вы захотите мне что-то послать, будь это совет, финансовая помощь или что-то другое, то я приму это как от Господа, с благодарностью Богу и Вам». Несколькими днями позднее из КЕС вышел и Джон Джонс. Но разрыв с КЕС с обеих сторон произошел в добром согласии.

После многих раздумий и молитв, Тейлор и Джонс решили трудиться в одном из договорных портов, пока не будет создана церковь из коренных жителей. Затем они хотели дать этим христианам образование и послать их нести Евангелие своему народу. Они хотели сложить все свое имущество, и жить одной семьей с одной общей кассой. Но вначале они хотели вернуться в Нинбо, поработать вместе с Уильямом Паркером и другими, участвуя в созидании китайской церкви и обучая руководителей.

7 июня они узнали, что корабль с тремя новыми миссионерами КЕС – Чарльзом Халл, его женой и мисс Маграт – после

шестимесячного путешествия прибыл в устье Янцзы. Тейлор и Джонс встретили их, и после двухнедельной подготовки они все вместе поехали в Нинбо. Там супруги Халл и мисс Маграт временно поселились в доме Паркера на другой стороне поселения иностранцев. Семья Джонс и Хадсен Тейлор поселились в старом доме Рассела в китайской части города, недалеко от Соляных ворот.

Хадсен не забыл, что написала ему Мария, и поэтому встречи с ней избегал. Мария, со своей стороны, также не посещала свою подругу Мэри Джонс, чтобы вдруг не встретиться с определенным молодым человеком, который жил в этом же доме. Хадсен Тейлор и Джон Джонс углубились в работу, к которой их призвал Бог. Они планировали длительное путешествие внутрь страны.

Казалось, что все в порядке. Но потом произошло непредвиденное. Мэри Джонс попросила Марию вместе с ней посещать китайские семьи и во время отсутствия мужчин пожить у нее. Видимо Мария упомянула об этом дома, потому что мисс Олдерси немедленно появилась у Мэри Джонс и показала свой, пользующийся дурной славой талант, – вызывать «землетрясения».

– Я категорически против того, – начала она повелительным голосом, – чтобы Мария ходила с Вами на посещения. Кроме того, – ее голос становился все громче, – я должна сказать Вам, что я знаю о намерениях мистера Тейлора по отношению к ней и что я их глубоко порицаю. Итак, я прошу Вас не содействовать встречи этих молодых людей. И, наконец, Вы должны пообещать мне, что Вы ничего не расскажете мистеру Тейлору из того, что я сказала Вам!

Бедная Мэри Джонс! Нехотя она дала свое согласие не содействовать встрече молодых людей. Она боялась, что в противном случае будет лишена возможности работать вместе с Марией. Но потом она собрала всю свою смелость и решительно сказала мисс Олдерси:

– Я не могу гарантировать, что не сообщу мистеру Тейлору того, что Вы сейчас сказали. И еще - что: я считаю безответственным, что Вы таким образом манипулируете чувствами двух молодых людей!

После этого горячего разговора Мэри Джонс все рассказала Хадсену Тейлору, действительно все. И теперь он имел точное

доказательство, что отказ Марии не соответствовал ее собственному мнению.

Мисс Олдерси взяла обещание и с Мэри Гаф – не содействовать встречи молодых людей.

Хадсен Тейлор теперь знал, что есть только один путь: он должен сам поговорить с мисс Олдерси.

Глава 20

Препятствия

После того, как Мэри Энн Олдерси передала школу миссис Баузум, она жила у Расселей недалеко от северных ворот Нинбо. В прекрасный июльский день в 1857 г. ей сообщили, что с ней хочет поговорить мистер Джеймс Хадсен Тейлор. То, что он осмелился сам прийти к ней, понравилось ей. Поэтому она приняла его очень вежливо.

– Я пришел, начал Тейлор разговор, так как хочу знать, чем я Вас обидел. Может быть, мне нужно было обратиться с моей просьбой не к мистеру Гафу, а к Вам?

– Нет! – возбужденно ответила мисс Олдерси. – Но Вы написали непосредственно мисс Дайер, а нужно было вначале написать мне.

– Мне очень жаль. Разве Вы все еще являетесь опекуншей мисс Дайер?

– В прямом смысле – нет. Но она, так сказать, доверена моей опеке. Кроме этого, я думаю, что юридические опекуны Марии, супруги Тарн, которым я все сообщила, не согласятся на помолвку между вами. Я не могу позволить нечто, в чем они, возможно, позднее будут меня упрекать.

– Я понимаю, что на Вас лежит большая ответственность, которую Вы хотите исполнить как можно лучше. Но ведь теперь Вы доверили мисс Дайер попечению миссис Баузум. Я бы хотел знать, какие причины настроили Вас против меня?

– По всем законам вежливости Вам нужно было в самом начале обратиться ко мне.

– Но, – возразил Хадсен Тейлор, – это я мог бы сделать только тогда, когда уже узнал бы, как мисс Дайер сама думает об этом вопросе. Если бы я уже ясно знал, что она отвечает взаимностью, то я мог бы говорить об этом с другими. Имеете ли Вы еще что-нибудь против меня?

– Мне бы не хотелось этого Вам говорить.

– Но я придаю этому большое значение. Кроме того, Вы должны ответить мне на мой вопрос.

– Ну, хорошо! У меня к Вам два вопроса. Разве Вы не член плимутских братьев? – В ее голосе звучало презрение. Казалось, она едва может выговорить эти слова. – Разве Вы не обесславили субботу, когда в воскресенье возвращались в Нинбо?

– На Ваши вопросы я могу ответить, – спокойно ответил Тейлор. – Если Вы под «плимутскими братьями» подразумеваете последователей Дж. Дарби, то я никогда не был членом их группы. Я вырос как методист. Церкви в Халле и Тоттенхеме, к которым я принадлежал, были независимыми церквами, которые пытаются следовать учению Нового Завета. Что касается субботы, которую я охотнее называю днем Господним, то я ценю, люблю и почитаю права и обязанности, которые этот день приносит с собой. Это правда, что Джон Джонс, его сын Том и я возвращались в Нинбо в воскресенье, так как отец и сын нуждались в срочной медицинской помощи в городе. То есть эти возражения против меня основаны на неправильных сообщениях. Что Вы еще имеете против меня?

– Больше я ничего не скажу, – закончила разговор мисс Олдерси.

Хадсен Тейлор поразмыслил обо всем случившемся и много часов провел в молитве. Через неделю он решил пойти к Марии и попросить у нее разрешения написать ее опекунам в Лондон.

Хадсен прибыл в школу на паланкине. Там его вначале завели во двор. В доме жили только женщины. Миссис Баузум, Бурелла и Мария как раз хотели пойти к Гафам. Слуга вежливо провел Хадсена в гладильную комнату, и он вручил ему письмо для Марии. Когда Мария услышала голос Хадсена, она хотела убежать. Но слуга передал ей письмо и сказал:

– Иностранный господин, который передал письмо, ждет ответа.

Дрожа от волнения, Мария прочитала:

«Дорогая Мария!

На прошлой неделе у меня был разговор с мисс Олдерси. Я узнал от нее, что она написала Вашим опекунам в Лондон по поводу моего письма из Шанхая и что все возражения против меня (которые она не хочет назвать мне) она не возьмет назад, пока не придет ответ из Лондона. После долгого размышления и многих молитв мне кажется разумным предпринять следующий шаг. Это не только мое личное мнение. Но прежде чем что-то предпринять, я, само собой разумеется, очень хочу переговорить об этом с Вами. Поэтому я очень прошу Вас дать мне возможность коротко поговорить с Вами. Я хочу добавить, что все подвизавшиеся со мной в молитве согласны, что мои шаги правильны».

Не зная, что делать, Мария побежала к миссис Баузум и Бурелле.

– Ты не имеешь права видеть его, – решительно заявила Бурелла. – Это не понравится мисс Олдерси.

Такого же мнения была и миссис Баузум. Обе девушки потихоньку ушли из дома, а миссис Баузум осталась, чтобы поговорить с Хадсеном.

– Пойдемте со мной наверх в нашу квартиру, – пригласила она его.

Миссис Баузум была очень умной и опытной женщиной, и она была одной из немногих, которые не боялись мисс Олдерси. Тейлор сообщил ей о своем разговоре с мисс Олдерси.

– Прежде чем я напишу опекунам Марии, – решительно заявил он, – я должен знать, отвечает ли Мария взаимностью на мое расположение к ней.

Только одно мгновение миссис Баузум помедлила, затем она сказала:

– Да.

Сразу же на другой день Мария написала длинное письмо дяде с тетей. Она рассказала им, что уже в апреле написала письмо, но мисс Олдерси не разрешила ей отослать его. С тех пор, как она полюбила Хадсена Тейлора, прошел уже год. Она много молилась и видит в его письме ответ на свои молитвы. Но она должна в то же время признаться, что мисс Олдерси категорически против мистера Хадсена Тейлора. Почему? Этого никто не знает.

«Я вижу, что мистер Тейлор ведет себя как примерный христианин. Четыре недели назад он возвратился в Нинбо, и я еще ни разу не говорила с ним. Иногда я думаю, что это было бы самой большой радостью, которую я могу себе представить на этой земле – жить с ним в прекрасном союзе. Но на первом месте для меня всегда будет Иисус Христос, который для меня дороже всего».

В жаркий июльский день в доме, где жили Джонсы и Хадсен Тейлор, состоялось молитвенное общение сестер. Мария пошла туда с миссис Баузум. Хадсен в это время собирался посетить торговца, который жил за городом, и взять у него несколько ящиков с Новыми Заветами, которые прибыли из Шанхая. Но вечером пошел сильный дождь, и нести книги в такую погоду было неразумно.

Взяв свои письменные принадлежности, Тейлор пошел на верхний этаж дома и хотел остаться там, пока не позовут на ужин. Тут ему пришла в голову мысль: может, Бог послал этот дождь, чтобы наконец-то устроить встречу, которая ему так нужна? Может, Бог хочет воспрепятствовать тому, чтобы я ушел?

– Дорогой Господь, – молился он, – дай мне ясный знак – следует ли мне спуститься вниз, прежде чем Мария пойдет домой.

Незадолго до окончания молитвенного собрания в дверь постучали и вошел слуга. Пришел один из миссионеров, с которым сотрудничал Тейлор. Не затруднит ли мистера Тейлора спуститься к нему, чтобы поговорить с ним?

Как охотно он сошел вниз! Коллега не хотел долго задерживаться и через несколько минут ушел. Но миссис Баузум и Мария еще были там.

Нужно ли было еще больше доказательств Хадсену?

– Не скажешь ли ты Марии, что я очень хочу поговорить с ней? – попросил он Джона.

Сестры как раз стояли на молитве, когда Джон зашел в комнату. Он сделал ей знак выйти.

– Мистер Тейлор просил передать, что он очень желает поговорить с Вами, – тихо сказал он ей.

– Я бы этого тоже очень хотела, – ответила Мария. – Он желает поговорить со мной наедине или еще кто-нибудь может присутствовать при этом?

– Как Вы пожелаете.

– Тогда я возьму с собой миссис Баузум.

Обе женщины пошли наверх в кабинет Джона Джонса. Через несколько мгновений дверь открылась, и Хадсен предстал перед Марией.

Хадсен заметил робость Марии.

– Мне очень жаль, что я причиняю Вам столько беспокойства, – обратился Тейлор к ней. – Но я должен обязательно поговорить с Вами, чтобы знать, согласны ли Вы, если я напишу супругам Тарн письмо.

– Я даю Вам свое согласие, – ответила Мария. – Я тоже написала им и сообщила им свое мнение. Теперь я еще раз напишу им. Пожалуйста, поверьте, это мисс Олдерси заставила меня отказать Вам. После этого я очень страдала. Может, мы еще вместе помолимся?

Поистине, это было самым большим желанием и для Хадсена Тейлора!

Глава 21

Переживания и надежды

Теперь Хадсена Тейлора ничто не могло удержать. Он написал супругам Тарн и закончил письмо словами:

«С радостным сердцем я отдаю этот вопрос в руки Того, Кто всем руководит. Я молюсь, чтобы Он вел Вас к правильному решению, и надеюсь, что Вы согласитесь на наш союз или разрешите мисс Дайер самой решить этот вопрос, как Господь положит ей на сердце».

Он назвал некоторых своих друзей, а также КЕС, которые могли бы дать о нем свои отзывы. Копию этого письма он послал Марии и приложил к нему небольшую записку. Никто из них не знал, что миссис Баузум тоже написала письмо мистеру Тарн, в котором поддерживала Марию.

Пока Хадсен нетерпеливо ожидал ответа, жизнь шла своим чередом. Он снова арендовал дом на Бридж-стрит, который служил теперь одновременно местом евангелизационных встреч и аптекой. Тейлор и Джонс распределили служение по твердо установленному плану. Хадсен также начал помогать людям, зависимым от опиума, освободиться.

Не прошло и недели после его разговора с Марией, когда он получил письмо. Отправитель: мисс Олдерси. Конечно, она узнала о встрече, и теперь ее возмущению не было предела.

«Когда Вы оказали мне честь своим посещением, – начинала свое письмо мисс Олдерси, – Вы упомянули, что не знали, что мисс М. Д. еще не достигла совершеннолетия. После того, как Вы узнали это от меня, Вы пошли в школу и пытались использовать молодость Марии, чтобы ввести ее в искушение – переступить запрет, возложенный на нее. Вы воспользовались моментом, когда рядом не было ни старшей сестры Марии, ни меня. Вы использовали назначенное исключительно для духовных целей общение, чтобы обременить мисс М. Д. запретной темой. Я поражена этой неслыханной дерзостью! Все это утвердило меня еще решительнее исполнить свой долг в отношении Вашего предложения. Если Вы осмелитесь действовать дальше, не дожидаясь разрешения тети Марии, то я буду вынуждена предпринять другие меры. Меры, к которым

вы не сможете подготовиться. Просто удивительно, что человек, называющийся миссионером, толкает дочь умершего миссионера на шаг, который, несомненно, не понравился бы ее родителям. А что это действительно так, подтвердит каждый, кто знал родителей Марии!»

Глубоко потрясенный Хадсен показал письмо Джону и Мэри Джонс. Мэри Джонс прочитала и не могла поверить, как христианин может так обращаться к своему брату по вере? Затем Хадсен дал письмо Марии. Ведь это непосредственно касалось и ее. Бедная Мария! Долго еще многие друзья Марии вспоминали, как несчастна она была в то время, как часто плакала.

Новый девиз мисс Олдерси гласил, что Хадсен недостоин Марии, так как он не имеет диплома и не имеет достойного положения. Сама Мария находила этот упрек смешным. Она писала своему брату: «Мистер Тейлор имеет пятилетнее медицинское образование. Ему не хватало только шести месяцев, чтобы сдать экзамен. Но миссионерское общество считало поездку в Китай важнее. Нашему отцу тоже не хватило три месяца, чтобы закончить свое юридическое образование – он тоже пренебрег им ради миссионерского служения. Мне кажется, что мистер Тейлор такой человек, которого мой любящий отец, если бы он еще жил, с удовольствием назвал бы своим зятем».

Лето было очень жаркое. Но Хадсен Тейлор переносил его легче, чем два прошедших.

Затем пришла весть, что Джон Квортермен, с которым Тейлор вместе работал и иногда путешествовал по стране, заболел оспой. Тейлор тут же предложил свою услугу – ухаживать за больным, ведь у него не было ни жены, ни детей. К тому же он надеялся, что его защитит совсем недавно обнаруженная вакцина против этой болезни.

Но для Квортермена уже не было никакой надежды. Хадсен мог только лишь облегчить его страдания и «подготовить его к радости, ожидающей его».

«Ибо тленный должен облечься в нетление», – говорил он. А Квортермен дополнял стих: «И смертный должен облечься в бессмертие».

Через четыре дня Квортермен спокойно отошел в вечность.

Но потом и у Хадсена поднялась температура, и он подозревал, что, ухаживая за Квортерменом, не только сильно устал, но

и подхватил вирус. В ночь на 21 октября с ним произошло нечто очень странное, хотя он был вполне уверен, что это был не бред.

В три часа ночи до него с улицы донеслись какие-то шорохи. Из-за высокой температуры его слух до того обострился, что даже тиканье часов в другом конце комнаты раздражало его, и он не мог заснуть. Он почитал немного Библию, но потом опять лег. Его сердце билось как «испуганная птичка», мысли были «слишком возбуждены», поэтому он спать не мог спать.

Вдруг «я почувствовал, что я в комнате не один. Очень тихо, подобно легкому дуновению ветерка, в комнату вошла Мария, и меня сразу же объял полный покой. Я знал, что она рядом. Одно мгновение я был очарован. Потом, не открывая глаз, я протянул руку, и она взяла ее с такой не поддающейся описанию нежностью, что я все-таки благодарно взглянул на нее.

Она сделала мне знак, не разговаривать, и положила мне на лоб свою руку. Я почувствовал, что боли отпускают меня, и мне сразу стало намного лучше. ‹Не бойся, – прошептала она, – я твоя Мария. А теперь попробуй заснуть›».

«И я послушался ее», – вспоминает Хадсен. Утром он проснулся – без температуры. Но, разумеется, он чувствовал себя еще очень слабым. «Это был хороший сон – я говорю сон, хотя я не спал и ощущал все так же ясно, как сейчас карандаш и бумагу».

Неожиданно и Бурелла – неизвестно по какой причине – стала против брака ее младшей сестры с Хадсеном Тейлором. Она сама собиралась выйти замуж за Джона Бердона, и Мария должна была некоторое время провести с молодой четой в Шанхае. Пребывание в Шанхае могло продлиться долго, так как путешествие между городами было очень затруднительным. Может, Бурелла надеялась, что любовь Марии к Хадсену погаснет во время долгой разлуки?

Марию нужно было предупредить. Хадсен хотел немедленно поговорить об этом с миссис Баузум. И так как он думал, что Мария у Расселей, он пошел прямо к миссис Баузум.

Но когда он пришел туда, его ожидал сюрприз.

– Можно мне поговорить с Вами, не боясь сделать что-то неправильно? – спросил он миссис Баузум.

– Вообще-то нет, потому что Мария здесь. Мисс Олдерси привела ее сегодня утром сюда. Но все же заходите. – Миссис Баузум провела его в гостиную. – Подождите здесь! Я попрошу Марию не спускаться вниз.

Хадсен увидел во всем этом услышанную молитву. Теперь он мог сам предупредить Марию не ехать с сестрой в Шанхай.

– Ах, пожалуйста, разрешите мне поговорить с ней! – умоляюще произнес он.

– Нет! Это принесет только неприятности, – убежденно ответила миссис Баузум.

Но едва она вышла из комнаты, дверь отворилась и вошла Мария. Она была поражена не менее, чем Хадсен. Они молча смотрели друг на друга. Тут прибежала миссис Баузум, и Хадсен наконец смог рассказать о своих переживаниях и предупредить Марию, не ехать в Шанхай.

– Я знаю об этом плане, – ответила Мария, – и твердо решила не ехать.

– Я думаю, что будет лучше, если мы расскажем мисс Олдерси, как произошла эта встреча, – робко промолвила миссис Баузум. – Может, до нее дойдут ложные слухи! Я скажу ей, что встреча произошла нечаянно.

У Буреллы были совершенно другие планы относительно сестры. Она очень надеялась, что американский миссионер Уильям Айчисон, сделает Марии предложение. Тейлор тоже слышал, что Айчисон, «которого я очень уважаю и люблю в Господе», «восхищается» Марией.

«Если бы я мог открыто показать свою любовь к Марии, – размышлял он, – тогда бы бедный Айчисон не дал развиваться своим чувствам, только, чтобы потом пережить разочарование». Поэтому он решил поговорить об этом с Айчисоном.

– Мы с Марией ждем только ответа от ее опекуна, – рассказал он американскому миссионеру. – Мы уже считаем себя обрученными.

Бедный Айчисон!

Мария была чем-то невероятно привлекательна. Был ли это ее стройный стан? Или же ее светло-русые волосы? А может быть даже ее легкое косоглазие делало ее такой милой?

В Нинбо приехал голландец по имени Гайллард, и Хадсен пригласил его к себе на Бридж-стрит. Однажды вечером, во время беседы, Гайллард наклонился к Хадсену, как будто хотел ему поведать что-то очень важное.

– Я сделал предложение двум дамам, одной в Голландии, а другой в Германии. Но теперь я так очарован обаянием мисс Дайер, что готов жениться на ней.

Хадсен Тейлор внешне оставался спокойным, хотя внутри у него все кипело.

– А что Вы будете делать, если все три скажут Вам «да»? – холодно спросил он.

14 ноября Тейлор встретился с Марией в доме американских баптистов Нолтон. Они провели вместе шесть часов и приняли важное для них решение – обручиться, не дожидаясь письма супругов Тарн.

Глава 22

Драгоценное сокровище

Хадсен и Мария решили оказать мисс Олдерси свое уважение, сообщив ей первой о своей помолвке. Поэтому Тейлор вскоре навестил ее и рассказал о случившемся. Старая леди почти ничего не сказала, и Хадсену даже показалось, что она уже не уверена в своей неприязни к нему.

Но на следующий день Мария получила от нее письмо с требованием немедленно явиться к ней, как своему опекуну. Мария ответила, что опекуном признать ее не может, но уважает ее и охотно придет к ней, как к старшему другу.

Наконец Мария получила долгожданное письмо от своей тети, миссис Тарн. Она очень обрадовалась, прочитав его, и тут же сообщила об этом Хадсену.

«Мой единственный и возлюбленный,

только что получила письмо от тети. Они с дядей пишут, что не видят причин противостоять моим желаниям. Пожалуйста, приходи скорее,

Твоя любящая тебя Мария».

Решение супругов Тарн одобрил и Джордж Пирс, с которым они дружили. Из этого Хадсен заключил, что тот не обижается на него за выход из КЕС. Пирс сказал супругам Тарн, что не может понять, почему мисс Олдерси так противится этой связи. Может, она боится потерять сотрудницу школы? Пирс, во всяком случае, тоже послал свои поздравления Хадсену с Марией.

Супруги Тарн писали Марии: «Мы полностью согласны с твоим выбором». Хадсену они тоже написали письмо: «Мы одобряем ваш союз без всяких ограничений!»

Теперь молодая пара могла официально объявить свою помолвку. Каждый вечер они проводили вместе. Мисс Олдерси вела себя удивительно спокойно. В связи с браком супруги Тарн поставили только одно условие: свадьба должна состояться не раньше, чем Мария 16 января 1858 года достигнет совершеннолетия, до которого оставался еще только один месяц.

Еще одно письмо из Англии было в пути. Георг Мюллер писал Хадсену Тейлору:

«Бристоль, 9 декабря 1857 года

Мой дорогой брат!

С большой радостью в сердце я могу послать Вам эти сорок фунтов, которые я получил от Господа как ответ на свою молитву. Пусть это послужит ободрением для Вас, что Господь готов слышать Ваши молитвы, когда Вы взываете к Нему в нужде.

Я рад был услышать, что Вы решили доверить заботу о Вашей жизни одному только Господу. Я сам уже двадцать семь лет знаю Его как верного Бога, так как все это время жил по этому принципу… Я бы охотно больше написал Вам, но кроме моей работы меня ждут тысячи писем.

С сердечным приветом Ваш Георг Мюллер».

В последующие годы в Китай пришло еще много подобных писем с пожертвованиями от Георга Мюллера, и все были большим ободрением для Хадсена Тейлора – доверять Богу.

Хадсен и Мария начали думать о предстоящей свадьбе. Мария вначале пожелала, чтобы Хадсен надел на это торжество английскую одежду. Он уже начал отращивать сбритые впереди волосы и был готов отрезать свой банзи. Но потом Мария изменила свое мнение: ведь волосы не вырастут так быстро, и вообще, может, он ей совсем не понравится в английской одежде.

«Я желал бы, чтобы ты познакомилась с моей чудесной Марией, – писал Хадсен своей матери. – Она – драгоценное сокровище. Она – все, чего я желал. Да даст нам Господь Свое обильное благословение и не допустит, чтобы мы стали друг для друга идолами».

В день свадьбы, 20 января 1858 года, над Китаем сияло яркое солнце. Марии только что исполнился 21 год, и она была чудесна в своем шелковом платье с фатой. На Хадсене была китайская одежда. Сочитывал их Фредерик Гаф. Он несколько раз повторил:

– Храните себя от идолов!

К сожалению, мисс Олдерси и супруги Расселл не пришли на свадьбу. Не было на торжестве так же и Мэри Джонс, так удачно познакомившей однажды молодых, – она получила известие о смерти матери.

После венчания была проведена и регистрация брака в британском консульстве. Американский консул предоставил молодым для этой цели свой личный паланкин – самый большой и красивый во всем Нинбо. На церемонии присутствовало более двадцати друзей, а также офицеры с британского военного корабля, стоявшего в Нинбо на якоре. Вице-консул Томас Мидоус подписал свидетельство о браке, но на брачной церемонии его замещал его ассистент Роберт Харт, однажды пытавшийся добиться руки Марии.

Чудесному браку последовало чудесное брачное путешествие! Три недели молодые супруги провели в монастыре. Это было не случайно, так как в таких местах жители Нинбо старались избежать сильной летней жары. В паланкинах их несли на вершину холмов. За ними следовали повар, слуга и кули с багажом. По воскресеньям молодая пара всегда возвращалась в Нинбо, чтобы заменить заболевшего Джона Джонса на богослужении. Тейлор писал из монастыря: «Мы так счастливы!.. Бог услышал все наши молитвы. Он превозмог все препятствия от людей, которые хотели разлучить нас, показал нам, что мы можем во всем доверять Ему, дал нам на это силы. Как чудесно жить с тем человеком, которого в действительности любишь! Это такое счастье, которое едва можно выразить словами, это даже невозможно представить себе. Мария так чудесна, как я ее себе и представлял. С каждым днем я все лучше познаю мою любимую. А если имеешь такое драгоценное сокровище, какое имею я, то становишься все счастливее, смиреннее и благодарнее Творцу всех даров, Который преподнес мне такой прекрасный подарок».

В маленьком селе на берегу Восточно-Китайского моря – в четырнадцати километрах от Нинбо – Хадсен с Марией арендовали маленький китайский домик. В конце своего медового месяца они пригласили туда своих друзей. В будущем они хотели всю неделю работать в этом доме, а на воскресенье приезжать в Нинбо.

Но тут чуть было не произошла трагедия: Мария заболела тифом. Хадсен тут же поехал с ней в Нинбо и ухаживал за ней вместе с Мэри Джонс. Когда через несколько недель Мария, наконец, пошла на поправку, заболел Хадсен! Только в апреле месяце оба стали чувствовать себя немного лучше. Они жили теперь у миссис Баузум и наслаждались ее мирным домиком с розами, постепенно укрепляя

свое здоровье. В этом же месяце Хадсен писал матери, что если все будет хорошо, то скоро она станет бабушкой. «Я не могу тебе выразить, как сильно я люблю мою жену. Все мои желания исполнились в ней, она для меня самая чудесная женщина в мире».

После того как они вполне выздоровели, они поселились в старом чердачном помещении над школой на Бридж-стрит, где Хадсен жил раньше. Они постелили там новый пол, обновили все помещение, разделив его на маленькие комнаты, и поставили в них китайскую мебель. Хадсен открыл свою аптеку и начал снова лечить людей попавших в зависимость от опиума. При этом он обнаружил, что лучше всего он может помочь своим пациентам, если приведет их ко Христу. Единственно медицинская помощь не давала хороших результатов. Мария открыла школу для девяти девочек, при этом ей помогала одна из ее прежних учениц. Получаемых пожертвований им только хватало на жизнь. Мария имела свой собственный небольшой доход, который могла использовать на личные нужды.

Среди слушателей в церкви на Бридж-стрит был Ни Йонгфа, торговец хлопка из Нинбо. Он возглавлял буддистское сообщество, которое стремилось к реформам, отвергало служение идолам и искало истину. Однажды в конце проповеди Хадсена Ни встал и обратился к собравшимся.

–Я долго искал истину, как и мой отец до меня, – громко и ясно сказал он. – Я много путешествовал, но нигде не нашел ее. Ни в конфуцианстве, ни в буддизме, ни в таоизме я не нашел мира. Только в этой проповеди я сегодня вечером нашел то, что искал. С этого дня я верю Иисусу.

Ни взял Хадсена Тейлора с собой на встречу с членами своей группы. Здесь он хотел назвать причины, по которым изменил свои убеждения. С удивлением Тейлор увидел, с какой ясностью и силой говорил Ни. Под впечатлением этой речи покаялся еще один член этой группы, который затем вместе с Ни был крещен.

– Как долго вы в Англии уже знаете Евангелие? – спросил Ни Хадсена Тейлора.

– Уже несколько столетий, – ответил Хадсен смутившись.

– Что? – воскликнул Ни. – И только сейчас вы пришли к нам и рассказали об этом? Мой отец больше двадцати лет искал истину и умер, не найдя ее. Почему вы раньше не пришли к нам?

Трудный вопрос!

В июне 1858 года закончилась вторая война между европейскими державами и Китаем. Россия, Америка, Великобритания и Франция заключили с Китаем Тяньцзинский договор. Для иностранцев это означало: десять добавочных портов и вся Янцзы стали открытыми для торговли и поселения. Дипломаты этих четырех держав остановились в Пекине, иностранцы могли теперь свободно путешествовать по стране и совершать сделки. Христианам, как местным, так и миссионерам, гарантировалась свобода исповедания. Но все же оставалось под вопросом: в какой мере мандарины признают эти уступки.

Всеобщее ликование, которое вызвала эта новость во всем христианском мире, отразилась и в «Собирателе»: «Благодарение Богу! Поистине глубокая благодарность! Весь Китай открыт! Молитвы половины столетия услышаны. Для миссионерской работы в Китае начинается новая эра! Для нас открылись новые горизонты: провинции, которые так велики, как европейские государства».

Мисс Олдерси и Рассели стали приветливей, и Бурелла из Шанхая писала ласковые письма. Из Англии пришла фисгармония, и, несмотря на то, что она была немного промокшей и поврежденной, Хадсен смог отремонтировать ее. Как наслаждались они с Марией, играя на ней! Но осенью им пришлось перенести сразу два тяжелых удара судьбы. В конце августа пришло короткое сообщение от Джона Бердона: в возрасте 23 лет от холеры умерла Бурелла. Бердон в свои 32 года во второй раз потерял жену. Теперь он остался один с ребенком. Он снова предпринимал евангелизационные поездки с Уильямом Айтчисоном, но еще долгое время не мог удержаться от слез, когда говорил о своей любимой Бурелле.

Затем в октябре, на два месяца раньше срока у Марии родился ребенок, но сразу же умер. «Снова и снова, – писала Мария матери Хадсена, – мы посвящали наше дитя Богу, и Он… услышал наше сердечное желание».

На Рождество местные и иностранные христиане праздновали в Нинбо рождение другого Младенца. Церковь в Нинбо в 1858 году возросла на пять китайских членов. К радости всех, в рождественском богослужении участвовал новообращенный китайский христианин, который уже трудился проповедником. Где была смерть, там появилась и жизнь.

Тейлор по-прежнему много времени уделял лечению людей страдающих от опиума, впрочем, довольно успешно, за что пользовался хорошей репутацией.

В один воскресный вечер, после напряженного дня, к нему принесли человека, принявшего сверхдозу опиума. Любая помощь казалась безнадежной. Тейлор попытался влить ему одно средство, но мужчина все снова вырывался из рук людей, которые держали его. Как одержимый, он убегал, но его опять возвращали. Только в два часа ночи у Тейлора создалось впечатление, что его можно оставить одного и самому немного отдохнуть. И хотя спасти мужчину казалось невозможным, он был спасен.

В воскресенье, 31 июля 1859 года, стояла страшная жара. В этот день Джон Джонс был вынужден проводить богослужение один, так как в комнате на верхнем этаже Мария, с помощью Хадсена как врача и Мэри Джонс в качестве акушерки, родила девочку – Грейс Дайер Тейлор. Все шло хорошо. Тейлор писал своим родителям об их первой внучке: «Я так желал иметь девочку. Она точная копия моей возлюбленной Марии».

На следующей неделе в городе вспыхнули восстания, связанные с враждой к иностранцам. Уильям Паркер уговорил Марию покинуть город и прийти в его клинику, которая находилась между рекой и городской стеной. Здесь она была более в безопасности. Из клиники Мария писала Хадсену:

«Мой возлюбленный, мое сокровище!

Твоя бежавшая жена сердечно принята доктором Паркером и его женой... Когда я ехала через город, я не заметила никаких беспорядков. Но Соляные ворота были закрыты. Недалеко перед воротами мне повстречался мистер Джонс, он проводил меня и позаботился о том, чтобы меня пропустили. Никто не воспротивился его желанию... Когда я смогу вновь поцеловать тебя, когда смогу почувствовать твои любящие руки? Да благословит тебя Бог, мой любимый Хадсен, мой муж! Да сохранит Он тебя от всякого вреда...»

В августе жена доктора Паркера заболела холерой. Хадсен Тейлор принял клинику и амбулаторию. Уже через 36 часов миссис Паркер умерла. Ее муж остался вдовцом с пятью детьми.

Из более чем двухсот миссионеров, которые в последние годы прибыли в Китай, умерло более сорока человек, и более пятидесяти миссионеров потеряли своих жен. Но все были согласны с мне-

нием, высказанным Джоном Джонсом: «Если бы мы снова стояли перед выбором, мы бы снова выбрали эту работу и это место».

Однако для Паркера не было в данный момент иного выбора, как отвезти своих детей к бабушке с дедушкой в Шотландию. Таким был конец его успешной частной практики, где он зарабатывал столько денег, что мог финансировать клинику. Почти все думали, что клинику придется закрыть.

Но Хадсен Тейлор был другого мнения. «Совершенно новая клиника, которая так хорошо работает, – сказал он, – не должна пустовать. Если Бог хочет, чтобы она дальше продолжала работать, тогда Он пошлет и средства на это».

В середине сентября Тейлор перенял клинику Паркера. Он и Мария переселились в рядом стоящий дом Паркеров. «Чтобы продолжить эту работу, – говорил Хадсен, – я должен полностью доверять Господу».

В течение нескольких недель приходило очень мало пациентов, но постепенно Хадсен Тейлор завоевал репутацию хорошего врача, как и его предшественник. Новая ответственность была связана с неслыханным объемом работы. Такое бремя не осталось бесследным для здоровья Хадсена. Мария жаловалась, что его лицо похудело и вытянулось.

Затем пришел день, когда старый друг и повар Хадсена сообщил:

– Мы открыли последний мешок риса.

Но Хадсен оставался спокойным.

– Тогда Господь скоро поможет, – уверенно сказал он.

И на самом деле, вскоре после этого пришло письмо от Уильяма Бергера. «Я кое-что унаследовал от своего отца, – писал он, – но не изменю свою жизнь. Пожалуйста, используйте приложенные 50 фунтов по своему усмотрению. И сообщите мне, сколько вам еще нужно».

Хадсен и Мария созвали всех сотрудников и перевели им письмо.

– Аллилуйя! – воскликнули всегда замкнутые китайцы и побежали по всем отделениям клиники, чтобы рассказать чудо всем пациентам.

В марте 1860 года в церкви на Бридж-стрит было уже более двадцати членов. Кроме торговца хлопком Ни Йонгфа там были еще

учитель Цю со своей матерью, корзинщик Фэнь, крестьянин Ванг и маляр Ванг. По методу Уэсли Тейлор поставил двух местных руководителей, которые должны были помогать учить других и делиться опытом. Эта помощь была очень необходима, так как в клинику приходило все больше пациентов. Тейлор должен был признаться:

– Работа превышает мои силы и время.

«Я должен написать тебе, что с некоторого времени мое здоровье подводит меня, – писал он матери. – Я чувствую, что не справляюсь со своей работой. Конечно, трудно быть самому себе врачом… Но я подозреваю, что мои легкие инфицированы туберкулезом и что печень и селезенка пострадали от лихорадки. Возможно, мне придется на некоторое время вернуться домой».

В апреле он чувствовал себя так плохо, что думал, что не переживет лето. «С другой стороны, – писал он отцу, – моя поездка на родину может восстановить мое здоровье (хотя бы на короткое время), или я могу использовать ее, чтобы побудить других поехать на миссионерскую работу в Китай».

Другой врач обследовал Тейлора и подтвердил его предположение, что наступил момент, когда ему следует оставить Китай. Хадсен с Марией решили в июне ехать в Англию. Вернутся ли они назад в Китай?

Глава 23

Новые вехи

Перед своим отъездом Хадсен Тейлор пригласил одного китайского христианина поехать с ним в Англию. Ванг Лае-дин мог бы помочь Тейлорам перевести песни и книги на разговорный китайский язык, переработать Новый Завет на диалект Нинбо и помочь новым миссионерам в изучении китайского языка. Возможно, и для Лае-дин поездка будет духовным обогащением.

Хадсен забронировал поездку на «Юбилее», элегантном новом клипере. Правда ему показалось, что капитан судна Джонс – человек очень раздражительный, и что сладить с ним будет не всегда просто.

Прежде чем они оставили Китай, Хадсен получил еще одно письмо от своей сестры Луизы, которое содержало чудесную новость: она покаялась! Несмотря на то, что она выросла в верующей семье, Луиза двадцать лет ждала, пока решилась отдать себя Господу, и теперь она хотела твердо стоять в этом. «Всем сердцем держись Господа, – тут же написал ей Хадсен, – моя вдвое возлюбленная сестра (теперь ты в двойном смысле моя сестра), тогда ты будешь иметь полную радость».

18 июля 1860 года они отчалили из Шанхая и поплыли вниз по Янцзы. В устье реки они бросили якорь, чтобы на следующее утро выйти в море. После шести лет богатой событиями жизни Хадсен Тейлор сказал Китаю «до свидания», а Мария – после более семи лет. Ему было двадцать восемь лет, ей – двадцать три года. На рассвете следующего дня они вышли в Китайское море.

Первое впечатление Хадсена о капитане подтвердилось, к сожалению, очень скоро. Он был не только легко раздражительным, но постоянно в плохом настроении. К несчастью, маленькая Грейс много плакала, так как прорезались первые зубы.

– Я не могу разрешить вашему ребенку так кричать! – ревел капитан Джонс. (Пожалуй, одно из самых глупых высказываний целого столетия!)

Несмотря ни на что, Хадсен все же осмелился спросить капитана, можно ли ему совершать богослужения на пароходе. К его

немалой радости, капитан согласился. Может, он надеялся, что пение заглушит плач маленькой Грейс?

Это было нелегкое путешествие. Многие на борту, в том числе и Хадсен Тейлор, заболели дизентерией, Мария гастроэнтеритом. В каюте у них были клопы. И Хадсен рассердил – в очередной раз – капитана, так как не соглашался по воскресеньям переводить и заключать сделки для капитана с торговцами, приходившими на пароход. Их единственным утешением было то, что поездка длилась всего четыре месяца и три дня вместо обычных шести месяцев. Во вторник, 20 ноября, они проснулись в Грейвсенд. Пока они находились в пути, в Лондоне произошло немаловажное событие: КЕС после десяти лет доброжелательного дилетантства и примечательной неосведомленности в вопросах Восточной Азии закончил свое существование.

Когда они сели на поезд и поехали в Лондон, Ванг Лае-дин восхищался всем. Он еще никогда в жизни не видел поезда. Тейлор был в своей одежде, а Мария выглядела хотя и привлекательно, но была безнадежно старомодно одета. Шестнадцатимесячная Грейс была одета в белые панталончики, из которых за время путешествия изрядно выросла.

Путешествие закончилось в Лондоне, в Бейсуотере, на Вестборн-гроув 63, где жила сестра Хадсена Амелия с мужем Бенджамином Брумхалом. К радости всех, там была и Луиза. С восхищением она приветствовала Хадсена с Марией, хотя и была немного смущена старомодной одеждой невестки. Она быстро переодела Марию в черную шелковую юбку с кринолином и подходящей кофточкой. Восхищение лондонцев китайской одеждой Тейлора было весьма ограниченным, поэтому Луизе вскоре удалось убедить его надеть английскую одежду.

Пять месяцев Тейлоры оставались в Бейсуотере. Там они присоединились к баптистской церкви на Вестборн-гроув, где подружились с пастором В. Г. Льюисом.

– Вы должны разрешить людям называть себя «господин пастор», – посоветовал Льюис Тейлору.

Уже не раз его просили об этом, и на этот раз он согласился.

8 декабря Хадсен, Мария, Грейс и Ванг Лае-дин поехали в направлении Барнсли, где их уже с нетерпением ожидали. С какой радостью они праздновали это Рождество! Из Лондона приехали Амелия и Бенджамин, а из Халла – любимая тетя Хадсена

Ханна Харди и его дядя Ричард. Постепенно здоровье Хадсена улучшалось.

По настоянию родителей и Марии Хадсен разыскал в Лондонском госпитале своего бывшего учителя и попросил обследовать его. Доктор Эндрю Кларк выглядел очень серьезным, когда сообщил Хадсену диагноз:

– Вы должны отбросить всякую мысль о путешествии, – объявил он. – Хотя бы на несколько лет, если не навсегда. Иначе Вы кандидат в смертники. Ваша печень, система пищеварения и нервы очень сильно повреждены.

Но Хадсен не впал в уныние от такого сообщения. Работа над переводом и желание побудить других к евангелизации Китая так сильно занимали его, что в этот момент ему было все равно, возвращаться ему сейчас в Китай или нет. Скоро он смог отдать в печать сборник песен на диалекте Нинбо, а за ним по–следовали и другие книги. Для различных газет он писал статьи о Китае и убедил Библейское общество профинансировать переиздание Нового Завета на народном диалекте Нинбо, заняться изданием он хотел сам вместе с Фредериком Гафом.

В те дни он принял еще одно важное решение. Тейлоры решились поселиться вблизи Лондонского госпиталя, чтобы Хадсен имел возможность продолжить и закончить свое медицинское образование. Теперь ему понадобится от одного до трех лет усиленных занятий, чтобы успешно сдать нужные экзамены в Британской врачебной палате.

3 апреля в Бейсуотере Мария родила своего первого сына, Герберта Хадсена, а 9 апреля Хадсен и Мария с детьми и Ванг Лаедином поселились на Бимонт-стрит, Майл-Енд-роуд. Это было в нескольких минутах ходьбы от Лондонского госпиталя и его нового медицинского колледжа. С этих пор необходим был немалый организаторский талант, чтобы координировать медицинскую работу, учебу и пересмотр Нового Завета на диалекте Нинбо.

Еще живя в Китае Хадсен просил своих родителей подыскать для Нинбо пять молодых миссионеров. Его отец слышал об одном молодом человеке – Джеймсе Мидоусе из Норфолька, который совсем недавно стал христианином, но, казалось, очень подходит на это служение. Мидоус приехал на Бимонт-стрит в октябре и некоторое время жил у Тейлоров.

Они хотели посмотреть на его способности в изучении китайского языка. Кроме этого, они хотели узнать, действительно ли он призван Богом на это служение. Уже после трех недель Хадсен Тейлор был уверен, что Джеймс действительно избран для Китая. Он должен был стать первым из пяти новых миссионеров и как можно скорее пойти в Китай. На Рождество Мидоус поехал домой и женился на Марте – девушке, с которой был помолвлен.

В канун Нового года Хадсен узнал, что в порту стоит быстроходное судно «Челленджер» которое вскоре отправляется в Китай. Он тут же связался с капитаном. Уильям Бергер пожертвовал деньги на билет для молодой пары, и утром 8 января 1862 г. Джеймс и Марта поплыли вниз по Темзе в направлении Китая. Перед ними лежало неизвестное будущее.

За четыре дня до этого доктор Уильям Паркер со своей второй женой оставили Глазго – с этой же целью.

В июле 1862 года Хадсен Тейлор сдал свой экзамен, и с тех пор был членом Британской врачебной палаты. Хадсен облегченно вздохнул. Теперь он мог полностью посвятить себя обработке Нового Завета для Нинбо. Между тем он получил известие, что супруги Мидоус и Паркер благополучно прибыли в Китай.

Летом Тейлоры провели одну неделю отдыха у своего богатого друга и покровителя Уильяма Бергера. Бергер имел крахмальную фабрику и жил в Сэнт Хил. Его красивый дом, расположенный на берегу озера, среди холмистой местности Сассекса, был окружен огромным ухоженным газоном. Трезвый деловой ум Бергера и духовный взгляд на вещи Тейлора очень хорошо дополняли друг друга, может быть, потому что каждый из них в какой-то мере обладал обоими этими достоинствами.

Во время своего пребывания в Англии, Тейлор охотно принимал приглашения проповедовать в различных церквах Англии: баптистских, методистских, англиканских и других, а также сотрудничал со многими другими миссионерскими обществами.

В конце года Хадсен сдал дополнительный экзамен по акушерству, и когда Мария 23 ноября родила второго сына – Фредерика Говарда, рядом с ней был дипломированный акушер.

Но Китай требовал жертв: Уильям Паркер, переезжая через мост, упал с лошади в ледяную воду. Ушел из жизни один из одареннейших врачей-миссионеров в Китае.

Несколькими месяцами позже умерла от холеры молодая Марта Мидоус. Ее муж писал теще: «Ранняя смерть означает славный венец! Ты имеешь дитя на небе!»

Джон Джонс, которому из-за подорванного здоровья пришлось с семьей оставить Китай, умер в пути и был погребен на острове Св. Елены.

Все эти новости возбуждали в Хадсене Тейлоре желание возвратиться в Китай, чтобы помочь миссионерам в их работе.

Летом 1863 года семья Тейлора и Ванг Лае-дин провели незабываемую неделю у Георга Мюллера в Бристоле. В то время Мюллер руководил тремя большими детскими домами в Эшли-Даун недалеко от Бристоля и растущей церковью «Вифезда» в центре города. Хадсен Тейлор проповедовал как в церкви, так и в детских домах.

В мае 1864 года Хадсен, Мария и Лае-дин присутствовали у Чарльза Сперджена в новом Табернакеле. Они познакомились с популярнейшим проповедником Лондона, а тот, в свою очередь, предложил Хадсену говорить перед собранием. Оба они восхищались друг другом. Не без причины портрет Сперджена занимал почетное место в бюро Хадсена в Лондоне.

Но Ванг Лае-дину настало время возвращаться в Китай – слишком долго он был разлучен со своей семьей. Из благодарности за его жертвенность и большую помощь в работе над переводом Нового Завета, Тейлор хотел сделать последние дни пребывания Ванга в Англии как можно приятнее. Он показал ему некоторые достопримечательности Лондона, в том числе Вестминстерский дворец, сводил на богослужение Вестминстерского аббатства. Но вот наступил час разлуки. Небольшая группа друзей сопровождала Ванга в Грейвсенд, где стоял пароход. Вместе с ним на борт взошли две семьи миссионеров: баптист Эдвин Кингдон и методист Фаллер В. Р. Оба были подготовлены Хадсеном для служения в Китае.

В июне Тейлоры провели прекрасную неделю отдыха в Йоркшире. Они ловили рыбу и играли на пляже в Скарборо. 14 июня родился их третий сын – Сэмюель.

В это время в Китае власть перешла в руки некоего капитана Чарльза Джорджа Гордона, и под его «победоносным» коман-

дованием правительственные войска приостановили повстанцев. Летом 1864 года они захватили Нанкин. Для тайпинцев это означало полное поражение после шестнадцатилетней борьбы. Это движение, которое однажды вызвало много энтузиазма в христианском мире, уже давно стало трагической карикатурой христианства. Поистине его членов интересовало только насилие и пролитие крови. Двадцать миллионов человек погиблои в те годы от голода, болезней и актов мщения. Для чего?

В Нинбо Джеймс Мидоус уже пользовался авторитетом. Миссис Баузум, которая вышла за это время замуж за американского баптиста Е. К. Лорда, с благосклонной иронией сообщала Марии в письме: «Молодой Мидоус уже стал довольно мудрым. Он уже может делать поправки и давать советы по миссионерской работе и по переводу, которые более опытным миссионерам никогда не приходили в голову! ... Он дает мистеру Лорду много информации и говорит очень умно, рассуждает о китайских обычаях и традициях. Мистер Лорд слушает его так внимательно, что этому может поучиться любой ученик. По-моему Мидоус очень хороший миссионер и честно заработал себе похвалу».

В Ист-Энд в Лондоне на Бимонт-стрит нужно было снова принимать решение: дом был снова слишком мал. На Коборн-стрит 30 Тейлоры нашли новый дом. Вообще-то он был еще слишком большим для них, но Фредерик Гаф предложил им взять на себя часть аренды, и 6 октября они переехали в новый дом. Вскоре после этого Хадсену предстояло принять решение, принесшее ему всемирную известность.

Глава 24

Брайтон творит чудеса

«Китайцы станут лучшими христианами в мире, потому что они будут так же тщательно изучать свою Библию, как и свою классическую литературу».

Хадсен Тейлор знал это выражение и находил, что это на самом деле так. Но он также знал, что китайцы только тогда станут христианами, если к ним придут миссионеры – миссионеры, которые будут готовы пойти вглубь страны.

Именно в этом он хотел убедить ответственных лиц в миссионерских обществах: чтобы они послали людей в те одиннадцать провинций страны, в которых еще не работал ни один миссионер. Его внимательно слушали и затем отвечали: «Мы едва в состоянии финансировать настоящие проекты. Думать о чем-то новом пока невозможно», или: «Нужно подождать, пока Бог откроет Китай для Евангелия».

С этими ответами Тейлор никак не мог согласиться. «Где было бы сегодня европейское христианство, – размышлял он – если бы апостолы думали также и ожидали лучших времен? Если же миссионерские общества не могут или не хотят взять на себя эту задачу, то кто это сделает?»

Когда Хадсен и Фредерик Гаф час за часом были заняты обработкой Нового Завета для Нинбо, их взгляд часто падал на большую карту Китая, висевшую на стене. И они думали о многих миллионах китайцев, которые еще никогда не слышали Евангелия. «Ежедневно, – размышлял Хадсен, – в Китае умирают тридцать три тысячи людей – без надежды, без Бога».

В конце 1864 года Хадсен Тейлор начал строить планы, когда он снова сможет вернуться в Китай. Но его время еще не пришло. 20 декабря в Китай выехал второй из пяти запланированных миссионеров – на этот раз женщина. Джин Нотман была образованной молодой девушкой. Возрастающий круг друзей, прежде всего Уильям Бергер, Георг Мюллер и христиане из Тоттенхема позаботились о финансовой поддержке этой миссионерки. Тейлор составил полный список вещей, которые мисс Нотмат взяла с собой и что все это стоило, начиная от зубной щетки и кончая письменным столом.

В начале 1865 года Хадсен Тейлор написал маленькую книжечку, которая имела большой успех: «Китай – духовные нужды и трудности». Шагая взад-вперед по рабочему кабинету, он диктовал ее Марии, как раньше его отец диктовал жене свои проповеди. Результат этой книги был неплохой! Наглядны и убедительны были прежде всего примеры, которые показывали огромные размеры Китая. Один из них: «Если все китайцы со скоростью в 50 км в сутки будут проходить мимо Вас день за днем, неделю за неделей и год за годом, то последний пройдет мимо вас через семнадцать с четвертью лет».

Это была обличающая книга. «Как могут христиане Англии, – спрашивал он в ней, – сидеть сложа руки, в то время как множество людей в Китае погибают – погибают, потому что не имеют того, что Англия имеет в избытке? Чему учит нас Господь? Если из ста овец одна погибает, тогда нам нужно оставить девяносто девять и идти искать заблудшую. А что делаем мы? Мы делаем как раз наоборот! Мы остаемся с одной овцой дома и не заботимся о девяноста девяти, которые погибают! Дорогие братья во Христе, помните повеление, которое дал нам Господь: „Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари". Подумайте о миллионах людей, которые живут в бедном, объятом тьмой Китае! Почему к ним не идут любящие последователи Того, Кто отверг Сам Себя и отдал Свою жизнь за нас. Почему к ним не идут никакие „ноги благовествующих мир, благовествующих благое"».

Но хотя Тейлор безжалостно затрагивал больной вопрос – книга стала бестселлером. В 1887 году вышло уже седьмое издание этой книги. Самому Тейлору работа над книгой причиняла почти физическую боль. Он пришел к глубокому убеждению, что евангелизации Китая необходима особая организация. Создать такую организацию было возможно. Но какую форму она должна иметь? Не выбьет ли эта организация почву из-под ног других уже существующих миссионерских обществ? Не попадет ли он в какое-нибудь приключение, которое приведет к трагическому концу – подобно КЕС? Несмотря на то, что эта организация имела очень добрые намерения, сколько Тейлору пришлось выстрадать из-за нее!

Несмотря на все опасения, представление о новой организации больше не выходило из его головы. Он все яснее представлял себе, какой она должна быть. Миссия должна состоять из христи-

ан различных деноминаций, и эти люди должны полностью отдать свои силы для евангелизации, для создания церквей и обучения руководителей. Они должны идти вглубь страны, водимые только Богом и больше никем другим. Чтобы евангелизировать одиннадцать не достигнутых провинций, нужны, по меньшей мере, двадцать два миссионера.

Решиться ли ему на этот шаг? Может, ему следует довольствоваться более скромной и менее расточительной формой служения Христу?

Он проводил много времени в серьезных беседах с Марией, Уильямом Бергером, Джорджем Пирсом и с друзьями из Тоттенхема. Они много молились, обговаривали возможности и стратегию, чтобы согласовать безусловное доверие Богу с материальными нуждами. Месяцами Тейлор так много думал и переживал, что спал не более двух часов в сутки, а иногда и вообще не спал. Был ли он готов сделать то, к чему призывает его Бог? «И все это время, – размышлял он, – в Китае каждый месяц миллион людей умирает без Бога!»

«Иногда я думал, что потеряю рассудок, – позже вспоминал он, – но не сдавался. Наконец, я на самом деле заболел. Мария подозревала то, что волновало меня, но я никому не мог полностью открыть свое сердце. Я не хотел обременять Марию».

Джордж Пирс тоже видел, что Хадсену нужен перерыв. Он пригласил его к себе в Брайтон на выходные дни с 24 по 26 июня. В воскресенье утром Хадсен услышал проповедь пресвитерианина Дж. М. Деннистона, которая его сильно взволновала. «После проповеди, – вспоминал он, – я просто не мог смотреть на всех этих, может быть тысячу, христиан, которые радуются своему спасению, в то время как миллионы людей погибают, не имея веры. Я брел вдоль берега и переносил тяжкие страдания. Но Господь победил мое неверие, и я вновь посвятил себя Его служению. Я сказал Ему, что ответственность за наши планы и их последствия лежит на Нем и что моя задача как Его служителя состоит лишь в том, чтобы быть послушным Ему и следовать за Ним, а Его задача – заботиться обо мне и моих друзьях и вести нас.

Тут же мир наполнил мое исстрадавшееся сердце! Я здесь же попросил Господа о двадцати четырех сотрудниках, по двое для каждой провинции Китая, где не было миссионеров, и двоих для Монголии. Тогда я записал эту нужду в свою Библию и с радостным сердцем пошел домой. Долгие месяцы я уже не чувствовал

себя таким спокойным. Я был твердо убежден, что Господь благословит Свое дело и что я должен участвовать в нем. Я уже и раньше много молился, чтобы нашлись работники, избранные Богом, для одиннадцати не достигнутых провинций, и чтобы нашлись необходимые средства для них. Но сам я не был готов стать их руководителем».

Библия, в которой Хадсен написал эту молитву, существует по сей день. Несколько дней назад я держал ее в руках. В ней, около 18 главы Иова, рукой Хадсена написано: «Молился о 24 добровольных, способных работниках. Брайтон, 25 июня 1865 год».

В другом месте он написал: «Конфликт закончился – мир, радость. Чувствую себя так, как будто могу взлететь на холм к дому мистера Пирса… А как хорошо я спал в эту ночь! Миссис Тейлор сказала, что Брайтон сотворил чудо. Так оно и есть на самом деле!»

При первой возможности Хадсен пошел с Джорджем Пирсом в банк и открыл счет на имя «Китайской Внутренней Миссии». Первый взнос состоял из десяти фунтов. Немного, но как Хадсен позднее писал, это были «десять фунтов и все обетования Божьи».

Теперь предстояла работа, работа, и еще раз работа! В это время Хадсен Тейлор хотел достичь две цели: он желал ободрить своих родных и возрастающий круг друзей, не переставать молиться о двадцати четырех миссионерах, также он хотел проехать по всей стране с лекциями о Китае. Его план-график был до отказа заполнен. В его докладах речь шла не о вербовке в КВМ или о средствах. Нет! Он хотел говорить о Китае и о том, как Бог может восполнить нужду этой страны. Верующий предприниматель, который однажды слушал Хадсена, рассказывал, что говорил он очень спокойно, осторожно подбирая выражения. Этот человек был глубоко тронут тем, с какой проникновенностью Тейлор говорил о большой нужде Китая, а также о том, что предпринимали миссии и сколько труда еще внутри страны.

В каких миссионерах нуждался Тейлор? Другие миссии отдавали предпочтение рукоположенным проповедникам, по возможности с законченным высшим образованием. И так как Тейлор не хотел перехватывать кандидатов для других миссий, он стал руководствоваться совсем другими критериями. Конечно, ему тоже хотелось, чтобы в миссии трудились интеллигентные, образованные люди. Но в первую очередь, они должны обладать духовными

качествами. Дверь для этой работы должна быть открыта и для людей без высшего образования. Самое важное духовное условие для кандидатов – это незыблемое убеждение, что есть верный Бог, а также способность и желание доверять этому Богу.

Другие миссии не предоставляли для женщин другого труда, кроме труда учителя. Хадсен же считал, что для работы с китайскими женщинами женщины-миссионерки просто незаменимы.

Новые кандидаты должны были принять во внимание, что их непосредственными руководителями являются Хадсен и Мария, так как они были единственными, которые жили в Китае, работали там и имели соответствующий опыт. Хадсен хотел основательно подготовить миссионеров к служению и предоставить им все, в чем они будут нуждаться.

Характерными чертами Китайской Внутренней Миссии должно было быть:

Во-первых, от миссионеров не требовалось принадлежать к какой-либо определенной деноменации. Важно было, чтобы эти люди были искренними христианами и были согласны с учением КВМ. Позже КВМ стала принимать и людей различных национальностей.

Во-вторых, миссионеры не будут получать постоянного жалования. Они должны полностью доверяться Богу, так как Он будет заботиться о них. Доходы все должны делить между собой, и ни в коем случае миссионерское общество не должно иметь долгов.

В-третьих, ни в коем случае не призывать жертвовать, никто не должен собирать денег. Имена друзей миссии не будут обнародованы, вместо этого каждый из них получит квитанцию с датой и номером пожертвования. Таким образом, каждый сможет найти свою долю в списке пожертвований и в годовом отчете миссии.

В-четвертых, Хадсен Тейлор, который научился на ошибках КЕС, решил, что работой за границей будет руководить не комитет на родине, а либо он сам, либо другой подходящий руководитель на месте, в Китае.

В-пятых, деятельность миссии в практическом плане должна систематически продумываться. Чтобы достичь Евангелием всего Китая, было решено создать центры в стратегических районах. Цель ни в коем случае не должна состоять в большом количестве покаявшихся. Целью должно быть как можно скорее евангелизировать всю страну. Кто в конце будет собирать плоды, это не так важно.

В-шестых, миссионеры из уважения к китайскому народу должны носить их одежду и совершать свои богослужения в зданиях, построенных не в готическом, а в китайском стиле, как церкви в Нинбо.

К 1866 году состояние здоровья Тейлора намного улучшилось, поэтому он решился весной предпринять поездку по западу Англии – в Эксетер, Торбэй, Плимут и Коллингтон на полуострове Корнуолл. В Торки он получил письмо от Роберта Чэпмена, глубоко верующего человека, одного из руководителя раннего братского движения. Он приглашал Хадсена выступить с докладом перед собранием. Хадсен последовал приглашению, и спустя шесть или семь лет Чэпмен при встрече сказал ему: «Я каждый день посещал Вас с тех пор, как Вы уехали в Китай». Он имел в виду, конечно же, молитвенно!

В мае Тейлор выступил с докладом в Тотридже (Барнет) как гость полковника Джона Паджета. Как всегда, он поставил свое условие: в приглашениях на собрание должно быть помечено: «никаких пожертвований». Вначале полковник Паджет протестовал – такого он еще никогда не видел, но потом согласился.

В ходе своего доклада Хадсен использовал большую карту Китая, с помощью которой мог наглядно пояснить слушателям, как велика страна и сколько в ней жителей. Но, прежде всего, он говорил о духовной нужде. Полковник Паджет чувствовал, что многие слушатели глубоко потрясены услышанным. Поэтому он встал в конце речи и сказал:

– Мистер Тейлор попросил меня, чтобы на приглашениях стояло «никаких пожертвований», но у меня такое впечатление, что многие будут очень разочарованы тем, что им не предоставится возможность внести вклад для работы в Китае. Так как мое предложение исходит не от мистера Тейлора, а лично от меня и, как мне кажется, большинство присутствующих согласны с этим предложением, я думаю, что мистер Тейлор не будет против пожертвований.

Как он заблуждался! Тейлор вскочил:

– Мистер Паджет, я хочу убедительно просить Вас придерживаться условий, с которыми Вы согласились. Есть много причин, почему я не желаю пожертвований. Самую важную Вы сами только что упомянули: я ни в коем случае не хочу, чтобы слушатели жертвовали под наплывом чувств столько, сколько им сейчас кажется правильным, чтобы облегчить свою совесть. Нет! Они долж-

ны пойти домой и нести большую нужду Китая в своем сердце как бремя. А затем им нужно спросить Бога, чего Он хочет от них.

Если они через молитву и размышления придут к выводу, что Бог хочет от них финансовой поддержки, тогда в каждом миссионерском обществе она будет желанна. И наше бюро в Лондоне также будет радоваться этим пожертвованиям.

Но во многих случаях Бог не хочет от нас денег, Он хочет намного больше, Он хочет, чтобы мы предоставили самих себя на служение за границей, или чтобы мы отдали наших сыновей и дочерей на это служение. Я думаю, что сбор пожертвований создает впечатление, что деньги важнее всего. Но с помощью денег мы не можем обратить к Богу ни одну душу! Что нам нужно – это люди, исполненные Духом Святым. Тогда найдутся и необходимые средства, чтобы поддерживать этих людей.

За ужином Джон Паджет сказал Хадсену:

– Я думаю, что Вы заблуждаетесь. Несколько человек дали мне все-таки небольшие суммы, но впрочем, Вы упустили замечательную возможность.

На следующее утро во время завтрака Хадсен Тейлор получил письмо с приятными новостями. Пароход «Ламмермур» стоит в Лондонском порту и 20 мая выйдет в Китай – пароход с достаточным числом мест для всех миссионеров! Сможет ли он прибыть туда, чтобы во всем лично убедиться?

Джон Паджет этим утром встал поздно и выглядел усталым.

– Я очень плохо спал, – признался он.

После завтрака он пригласил Хадсена в свой кабинет.

– Вот пожертвования для Вашей работы, которые я вчера получил, – сказал он. – Вчера вечером я думал, что Вы неправы в своих взглядах на пожертвования. Но сегодня я убежден, что Вы правы. Когда я сегодня ночью не мог спать и думал о Китае, о тех многих душах, которые погибают там, во тьме неверия, тогда я по Вашему совету стал взывать к Богу: «Господи, что Ты хочешь, чтобы я сделал?» Я получил ответ на свой вопрос, и вот результат.

Полковник Паджет передал Хадсену Тейлору чек в 500 фунтов.

– При пожертвовании я, наверное, положил бы только несколько фунтов.

500 фунтов в то время стоили больше сегодняшних тысячи фунтов!

Глава 25

Главное – спокойствие

Хотя многие считали эту идею безумной, Хадсен зафрахтовал «Ламмермур». Корабль должен был повезти его с семьей и группу миссионеров в Китай. С ними должна была отправиться в путь даже фисгармония стоявшая на Коборн-стрит.

26 мая 1866 года был прекрасный день. Ранним утром многие молодые люди с семьями и друзьями устремились в направлении порта. Все они собрались у лондонского Восточно-Индийского порта и поднялись на борт быстроходного клипера. Кроме Хадсена с Марией и их четырех детей, на борту было еще шестнадцать пассажиров. Из Шотландии приехали кузнец Льюис Николь с женой Элайзой, столяр Джеймс Уильямсон, каменотес Джордж Дункан, а также «знаток Библии» Джейн Маклин, которая посещала училище Уильяма Пеннефазера. Из Лондона прибыли Эмили Блэчли, секретарша, окончившая колледж, Дженни Фолдинг, которая училась вместе с ней, учительница Мэри Бойер, тоже из училища Пеннефазера, столяр и торговец сукном Джосайа Джексон и Джон Селл. Кроме них, еще поехали Сьюзен Барнс, учительница из Ирландии, кузнец и сельский механик Уильям Радленд, дочь миссис Баузум Мэри, воспитательница для семьи Тейлоров Мэри Белл и швейцарская гувернантка Луиза Дезграц. И, наконец, Элизабет Роуз, невеста Джеймса Мидоуса – образованная молодая девушка.

Все радовались вскоре увидеть Джеймса Мидоуса а также Стефана Бачета, Джорджа Кромби – крестьянина из Абердина, Джона Стивенсона – сына шотландского помещика, и Джин Нотман, которые уже работали миссионерами Китайской Внутренней Миссии в Китае. Они молились о пяти миссионерах, а Бог послал намного больше!

Кроме Хадсена и Марии, никто из них еще не был в Китае, и в Англии не было никого, кто гарантировал бы их содержание в Китае. Ни одна девушка-европейка до тех пор не работала в Китае вне договорных портов. Но здесь на корабле было девять девушек, которые хотели работать внутри страны, где иностранцы до сих пор были глубоко презираемы.

«Ламмермур» был современным трехмачтовым парусником. Капитан Белл покаялся два года назад и очень симпатизировал своим пассажирам. На прощание пришли супруги Бергер,

Ховарды из Тоттенхема, Фолдинги, мать Хадсена, Бенджамин и Амелия. Все собрались вместе с миссионерами в каюте на корме для совместной молитвы. Затем, когда «Ламмермур» на буксире выходил за ворота порта, они запели: «Да, мы должны разлучиться, но не навсегда».

– Ничего себе начало! – проворчал Брантон, помощник капитана. – Теперь у нас полный корабль миссионеров, которые целый день будут петь псалмы. И угораздило же меня попасть именно на этот корабль!

Многие из провожающих остались на корабле до Грейвсенда и оттуда поехали назад в Лондон.

– Остерегайтесь, чтобы «вам не погибнуть в пути вашем»! – попрощался с ними Бергер.

Мария видела, что Хадсен чувствует себя лучше, чем когда-либо в своей жизни. Он заботился о том, чтобы все были заняты, и кроме этого, он давал миссионерам первые уроки китайского языка. Он сделал полки для книг и поощрял других наводить уют в каютах. Его фисгармония попала в каюту на корме. Как только у него появлялось свободное время, он читал греческую грамматику Нового Завета Вайнера или толкование епископа Вордсворта на книгу Левит. Уильям Радленд описывал Хадсена как «молодого и активного, как все молодые люди на корабле». Марию же он считал «тихой, в какой-то мере, может быть, более зрелой, с замечательной способностью рассудительности, ее лицо было спокойным и красивым, оно излучало мир. Она много времени посвящала детям».

Команда капитана Белла состояла из тридцати четырех матросов и юнг, из них, по крайней мере, двое были искренними христианами. Кроме этого на борту был настоящий зоопарк из собак, овец, свиней, гусей, кур и уток. Белл предоставил миссионерам полную свободу на корабле, они могли делать, что хотели. Конечно, миссионеры быстро исчезали, когда офицеры начинали выкрикивать команды, а моряки – проворно исполнять их. Иногда миссионеры могли чем-то помочь на корабле. Льюис Николь, например, изготавливал нужные запчасти, а когда возникли проблемы с помпами, Радленд отремонтировал их вместе с Николем и Уильямсоном.

Пища была так обильна, что Хадсен переживал, что их чересчур избалуют. Вначале путешествия на ужин подавали, например,

кроличий или куриный суп – на выбор. Меню включало в себя консервированную баранину, кролятину, цыплят и копченый окорок с картошкой и свеклой, а также пудинг, яблочное и сливовое пирожное, пирог со смородиной и ревенем. Кроме того – печенье и сыр с орехами, миндалем, малайским изюмом и финиками. Чтобы справиться с этим меню, уходило не менее полутора часа.

Полненькая Мэри Белл пользовалась уважением среди матросов. А так как она не всегда была занята с детьми, то предложила проводить для экипажа библейские часы. Ее почитатели усердно посещали эти часы разбора Библии, и уже в июне она могла сообщить: «Несколько из них уже радуются в Господе».

«Мы фактически живем на палубе, – писала Дженни Фолдинг, когда они приближались к экватору. – Ах, как я наслаждалась этим днем! Море такое красивое и воздух так чист! ... Капитан очень любит детей. Еще никогда в моей жизни я не видела такие чудесные закаты солнца, еще никогда – такую светлую луну. При лунном свете можно вдеть нитку в иголку или читать книгу с мелким шрифтом. … Это путешествие превзошло все мои ожидания. Я почти не успеваю работать, так как много времени теряю, наблюдая за волнами... На борту царит хорошая атмосфера, без всякого напряжения... И мужчины совсем не пристают ко мне. Мы вместе с Эмили много гуляем и много беседуем. У мистера Тейлора есть жестяная ванна и устройство, с помощью которого мы можем через иллюминатор набирать в нее морскую воду. Так что мы можем даже купаться».

Конечно, были и проблемы. В июле Джосайя Джексон попросил Хадсена Тейлора прийти в каюту на корме. Там уже Джордж Дункан и Льюис Николь.

– Получил ли каждый из нас необходимое снаряжение? – начал разговор Джексон.

– Насколько я знаю, да, – ответил Хадсен. – Правда, к сожалению, с носками произошла ошибка. В Лондоне запаковали меньше пар носков, чем было запланировано.

– Нас не снабдили всем необходимым, как обещали супруги Бергер, – возразил Джордж Дункан.

– Лучше всего дайте мне список тех вещей, которых недостает Вам, – предложил Хадсен Тейлор.

Мужчины согласились.

– Я видел список снаряжения миссионеров другой миссии, – сообщил Джексон. – Он выглядел совсем по-другому.

– Разве я когда-нибудь говорил, что мы берем пример с других? – спросил Тейлор. – Они имеют совсем другое общественное положение, чем мы, и они будут носить в Китае одежды, которые мы не оденем. То, что я не смог приобрести для Вас легкой одежды и что у нас недостаточно носков, мне действительно жаль. Но у Вас есть хорошая и нужная одежда. Думаю, это тоже причина для благодарности.

Во время всего путешествия Хадсен Тейлор и его сотрудники проводили богослужения. И уже вскоре среди матросов произошли изменения: вместо того, чтобы играть в карты, они читали Библию, и вместо непристойных песен на корабле звучали гимны. Однажды миссионеры провели богослужение на палубе. Пассажиры и матросы сидели вокруг – на ящиках, досках и стульях – везде, где можно было сесть. Несколько человек, которые не могли решиться, принять ли им участие в собрании, прятались за шпилем или стояли вблизи дверей.

Сильно осложнял жизнь моряков Брантон, помощник капитана. Он был жестоким, сквернословил и вел себя как тиран. Но потом, в июле, казалось, Брантон стал обходительнее. Он попросил Джона Селла помолиться с ним и позволил Хадсену Тейлору прочитать ему первые главы Послания к Римлянам. Казалось, что он понимал их, но не мог применить в своей жизни.

В начале августа они попали в сильные штормы, и Брантон сквернословил без остановки, да так ужасно, что миссионеры и христиане из матросов договорились собираться и молиться за него. Но както в одно августовское утро Брантон позволил Тейлору прочитать историю о Пасхе Господней из книги Исход. Хадсен объяснил ему значение Божьих слов: «и увижу кровь, и пройду мимо вас».

И вдруг Брантон воскликнул:

– Вот теперь я понимаю! Каким же слепым я был!

Последовало драматическое покаяние. «Уже вскоре, – сообщал Хадсен Тейлор, – он начал благодарить Бога и молился не только за себя, но и за матросов, за капитана Белла, за свою жену, своих детей и за миссию».

«Он созвал вахту, – рассказывал Радденд, – и попросил у них прощения за то, что жестоко относился к ним. „Я был неправ", – сказал он, и с тех пор решительно встал на сторону Христа».

Брантон не был единственным. Благодаря богослужениям и разбору Слова Божьего число христиан среди матросов возросло до двадцати четырех!

10 сентября они были уже недалеко от Шанхая. Штормило, но матросы старались изо всех сил все выскоблить и помыть, чтобы по прибытии в Китай произвести хорошее впечатление. Но барометр все падал и падал, и море становилось все суровее.

Во вторник налетел тайфун, и такой сильный, что пришлось убрать все паруса. Все, что не было закреплено, смыло за борт, волна за волной со всей силой окатывали овец, гусей и кур, находящихся в клетках. Вода проникала даже в салон. Двое суток никто не смыкал глаз. Даже спасательные шлюпки смыло волной.

В среду ветер утих и они смогли увидеть Тайвань, который тогда еще назывался Формозой. Но уже в конце последующей недели они снова попали в тайфун. И именно в то время капитан Белл тяжело заболел.

Они никогда не забудут ночь 21 сентября. Корабль так сильно повредило, что вода могла беспрепятственно заливать судно.

В субботу утром смыло волной последние корабельные надстройки. Море бушевало так яростно, что матросы отказывались закреплять паруса. Хотя капитан Белл был тяжело болен, он, сопровождаемый Брантоном, добрался до утлегаря, за ними следовали несколько матросов. Потом – совершенно неожиданно – корабль так накренило, что им пришлось вернуться.

Чтобы спасти корабль нужно было задраить пробоины. Казалось, все старания напрасны: сломались еще два утлегаря и треснули три мачты, включая грот-мачту. Их дико раскачивало во все стороны, и в любой момент они грозили упасть на палубу. Повсюду потоки воды, плавающие балки, бадьи, ведра и бочки составляли угрозу для пассажиров и матросов.

Можно ли пережить такой шторм? Моряков, казалось, парализовало от страха, они оставили все попытки спасти корабль. Миссионеры молились – горячо и отчаянно. Хадсен Тейлор поцеловал своих детей, как будто хотел попрощаться с ними. Но все же он оставался совершенно спокойным.

Тут в салон, спотыкаясь, вошел капитан.

– Наденьте спасательные жилеты! – прокричал он. – Корабль не выдержит и двух часов!

Миссионеры запели гимн «Благодатная скала мне спасение дает», а капитан Белл в это время пробрался к своим матросам, которые в отчаянии и безысходности глядели на царивший хаос. Держа в руках дубинку, он в гневе стал размахивать ею перед матросами.

Хадсен Тейлор, следовавший за капитаном, стал умолять его:

– Пожалуйста, не применяйте никакого насилия, прежде чем мы не испробуем других методов!

Затем Тейлор спокойно и сдержанно обратился к матросам.

– Я верю, что Бог может вывести нас из этой опасности. Но наше спасение, несомненно, зависит и от того, чтобы корабль не потерял управление – и это наша задача. Мы все будем помогать вам при этом, как сможем. Ведь и наша жизнь находится в опасности.

Неподвижно, как парализованные, матросы смотрели, как Хадсен Тейлор и другие миссионеры начали привязывать плавающие предметы. Снова и снова им приходилось прерывать работу, когда волны высотой в дом пытались смыть их. Они стояли по колено в воде, и все же им удалось вытащить канаты, привязать балки и привести в движение помпы. Наконец некоторые из матросов все же, пересилив себя, стали помогать им. С трудом им удалось закрепить раскачивающиеся мачты. Шум был оглушительный: Вода бушевала, цепи бились друг о друга, громко трещали паруса, когда мачты рвали их в клочья. Шум рвущихся парусов заглушал команды – как бы громко их ни отдавали.

Бочки с водой смыло за борт, о приготовлении пищи нечего было и думать. Приходилось довольствоваться сухарями с сыром или маслом.

Но самое ужасное было уже позади. Стрелка барометра начала постепенно подниматься, и через несколько часов ветер и волны утихли.

Во вторник море, наконец, полностью успокоилось и снова засияло солнце. Матросам удалось немного поправить корабль. Они достали со склада новые паруса, отремонтировали все помпы и пытались, по мере возможности, осушить корабль. Прошло совсем немного времени, и «Ламмермур» снова взял курс на Шанхай. Освещенный лунным светом, он уверенно продвигался вперед.

В среду вечером они взяли на борт лоцмана, а в воскресенье баржа доставила их в порт Шанхая, где поврежденный корабль привлек большое внимание. И в самом деле! Всеобщая благодарственная молитва была вполне обоснована – ведь никто из матросов или пассажиров серьезно не пострадал.

Глава 26

На берегу Западного озера

«Здесь такое смешение английского с иностранным», – писала Дженни Фолдинг в своем первом письме из Шанхая. Китайские домики, из-за высоких стен, окружающих двор, казались ей тюрьмами. А магазинчики в узких улицах, наоборот, – красивыми и большими.

На Джорджа Дункана произвело большое впечатление уважительное отношение китайцев. «Они очень молчаливы и приветливы с нами; намного приветливей, чем наши земляки с ними». Луиза Дезграц побывала на китайских похоронах и описала их: «Хлопушки должны нагонять страх на злых духов, фальшивые деньги сжигаются, чтобы мертвый мог использовать их в потустороннем мире, фонари должны освещать его путь. Весь этот шум и огонь производит ужасное впечатление! ... Я была по-настоящему счастлива, когда могла уйти домой». Эти похороны ясно показали ей, что китайцы являются рабами сатаны.

Миссионеры, которые прибыли на «Ламмермуре», привезли с собой несколько печатных станков с запасными частями, а также большой запас медикаментов и инструментов, чтобы иметь возможность открыть больницу и аптеку. Но где всё это хранить, пока будет создаваться центр? Ответ на этот вопрос они получили уже вечером в день своего прибытия. На корабле их посетил Уильям Гембл из издательства американской пресвитерианской миссии и предложил им помещение под склад, где они могли все разместить на неограниченное время. Кроме того, он позаботился о месте проживания для всех прибывших. В тот же вечер Хадсен пошел с Гемблом посмотреть помещение склада и дом для проживания и остался доволен.

Но, месяц спустя Дженни писала: «Я рада, что мы не остаемся в Шанхае. Китайцы здесь любят деньги, а англичане больше интересуются модой, чем небесами. Каждый знает все обо всех, и я хорошо представляю себе, сколько о нас говорят».

Она была права. Больше всего разговоров вызвала их внешность. Все они стали носить китайскую одежду и причесываться как китайцы.

Уильям Радленд вспоминал позднее: «Вначале мне не особо нравилась китайская одежда, но теперь она мне нравится все

больше». Также и Джосайа Джексон говорил: «Для нас это был нелегкий шаг – решиться побрить голову. Вначале я не мог понять, зачем мы должны носить китайскую одежду. Но теперь я понимаю это».

Они хотели оставить Шанхай как можно быстрее, но британский консул не поддерживал их планы, остановиться внутри страны, в Ханчжоу, и к тому же китайских служащих трудно было побудить подписать необходимые бумаги. Только в ноябре они смогли наконец двинуться с места.

Ханчжоу, основанный уже более двух тысяч лет назад, располагался на берегу красивого Западного озера. Недалеко от южных ворот города протекала река Цяньтан и, образовывая прекрасную дельту шириной в три-четыре километра, впадала в бухту. Озеро раскинулось среди лесистых холмов с пагодами, храмами и одиночными старыми могилами, разбросанными между деревьями. Водную гладь прерывали маленькие острова, были слышны голоса уток, гусей и лебедей, которые тысячами населяли озеро. Повсюду цвели магнолии, азалии, камелии. Уже сотни лет тутовые деревья содействовали процветанию в этой местности шелковой индустрии. В Ханчжоу проживало больше миллиона человек, среди них было много поэтов, художников и богатых людей, живущих в прекрасных домах.

Уже при первом знакомстве с городом миссионеры обратили внимание на множество развалин со времен Тайпинского восстания. Недалеко от западных ворот еще стоял гарнизон маньчжуров, но губернатор провинции и его мандарины уже жили в восстановленных дворцах. В городе уже были некоторые миссионеры, но Ханчжоу был намного больше, чем Нинбо, и поэтому работы хватало для многих миссий.

Хадсен Тейлор и мистер Сью, который покаялся несколько лет назад в Нинбо после проповеди Хадсена, нашли здание, которое очень подходило для работы миссии в Ханчжоу. Это был дом на окраине жилого района на Нью-Лейн 1. Здание было окружено старыми домами, которые во время Тайпинского восстания были так повреждены, что торговцы и мандарины пренебрегали ими. Перед восстанием этот старый дом принадлежал богатой семье мандарина и состоял из тридцати комнат.

При первом же посещении Тейлор и Сью начали строить грандиозные планы. Главный вход вел в большой павильон, в

котором, по их мнению, можно было бы прекрасно проводить богослужения. Вокруг частично крытого большого внутреннего двора было расположено больше десятка комнат, которые можно было использовать для клиники. Здесь больные могли бы, ожидая своей очереди, слушать Евангелие. В своем воображении миссионеры уже ясно представляли себе, где будет приемная, столовая, бюро, типография, комнаты для служащих и кладовые. Наверху были жилые помещения с двумя раздельными входами – идеальные квартиры для одиноких сотрудников миссии. Защищенный и изолированный альпинарий мог служить местом покоя и отдыха.

Конечно, дом нужно было полностью отремонтировать. Эмили Блэчли писала после первого посещения дома: «Пыли и сквозняков здесь больше, чем достаточно. Многие окна и двери еще придется отремонтировать».

Тейлор арендовал это поместье за разумную цену. Миссионеры заселились и тут же начали ремонт и перестройку. Они купили доски, гвозди и большое количество крепкого лыка. Плотники тут же принялись делать рамы и строить перегородки. Для внешних работ использовали лиственницу, а для внутренних – крепкий картон. На стены они приобрели картины, а на пол положили камышовые циновки. Немного мебели они изготовили сами, недостающую купили. Во время работы они отапливали здание, нагревая в латунных сковородках древесный уголь. К счастью, в этом году была очень мягкая зима. Сразу же в начале нового года пришли штукатуры и заменили перегородки из простыней и картона на простенки из реек и гипса.

Жители Ханчжоу быстро привыкли к своим новым соседям. «То, что мы могли так спокойно работать и нам никто не мешал, – писал Уильям Радленд, – можно приписать, по моему мнению, только нашей китайской одежде. Когда мы идем по городу, мы едва заметны».

Когда Джеймс Мидоус и Джордж Кромби в конце 1866 года поехали из Нинбо в Ханчжоу, они проезжали через большой город Сяошань, который находится в шестнадцати километрах от Ханчжоу и в восьмидесяти километрах от Шаосина. Здесь уже работали два миссионера КВМ – Джон и Энн Стивенсон. Мидоус и Кромби открыли миссионерскую станцию в Сяошане. Совместно с Хадсеном Тейлором они внимательно осмотрели город, и нашли

маленький дом, который тут же арендовали. Хозяин поставил им только одно условие: они должны носить китайскую одежду.

После короткого совещания было решено отправить туда Льюиса и Элайзу Николь.

В Ханчжоу жил миссионер ЧМО Джордж Моул – известное лицо в истории церкви. С отцом Джорджа, пастором Генри Моулом, Хадсен Тейлор переписывался, когда жил в Лондоне в связи с изданием Нового Завета на диалекте Нинбо. Все сыновья Генри Моула посещали Кембриджский университет. Джордж, Артур и Хендли стали, как и их отец, пасторами, причем Артур также работал в Китае. Хендли, позднее епископ Дарема, написал несколько духовных гимнов. Джордж Моул, ровесник Хадсена Тейлора, начал свою работу в 1858 году в Нинбо и с 1864 года жил в Ханчжоу. Он сердечно приветствовал миссионеров, приехавших на «Ламмермуре». Но доброе отношение вскоре начало меняться.

Дело в том, что Моул имел совсем другой стиль работы, чем Хадсен Тейлор. ЦМО имело в Нинбо построенную в готическом стиле церковь, сотрудники миссии носили европейскую одежду и жили по европейскому образцу. Поэтому они свысока смотрели на молодых сотрудников Китайской Внутренней Миссии, ходивших по городу в китайской одежде.

Джордж и Аделаида Моул начали приглашать сотрудников КВМ к себе на обед, и в таких случаях Льюис Николь постоянно жаловался на обстоятельства в своей миссии. Стиль руководства Хадсена Тейлора особенно не нравился Николю, при этом его витиеватая фантазия не всегда придерживалась правды. Понятно, что супруги Моул очень охотно слушали его. Однажды, когда Льюис Николь, Джон Селл и Джосайа Джексон были в доме Моулов на посещении, хозяин опять высказал свое недовольство по отношению к европейцам, носившим китайскую одежду. И к тому же, разве это не безнравственно, когда холостые мужчины и незамужние женщины живут под одной крышей на Нью-Лейн? Хадсен Тейлор, по его мнению, слишком приветливо и доверительно обходится с молодыми дамами. В конце концов, если миссионерская работа таким образом заработает себе плохую репутацию, в этом, возможно, будут обвинять самого Моула!

2 января Стефан Бачет и Льюис Николь проделали путь в шестнадцать километров до Сяошаня и заняли дом, который арен-

довали Тейлор, Кромби и Мидоус. Вскоре к ним присоединились жена Льюиса Элайза и китайский сотрудник. Джеймс Уильямсон помог им перестроить первый этаж в приемную и часовню. 25 января Николь возвратился в Ханчжоу. Он хотел попросить Сью приехать и освятить новое жилище.

Люди на Нью-Лейн немало удивились, когда увидели Николя: он был в европейской одежде и носил ее уже целую неделю, несмотря на то, что КВМ обещала хозяину этого поместья, что жители этого дома будут носить китайскую одежду! Европейская одежда была также нарушением договора, который Хадсен Тейлор заключил с каждым из миссионеров в Лондоне.

Хадсен Тейлор решил не сразу привлечь его к ответственности. В гневе он мог сделать неправильный шаг, о котором ему, возможно, придется потом пожалеть. На следующий день Николь и Сью уехали в Сяошань.

Много людей пришло в воскресенье в маленькую часовню Сяошаня, чтобы послушать Евангелие. На следующий день Николь и Сью вышли на улицу, Николь был в английской одежде.

В понедельник вечером Льюис, Элайза и Уильямсон были на верхнем этаже и писали; Сью работал со своим слугой на первом этаже. Вдруг Сью увидел, что на улице собралось много мужчин с фонарями. Перед входом стоял паланкин самого высшего чиновника города. Сью побежал наверх и сообщил об этом Николю. Когда тот быстро спустился вниз, мандарин стоял уже у подножья лестницы. Около полсотни мужчин втиснулось в капеллу. Николь с уважением поклонился мандарину, но тот схватил его за плечи и сильно встряхнул.

Через некоторое время он успокоился и стал немного вежливее. Он сел и знаком показал Николю сделать то же самое. Один из мужчин прошептал Николю:

– Мандарин пьяный! Поэтому он не отвечает за свои действия.

Николь попросил одного из слуг принести чай.

– Я не хочу! – запротестовал мандарин. – Ты думаешь, что я буду пить чай иностранного дьявола? Позови другого англичанина, который живет здесь!

Джеймс Уильямсон пришел с паспортом в руке. Но мандарин не обратил никакого внимания на их паспорта. Затем он изъявил желание увидеть Элайзу, и, бросая на нее похотливые взгляды, стал делать неприличные замечания. Наконец, он настоял на том, чтобы осмотреть все комнаты в доме. Его приближенные были

вынуждены поддерживать его, когда он проходил по комнатам. Он задавал много вопросов об Англии и громко говорил, что христианство – это испорченная и запрещенная религия.

Между тем прибыл хозяин дома, которого вызвали по тревоге. Он вручил мандарину документ. Тот прочитал его, но не обратил на хозяина дома особого внимания. Наконец он сошел по лестнице вниз и увидел Сью.

– Бейте его! – приказал он без дальнейших замечаний.

Николь и Джеймс Уильямсон со стороны беспомощно наблюдали, как двое мужчин схватили Сью. Один крепко держал его за банзи, другой за ноги. Двое мужчин начали бить его плетками по голым бедрам – шестьсот раз. Затем они дали ему по сто пощечин.

После этого мандарин обратился к Николю и Уильямсону и беспристрастно спросил:

– Оставите ли Вы завтра этот дом?

Николь кивнул. Он хорошо помнил, что Хадсен Тейлор настоятельно просил его не затевать ссоры с начальством этой местности. При всех возникающих проблемах ему следовало обращаться к британскому консулу. Покидая дом, мандарин сказал:

– Если хоть один из вас завтра будет здесь, я прикажу обезглавить его!

На рассвете Сью со своим слугой пешком отправились в Ханчжоу. С трудом – он едва мог говорить – Сью рассказал сотрудникам, что случилось. После этого прибыл Николь. Он оставил Элайзу и Джеймса Уильямсона в лодке – с немногими пожитками, которые они смогли взять.

Разговор с Хадсеном Тейлором был очень напряженным, так как Николь придерживался мнения, что случившееся – его личное дело. Затем он спросил:

– Может, мне поехать в Нинбо и сообщить об этом консулу?

– Конечно, об этом деле нужно сообщить консулу! – ответил Тейлор. – Но как руководитель миссии, это должен сделать я. Но прежде я хочу Вас спросить: признаете ли Вы меня директором и руководителем миссионерского общества? Считаете ли Вы себя еще сотрудником этой миссии? Почему вы сняли китайскую одежду, не поговорив вначале об этом со мной? Этот дом мы арендовали на совершенно других условиях!

Мне, конечно, больше по душе относиться к Вам с чистым состраданием, но этот случай имеет очень тяжелые последствия для нашего миссионерского общества, поэтому, прежде чем обратить-

ся к консулу, я должен услышать Ваш ответ. Кто же все-таки является жертвой этого случая – отдельные личности или миссия?

– Я признаю Вас руководителем миссии, – ответил Николь. – Но я много размышлял об этом деле и пришел к собственным выводам. Если бы я мог хорошо говорить по-китайски, я бы носил китайскую одежду. Я снова надену ее, как только научусь хорошо говорить на местном языке. Но в данный момент я чувствую себя еще очень неуверенно, и я считаю, что европейская одежда дает мне определенную защиту и уважение.

Но обстоятельства в Сяошане показали, что иностранная одежда не дает никакой защиты.

Между тем Элайза с вещами прошла в дом, и Хадсен Тейлор решил отложить разговор, пока, как он выразился, «личная тактичность Николя» не побудит его снова надеть китайскую одежду.

Когда Хадсен Тейлор собрал нужную информацию, он написал письмо британскому консулу в Нинбо. К своему сообщению он добавил:

«Остаюсь в надежде, что Вы восстановите честь и права нашей страны, которые дает нам Тяньцзинский договор, и издадите указ, согласно которого наша личность и паспорта достойны уважения, чтобы местное население снова ободрилось и могло работать с нами, что является его неотъемлемым правом».

Позднее, когда Хадсен уже имел больший опыт в общении с работниками консульства и мандаринами, которые были расположены к миссии и вступались за нее, он уже не так заботился о «чести своей страны».

Глава 27

Новая жизнь на Нью-Лейн

Когда в Англии узнали об избиении Сью, друзья КВМ писали ему сострадательные и ободрительные письма. Сью ответил им, какие мысли были у него во время бичевания. «Я не принял это как позор. Хотя было очень больно, но я думал о словах Священного Писания, где Иисус говорит: „Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное" и „Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай, ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют"».

В начале февраля 1867 года Тейлор попросил Николя снова носить китайскую одежду, не говоря ему прямо о том, что Джеймса Уильямсона не тронули, так как в Сяошане он был одет как китаец.

– Причины, которые Вы назвали мне, из-за чего Вы носили в Сяошане европейскую одежду, – продолжал Тейлор, – неподходящи для Ханчжоу.

– Я не надену китайскую одежду, – возразил Николь. – Я не намерен подчиняться мнению других людей.

– Если Вы и дальше будете одеваться по-европейски, Вы причините вред миссионерскому обществу и даже подвергните его опасности.

– Тогда мне, может быть, лучше сразу отправиться в один из свободных портов? – предложил Николь.

– По-моему, это не выход из положения, – заметил Хадсен.

Но Николь не слушал его. Он и дальше ходил по Ханчжоу в английской одежде.

В том же месяце в Китай прибыла новая группа миссионеров. Одним из них был Джон Маккарти. Первое впечатление от Нью-Лейн глубоко врезалось ему в память. Этот день был китайский Новый год, и народу на улице перед клиникой КВМ собралось больше, чем обычно. Хадсен Тейлор стоял на столе и проповедовал. Когда семья Маккарти входила в дом, Тейлор коротко по–приветствовал их. Затем он продолжил проповедь.

На Нью-Лейн пришла новая жизнь. Каждый день Тейлор обслуживал более двухсот пациентов. Для китайцев казалось чудом, что Тейлор операцией может вылечить катаракт глаз. Доказательством этому была длинная очередь паланкинов. Носильщики приносили пациентов к клинике и ждали, пока паланкины снова не понадобятся. Уличные торговцы, продавая перед домом пищу и напитки, имели большую выручку. Сью проповедовал пациентам, ожидавших своей очереди. Иногда Хадсен Тейлор заменял его. Особенно пациентам нравилось, когда он пел и играл на фисгармонии.

Однажды Мария сказала одному из китайских сотрудников:

– К нам приходит столько народу, разве это не доказательство того, что простые люди доверяют нам, иностранцам.

– Да, но недавно одна женщина, пришедшая в клинику, увидела мистера Николя. Она так испугалась, что сразу убежала, – сообщил китаец.

Значит, вопрос одежды все еще не был решен. Между тем к Николю присоединился Джон Селл, который также стал носить европейскую одежду, и Джейн Маклин с симпатией относилась к их решению.

Затем пришло письмо от Уильяма Бергера, из которого стало ясно, что Николь ему пожаловался. В письме было написано: «Если Вы решите послать его домой, то можете это сделать на мои средства».

Напряжение чувствовалось со всех сторон. Но потом произошло и радостное событие: 3 февраля родилась Мария Хадсен Тейлор. Мать и дитя чувствовали себя хорошо.

Джон Маккарти хорошо прижился на Нью-Лейн. В свои тридцать лет он был духовно выше некоторых миссионеров, прибывших раньше. С самого начала он был готов носить китайскую одежду и при изучении китайского языка делал большие успехи. Сколько Николь ни пытался воздействовать на него своими взглядами, тот не реагировал на них. Теперь и Хадсен Тейлор не чувствовал себя таким одиноким. Он созвал всех своих сотрудников и напомнил им о своих основных планах и стратегии. Он также напомнил им и об условиях, которые они приняли как члены КВМ. Затем он спросил каждого отдельно:

– Как Вы поняли соглашение, которое заключили со мной и мистером Бергером?

– Чтобы мы для нашей защиты носили английскую одежду, пока не изучим язык, – ответил Николь.

– Нет, – заметил Джеймс Уильямсон. – Я понял соглашение именно так, как мистер Тейлор только что объяснил нам.

– Я поддерживаю это, – сказал Уильям Радленд. – Также было сказано, что Вы будете руководителем миссии и ответственным за финансы.

А Джордж Дункан сказал:

– Вначале мне не совсем все понравилось. Но когда я приехал в Китай, то увидел, что был не прав, и что Вы в этих вопросах должны руководить.

В конце разговора все, кроме Николя и Селла, были на стороне Тейлора.

В марте на Нью-Лейн приехал Джордж Моул и передал Хадсену Тейлору письмо следующего содержания: «Мое главное замечание гласит: в Вашем доме живут многие незамужние женщины. Такое, если я не заблуждаюсь, порицали бы даже в Англии и отнеслись бы к этому с подозрением. А китайцам это дает повод обвинять европейских христиан в самых ужасных моральных грехах.

Вы живете со своими сотрудницами на небольшой территории, и ограничения, которые предписывает общественный этикет, Вы так расширили, что назвались врачом и попечителем душ этих женщин. И так как Вы территориально удалили женщин от общения с другими миссионерами и являетесь единственным среди них, который уже имеет опыт жизни в Китае, женщины стали зависимы от Вас. Вы находитесь в реальной опасности впасть в искушение...».

Моул называл дом КВМ на Нью-Лейн «скандальным» и «хуже римского монастыря». Годом позже он даже стал обвинять миссионеров в поцелуях и «ночных посещениях». На групповых фотографиях КВМ того времени нередко на плечах у Тейлора видна чья-нибудь рука, а на одной из них похоже, что Дженни Фаулдинг взяла его под руку. Поистине, веские доказательства для ночного поцелуя! ...

Прочитав письмо, Тейлор потребовал у Моула объяснений и попросил Уильямсона присутствовать при этой беседе. Но разговор получился очень неприятный и ни к чему не привел.

В конце февраля Хадсен Тейлор получил письмо от Льюиса Николя, в котором тот жаловался, что Тейлор его неправильно

понял. Тейлор начал свое ответное письмо словами «Мой дорогой брат» и подчеркнул, что от всего сердца желает окончания ссоры. Он попросил Николя откровенно изложить причины своего недовольства. В ответном, длинном и несколько запутанном, письме речь шла в основном об одежде.

Все женщины, прибывшие на «Ламмермуре» – кроме Элайзы Николь и Яны Маклин – написали письменную объяснительную, в которой значилось: «Наша совместная жизнь в Ханчжоу регулируется более строгими правилами и „ограничения общественного этикета“ соблюдаются более неукоснительно, чем дома. В лице миссис Тейлор, (присутствие которой в обвинениях почему-то не принимается во внимание), сотрудницы нашей миссии имеют собеседницу, у которой в любое время можно найти совет и поддержку. Мы никак не можем понять, почему характер мистера Тейлора ставится под сомнение. Он всегда относился к нам как джентльмен, как христианин и, прежде всего, как миссионер...»

В марте опять пришло письмо от Николя. На этот раз он жаловался на то, что его жена по прибытию в Китай получила на пять долларов меньше, чем другие женщины! Кроме того, он просил Хадсена Тейлора высказать все, что он имеет против него.

Хадсен на это ответил: «Откровенно говоря, отвечать на этот вопрос мне очень неприятно... К сожалению, я заметил, что у Вас недостает искренности – хотя это, возможно, и не преднамеренно. Но речь идет о той неискренности, от которой Вы не отступаете даже тогда, когда Вам указывается на это. Я сожалею об отсутствии у Вас честности и откровенности, и о наличии зависти, гордости и надменности – качеств, которые доставляют страдания как Вам лично, так и Вашим ближним. Вы у всех находите ошибки, Вы постоянно на что-нибудь жалуетесь... Вы не готовы подчиняться и всегда настаиваете на своем... Стало быть, трудности и препятствия Вы создаете себе сами... В присутствии мистера Бергера я уже указывал Вам на то, что считаю своим долгом поддерживать Вас только тогда, если Вы придерживаетесь моих указаний... Если Вы и впредь желаете, чтобы я поддерживал Вас, то, учитывая произошедшее, я ожидаю от Вас письменное согласие признать меня призванным от Бога руководителем миссии и подчиняться мне во всех связанных с ней вопросах...»

Наступил май, а Николь все еще не ответил Хадсену на это письмо. После того, как ему об этом напомнили, он попро-

сил Тейлора приехать в Сяошань, чтобы лично обо всем переговорить. Хадсен и Мария решили, что было бы разумнее проводить эту беседу в присутствии других миссионеров. Утро 10 мая на Нью-Лейн было решено провести в посте и молитве об этом вопросе, и совершенно неожиданно в Ханьчжоу явился Николь. Тейлор видел в этом ответ на молитвы. Николь стал высказывать новые, ничем не обоснованные, обвинения, но, в конце концов, миссионеры убедили его подписать объяснительную, излагающую факты.

В июне Николь вновь явился в Ханьчжоу и попросил у Хадсена помощи для своей беременной жены. Хадсен сразу же поехал вместе с ним в Сяошань. После этого он еще неоднократно ездил туда. Кроме всего прочего он помог Николям найти другой дом, когда им пришлось оставить старый и вообще вел себя так, как будто между ними разногласий никогда не было. Он считал, что так подобает вести себя христианам, и надеялся, что и Николь изменит свое мнение.

К тому времени обвинения Моула и Николя достигли Англии, но Бергеры, как и большинство друзей миссии, доверяли Хадсену и Марии больше, чем этим утверждениям. Но Генри Венн, генеральный секретарь ЦМО поверил этим слухам, чем вызвал недовольство Бергера. В своем письме Бергер просил Хадсена вести себя еще предусмотрительнее и не давать повода злым языкам. Николю же он написал: «Мне кажется, что Бог наделил нашего дорогого мистера Тейлора теми же почестями, как и мистера Мюллера в Бристоле».

Глава 28

Садовник пришел за розочкой

В июне 1867 года Хадсен Тейлор с Джоном Маккарти, Джорджем Дунканом, Сью и двумя китайскими сотрудниками исследовал местность юго-западнее Ханчжоу. Лодка, в которой они отправились вверх по Цяньтану, как и все китайские лодки, имела плоский корпус и крышу из бамбуковых циновок, которые отлично задерживали дождь.

Маккарти внимательно осмотрел путешествующих. «Некоторые пассажиры лежали, другие сидели, третьи что-то ели, некоторые курили и почти все оживленно беседовали – и, прежде всего, естественно, об иностранцах, которые одевались так же, как они», – писал он. Затем все стали готовиться к ночлегу на борту, восхищаясь лунным светом, сильным ветром, который так хорошо гнал их вперед, и радуясь отсутствию москитов.

К утру ветер утих, так что пять или шесть бурлаков были вынуждены с помощью канатов тянуть лодку. Пассажиры помылись горячей водой, которую за небольшую плату им предложили рабочие с лодки, и миссионеры провели короткое богослужение. Когда Тейлор читал отрывок из Библии и проповедовал, все с интересом слушали его.

Вечером они пристали к лодочной станции города Фуян и находилась в шестидесяти километрах от Ханчжоу. По извилистой тропинке и каменистым ступенькам городской стены, они поднялись в город.

Следующий вечер на борту Маккарти описывает так: «Возле мистера Дункана лежал бедный несчастный человек со связанными ногами… Как нам сказали, он был соучастником в убийстве, и его смертный приговор заменили ссылкой. Напротив него сидело несколько курильщиков опиума, которые, как только все улеглись спать, потушили свои лампы и предались своей пагубной страсти. На другой стороне лодки, тесно прижавшись друг к другу, сидело пять или шесть слуг мандарина, несколько солдат и других пассажиров».

На следующий день в Тонлу Хадсен Тейлор и его спутники посетили храм и пагоду на одном из холмов над рекой. Один из священников, казалось, был согласен с ними, что нужно поклоняться истинному и живому Богу.

– Но если мы оставим ложного бога, то больше не получим денег, чтобы содержать наш храм, – заметил он.

На следующий день они прибыли в одну деревню, в которой после Тайпинских сражений осталось всего три жилых дома. Жители угостили их сливами и чаем, а миссионеры подарили им Евангелие на китайском языке.

В одной из деревень на холме они запаслись необходимыми продуктами. При этом Маккарти очень сожалел, что друзья на родине не могут видеть, как они возвращались к лодке. Впереди шел Джордж Дункан, покрыв бритую голову соломенной шляпой, поля которой были такими же широкими, как его плечи. В одной руке он в качестве веера нес пальмовый лист, в другой молодого петуха, которого он держал за ноги и который по этой причине очень громко возмущался. Несмотря на все протесты петуха, его вечером съели. За Дунканом шел Тейлор, который был в такой же большой шляпе и нес в руках много продуктов. И наконец Маккарти, на шее которого болталась веревка с тысячей монет общим достоинством примерно в один доллар. В их некогда белой одежде после недельного путешествия едва просматривалась первоначальная окраска. На лодке они набросились на горячий чай и были очень счастливы иметь теплую воду для мытья.

В то время как Маккарти с одним из слуг оставался в лодке, Тейлор, Дункан и Сью со старым поваром отправились в Ланси. Хижину, в которой они там остановились нельзя было назвать роскошной. На полу лежало несколько циновок, которые, в случае дождя, можно было бы прибить к стене. Трубы не было и, когда повар варил пищу, дым разъедал присутствующим глаза. Кровати состояли из бамбуковых рам и сосновых досок, на которые каждый положил одеяло и подушку, чтобы не было так жестко, а сверху циновку, чтобы не было так жарко. В завершение все это покрывалось москитной сеткой. В комнате, кроме того, был еще стол, табуретка, доска, которую положили на два чурбака, и печка, которую они заносили, чтобы готовить пищу, а потом снова выносили. И наконец Джордж Дункан в приступе расточительства купил стул за шесть пенсов!

Однако они наняли для Дункана незаурядного учителя китайского языка и он за короткое время смог значительно расширить свой запас слов. Когда Хадсен Тейлор снова уехал в Ханчжоу, Дункан каждый день после обеда шел в храмы и чайные, продавал Библии и трактаты, беседовал с людьми.

Лодка, на которой Хадсен Тейлор отправился домой, канатом была привязана к другой, которая шла в том же направлении. Когда вечером лодки пристали к берегу, появилась хорошая возможность проповедовать, и Хадсен решил использовать ее. Он проповедовал перед людьми обоих лодок, пока не устал. Он коротко помолился и дал понять, что можно расходиться. Но никто не пошевелился. Все хотели слушать еще. Тогда он продолжил свою проповедь. Когда он снова остановился, опять никто не пошевелился. Люди начали задавать вопросы, на которые Тейлор подробно отвечал, хотя был совершенно без сил и к тому же замерз. Позднее он писал: «Наконец, я сам напомнил им, что уже поздно и время ложиться отдыхать. Но перед этим я объяснил им, как важно обратиться к Иисусу и лучше всего сейчас же».

На следующее утро Тейлор посетил Льюиса и Элайзу Николь в их новом доме, затем вернулся в Ханчжоу, где нашел все в полном порядке.

Джон Маккарти позднее писал об этом путешествии Хадсена: «На протяжении всей поездки – на лодке или на берегу реки, в чайных, на улице или в храмах – везде, где собирались люди, они слышали весть о любви Божьей, об искуплении человечества. То, окрыляло Хадсена Тейлора и давало ему сил для жизни и служения Господу, была любовь Божья, которая излилась в его сердце. И кроме этого, он искренне любил китайский народ, ценил его многие хорошие стороны».

Как и ее отец, который по профессии был адвокатом, Мария была очень интеллигентным человеком. Она серьезно обдумывала вопрос о ношении китайской одежды и о роли женщины в миссии. В одном из писем к Мэри Бергер она сформулировала свои мысли ясно и даже элегантно: «Я рада, что наша китайская одежда дает нам определенные преимущества. Прежде чем я покинула Англию, я еще сомневалась, хорошо ли женщинам носить китайскую одежду. Китайцы с пренебрежением относятся к своим семьям, но уважают иностранных дам. Будут ли они нас уважать и будем ли мы иметь такое же сильное влияние, если будем одеваться, как они? Но теперь у меня нет никакого повода к сомнению. Наоборот! Я радуюсь, что наш характер, наше образование и наша христианская жизнь открыли нам дверь в китайские семьи. Могу утверждать, что меня принимают с одина-

ковым уважением – все равно, как я одета. Я знаю, что некоторые думают, что иностранная одежда вызывает больше уважения, но я считаю это мнение ложным.

Еще никогда я не слышала ни от одного китайца критического замечания о характере или занимаемой должности наших сестер. Конечно, китайцам многое кажется в нас странным. Уже одно то, что мы приехали сюда, удивительно для них. И что среди нас так много незамужних женщин тоже удивительно, так как у них замужем почти каждая женщина старше двадцати... Впрочем, сегодня после обеда мисс Фолдинг сказала мне: „Я желала бы разделиться на дюжину людей и все же остаться той же, но и тогда у меня было бы достаточно работы"».

Хадсен Тейлор придавал большое значение китайской одежде, так как глубоко уважал китайскую культуру и необыкновенно глубоко понимал задачи миссионера. В этом он опережал всех своих современников.

«Мы живем среди народа, который сильно убежден в собственных обычаях и традициях, так как они являются результатом столетнего или тысячелетнего развития. И это убеждение вполне оправдано. Кто действительно знает китайцев, тот имеет большое уважение к ним и видит, как осмысленны многие их обычаи и традиции. Ведь их корни – в климате, в хозяйстве страны, а также в приспособленности людей к обстоятельствам, окружающим их.

К тому же, видимо, нет никакой другой страны в мире, где была бы такая терпимость к различным религиозным течениям, как в Китае. Единственное их возражение против христианства состоит в том, что это – иностранная религия, и в конечном счете верующие начинают подражать иностранцам. Большинство миссионеров носят иностранную одежду, ведут себя соответственно, и некоторые местные верующие подражают им. Часовни строятся в иностранном стиле, и все, что имеет дело с христианской верой, имеет иностранный вид. Я не единственный, который видит в этом главную причину того, что распространение Евангелия среди китайцев происходит так медленно. Почему же мы должны придавать христианской вере иностранный – с точки зрения китайцев – вид? Слово Божье не требует от нас этого, и, по-моему, для этого вообще нет уважительных причин. Мы же не хотим лишить китайцев их национальности! Нет, но они должны стать христианами!

Мы хотим иметь китайских христиан! Настоящих христиан! Но в любом случае они должны остаться китайцами. Мы желаем, чтобы возникли церкви из местных христиан, где руководить будут местные пресвитеры. Они должны в стране своих предков, в одежде своих предков и на своем родном языке прославлять истинного Бога. И они должны это делать в зданиях, которые полностью соответствуют китайскому стилю жизни.

Во всем, что не является для нас грехом, мы хотим для китайцев быть китайцами. Мы одеваемся в их одежды, говорим на их языке, мы знакомимся с их обычаями, принимаем их. Мы едим их пищу, живем в их домах и оставляем их такими, как они есть. Внутреннюю обстановку мы изменяем только тогда, когда это необходимо для нашего здоровья или для более лучших условий работы.

Насколько я вижу, это дает многие преимущества. Мы можем иметь больше влияния на окружающих нас китайцев, чем раньше. По разному поводу мы ежедневно имеем контакт с ними. Мы видим, какое влияние на народ имеет дух, благочестие и серьезность тех людей, которые несут им Евангелие. Но этого мы можем достичь только тогда, когда мы чем-то жертвуем, например, отказываемся от определенных блюд. Ножи и вилки, тарелки и посуда должны быть заменены палочками, ложками и чашами, как используют их местные жители.

Если иностранец одевается по-китайски, люди все же видят, что он иностранец, но его появление не вызывает чрезмерного любопытства. Когда он проповедует, люди обращают меньше внимания на его одежду, а больше на слова. Он может повсюду купить себе одежду, а также без труда может за небольшую плату отдать ее в стирку или на починку».

Этими принципами и представлениями Хадсен и Мария руководствовались в своей работе. Хотя Хадсен Тейлор был директором миссионерского общества, но он ни в коем случае не хотел руководить посредством правил и предписаний. Он страстно защищал точку зрения, что китайцев только тогда можно будет приобрести для Христа, если иностранные миссионеры будут уважать их культуру. Он ожидал от своих сотрудников, что они добровольно решатся на это. Эти условия приняли однажды все, даже Николь. Если они, будучи побуждаемы любовью Христовой, будут придерживаться этого, то получат большую награду.

Но это требовало больших жертв.

Хадсен всегда желал иметь маленькое подобие своей возлюбленной Марии. Поэтому он был очень счастлив, когда в 1859 году родилась Грейс. Теперь это была уже веселая восьмилетняя девочка, у которой на Нью-Лейн было любимое место, где она охотно играла: выложенный камнями альпинарий с прудом, окруженным кустами и несколькими деревьями.

В августе, когда они выехали за город на холмы, чтобы избежать сильной жары, Грейс потеряла аппетит и сильно похудела. Она жаловалась на головные боли, у нее поднялась высокая температура. На следующий день, когда девочка лежала на свежем воздухе на походной кровати, она начала бредить. Хадсена Тейлора не было, и поэтому Джордж Дункан отнес ее к Марии. «Я никогда не забуду эту картину, – писала Дженни Фолдинг в своих воспоминаниях. – Джордж нес ее на своих руках, и ее красивые волосы упали на плечи. Это выглядело так прекрасно».

Хадсен Тейлор вернулся при первой возможности, и сразу понял, насколько серьезна ее болезнь. У девочки был менингит.

– Остриги ей волосы и делай холодные компрессы, – распорядился Хадсен.

Мария выполняла все указания мужа.

Мэри Белл помогала ухаживать за больным ребенком и заметила, что Хадсен Тейлор «так сильно переживает за дочку, что почти целый день плачет». А затем пришел день, когда он должен был поговорить с Марией наедине. Он повел ее к озеру, лежащему в ущелье, где они иногда купались, и сказал ей:

– Нет никакой надежды, что Грейс выздоровеет! – Он должен был сказать ей правду.

Возвратившись, он подошел к постели своей маленькой дочери и сказал ей:

– Я думаю, что Иисус скоро придет за тобой. Ты ведь не боишься этого?

– Нет, папа!

На следующий день Хадсен писал Уильяму Бергеру.

«Возлюбленный брат, я просто не знаю, как написать Вам это письмо, но я все же должен сделать это. Мне кажется, что я пишу из внутренней комнаты дворца Царя царей. Да, для этого есть святая причина. Я с трудом пытаюсь написать несколько строк на бумаге. Я сижу на краю дивана, на котором умирает моя возлюбленная маленькая Грейс. Дорогой брат, хотя наше тело и душа страдает, все же Бог во всякое время является нашим сердечным

утешением и нашей частью. Нет, это было не напрасно и не было безрассудством, что я ради этого служения положил на алтарь Божий мою любимую жену, моих детей и себя самого, хотя я знал и эту страну, и ее людей, и ее климат».

Через четыре дня у Грейс появились признаки воспаления легких.

В пятницу, 23 августа, вся семья Тейлор вместе с друзьями собралась у постели маленькой Грейс. Хадсен пел дрожащим голосом одну песню за другой. Мария склонилась над лежащей без сознания дочерью. Без двадцати минут девять Грейс перестала дышать.

«Я еще никогда не видела такого прекрасного лица, как у маленькой Грейс в час ее смерти, – писала Мэри Бойер. – У нее было удивительное выражение лица».

«Наша любимая маленькая Грейс! – писал Хадсен Тейлор. – Как мне не хватает ее нежного голоса, который мы слышали, просыпаясь, и затем целый день до вечера! Когда я иду по тем дорожкам, где я раньше ходил вместе с ней гулять и она радовалась рядом со мной, тогда каждый раз во мне возникает мучительный вопрос: „Неужели я никогда больше не буду держать в своих руках эту маленькую ручку, никогда больше не услышу ее радостный щебет, никогда больше не увижу сияние ее светлых глаз?" И все же – она не потеряна. Садовник пришел и сорвал эту розочку».

Глава 29

«Я должен идти дальше!»

На Рождество 1867 года был большой праздник: свадьба Уильяма Радленда и Мэри Белл. Но после прекрасного свадебного путешествия на жилом судне для них снова наступили будни. Уильям был ответственным за типографию и работающих там людей, а Мэри пока еще занималась с детьми Тейлора.

В конце года КВМ заняла соседний с Нью-Лейн 1 дом. В доме №1 теперь жили семьи и незамужние девушки, а в доме №2 – семья Маккарти и холостые мужчины. Вопреки клевете, здесь уже всегда соблюдались дисциплина и приличие, но теперь каждый мог убедиться в этом.

Здоровье Хадсена Тейлора к этому времени немного улучшилось, и он теперь легче мог переносить физические нагрузки. В начале 1868 года он пешком пошел в Тайчжоу, где трудился Джосайа Джексон. По дороге у него была возможность о многом поразмыслить. «Каждые три или четыре километра встречается город или деревня, – думал он. – Многие города очень большие. Там рождается бесчисленное число людей, они там живут и умирают, никогда не покидая свое родное место. Когда проходишь один город за другим и вдали видишь еще многие, то на душе становится все тяжелее. Когда и как мы достигнем всех этих людей вестью Евангелия?»

Хотя Хадсен физически окреп, он тяжело страдал от стресса. Его «невралгические головные боли» были так сильны, что Мария пыталась большую часть работы делать сама. Дженни Фолдинг считала, что эти боли исходят от забот и перенапряжения, так как КВМ уже стала одной из самых больших миссионерских обществ.

Бергеру в Англии тоже было нелегко. Находить новых кандидатов и беседовать с ними было не так-то просто. Хадсен Тейлор писал ему: «Наша миссия совершенно не такая, как все другие миссионерские общества. Когда наши люди приезжают сюда, некоторые задаются вопросом: „Американские миссионеры делают одно, англикане делают другое, почему нам не поступать так же?" Миссионеры других миссий имеют получше дома, мебель, европейскую пищу. Но никто из них не живет во внутренних районах страны. Кто не готов стоять в одиночку вдали от

миссионерского общества и от тех, кто подражает им, тому лучше вообще не присоединяться к нам. Скажи всем кандидатам, что они должны быть готовы к презрению и даже противлению со стороны добрых богобоязненных христиан, если они от сердца будут верны нашей миссии».

Затем он дал Уильяму Бергеру совершенно ясное указание: «Я хочу принимать только таких людей, которые без возражения готовы работать внутри страны, носить китайскую одежду и по мере возможности жить как местные жители. В будущем я не буду поддерживать тех, кто не хочет так трудиться. Естественно, Китай открыт для всех; но у меня мало времени, мало сил и слишком много работы, чтобы разбираться с теми, кто подвергает сомнению мои действия...

Китай не может быть приобретен для Христа людьми, которые предпочитают уют и спокойствие... Мы нуждаемся в людях, у которых Христос, Китай и души его людей на первом месте. Даже их собственная жизнь должна иметь для них второстепенное значение... В таких людях у нас всегда будет нужда. Они для нас дороже драгоценных камней».

Постепенно пришло время ограничить число миссионеров в Ханчжоу и продвинуться дальше во внутренние районы страны. В провинции Чжэцзян, южнее города, уже были некоторые миссионеры и местные христиане, которые с радостью трудились на полях благовестия. В Нинбо работали англикане, пресвитериане, баптисты. Для миссионеров КВМ было целесообразнее, оставить семью Маккарти и Дженни Фолдинг в Ханчжоу, потому что они больше всех имели связь с местными христианами, а остальным переехать в другие места. Джордж Дункан уже работал в новом районе до сих пор не достигнутых провинций, и пришло время, чтобы он получил подкрепление.

Не все были согласны с этим решением. Уильям Бергер, например, настойчиво просил Тейлора, сначала укрепить то, что уже сделано. Но большинство в КВМ были согласны с мнением Тейлора, что нужно расширять работу. Хадсен в это время выразил свои мысли в стихотворении:

Пока я здесь живу, я не хочу отдыхать,
В небесах будет время для этого.
Я должен идти дальше и совершать дело моего Отца.
Тот, Который послал меня сюда,

отмерил мне время на земле.
Он возложил на меня работу для Него,
И Он пошлет достаточно благодати –
Чтобы действовать, чтобы страдать,
Но не отдыхать,
Ведь только в небесах есть время для этого.

По многим другим вопросам, в особенности по вопросу одежды было много разногласий. Некоторые женщины склонялись к мнению Николя. Все это вносило в группу много беспокойства, и Бергер писал Тейлору о своих серьезных опасениях, что Николь дальше не может оставаться членом миссионерского общества. К тому же тот открыто объявил, что у него нет доверия к Тейлору и Бергеру. Мысль расстаться с Николем была неприятна Хадсену Тейлору, и он все еще надеялся, что тот изменит свое мнение.

1 июня 1868 года сотрудники КВМ приступили к исполнению новой стратегии. Жилая лодка поехала в направлении северо-запада по Великому каналу, пересекла пятикилометровую Янцзы, прошла еще двадцать километров по каналу и пристала к пристани большого города Янчжоу. На борту были Хадсен Тейлор, Мария, их четверо детей, секретарша Хадсена Эмили Блэчли, воспитательница детей Мэри Радленд, четверо китайских христиан из Ханчжоу, а также Тяньси – молодой человек, которого Хадсен усыновил одиннадцать лет назад, и Энсинь – христианка, которая была помолвлена со старшим печатником КВМ Ли Ланфэном.

В двенадцатом столетии губернатором Янчжоу при правлении Хубилая был Марко Поло. Великий канал с многочисленными красиво возвышающимися мостами протекал через восточную и южную часть города. Янчжоу, знаменитый своим богатством и красивыми женщинами, украшала восьмиугольная пагода, грациозные храмы и прекрасные сады. Но город был также известен многочисленными беспорядками.

Миссионеры до сих пор едва доходили до Янчжоу. Даже католическая церковь построила здесь только один сиротский приют, которым руководил китайский директор.

Хадсен Тейлор слышал о бандах в Янчжоу. Поэтому в первую неделю приезжие вели себя очень осторожно. Они покидали жилую лодку только в то время, когда меньше всего могли привлечь

внимание. Разыскать дом в городе было поручено китайским сотрудникам. Но через несколько дней начались сильные дожди, а крыша лодки была, к сожалению, очень неплотной и протекала. Поэтому они решили пойти, как выразилась Мария, в «первоклассную гостиницу» в Янчжоу.

Только 20 июля они смогли переехать в новое жилище, которое с этого времени должно было стать их родным домом. К главному зданию вела дорожка, протяженностью около ста метров. Слева и справа от него было несколько домов. Двое ворот на северном конце дорожки вели к поместью с дворами, садами, альпинариями, маленькими дорожками и различными строениями с несколькими комнатами – идеальное расположение для группы, состоящей как из супругов, так и из холостых людей. В главном здании был зал, вход в который был открыт со двора, и лестницу, по которой можно было подняться в четыре жилые комнаты – по две на каждой стороне. В конце лестницы был люк, отделяющий спальные комнаты.

Когда Хадсен Тейлор и сотрудники покинули побережье и продвинулись в районы страны, в которых редко появлялись люди с запада, они почувствовали больше противодействия, которое часто исходило от китайских ученых, подстрекавших жителей.

Эти ученые были элитой китайского общества, настоящими интеллектуалами и в высшей мере культурными людьми. У них было искреннее желание жить по основам конфуцианства, они обладали глубоким пониманием китайской истории и цивилизации. Они гордились китайским искусством – красивыми знаками письменности, драгоценным нефритом и фарфором, шелком и художественными лаками, скульптурами и резным искусством. Каждый настоящий последователь Конфуция был благородным, занимался самодисциплиной, был внимательным в общении с другими людьми, даже с некультурными "варварами" из-за океана.

Но принадлежность к этой элите означала также обязанность сохранять старые китайские традиции и обычаи. Конфуцианство означало стабильность. Некоторые мужи этого элитного сословия приветствовали изобретения западной науки и культуры, но многие отклоняли их и оказывали им ожесточенное сопротивление.

Христианская вера, которая придавала большое значение ответственности каждого человека, по их мнению, противоречила китайской этике, которая основывалась на том, что семья выше

индивидуума. Если, к примеру, один человек покается, не поколеблет ли это основы всего китайского общества? Проповеди миссионеров они принимали как оскорбление, так как тот, кто проповедует, является учителем. Кто же имеет право учить китайских ученых? Не ставят ли христиане под вопрос все китайские обычаи, не отрицают ли они истины буддизма, таоизма и конфуцианства?

Ученые из Янчжоу устроили встречу с некоторыми военными чиновниками. Они решили настроить народ против ничего не подозревавших миссионеров, распространяя нелепые слухи об их работе. Этим они надеялись вынудить миссионеров оставить Янчжоу.

С тех пор в окна миссионеров часто летели камни. В городе появились плакаты с абсурдными обвинениями, что «бандиты религии Иисуса» вырезают глаза умирающим, в своих клиниках съедают детей и вспарывают животы беременным.

Вскоре перед домом собралась злобная толпа. Миссионеры почти целый день беседовали с людьми и отвечали на обвинения. А когда Хадсен Тейлор пожаловался в письме префекту Суну, высшему чиновнику города, то получил от него очень уклончивый ответ.

В тот же день, 15 августа, сотрудники КВМ узнали об угрозе мятежа. Они быстро возвели на важных местах баррикады, загородили все двери. Но вскоре на улице собралось около двухсот человек. В тот вечер к миссионерам пришел Джордж Дункан, который хотел только коротко посетить их. С трудом он проложил себе дорогу среди толпы. Решив помочь своим друзьям, он остался с ними. Вместе с ним в доме было всего четверо мужчин (Тейлор, Дункан, Рейд и Радленд), пять женщин, четверо детей и девятнадцать китайских сотрудников.

Хадсен Тейлор хотел отвести женщин с детьми в безопасное место, но они убедительно просили его оставить их. В воскресенье толпа несколько раз пыталась проникнуть в дом. На улице висел ужасный плакат, гласивший, что дом вместе со всеми его жителями будет сожжен.

В понедельник стало немного спокойнее. Миссионеры раздавали листовки, в которых объясняли нелепость обвинений и, что как только дом будет отремонтирован, доступ в него будет открыт для всех.

В середине недели Тейлор еще раз написал префекту Суну и напомнил ему о договорах, в которых указано, что «британским подданным разрешается покупать внутри страны землю и стро-

ить церкви. У них есть разрешение свободно путешествовать по всей стране. К тому же они могут в любое время обратиться за помощью к властям города».

Префект Сун ответил: «Так как люди, предпринимающие враждебные акции против чужих, делают это в большинстве случаев ночью и не называют своих имен, это создает для нас трудности за короткое время задержать их».

В конце недели один американский дипломат из близлежащего Чжэцзяна с другим иностранцем посетили Янчжоу, чтобы посмотреть пагоды и храмы. Оба они были, естественно, в европейской одежде. Во время их присутствия в городе было спокойно. Но затем в чайных и на улицах начали распространяться слухи, что прибыло еще больше иностранцев и в городе пропало двадцать четыре ребенка. Тут же перед зданием КВМ собралась возбужденная толпа, и было взломано двое ворот, которые вели во двор и сад. Хотя Хадсен Тейлор поставил у входа сторожей, а также позвал плотников, чтобы отремонтировать ворота, жителей Янчжоу – возбужденных и полных ярости – едва можно было удержать.

Глава 30

Мятеж в Янчжоу

К вечеру этого дня толпа перед зданием КВМ выросла до восьми-десяти тысяч человек! Некоторые были вооружены ножами, копьями и дубинками, другие бросали кирпичи. Они штурмовали входную дверь, пытаясь ворваться силой.

– Иностранные дьяволы съели наших детей! – кричали они

В этой нужде Дункан и Тейлор еще раз послали послов к префекту, но ответа не получили. С тяжелым сердцем они решили пойти к нему сами. Но перед этим они забили окно, ставни которого были разбиты камнями.

– Господи, – молились они, – сохрани всех, которых нам приходится оставлять здесь. Пребудь с нами, когда мы на улице встретимся с возбужденными людьми.

Им удалось незаметно оставить поместье через соседний двор. Но вдруг раздался пронзительный крик:

– Иностранные дьяволы убегают!

Началась погоня. К счастью, Хадсен Тейлор знал дорогу, ведущую через поля. К тому же стало смеркаться. Но вскоре миссионерам все же пришлось выйти на главную улицу, и там их встретили камнями и кирпичами. Когда они прибежали к дому префекта, стражи как раз закрывали ворота, но еще не успели задвинуть засовы. Преследователи настигли Дункана и Тейлора и прижали их к воротам. Под этим натиском ворота поддались и распахнулись, и миссионеры во весь рост растянулись во дворе. Они быстро поднялись и побежали в дом, постоянно крича:

– Спасите нашу жизнь! Спасите нашу жизнь!

На эти слова китайские мандарины обязаны были реагировать во всякое время – будь то днем или ночью.

Их провели в бюро секретаря, но префект заставил себя ждать. Хадсен мог слышать крики толпы, собравшейся перед его домом. Разрушали ли они уже его дом? Может, они уже убивали его семью? Прошло около часа, пока префект наконец вызвал их.

– Скажите мне, что Вы в действительности сделали с нашими детьми! – потребовал он. – Вы их купили у нашего народа? Что вообще является причиной этого мятежа?

– Я скажу Вам причину! – гневно воскликнул Тейлор. – Вы упустили момент, чтобы предпринять необходимые меры, когда

проблема могла решиться простыми средствами. Я должен попросить Вас сейчас же выступить перед мятежниками и спасти мою семью и друзей, если они вообще еще живы. После этого Вы можете сколько угодно допрашивать меня. Но Вы в полной мере несете ответственность за исход этих событий.

– Совершенно верно, совершенно верно! – согласился префект. – Вначале нужно успокоить людей, а затем вести следствие. Подождите здесь, а я посмотрю, что смогу сделать. Но Вы должны обязательно остаться здесь. Я ничего не смогу достигнуть, если толпа увидит Вас.

Хадсен Тейлор и Дункан остались ждать, пока префект отправился на место происшествия. Через два часа он возвратился.

– Теперь все спокойно. Военный губернатор города, военачальник и два высших чиновника города были там и арестовали многих людей, которые хотели разграбить дом. Их накажут. А теперь я вызову паланкины, чтобы Вы вернулись домой невредимыми.

– Все иностранцы, которые были в доме, убиты! – взволнованно сообщили Дункану и Тейлору носильщики.

Придя в ужас от этих слов, миссионеры просили Бога дать им силы, и в отчаянии надеялись, что слухи не оправдаются. Но когда они приблизились к дому, перед ними предстала печальная картина. В воздухе висел странный, не поддающийся определению запах.

По полусгоревшим камышам можно было догадаться, что дом пытались сжечь. Одна из стен была проломлена. По всей площади были разбросаны остатки ящиков и мебели. Кругом виднелись бумага, письма, поломанные рабочие ящики, письменные столы, ящики аптечки с перевязочным материалом, медицинские инструменты, сожженные книги. Но от семьи Тейлора и других миссионеров не было никаких следов! Что случилось с ними? Неужели носильщики сказали правду?

После того как Тейлор и Дункан ушли к префекту, Генри Рейд и Уильям Радленд охраняли, насколько это было возможно, все наружные двери. Но затем толпа ворвалась в дом. Женщины и дети в страхе закрылись в комнате Марии и молились Богу об охране жизни.

Наконец пришел Радленд – до того уставший, что еле держался на ногах. Его одежда была страшно грязной. Было ясно, что мятежники в любой момент могут подняться по лестнице и про-

никнуть в комнату. Затем они услышали со двора голос Рейда. Он звучал глухо и хрипло:

– Миссис Тейлор! Если можете, сойдите вниз! Люди поджигают дом, и я ничем не могу Вам помочь!

Оставался еще один выход на улицу – через окно. Кто-то сообразил сбросить вниз несколько матрацев и подушек, чтобы смягчить падение. Первым на покатую крышу под окном вскарабкался Уильям Радленд. Он помог спуститься жене, а затем – Энсинь.

Следующим должен был идти Фредди, но когда его подали в окно, он сказал:

– Спустите вначале Берти, он сильно боится!

Тогда подали вначале Герберта, затем Фредди.

Генри Рейд принял внизу всех четверых и спрятал их в колодезном домике. В этот момент мятежники уже поднимались по лестнице. Огромный, голый до пояса мужчина ворвался в комнату Марии. Мария заговорила первая:

– Как Вам не стыдно? Ведь здесь только женщины и дети!

Мужчина не ответил, и начал всех обыскивать и ощупывать. У Эмилии Блэчли в платье была спрятана маленькая сумочка с несколькими долларами. Мужчина нащупал их и забрал себе.

– У вас должны быть еще деньги, – с яростью обратился он к ней. – Отдайте их мне по-хорошему, иначе я всех вас убью!

Он вырвал у Луизы Дезграц сумочку и заколку из волос. Затем он заметил у Марии обручальное кольцо и грубо сорвал его с пальца, потом начал рыться в ящиках комода. Этот момент использовала Энни Бохенан и с маленькой Марией побежала вниз по лестнице. Спрятавшись за мужчиной, несшего большой ящик, она смогла защитить ребенка от камней, и достигнуть колодезного домика.

Между тем вернулся Генри Рейд и настоятельно попросил оставшихся следовать за ним. Густой едкий дым затруднял дыхание, стены начали рушиться, а на улице бушевала толпа. Несколько мужчин бросили под окно горящие предметы, и этим отрезали последний выход.

В доме оставалось еще трое: Мария, Радленд и Эмили. Мужчина, ворвавшийся в их комнату, набросился на Радленда. Он рвал ему волосы, толкал его вниз по крыше и пытался сорвать с него часы. В надежде, что мужчина оставит его в покое в поисках часов, Радленд бросил их в темноту. Но тот в бешеной ярости пытался теперь столкнуть его с крыши. Но Мария и Эмили за-

тащили его назад в комнату. Вдруг в руках у китайца оказался большой кирпич. Он уже занес руку, чтобы размозжить им голову Радленду, когда Мария быстро протянула руку, чтобы перехватить удар. Но теперь он повернулся к Марии – и был готов бросить кирпич в нее.

– Неужели вы хотите убить беззащитную женщину? – воскликнула Мария.

В замешательстве мужчина уронил кирпич. Он вылез на крышу и крикнул своим товарищам:

– Поднимайтесь наверх, поднимайтесь наверх!

Генри Рейд между тем убрал горящие предметы под окном.

– Давайте быстрее! – крикнул он наверх. – Прыгайте, я буду ловить вас!

Мария – на шестом месяце беременности – подошла к краю крыши около четырех метров высотой. Опасность была велика, но у Марии не было выбора. Она прыгнула! Рейд не смог поймать ее, только смягчил ее падение. Она приземлилась на бок, подвернув при этом правую ногу, но смогла снова подняться.

Мария смотрела, как Эмили готовилась к прыжку. Вдруг, в тот момент, когда она прыгала, Рейд получил удар кирпичом. От боли он чуть не потерял сознание. Эмили, которую никто не поймал, упала на спину. К счастью, она носила волосы как китаянки, и прическа защитила ее голову при ударе. У нее только на мгновение помутилось сознание.

Радленд между тем спрыгнул с крыши и помог Марии. Один из мятежников бросился на него с дубинкой, но только легко ранил. Позднее, правда, выявилось, что в борьбе он заработал паховую грыжу. Эмили повела оглушенного Рейда, у которого были сильные боли. У Марии сильно кровоточила рана, но подвернутая нога болела еще больше.

Вместе они дошли до одного из близлежащих домов. Там их быстро провели в комнату, где они могли сесть и ожидать дальнейших событий. «Что случилось с Тейлором и Дунканом?» – переживали они. Рейд лежал и стонал от боли, а Мария от потери крови была почти без сознания. В этот момент Эмили обнаружила, что ее левая рука кровоточит, и она не может двигать ею. Позднее выявилось, что у нее был перелом локтя.

– Мама, где мы будем спать сегодня ночью? Они же сожгли нашу кровать! – робко спросил один из малышей Марию.

– Бог даст нам место для сна.

Пришел один из китайских учителей и принес последние новости.

– Префект пришел с солдатами, и они разогнали мятежников. Мандарин теперь лично охранял этот дом, чтобы защитить нас. Но о мистере Тейлоре и Дункане я ничего не слышал.

Но наконец перед дверью прозвучал знакомый голос. Дверь отворилась, и вошел Хадсен Тейлор. Он прихрамывал, так как на пути к префекту ему в колено попал камень, в основном же он был здоров. Теперь они снова были вместе и благодарили Бога, что все остались в живых. Тейлор попросил мандарина войти и показал ему, как тяжело ранен Рейд.

После полуночи они наконец вернулись в свой дом. К счастью, он не сгорел, так как соседи погасили огонь. Хадсен и Мария прошли в свою комнату. Везде валялись одежда и вещи. Грабители отчаянно искали деньги и драгоценности. Страницы из Библии Марии были рассеяны по всему дому. Но когда они собрали их, то обнаружили, что ни одной не пропало!

Грабители обыскали все комнаты – только комната Эмилии была не тронута. Удивительно! Именно там миссионеры хранили важные документы и почти все деньги! Но все было в сохранности.

В ту ночь, пока миссионеры спали, солдаты и несколько гвардейцев мандарина охраняли дом.

Перед домом снова начала собираться толпа. Рейду все еще было плохо, да и другие страдали от боли. Они молились. Толпа на улице все увеличивалась. Тогда Тейлор послал китайского слугу в Чжэцзян, чтобы проинформировать британского консула Клемента Аллена. Затем они попытались прикрыть пробоины в стенах.

Было еще очень рано, когда Хадсен Тейлор пошел снова просить префекта о помощи. Никто не тронул его на пути.

– Его Величество пригласил высшего чиновника города, который проводит Вас домой, – сказали ему.

В сопровождении мандарина и нескольких солдат Тейлор вернулся к дому. Солдаты стали разгонять большую толпу людей, которая собралась за это время.

– Если Вы теперь покинете город, тогда я не гарантирую Вашу безопасность, – сказал мандарин Хадсену Тейлору. – Я хочу, чтобы Вы сейчас же написали письмо префекту. И опишите то, что случилось, как беспокойство, но ни в коем случае не как мятеж. Иначе это еще больше обозлит людей. Просите префекта наказать

всех тех, кого арестовали, и успокоить народ через прокламацию. Тогда мы сможем еще до наступления ночи навести порядок, и Вам не придется покидать город.

Тейлор написал письмо и постарался описать события как можно безобиднее. Но письмо перехватили и вскрыли. Мандарин принес его назад и заявил, что так его нельзя отослать.

– Но ведь нужно сказать правду, – возразил Тейлор.

– Если Вы настаиваете послать это письмо префекту, – сказал мандарин, – то я больше не буду вмешиваться в это дело. Тогда смотрите сами, как Вы будете защищаться. Но я предупреждаю Вас: Вы все можете погибнуть!

Мандарин явно хотел получить от Хадсена Тейлора письменное подтверждение, что никакого мятежа вообще не было. Поэтому Хадсен вынужден был написать то, что диктовал ему мандарин. В этом письме огонь и грабеж вообще не упоминались.

Когда мандарин уже держал письмо в руках, он сказал:

– Вы только тогда действительно будете в безопасности, если я на время переправлю Вас в Чжэцзян.

После обеда он прислал носильщиков с паланкинами и проводил миссионеров КВМ до южных ворот города. В тот же день, в воскресенье, 23 августа 1868 года, префект выпустил прокламацию следующего содержания:

«Префект и мандарин Янчжоу получили от английского миссионера мистера Тейлора следующее письмо: „О нас ходят слухи, что мы задерживаем в нашем доме детей, чтобы их тайно варить и съедать. Но об этом, естественно, нет и речи. Такого никогда не было. В прошлую ночь перед нашим домом собралась огромная толпа людей и причинила нам беспокойство. Поэтому я прошу Вас наказать виновных и выпустить прокламацию, чтобы успокоить народ".

Префект и мандарин объявляют, что насильственное вторжение в дом миссионеров является чрезвычайно грубым и бестактным поведением. Поэтому для информации жителей они выпускают прокламацию: В будущем строго запрещается причинять беспокойство мистеру Тейлору. Кто нарушит этот запрет, будет строго наказан. Эта прокламация будет вывешена на всех улицах».

Солдаты проводили Хадсена Тейлора и других миссионеров в Чжэцзян. По дороге они встретили британского, американского и французского вице-консулов. Дипломаты ехали в Янчжоу,

чтобы расследовать случившееся там. Здесь, на месте, они могли удостовериться, что совершили мятежники. И поэтому неудивительно, что миссионеров приняли в Чжэцзяне с состраданием.

Глава 31

«Помощники» миссии

Британское правительство отреагировало на события в Янчжоу горячим протестом. Консул Вальтер Медхерст решил поехать в Янчжоу и взять с собой в Нанкин префекта Суна. Там тот должен был отчитаться перед вице-королем за свои нерешительные действия.

Во вторник, 8 сентября, Медхерст в сопровождении вице-консула Аллена и консула Франции отправился на небольшом пароходе военно-морского флота в путь. Устье Великого канала до возвращения делегации охранялось французским фрегатом. Хадсен Тейлор по причине болезни не мог отправиться с ними, и Джордж Дункан и Джосайя Джексон замещали его.

Префект Сун, конечно, был проинформирован о предстоящем посещении. Он со своей свитой ожидал делегацию у городских ворот, так как хотел, во избежание возбуждения, по боковым улочкам провести ее в «ямен». Но гости прибыли через одни из главных ворот и открыто прошли по оживленным улицам. Они дошли до «ямена», заняли его, поставили у ворот стражу и вызвали префекта на разговор.

Тем временем префект Сун вернулся. Увидев британских моряков перед воротами своего «ямена», он сильно испугался и, волнуясь, пытался уверить делегацию в том, что происшедшее 22 августа было просто небольшим волнением в народе. Но Медхерст не удовлетворился этим объяснением. Напротив, он предъявлял требования, которые, по словам Суна, невозможно было исполнить. Медхерст стал настаивать на том, чтобы префект последовал с ним в Нанкин, чтобы там, в присутствии вице-короля, еще раз предъявить ему свои требования. Сун согласился с этим при условии, что он поплывет на собственном судне, а не в качестве пленного Медхерста.

Затем Медхерст вместе со своими спутниками и префектом посетил пострадавшую усадьбу КВМ. Несмотря на то, что несколько мандаринов попытались быстро отремонтировать здания, вокруг еще лежало достаточно обломков, чтобы наглядно показать размеры нанесенного ущерба.

По пути в Нанкин Медхерст встретился с Хадсеном Тейлором, чтобы тот перечислил ему все перенесенные миссионера-

ми травмы. Вице-король Цзень Гуофан встретил его со всеми дипломатическими почестями и был очень приветлив к нему. Но жалобы Медхерста он не принял всерьез. Казалось, он хотел выиграть время, чтобы получить больше информации от своих чиновников.

По прибытии Суна Медхерст еще раз настоятельно повторил свои требования. Но Цзень опять стал уклоняться от ответа.

В это время серьезно заболел командующий эскортом Медхерста и его необходимо было срочно отправить на корабле в Шанхай. У Медхерста остался только маленький пароход. Но без военного корабля, так явно демонстрирующего силу Великобритании, уважение китайцев к Медхерсту значительно ослабло. Требования Медхерста вице-короля нисколько не интересовали. Он был готов только на одну уступку: обнародование префектом Суном прокламации относительно случившегося в Янчжоу.

Но Медхерст считал это совершенно недостаточным. Он настаивал на просмотре всех прокламаций перед их публикацией, а также на передаче всех соответствующих документов британскому послу в Пекине.

В сентябре 1868 года Хадсен Тейлор уволил Льюиса Николя из КВМ. В письме он сообщал Николю, что действует с согласия всех братьев и сестер команды «Ламмермура», а также других сотрудников миссии. Дальше он писал: «Я увольняю Вас не из-за Ваших конфессиональных убеждений, и также не из-за Вашей английской одежды. Единственной причиной, побудившей меня к этому шагу, является то, что Вы неоднократно и осознанно лгали». И это действительно было так. Долгое время Николь рассказывал сотрудникам КВМ и других миссионерских обществ ложь о миссии.

Хадсен Тейлор попросил Джона Маккарти прочитать письмо, сказать ему свое мнение и лично передать письмо Николю. В ответ Маккарти писал: «Мне до сих пор не было ясно, насколько мы ценим Вас, пока мы Вас чуть не потеряли (при Янчжоуском восстании). Пусть наши сердца сплотятся крепче – во имя Господа и ради этой нуждающейся страны... Благодарите Бога, дорогой брат, и ободритесь. Если Бог помогал Вам написать какое-либо письмо, то это было письмо, которое я только что передал Николю. Хоть я и чувствую, как больно Вам это было».

В письме Уильяму Бергеру Маккарти прославлял способности Хадсена Тейлора и защищал его от всех возведенных на него обвинений. «Единственное его преступление заключается в том, – писал он, – что он совершает работу десяти человек, а не одного».

Уильям Бергер послал Николю двадцать фунтов, чтобы немного поддержать его материально. Он предложил ему и его жене Элайзе также оплатить дорогу в Англию, но Николь хотел остаться в Сяошане. Он какое-то время был в Нинбо и работал там в госпитале. Что с ним стало потом, никто не знает.

В октябре Сьюзен Барнс и Маргарет и Джейн Маклин, симпатизировавшие с Николем, тоже ушли из миссии. Несмотря на это Джейн Маклин продолжала поддерживать дружеские отношения с Хадсеном Тейлором. Сьюзен Барнс и Маргарет Маклин некоторое время трудились в ЛМО.

Все эти трудности действовали разрушающе на здоровье Хадсена, и Мария с отчаянием думала, что им бы нужно уехать на пару дней и немного отдохнуть.

После беспокойств в Янчжоу КВМ в британской прессе часто подвергалась критике, к сожалению и христианами. Стало поступать меньше пожертвований. Многие были уверены в том, что консул отправился на военных кораблях против китайских городов по личной просьбе Хадсена Тейлора. На самом же деле Хадсен просил помощи у китайских властей, а консула просто проинформировал, когда все уже улеглось. Консул же действовал по собственной инициативе.

18 ноября 1868 года Хадсен с семьей возвратились в свой дом в Янчжоу. Встречали их с великими почестями. На средства мандаринов дом был вновь восстановлен. В этом доме 29 ноября 1868 года Мария родила мальчика, Чарльза Эдварда.

Мятеж в Янчжоу и его последствия вызвали много дебатов в палате лордов. Герцог Сомерсет – противник КВМ – сказал в своей речи: «Когда я услышал название миссии – Китайская Внутренняя Миссия – я не слишком удивился случившемуся позже. Я Вас спрашиваю: какое право мы имеем посылать миссионерские общества внутрь Китая? Какое право мы имеем обращать в христианство китайцев в их собственной стране? ... Я абсолютно против поддержки миссионеров внутри Китая! ... Ведь каждому ясно: мы распространяем Евангелие с помощью

военных кораблей. Ведь власти на местах прекрасно понимают, что им придется иметь дело с британским флотом, если они будут чинить препятствия миссионеру... Я считаю, что нам необходимо вернуть миссионеров из центра страны назад... Миссионер неизбежно должен быть энтузиастом, а если он не энтузиаст, то он мошенник. Никто не стал бы там жить и проповедовать христианство, если бы не был энтузиастом. Но так как он энтузиаст, то он тем более опасен...»

Но министр иностранных дел дал понять своему другу-дворянину: «Ограничивать число миссионеров – не дело правительства. Если миссионер решил поехать в Китай и там остаться, то мы ничего не можем сделать против». Однако он тоже считал, что миссионерам «лучше оставаться там, где уже существуют торговые отношения, а не проникать в незнакомые области».

Но тут не выдержал новый епископ в Питерборо, доктор Мэги. Он сказал такую пламенную речь в защиту миссионеров, что его назвали лучшим оратором дня. Он в первую очередь выступил с протестом против Герцога Сомерсета, давшего совет, который не может принять ни один миссионер, а именно «оставить без Евангелия часть света и даже не попытаться обратить их, лишь потому, что это может отрицательно повлиять на интересы британской торговли. Даже самый молодой миссионер ответит на это, что он, конечно, считает интересы британской торговли важными, но еще более важным считает нечто другое, чем опий, который Великобритания почитает достаточно святым, чтобы вести из-за него войну. Для него важнее послушание Господу, повелевшему возвещать Евангелие всем людям, независимо от связанного с этим риска для него или других... Это недостойно христианской нации», – говорил доктор Мэги, – «при самой ничтожной обиде всеми возможностями защищать торговцев, чем бы они ни торговали, от малейшего ущемления их прав, и при этом оставлять в беде миссионеров, которые случайно по какой-то причине не снискали симпатии китайцев, или, в лучшем случае, отзывать их из страны, чтобы уберечь их от толпы». Дальше епископ говорил: «Герцог Сомерсет предложил принять строгие меры против неугодных миссионеров. Но если бы все всегда придерживались этого мнения, то ни достопочтенный герцог, ни я, никогда не стали бы христианами. Граф, наш министр иностранных дел, посоветовал миссионерам оставаться там, где существует торговля. Может быть он еще расскажет, что это за торговля,

в чьем фарватере миссионерам следует находиться? ... Должны ли они присоединиться к торговцам опиумом, ... или же им подождать, пока британские торговцы не отравят китайский народ всеми своими пороками, и лишь потом им будет позволено возвещать Евангелие? Миссионеры не будут ждать, они подвластны более высокому Господину, который повелевает им идти и проповедовать Евангелие...»

Дебаты на эту тему, причем горячие, велись в палате лордов еще очень долго. В итоге предложение герцога Сомерсета, отозвать назад всех миссионеров КВМ было отклонено.

К тем, кто, несмотря на критику, остался верным, помогая КВМ, относился и Георг Мюллер. Он послал некоторым сотрудникам миссии деньги, но их трудно было правильно разделить. Бергер открыто поговорил с ним по этому вопросу, и Мюллер согласился с новым порядком. Сразу же после событий в Янчжоу, когда общественность все еще обливала КВМ критикой, Тейлор получил от Бергера письмо:

«После основательных рассуждений мистер Мюллер попросил у меня список всех братьев и сестер, которые трудятся в миссии. Он хочет каждому посылать помощь в определенных рамках, если мы с этим согласны. Господь знает, что наши пожертвования поредели, и Он положил на сердце Своему слуге помочь нам».

С этой же почтой пришли и чеки, которые Мюллер послал каждому сотруднику. К чекам было приложено письмо «Дорогим братьям и сестрам Китайской Внутренней Миссии». В нем было написано следующее:

«Я хочу, чтобы Вы прежде всего знали, что я всех Вас люблю в Господе, что я очень интересуюсь Вашей работой в Китае и ежедневно молюсь за Вас. Может, это послужит небольшим ободрением для Вас во всех Ваших трудностях – услышать, что кто-то сочувствует Вам и ходатайствует за Вас перед Господом».

Между 1870 и 1880 годами Мюллер посылал миссионерам КВМ ежегодно по 2000 фунтов. В то время это была очень большая сумма.

На знаменитой Милдмейской конференции в Лондоне в защиту КВМ выступил Уильям Пеннефазер, также лорд Редсток, сэр Томас и леди Бьючэмп и супруги Гаф. Никто из них в это тяжелое время не поколебался в доверии Хадсену Тейлору.

В конце мая – начале июня 1869 года семья Тейлор смогла наконец немного отдохнуть. Вместе с Эмилией Блэчли они поехали на красивый остров Путуо в бухте Ханчжоу. Этот мирный остров с прекрасными кустами рододендрона, песчаными пляжами и тихими храмами был любимым местом отпусков жителей Нинбо и Шанхая.

Но каникулы прошли слишком быстро, и Тейлор, едва отдохнув, возвратился к бесчисленному множеству забот. Он был теперь ответственным за восемнадцать миссионеров с их семьями и шестерых китайских сотрудников. «Почти каждый день, – сообщал он, – я получал письма от сотрудников, которые хотели знать – оставаться ли им на местах или нет, потому что, к примеру, дальнейшая работа в данный момент казалась невозможной. Я вообще не знал, что им посоветовать. Но в каждом отдельном случае, я, как Езекия, раскрывал письмо перед Господом с доверием, что Он покажет, что я должен ответить».

Глава 32

Новое начало

Летом 1869 года Хадсен Тейлор был в душевном и моральном кризисе. Его нервы были на пределе, он легко раздражался, все это он называл «ежедневным, постоянным поражением». Он уже начал сомневаться в себе, может ли человек, который так часто терпит поражение, вообще называться христианином. Часто и длительное время он был вдали от Марии, что очень удручало его. В августе он тяжело заболел, возможно это было воспаление легких, и это тоже не особенно содействовало восстановлению его духовного равновесия.

К тому же были явно видны упущения, и чем дальше, тем больше было заметно: все миссионеры нуждались в большей святости, оживленности и силе. При этом сам Тейлор больше всего замечал этот недостаток у себя самого и поэтому сильно страдал. «Я замечаю, какая это неблагодарность, какая опасность и какой грех, когда мы не живем вблизи Бога».

Он молился, страдал и постился; пытался все делать лучше, имея добрые намерения. Он углублялся в изучение Библии, упорядочил свою жизнь, чтобы иметь время для покоя и размышления. Но все это приносило мало пользы. «Каждый день, каждый час я сознавал свой грех, и он тяжело давил меня. Я знал: если бы я мог пребывать во Христе, все было бы хорошо. Но я просто не мог исполнить это. Каждый день я начинал с молитвы, твердо решив ни на одно мгновение не терять Его из виду. Но потом повседневные нужды и заботы вновь захлестывали меня, и они временами были очень изнуряющими. И это все так выматывало меня, что я все же забывал Его. К тому же климат здесь плохо сказывается на нервах! Тяжело владеть собой, легко раздражаешься, приходят плохие мысли, и ты говоришь неприветливо. Каждый день передо мной вставали мои грехи, мои поражения и недостающая сила. Мой дух желал, но моя плоть была слабой».

Он начал размышлять: неужели нет никакого выхода? Неужели так будет всегда – этот постоянный конфликт, эти постоянные поражения вместо победы? Как я могу проповедовать, что Бог тем, которые принимают Христа, «дает власть быть детьми Божьими», и уподобляться Ему, если я сам не переживаю этого?

Вместо того, чтобы духовно возрастать, он становился все слабее. Тейлор ненавидел сам себя, ненавидел свой грех. «Я чувствовал, что я дитя Божье, потому что, несмотря на все, Его Дух взывал в моем сердце: „Авва, Отче!". Но использовать преимущества, данные мне как чаду Божьему – для этого не хватало силы. Я думал: может быть, Бог хочет, чтобы мы, видя, что на земле нет радости, больше стремились к небесной радости. Не думаю, что я пытался достичь этого собственными силами. Я знал, что бессилен. Я говорил об этом Господу и попросил Его помочь мне. Иногда мне казалось, что Он отвечает на мои молитвы. Но когда я вечером проверял прожитый день, то не видел ничего, кроме греха и поражений, и вынужден был снова исповедаться перед Богом и изливать перед Ним свою душу».

«Все это время», – вспоминал Тейлор позднее, – «я был уверен, что во Христе я найду все, что мне надо. Но вставал вопрос: как практически достигнуть этого?». Рассуждая о Христе как о виноградной Лозе (Иоан. 15), он писал: «Он был богат, а я был беден, Он силен, а я – слаб. Я точно знал, что там, в корнях и в стволе, все хорошее в преизбытке. Но как перенять все это в мою слабую маленькую веточку?»

Постепенно Хадсен пришел к выводу, который помог ему пережить это тяжелое время. Он понял, что только верой можно достигнуть того, к чему он так стремился. «Нужно только протянуть руку к Его богатству и взять его». Ему стало ясно – этой веры он не имел. Он боролся, но не получал ее. Он пытался постоянно упражняться в ней, но напрасно! «Чем больше я познавал, сколько благодати в Иисусе, в богатстве, которым обладает наш Господь, тем большими казались мне моя беспомощность, моя вина. Все мои грехи безобидны по сравнению с грехом неверия, который является корнем всех зол и делает Бога лжецом! Я был убежден: неверие толкает мир в погибель, и все же давал место этому греху. Я молился о вере, но она не приходила. Что мне было делать?»

Помощь пришла в виде письма от Джона Маккарти. Хадсен доверил ему свои заботы, и часто оба брата вместе говорили о том, как достичь святости. Тейлор трудился в Чжэцзяне, когда пришло письмо от Маккарти. И из него было ясно: у Маккарти была та же борьба, что и у его руководителя.

«Я желал бы, – писал Маккарти, – сейчас говорить с Вами о том, как достичь святости. Когда мы уже однажды говори-

ли об этом, меня очень интересовала эта тема, и не потому, что я что-то прочитал об этом или потому, что мой брат написал об этом, но потому, что я сознаю свои поражения, так как никогда не достигаю целей, которые ставлю перед собой. Я не нахожу себе места, я постоянно борюсь за то, чтобы как можно больше насыщаться общением с Богом, которое иногда кажется мне близким; на самом же деле часто очень далеко от меня, как какое-то прекрасное видение…

Дорогой брат, я пришел к выводу, что это стремление, это усилие, тоска и надежда на лучшие дни не является истинным путем к счастью, к святости или к тому, чтобы быть более пригодным для Бога. Хотя это, конечно, лучше, даже намного лучше, чем если бы мы были довольны нашими убогими достижениями, но это не лучший путь. Отрывок из Вашей книги „Христос – это все", которую Вы оставили здесь, сильно коснулся меня. Он гласит:

„Принятие Иисуса – это начало освящения; любить Иисуса Христа – это продвижение в освящении; осознавать близость Иисуса – это совершенство в освящении. Благодать веры – это цепь, которая связывает нашу душу со Христом, которая соединяет Спасителя и грешника в одно целое... Тогда появляется своего рода канал, по которому все богатство Христа переходит на нас. Сухая ветвь становится частью плодоносного дерева... Одна и та же жизнь пульсирует через все целое.

Все, которые глубоко сознают то, что они умерли во Христе и их грехи покрыты Им, могут подняться к высшим высотам благоугодной Богу жизни. Кто больше других имеет в себе Христа и больше других может радоваться Его завершенному делу, тот и более свят. Недостающая вера замедляет наши шаги и часто приводит нас к падению".

Это последнее предложение я теперь наконец-то правильно понял. Дать простор моему Господу, Который любит меня, совершать во мне Свое дело, а именно мое освящение – для этого я живу посредством Его благодати. Оставаться с Ним, не самому бороться и изнемогать; смотреть только на Него, не на себя; Ему доверять, что Он может теперь дать мне силы; Ему доверять, что Он может удалить все мои внутренние грехи; покоиться в любви всемогущего Спасителя; жить в радости, сознавая, что Он спас меня „от всех грехов" (так Он говорит в Своем Слове); желать, чтобы Его воля действительно стояла на первом месте – все это не ново, и все же оно совершенно ново для меня. Мне кажется, будто

надо мной восходит заря прекрасного дня. Я с трепетом, но полный доверия, приветствую новый день. Кажется, что я стою на берегу бескрайнего моря, наполненного таким чудесным напитком, который навсегда утолит мою жажду, хотя я сделал только маленький глоток. Христос – это буквально все, это сейчас моя сила, в Нем находится вся сила, которая нужна нам для служения, это источник бесконечной радости. Да приведет Он нас к познанию Его преизбыточного богатства.

Как же нам умножить нашу веру? Только размышляя о том, кто такой Иисус и что Он сотворил для нас: о Его жизни, Его смерти, Его деле! На Него Самого, как Он открывается нам в Писании, должны быть направлены наши мысли. Не бороться за то, чтобы уметь верить или чтобы наша вера окрепла, но смотреть на Того, Который верен, – это все, что нам нужно. Мы должны покоиться в нашем возлюбленном Господе, сейчас и в вечности».

Хадсен Тейлор в раздумье положил письмо Маккарти на стол. Позднее он вспоминал: «Читая это письмо, я все понял. "Если мы неверны, Он пребывает верен". Я направил свой взгляд на Иисуса и вспомнил, что Он сказал: "Я никогда не оставлю вас". Какая радость тогда наполнила меня! Да, здесь я мог найти покой! И мне стало ясно: я напрасно боролся за то, чтобы остаться в Нем. Мне не нужно больше бороться. Разве Он не обещал мне остаться со мной, никогда не уходить от меня, никогда не оставлять меня на произвол судьбы?»

Тейлор прочитал письмо Маккарти всем, кто жил в доме КВМ в Чжэцзяне. И в то время Эмили Блэчли писала в своем дневнике: «Теперь и он нашел для своей души тот покой, который Иисус недавно даровал мне».

В последующие дни Тейлор много размышлял на эту тему. И Бог дал ему ясность, привел в порядок его мысли. «Каким светом озарил мою душу Дух Святой, когда я размышлял о виноградной Лозе и ветвях! Как я ошибался, когда пытался сам брать от Него сок и богатство! Теперь я познал не только то, что Иисус никогда не оставит меня, но также и то, что я являюсь членом Его Тела, что принадлежу Ему как Его плоть и кости. Теперь, когда я размышляю о виноградной Лозе, я вижу перед собой не только корни, но все: корни, ствол, ветви, листья, цветы, плод. И Иисус является не только этим, но Он является также благоуханием и солнечным светом, воздухом и дождем, и еще в десять тысяч раз большим,

чем все, что нам когда-либо снилось, о чем мы мечтали или в чем нуждались. Какая радость – познать эту истину!

Это чудесно – по-настоящему быть воедино с нашим воскресшим и вознесенным Господом, быть членом Тела Христова! О том, что это означает, стоит поразмыслить… Самое прекрасное при этом – в случае, если вообще что-то можно назвать прекраснее другого – это покой, который нам дарит единение со Христом. С тех пор, как я понял это, я ни о чем не забочусь, так как я знаю, что Он совершит все, что хочет, а Его воля является и моей волей.

Не могу сказать, что с тех пор, как я увидел этот свет, я никогда больше не согрешал – это я должен, к сожалению, признать. Но моя совесть стала чувствительнее, я сразу же замечаю грех, исповедую его, и получаю прощение. После этого мир и радость снова наполняют меня.

Я понял, что вера – это «осуществление ожидаемого», а не просто тень. Верить – это больше, чем видеть. Глазами мы видим только внешнюю форму, но вера показывает нам субстанцию. На твердой субстанции можно покоиться, от субстанции можно питаться. Если Христос посредством веры живет в нашем сердце (это значит, если мы доверяем Его обетованиям), тогда это означает действительную жизнь и настоящую силу. Христос и грех не могут жить рядом, Его присутствие несовместимо с любовью к миру или заботой о „многих вещах"».

Когда Хадсен Тейлор прибыл в Янчжоу, Чарльз Джадд был одним из первых, которым он поведал о своих заботах. Джадд пришел в КВМ год назад через доктора Барнадо и только что оправился после болезни.

– Знаете, мистер Джадд, Бог сделал из меня нового человека, – сказал Тейлор, шагая взад и вперед по комнате, заложив по обыкновению руки за спину. – Да, Он сделал из меня нового человека! Мне не нужно пытаться стать ветвью. Иисус говорит мне, что я уже являюсь ею. Я являюсь частью Его, и мне нужно только верить этому. Если я пойду в Шанхай и захочу снять 50 долларов с моей книжки, тогда служащий банка должен дать мне их в протянутую руку, так как они принадлежат мне, мистеру Тейлору. Что принадлежит мистеру Тейлору, то моя рука имеет право взять, так как рука – часть моего тела. А я – член Тела Христова, значит, я имею право взять из Его богатства все, что мне нужно. Я

часто читал об этом в Библии, но теперь я верю этому, теперь это стало действительностью в моей жизни.

«Он стал радостным человеком, – сообщил Джадд, – счастливым христианином. Раньше он изнемогал и носил с собой большое бремя; в последнее время его душа находила мало покоя. Но теперь его душа нашла покой в Иисусе, теперь он дает Господу возможность исполнять работу, а это огромная разница! Теперь, когда он говорит на собрании, от него исходит совершенно новая сила, и в повседневных делах он пропитан новым миром. Проблемы больше не тяготят его, как раньше».

В 1868 году журнал «Возрождение» напечатал ряд статей на тему «Освящение». Написал их Персалл Смит, под влиянием которого образовалась Кесвикская конференция. Этот журнал получала каждая станция КВМ, и поэтому Эмили Блэчли могла написать, что Хадсен Тейлор теперь «нашел для своей души покой, который Иисус недавно даровал и мне». С тех пор «новая жизнь» и «единство со Христом» накладывали отпечаток на мышление миссионеров КВМ.

Однако, когда Бергеры прочитали эти статьи в «Возрождении», они были озабочены тем, чтоб в них сильное ударение делалось на пассивную сторону освящения. «Ведь нужно также стараться активно противостоять злу, быть послушными Богу», – говорили они. Несколькими годами позже епископ Райл также осудил в своих книгах односторонность Кесвикского движения. Но в отношении КВМ, опасения оказались напрасными – в стараниях и активном служении Хадсена Тейлора и его сотрудников не было никакой нерадивости.

Глава 33

Бог собирает на небе наших любимых

Уже с марта 1869 года пятилетний Сэмюэль Тейлор страдал туберкулезным воспалением кишечника. Хадсен и Мария во все свои поездки брали его с собой. Герберт, Говард, Мария и Чарльз оставались тогда с Эмилией и воспитательницей. Правда, родители очень старались как можно чаще бывать с детьми. Но беспокойная жизнь миссионеров была трудна для детей; они были восприимчивы к различным болезням.

После долгого промедления и многих раздумий родители наконец-то решились отправить четырех старших детей в Англию, и оставить у себя только годовалого Чарльза. Эмили Блэчли, которая сама страдала от неизлечимого туберкулеза легких – должна была сопровождать детей в путешествии. Лишь смена климата могла еще продлить ее жизнь. Разлуку с детьми Хадсен назвал «темной тучей, нависшей над нами». Но Сэмюэлю так и не пришлось оставить Китай. Его маленькое тельце распадалось на глазах, и в феврале 1870 года он умер, едва достигнув шести лет.

Мария, которой было только тридцать три года, страдала той же болезнью, что и ее сынишка, и она снова была в положении. Ребенок родился 7 июля 1870 года в Чжэцзяне. Мария назвала мальчика Ноэль. Это имя означало «мир». Вскоре после рождения Ноэля Хадсен проверил пульс Марии. Он был очень учащен. И когда Мэри Радленд занесла свечу в комнату, Хадсен увидел, что с лица и губ Марии исчезла вся краска – у нее были сильные внутренние кровотечения.

Всю ночь Хадсен не отходил от постели Марии и Ноэля. Но, несмотря на уход, Мария становилась все слабее, в то время как Ноэль, очевидно, чувствовал себя лучше. Но затем у мальчика начался сильный понос, и 20 июля, всего тринадцати дней от роду, он умер.

Из Англии пришло письмо с вестью, что Эмили и дети благополучно прибыли туда. Мария была счастлива при мысли, как хорошо будет детям у бабушки с дедушкой.

В один из прохладных вечеров Ноэля похоронили рядом с его братом Сэмюэлем на маленьком кладбище на берегу реки. Мария была слишком слаба, чтобы присутствовать на похоронах.

– Надеюсь, что я не скоро снова буду нуждаться в Ваших услугах, – сказал после похорон Хадсен могильщику.

И повернувшись к Чарльзу Фиш, который уже год трудился в Китае, Хадсен сказал:

– Мария еще нужна в служении для Царства Божьего. Это утешает меня, и поэтому я не теряю надежды.

Примерно в восемь часов вечера он пришел с похорон домой и сказал Марии:

– Может, для тебя будет лучше, если мы временно переселимся в другой дом на краю города. Он находится немного выше, и там прохладнее.

– Смогу ли я там купаться так же часто, как здесь?

Он кивнул и вскоре заснул, так как был сильно уставшим. Мария попросила Марию Дезграц накрыть его, чтобы он не замерз.

Через час он проснулся и спросил Марию:

– Могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

– Нет, но сходи, попей чаю. Миссис Радленд вскипятила для тебя.

Хадсен пошел в соседнюю комнату и немного поговорил с супругами Радленд, когда вдруг услышал слабый голос Марии:

– Хадсен!

Тейлор бросился в спальню. Мария стояла возле кровати, такая слабая, что не могла ни говорить, ни двигаться. Хадсен осторожно положил свою жену снова на постель, взбил подушки, чтобы ей было удобнее. Затем он дал ей лекарство.

Но теперь он потерял самообладание.

– Молитесь Богу, чтобы Он дал моему сердцу покой! – сказал он супругам Радленд.

Мария задыхалась. Смогут ли легкие справиться с тяжелой работой, которая требуется от них? Хадсен еще раз попробовал лекарством принести ей облегчение.

– У меня горит голова, – слабым голосом пожаловалась Мария.

«Придется немного разрядить волос», – в отчаянии рассуждал Хадсен. Но, подумав, он решил, что в ее голове собралось столько крови, что придется обрезать все волосы.

Когда он закончил, Мария осторожно ощупала рукой голову и улыбнулась:

– И это ты называешь разрядить! Возможно мне теперь будет немного легче, но ты сам виноват в том, что я теперь уродливо выгляжу!

Она обняла его за шею худыми руками и поцеловала. Затем она заснула.

Борясь со слезами, Хадсен вышел и Луиза Дезграц приняла смену. В другой комнате молились супруги Радленд и Рейд. Хадсен присоединился к ним.

В два часа Хадсен дал Марии немного поесть. До трех часов он оставался возле нее. Луиза не хотела оставлять Марию одну, и поэтому Хадсен попросил Луизу разбудить его в четыре часа. Когда взошло солнце, ему стало ясно, что его любимая Мария умирает. Наступило 23 июля.

– Моя любимая, – осторожно заметил Хадсен, – знаешь ли ты, что умираешь?

– Умираю? – Мария с недоверием взглянула на него. – Ты действительно так думаешь? Как ты пришел к этому выводу?

– Я боюсь, что это так! Твои силы слабеют.

– Как это возможно? Я не чувствую никакой боли, я только устала.

– Да, ты умираешь. Ты скоро будешь с Иисусом.

– Мой дорогой, мне так жаль.

Она сделала паузу, как будто хотела пояснить сказанное.

– Тебе действительно жаль, что ты идешь к Иисусу? – спросил Хадсен.

Никогда не забудет он этот взгляд, который она бросила на него. Она прямо смотрела ему в глаза и тихо сказала:

– О нет! Я не это имела в виду. Мне не жаль пойти к Нему. Мне только жаль оставить тебя одного. Но я уверена, Он будет с тобой и будет заботиться о тебе.

У ее постели собрались все обитатели дома, а также Томас Харви и Роберт Вайт из другого КВМ дома в Чжэцзяне. Китайские слуги очень любили Марию, и она, несмотря на всю слабость, нашла для каждого ласковое слово.

– Придите к Иисусу, и тогда все мы встретимся в небе, – обратилась она к тем, которые еще не были христианами.

Она несколько раз поцеловала Хадсена, попросив его передать эти поцелуи каждому их детей – Герберту, Говарду и Марии, и передала каждому из них пожелание. Больше говорить она не могла. Она обняла его одной рукой и положила другую на его лоб, чтобы показать ему, чтобы он смотрел на небо. Ее лицо имело выражение «невыразимой любви и невыразимого

доверия», как он позже вспоминал. Ее губы с усилием двигались, но уже не было слышно ни звука.

Затем она заснула. Все видели, что ее сон становился все легче. Но никто точно не знал, когда она умерла. Хадсен в полном отчаянии склонился на колени рядом с кроватью и молился:

– Господи, я благодарю Тебя, что Ты дал мне любимую Марию. Благодарю за годы счастья, которые мы прожили вместе. Возьми теперь ее к Себе, чтобы она была с Тобою в славе.

В Ханчжоу он послал короткое сообщение:

«Мистер Додд, пожалуйста, передайте мисс Фолдинг, а также супругам Маккарти, что миссис Тейлор умерла, ее ребенок – тоже. Они у Господа. И хотя их смерть принесла мне много боли и страданий, я все же благодарен, что они достигли невыразимого блаженства. „Иисус все сделал хорошо". В Господе, Ваш Джеймс Хадсен Тейлор».

Хадсен послал локоны красивых светло-каштановых волос Марии своим родителям и каждому из детей. На конверте он написал: «У меня здесь есть еще кое-что. Но я не решаюсь послать все этим кораблем. Храните это как зеницу ока. ДХТ».

В четверг, 28 июля, состоялись похороны. Чарльз Фиш и Томас Харви шли в белом одеянии – китайских траурных одеждах – перед гробом Марии, который несли восемь китайцев. Хадсен Тейлор и другие миссионеры следовали за ними, тоже в белом. За ними шли британский и американский консулы, китайские императорские чиновники и почти все англичане и американцы, которые жили в этой части Китая. Американцы хотели поставить Марии памятник, но Хадсен хотел сам оказать эту последнюю услугу своей Марии.

В своей речи на похоронах он рассказал о семье Марии, ее покаянии, о ее жизни в Нинбо, о переживаниях во время беспокойств в Янчжоу и о многом другом.

Три дня спустя он написал трем своим детям в Англию трогательное письмо. «У Ноэля были нежные красивые глаза, длинные шелковые ресницы и красивый маленький ротик, как у Грейс». Затем он написал им все пожелания, которые передала для каждого из них Мария. Письмо заканчивалось словами: «Может быть, скоро Бог заберет и вашего отца. Но Он останется вашим Отцом».

В то время Хадсен Тейлор болел дизентерией, которая в то время часто приводила к смерти. Возможно, поэтому он и написал в том письме, которое и без того причинило много страданий детям, такие потрясающие до глубины души слова.

Уильям Бергер писал о Марии: «Она действительно жила полноценной жизнью. Она казалась нам незаменимой; она должна была еще остаться с нами ради ее мужа, ради детей и ради труда. Но у Бога были другие планы. Едва ли кто-то лучше нее знал китайские обычаи, язык, мышление этого народа. Она была глубоко пропитана этим, многое знала. Незадолго до смерти она еще была занята редактированием важных статей. Теперь она ушла! Ее работа закончена, она покоится в Господе. Солнце зашло в середине зенита, и никогда больше мы не увидим ее здесь на земле, на том посту, с которым она так чудно справлялась. Нам остается только следовать ее доброму примеру».

В Чжэцзяне, в доме Роберта Уайта с прекрасным видом на реку Янцзы сидел, глубоко погрузившись в раздумья, Хадсен Тейлор. «Еще несколько месяцев назад мой дом был полон жизни, – писал он. – Теперь все тихо и одиноко. Сэмюэль, Ноэль и моя любимая жена ушли к Иисусу, старшие дети далеко от меня, а Чарльз – в Янчжоу. В последние годы мои обязанности часто отрывали меня от любимых. Но если я возвращался – как сердечно меня принимали! Теперь я один. Неужели правда, что не будет больше такого возвращения, не будет больше встречи? Неужели это правда, а не кошмарный сон, что все, которых я так любил, теперь покоятся в сырой земле? Ах, это правда, страшная правда. Но однажды мы все придем по-настоящему домой, и тогда уже никогда не разлучимся. „Я иду приготовить место вам". Не означает ли это, что Он соберет у Себя всех, кого мы любим?»

В письме Дженни Фолдинг он писал: «Чем больше мне становится ясным, чего я лишился и как беспомощен и бесполезен я теперь, тем больше я радуюсь тому, что она уже больше не страдает. И все же я иногда чувствую себя таким бесконечно слабым без нее. Мое сердце не вынесло бы этого горя, оно бы сокрушилось, если бы я не знал, что Иисус со всем Своим богатством живет во мне. Я недалеко от нее, которую я так сильно и так долго любил, и она также недалеко от меня. Скоро мы будем вместе!.. Спокойной ночи!»

Через десять дней после смерти жены Хадсен писал своей матери: «Утешение я нахожу только в том, что знаю, что абсолютно все, что Бог делает или допускает, должно служить во благо тем, кто любит Его. Он и только Он знает, что значила для меня моя жена. Она была светом глаз моих и радостью моего сердца... Но Он видел, что взять ее к Себе – хорошо для нее. И в Своей любви Он взял ее – без страданий и болей. Но это также хорошо и для меня, который теперь должен один нести тяжести и горе, и все же не один, так как Бог так близок ко мне как никогда раньше».

Глава 34

Любовь без ревности

Миссионерская работа КВМ продвигалась вперед. После того, как еще пятнадцать китайцев приняли крещение, Церковь на Нью-Лейн в Ханчжоу выросла до шестидесяти семи членов. В результате работы Ванг Лае-дина были созданы четыре группы вне города, в которых постоянно проводились богослужения. Кроме этого, он руководил семью китайскими евангелистами и книгоношами. Джон Маккарти постоянно проводил разбор Слова и евангелизационные курсы, на которых многие местные христиане готовились к служению. Вместе с Маккарти а иногда и без него они посещали людей на дому, проповедовали и беседовали с людьми в чайных.

Дженни Фолдинг с большим успехом и фантазией руководила в Ханчжоу несколькими школами. Когда Хадсен Тейлор посетил одну из них, Дженни повела его в длинную комнату, в которой стояло шесть двухъярусных кроватей и также одна кровать для учителя. У каждого мальчика было две полки и гвоздь, на который он мог вешать одежду.

«Мальчики сами убирают свои комнаты и помогают стирать белье. Я приняла одну пожилую даму, которая занята пошивом одежды для мальчиков, стирает и чинит. Это очень приятная женщина, и ее зовут бабушка Ян. Она здесь обедает, и я даю ей четыре с половиной пенса в день. Вечером она уходит домой. Один из мальчиков пришел вчера вечером ко мне и выразил желание принять крещение. Несколько других также хотят принять христианство».

Ванг Лае-дин предполагал, что не менее пятнадцати членов церкви в Ханчжоу приняли Христа через Дженни. Ведь с тех пор, как она приехала, наряду со своей работой в школе она всегда совершала посещения на дому.

В начале 1871 года Хадсен решил на короткое время посетить Англию. Бергеры усиленно просили его наконец-то снова приехать, и он также считал необходимым снова лично поговорить с ними. Кроме того, он хотел укрепить контакт с друзьями миссии и прежде всего повидать своих троих детей.

Другие сотрудники также нуждались в отпуске. Родители Дженни Фолдинг настоятельно напоминали ей, что она хотела

пойти в Китай только на пять лет. Поэтому было решено, что она будет сопровождать Хадсена. Джеймс и Элизабет Мидоус также нуждались в отпуске. Джеймсу нездоровилось, и еще одно лето в Китае могло стоить ему жизни.

Но поездка домой затягивалась. У Хадсена было слишком много обязанностей, оставить которые было не так-то просто. Среди всего прочего он должен был присутствовать при некоторых родах. В мае он принимал ребенка у жены американского консула, а в июле у Чарльза и Элизабет Джадд родился сын Фредерик.

Хадсен писал детям: «Я продал фисгармонию, чтобы достроить школьное здание – в память вашей любимой матери... Сегодня я в последний раз играл на ней ее любимые мелодии».

Джон Маккарти и Дженни Фолдинг поехали из Ханчжоу в Чжэцзян, чтобы перед поездкой обговорить с руководителем все важные дела. Маккарти должен был замещать Дженни в Ханчжоу. Было решено, что Дженни поедет в Шанхай и оттуда вместе с Мидоусами отправится в Англию. После этого Чарльз Фиш официально будет работать секретарем миссионерского общества в Китае. Вначале было запланировано, что Тейлор покинет Китай позже, после того, как закончит самые важные дела. Но потом все же все поехали вместе. Вместе с ними поехал также Ли Ланфэн, печатник КВМ. В Лондоне он собирался жить у Хадсена, который должен был дальше учить его.

Хадсен и маленький Чарли, которому было два с половиной года, отправились на паровой лодке вниз по Янцзы. Вместе с ними на борту находился католический священник, прибывший в Китай после Янчжоуского восстания. Хадсен характеризовал его как «серьезного и беззаветного», причем ему особенно нравилось, как этот священник отзывался о новообращенных. Римско-католические миссионеры работали в Китае намного дольше протестантских. Их стратегией было продвигаться далеко вглубь страны, полностью отрываться от торговых городов и носить китайскую одежду.

В поездке Джеймс Мидоус чувствовал себя плохо, и Элизабет почти все время была занята детьми, поэтому Хадсен и Дженни проводили много времени вдвоем. У них были общие интересы, они беседовали, вместе молились и просто наслаждались отдыхом после напряженного служения в Китае.

Постепенно Хадсену стало ясно, что он полюбил Дженни. Пришла даже мысль о женитьбе. Марии не было уже почти год,

и при тех обстоятельствах было нормально рано жениться; особенно тогда, когда были дети. Хадсену было тридцать девять, а Дженни – двадцать восемь лет.

Поэтому Хадсен еще во время путешествия через Красное море написал родителям Дженни: «Я не прошу Вас отдать мне свою дочь, но прошу подарить мне место в Вашем сердце». Он также прибавил, что очень счастлив, что она на его чувства отвечает взаимностью.

Хадсен и Дженни могли открыто говорить о Марии, большой любви Хадсена, которую он никогда не забудет. Дженни также любила Марию. И оба могли – как Хадсен, так и Дженни – с радостью и без смущения говорить о ней.

«Последнее желание Марии было, – писал Хадсен, – чтобы я снова женился, если она умрет раньше меня. Я знаю, что любовь, которой я ее любил, может быть, никогда не изменится. Поэтому мне не нужно два года или пять лет, чтобы забыть Марию. Вы даже не подозреваете, как сильно я все еще люблю ее. С утра до вечера едва ли проходит час, чтобы я не вспомнил ее. И моя возлюбленная Дженни не требует от меня невозможного. У нее свое собственное место в моем сердце, и ее любовь не знает ревности».

12 сентября 1871 года они прибыли в Марсель, поехали поездом в Париж и через четыре дня были в Лондоне.

– Мы можем согласиться с вашим браком только после того, как Дженни один год побудет в Англии, – заявили супруги Фолдинг.

Естественно, Хадсен и Дженни могли бы проигнорировать это условие. Но они не хотели идти против воли родителей, поэтому Хадсен попытался убедить их, а Дженни даже со слезами умоляла их изменить свое решение.

Но миссис Фолдинг стояла на своем. «Вы оба еще слабы здоровьем. Поэтому я против такого поспешного брака». Но в конце концов мать Дженни все же сдалась, и Джозеф Фолдинг, который в принципе был не против их свадьбы, усердно помогал в ее подготовке. Во вторник, 28 ноября, Хадсен и Дженни поженились в часовне Регентс-Парка. Свадебного путешествия на этот раз не было. Сразу после свадьбы они вместе с детьми поселились в доме на Майлдмей-Парк 64, в Лондоне.

Уильяму и Мэри Бергер нездоровилось. К тому же у Уильяма были другие заботы: в последнее время он придерживался

мнения, что неверующие люди после смерти не погибнут навеки. Некоторые англиканские, баптистские и братские церкви вынудили членов, которые симпатизировали этому учению, оставить церкви. Если станет известно, что и Бергер симпатизирует этой идее, то пожертвования многих друзей КВМ прекратятся.

Бергер неутомимо подвизался в поддержке миссии КВМ, но для общественной работы у него не было особых талантов. Он был известен как издатель «Окейжинл пейперс» – нерегулярного информационного листка для друзей миссионерского общества, но он не был блестящим журналистом. Когда Бергер посмотрел на все это здраво, он, боясь повредить миссии, попросил Тейлора поискать себе замену.

В начале января 1872 года Хадсен Тейлор арендовал новый дом на Пэрлэнд-роуд 6 – рядом с полями, деревенской площадью и прудом в Ньюингтон-Грин. Отсюда он начал свою активную деятельность. Ланфэн повсюду сопровождал Хадсена, который по пути показывал ему многие достопримечательности Лондона. Он постоянно проводил беседы с кандидатами в миссию, давал им советы и благодарил – насколько это было возможно – за каждое личное пожертвование.

Тейлор предпринял поездку по западной Англии, снова встретил Роберта Чепмана из Барнстапла, посетил Георга Мюллера и проповедовал в церкви Вифезда в Бристоле.

На конференцию в Майлдмей в Лондоне он прибыл вовремя. Хадсен говорил после знаменитого американского евангелиста Дуайта Муди. После того, как участники конференции с вдохновением спели гимн «Ветры, разнесите благую весть», они с ожиданием устремили свои взгляды на Тейлора, вставшего за кафедру. «Мои дорогие друзья, никогда ветер не разнесет благую весть! – начал он, весело подмигнув слушателям, но тут-же серьезно продолжил: – Если радостная весть о любви Божьей должна достигнуть отдаленных мест этого мира, этого не сделает ветер. Это должны сделать люди, которые следуют повелению Господа и несут Евангелие во все уголки земли».

Во время конференции у Тейлоров жили Генриетта и Люси Солтау, дочери адвоката из Девоншира. Однажды, после обеда Хадсен позвал обеих сестер вместе с Дженни и Эмилией Блэчли в зал. Он показал им на карте Китая девять провинций, где еще не работали миссионеры КВМ. Затем он спросил их:

– Не хотите ли Вы вместе со мной молиться за восемнадцать миссионеров, которые бы по двое пошли в эти провинции?

Генриетта и Люси согласились каждый день молиться об этой нужде.

В день рождения Хадсена пятилетняя Мария обрадовала его неожиданным самодельным подарком. Он взял дочку на руки и облюбовал ее подарок. Это был маленький кусочек дерева, в котором торчала палочка, и на палочке болталась ракушка. Хадсен поблагодарил ее за подарок, но не знал, что он должен означать. Наконец Мария вывела его из затруднения:

– Я думала, что ты наверняка обрадуешься, если я сделаю тебе кораблик, чтобы ты мог вернуться в Китай.

Отец был поражен:

– Наверное, ни один подарок не принес мне большей радости, и ни один из них я не буду так бережно хранить и так часто вспоминать, как этот.

Мария действительно была права. Хадсену уже давно стало ясно, что им с Дженни пора возвращаться в Китай. На этот раз они оставляли на родине еще больше друзей: Эмили Блэчли должна была взять на себя большую часть работы Бергера, Генри Солтау (брат Генриетты и Люси) и Ричард Хилл, архитектор и инженер-строитель, трудились как добровольные секретари управления КВМ, которое позднее называлось просто «Лондонским советом». Другими членами совета были казначей Джон Челлис, руководитель фирмы, Уильям Холл, дьякон из Брайнстон-Холла; Теодор Говард; Джозеф Уитерли и Джордж Солтау (тоже брат Генриетты и Люси). Он был ответственным за подготовку кандидатов.

Хадсен Тейлор смог найти многих лиц заинтересованных в создании консультационного бюро, среди них Томаса Барнардо, Роберта Чепмана из Барнстапла, Грэттэна Гиннесса, Георга Мюллера, Уильяма Пеннефазера и лорда Редстока.

В октябре 1872 года Хадсен и Дженни Тейлор вернулись в Китай и вначале поселились в Ханчжоу. Хадсен планировал после Рождества посетить города южнее Ханчжоу.

В апреле 1873 года Дженни родила двойню. Оба ребенка были мертвы. Дженни, весьма крепкая женщина, писала своей матери: «Это было очень тяжелое время для Хадсена». Теперь она направила все свои надежды на переселение в Янчжоу, где в будущем

должна была находиться центральная квартира Китайской Внутренней Миссии в Китае.

Тейлор хотел передать работу в Ханчжоу по мере возможности китайским христианам – характерная черта его стратегии. Иностранные миссионеры должны отступить на задний план, так как большую часть работы КВМ должны взять на себя местные христиане и распространить ее все глубже внутрь страны. В провинции Тейлор хотел поставить на длительное время одного руководителя и двух иностранных ассистентов; в каждом большом городе должны быть китайские сотрудники и на менее важных местах помощники – распространители Библий.

Еще до окончания 1873 года он надеялся открыть школу для обучения китайских сотрудников. Тейлор с большой радостью наблюдал, что местные христиане все активнее трудятся в евангелизации и создании церквей. Не было никакого сомнения, что они были будущим китайской церкви! «Я вижу в нас, иностранных миссионерах, своего рода строительные леса для строительства здания, – писал он об этом времени. – Чем быстрее можно будет убрать эти леса, тем лучше. Или больше этого: чем раньше эти строительные леса перенести на другое место, чтобы построить новое здание, тем лучше как для работы, которая может совершаться теперь без них, так и для не достигнутых Евангелием мест». Эта стратегия Тейлора по настоящее время используется миссионерскими обществами.

Наибольшего расцвета работа КВМ и других миссий достигла в Чжэцзяне – провинции вокруг Ханчжоу. За десять лет после подавления Тайпинского восстания в 1864 году число китайских проповедников возросло от пятнадцати до ста, а число христиан – от 400 до 1.400. Более ста из них имели высшее образование. Китайская церковь окрепла. Она была готова приступить к евангелизации своей страны.

Глава 35

Взлеты и падения

Уже давно Хадсен Тейлор искал в Китае сотрудника, который освободил бы его от административной работы, чтобы он сам мог неограниченно вести пионерскую работу, отдаться евангелизации и созданию церквей. Поэтому в мае 1873 года он написал Генри Солтау:

«Если бы у меня здесь был способный, надежный сотрудник, который бы доверял Богу, с вниманием относился бы к миссионерам и имел бы на них доброе влияние, тогда наша работа за три года могла бы увеличиться вдвое и быть намного продуктивнее. Но у меня здесь нет никого, кто по своей образованности, умственно и духовно настолько превосходит других, чтобы мог занять это место.

Поэтому я теперь спрашиваю Вас, дорогой брат: не хотите ли Вы приехать сюда и работать вместе со мной? ...

Не достоин ли труд, совершаемый здесь, продолжения? Не достоин ли он жертв? Не заслуживает ли Тот, Которому мы служим, чтобы мы отдали ему все время, всю силу и даже жизнь?

Я не пишу Вам просто по настроению. И я знаю, как трудно исполнить мое предложение. Знаю, какую жертву означает для Вас этот шаг. Но может ли все это в свете вечности иметь какое-то значение? Каждая из этих провинций так велика, как любая европейская страна. Можем ли мы, зная, что там живут по пятнадцать, двадцать или двадцать пять миллионов человек, оставить их на вечную гибель?»

«Я желаю мистеру Солтау иметь веру, чтобы он мог полностью довериться Богу, – писал Хадсен Тейлор также и Эмили Блэчли. – Я бы хотел, чтобы Вы нашли время поговорить с ним об этом вопросе и вместе помолиться». Хадсен Тейлор, конечно, не подозревал, что заболевшая туберкулезом Эмили в это время уже была при смерти. Письма, которые сообщали о ее скорой кончине, еще не достигли его.

Пока Солтау размышлял о просьбе Хадсена, у Тейлора были другие проблемы. Уильям и Мэри Радленд имели большой успех в Тайчжоу, но, к сожалению, они при этом возгордились. Особенно это стало заметно после того, как в информационном листе

КВМ появились их сообщения. Когда же в Тайчжоу стала проявляться враждебность по отношению к иностранцам и христианам, Уильям Радленд демонстративно надел европейскую одежду, чтобы показать, что за ним стоит власть британских консулов с их военными кораблями. Мэри Радленд произвела еще больше беспокойства своим утверждением, что она видела, как молодой китайский миссионер целовал жену другого китайского христианина. Она поговорила об этом с обоими мужчинами, в результате чего те были глубоко огорчены и оставили работу в Тайчжоу. После этого Радленд подал заявление об уходе из КВМ.

В Нинхае китайские сотрудники требовали повышения содержания за служение. «Эти проблемы невозможно решить без помощи Святого Духа», – вздыхал Хадсен перед лицом этих трудностей

В ноябре 1873 года Чарльз и Элизабет Джадд после короткого пребывания в Англии снова возвратились в Китай. Вместе с ними приехали Мэри Бойер, Генри Тейлор (однофамилец Хадсена Тейлора) и новый миссионер КВМ, Фред Баллер. Баллер, обладая острой наблюдательностью, живо и с темпераментом делился после прибытия своими первыми впечатлениями о Хадсене Тейлоре. Он не знал, какие заботы тяготят в данный момент руководителя миссии, и Тейлор, появившийся перед вновь прибывшими в толстой зимней одежде, показался ему «самой странной личностью, какую я когда-либо видел». Но скоро новый миссионер заметил, что у Хадсена Тейлора веселый юмор замечательным образом сочетается с глубоким духовным ростом.

7 ноября Хадсен Тейлор взял Фреда Баллера и Генри Тейлора с собой в Нанкин. Десять дней он занимался с ними, объясняя им сложные китайские обычаи. Баллеру нравился деловой ум Тейлора. Даже китайцы хвалили Тейлора, когда он арендовал лодки, заключал договора, покупал земельные участки или дома. Он всегда спокойно и обдуманно преподносил свои предложения и, что было еще важнее, тактично обращался с предложениями своего партнера. То, что он никогда не спешил, приносило ему много успеха. Он хорошо научился понимать образ мышления китайцев – им было противно сразу же решать дело. Они должны были постепенно обдумать все и только после этого приступить к решению дела.

«С его способностями он бы достиг больших успехов, если бы избрал путь в деловой мир», – констатировал Баллер.

После утомительной поездки по всем станциям КВМ в октябре 1873 года Тейлор возвратился в Тайчжоу. Он очень хотел увидеть Дженни. Она же сильно переживала, так как долго ничего не слышала о нем. В своем воображении она рисовала себе страшные картины, что он болен, одинок и нуждается в ней. Не долго думая, она в сопровождении Уильяма Радленда отправилась искать его.

«Миссис Тейлор сегодня утром уехала в Нинхай», – сообщили Хадсену, когда он приехал в Тайчжоу.

«Представь себе мои переживания, – писал он Дженни, – когда я узнал, что ты сегодня утром уехала. Почти всю ночь и день я думал о тебе, моя любимая». В Нинхае они, наконец, встретились, а Рождество провели вдвоем в Тайчжоу.

В первые месяцы 1874 года средства миссии были на исходе. Но все же Хадсен писал секретарю КВМ Ричарду Хиллу: «Я никогда не работал с такой радостью и не был таким свободным от забот, как сейчас, хотя мы не имеем денег. P.S. Я настоятельно прошу Вас не делать никаких призывов о сборе пожертвований!» Подобные мероприятия все равно бы не понадобились – вскоре пришло письмо от Георга Мюллера с 300 фунтами.

«Мой дорогой брат, – писал Хадсен казначею Джону Челлису, – какая это радость, знать живого Бога и доверять Ему! ... Я являюсь только Его подручным. Он Сам позаботится о том, чтобы Его прославили, Он Сам позаботится о Своих слугах и по богатству Своему обеспечит их всем, в чем они нуждаются. И при этом Вы помогаете своей молитвой, посредством Вашей работы в вере и Вашими стараниями в любви».

Но даже такие пожертвования, как от Георга Мюллера, не покрывали нужды миссии. Для работы КВМ уже нужны были сто фунтов в неделю. Нужно было содержать больше пятидесяти зданий – дома, часовни и школы. Миссионерская работа к тому времени между тем распространилась на пять провинций, и в связи с этим повысились дорожные расходы.

У Хадсена Тейлора, как руководителя такого большого миссионерского общества, много времени уходило на решение административных вопросов. Но ему больше нравилось, когда ему удавалось выходить и беседовать с китайцами. На одной лодке в Тайпине он, к примеру, вступил в разговор с пожилым человеком.

– Как вас зовут? – спросил он его.

– Мое имя Джинь. Меня очень беспокоит один вопрос: если в этом мире все бренно, то как нам быть с нашей виной?

– Вы правы, это самый главный вопрос! И чтобы ответить на него, мы приехали в Китай, – приветливо ответил Хадсен.

– Наши ученые говорят, что потусторонней жизни не существует. Они думают, что душа состоит из многих элементов, которые при смерти разрушаются, но я не могу поверить этому.

Этот китаец был на пути к истине!

Дженни подарила на день рождения своему мужу многоязычную Библию Бакстера. Читая ее, Хадсен обычно ставил даты. На одной свободной странице в конце Библии карандашом написано:

«27 января 1874. Просил Бога о пятидесяти или ста новых китайских евангелистах и о стольких иностранных руководителях, сколько нужно, чтобы обслужить четыре префектуры и сорок восемь округов провинции Чжэцзян, в которых еще нет сотрудников. Я также просил о миссионерах, которые пойдут в девять недостигнутых провинций».

В конце мая Хадсен Тейлор планировал пройти с Чарльзом Джаддом в Ухань – восемьсот километров вверх по Янцзы. 1 июня они отправились в трехдневный путь на маленьком речном пароходе «Ханянь».

Когда они оставили Цзюцзян, Тейлор хотел спуститься по крутой лестнице. Но на одной из верхних ступенек он поскользнулся и упал на пол. От сильных болей в спине и в лодыжке он некоторое время не мог ни дышать, ни двигаться.

На следующей станции – в Ухани – его принесли в гостиницу, положили на кровать, где он отдохнул несколько часов, и ему стало немного легче дышать.

Джосайа Кокс, методистский миссионер, работающий в Ухани, настоял на том, чтобы Хадсен временно остался у него. Через некоторое время боль в спине прошла, и хотя ему нужны были костыли для ходьбы, он не считал травму серьезной.

Чтобы увидеть детей, Хадсен и Дженни поехали в Англию. Они отплыли в конце августа. Но в Марселе их ожидало плохое

известие: в июле от туберкулеза умерла Эмили Блэчли. Во время путешествия боль в спине увеличилась, и когда они прибыли в Лондон, Хадсен даже на костылях едва мог передвигаться.

Квартиру они снимали снова на Пэрлэнд-роуд, 6. Но с декабря 1874 года Хадсен не поднимался с постели. Его спина и ноги были почти парализованы. Над его головой привязали веревку с помощью которой он мог переворачиваться. В такое важное для КВМ время он был вынужден руководить работой миссии с больничной койки. Его комната стала центром миссии. Джон Стивенсон и другие добровольцы проводили много часов у постели Хадсена и писали письма, которые он диктовал. Совет КВМ также собирался в его комнате. Дженни написала Уильяму Радленду, который остановился в Рединге и сам был болен: «Я не верю больше, что мы или Вы еще раз увидим Китай». Нетипичный для Дженни пессимизм. Это говорит о том, как болен был Хадсен в это время.

К тому же началась дизентерия. Хадсену было так плохо, что он написал завещание и все записал на Дженни, которая опять была в положении. Остальные дети были у Говардов, семьи Грэттэна Гиннесса, и у Амелии, у которой было девять своих детей, и она ждала десятого.

Но против всех ожиданий, после Рождества состояние Хадсена стало постепенно улучшаться. В ногах его кровати висела карта Китая, чтобы он мог думать о девяти провинциях и о восемнадцати новых тружениках, о которых постоянно молились верные друзья. Он продиктовал «Призыв к молитве за 150 миллионов китайцев», который был напечатан в некоторых газетах. Эта молитва кончалась словами: «Христиане, читающие эти строки, поднимите Ваше сердце к Богу и одну минуту пребудьте в серьезной молитве, чтобы Бог в этом году призвал восемнадцать миссионеров, необходимых для служения Ему в Китае. Молодые, дееспособные люди с горячим сердцем, служащие или продавцы, имеющие опыт в обращении с людьми и умеющие учитывать интересы своих клиентов, особенно подходят для этой работы. Все они должны иметь крепкую веру, упражняться в преданности Господу и быть исполненными горячей ревностью, они должны быть готовы жить для Христа, трудиться, страдать и если нужно – умереть».

7 января 1875 года все жители на Перлэнд-роуд 6 после завтрака собрались для молитвы у постели Хадсена. Все, кроме Дженни, которая готовилась к рождению ребенка. Один из детей заглянул в ее комнату и, взволнованный, прибежал за Луизой Дезграц:

Но когда Луиза Дезграц вошла в комнату Дженни, ребенок уже родился. Она побежала назад к Хадсену, подкатила к его кровати маленький диван, на который он мог лечь. Таким образом они поехали в комнату Дженни. С трудом Хадсен приподнялся и сделал все необходимое для матери и ребенка. Затем он устало лег на свою лежанку. Мальчика назвали Эрнест. Эрнест, который позднее станет миссионером в Китае.

В марте 1875 года Генри Солтау наконец исполнил просьбу Хадсена, он согласился принять руководство КВМ в Китае. Вместе с Джоном Стивенсоном он еще в марте покинул Англию. Оба хотели попытаться достичь западного Китая через Бирму.

Были и другие добрые вести! На призыв Хадсена Тейлора откликнулись двадцать молодых людей. Некоторые из них особенно подходили для миссионерского служения. На их письменные заявления Тейлор часто отвечал: «Если Вы не боитесь тяжелой работы и не нуждаетесь в признании; если Вам важна похвала от Бога и Вы не боитесь упреков от людей; если Вы готовы за свое свидетельство заплатить кровью и расхищение своего имения принять с радостью, – тогда Вы сможете пожать здесь большой урожай и спасти многие души. Тогда Вы получите неувядаемый венец и услышите от Господа: „Хорошо, добрый и верный раб!"»

Семь лет прошло с тех пор, как КВМ после восстания в Янчжоу попала под обстрел критики. Теперь, в 1875 году, она радовалась всеобщему признанию. Прекрасное развитие и авторитет, которым она сейчас пользовалась, ободряли Хадсена Тейлора. Ему было уже намного лучше. В апреле он снова мог вставать, подниматься по лестнице и ходить по саду. У него опять появилась надежда вернуться в страну, которую он так любил.

Глава 36

Мы никогда не имели нужды!

Информационный листок КВМ „Окейжинл пейперс“ (”Случайный листок”), выходил в виде небольшой (10 – 30 страниц) брошюрки карманного формата. Хадсену хотелось, дать ему более привлекательное название, а также изменить его формат. Дженни предложила назвать его: «Миллионы китайцев и наша работа среди них». Ни одно название не могло бы лучше описать задачи КВМ. До конца 1875 года он выходил под этим названием, но потом осталось только «Миллионы Китая». Информационный листок впоследствии превратился в современный иллюстрированный журнал, который существует до сего дня.

Так как Тейлора снова тревожили материальные трудности, он в мае 1875 года подсчитал, сколько пожертвований поступило за последний месяц. Поступило только 68 фунтов – на 235 фунтов меньше, чем нужно было бы для миссионерской работы в течение трех недель. В ежедневной молитве за Китай на Пэрлэнд-роуд 6 Хадсен сообщил об этой нужде и сказал:

– Будем просить Господа о помощи.

В тот же вечер почтальон принес письмо, в котором лежал чек на 235 фунтов. Требовалось ли еще больше доказательств, что на этом труде было благословение Господне?

В июне Хадсен отложил свои костыли. С тех пор он ходил только с палочкой и снова мог путешествовать. В Брайтоне он принял участие в конференции на тему «Доверие Богу». Покидая Брайтон, он на вокзале встретил графа Бобринского, бывшего министром русского правительства, который тоже принимал участие в конференции.

– Нам нужно обязательно сесть рядом в поезде, – предложил граф Тейлору.

– Но я еду в третьем классе, – возразил Тейлор.

– Ну, с моим билетом я тоже могу там ехать.

По дороге Бобринский вытащил из кармана и дал Тейлору пятьдесят фунтов, сегодня это составляет где-то от полутора до двух тысяч фунтов.

– Вы не ошиблись? – спросил пораженный Хадсен.

– Точно! Вообще-то, я хотел вытащить только пятифунтовую бумажку. Но видно Бог хотел дать Вам пятьдесят, – улыбнулся граф.

Когда Хадсен пришел домой, все уже собрались на молитву. Они молились о средствах, которые нужны для одного из проектов в Китае. Им нужно было еще ровно сорок девять фунтов. Такие случаи укрепляли и ободряли сотрудников миссии.

С. Г. Мур, доцент богословия, часто посещал Хадсена Тейлора на Пэрлэнд-роуд. Он вспоминал, что в рабочем кабинете Тейлора стояло много ящиков, а у стен было много полок. Письменный стол у окна был завален бумагами и письмами. Перед камином стояла низкая узкая железная кровать, покрытая красивым одеялом. Были ли там ковры? Ничего подобного!

Хадсен Тейлор ложился на кровать и начинал беседу с Муром. Для гостя это были «золотые часы его жизни». Хадсен был совсем другим, чем Мур его себе представлял, – не гордым и высокомерным, но в нем ощущалось то величие, которое имел в виду Иисус, когда говорил, что кроткие наследуют землю.

Другой гость вспоминал о том, как шестилетний сын Чарли приводил отца в затруднение своими вопросами, в то время как Герберт (14 лет) и Говард (13 лет) боролись под столом.

Одна дама, которая постоянно жертвовала для КВМ (ее фамилия была Рич – что значит «богатая»), написала Хадсену письмо, в котором с тревогой спрашивала, действительно ли миссионеры КВМ так бедны, что им приходится часто оставлять служение и искать себе другую работу.

Хадсен Тейлор ответил на это письмо очень быстро. «Тот, кто рассказал Вам об этом, глубоко ошибается. Я не думаю, что хотя бы один член КВМ или его семья имели когда-нибудь нужду в еде или одежде.

Никто из-за нехватки денег не оставил своего служения; никто из-за этого не заболел; никто по этой причине не оставил миссию или был недоволен ею. Конечно, были времена нужды, но в такое время китайцы были готовы дать нам свои деньги. Такие времена оберегли их от ошибочного мнения, что богатое миссионерское общество может сделать для них все». Он назвал причины, почему единичные члены миссии оставили ее, но никогда это не были финансовые нужды.

Постепенно Тейлору становилось все лучше, и он уже думал снова возвратиться в Китай. Но кто будет выбирать новых

кандидатов, выпускать газету «Миллионы Китая» и заботиться о пожертвованиях для Китая?

С некоторого времени Тейлор пытался привлечь к работе в КВМ Амелию и Бенджамина. Он посетил их в Годалминге.

– Не хотите ли вы переехать к нам на Пэрлэнд-роуд, хотя бы временно? Мне очень нужна помощь в издании и распространении журнала, а также при распределении новых кандидатов.

Он предложил им дом, в котором они могли жить, а также жалованье, так как Дженни унаследовала от дяди из Австралии много денег.

Наконец Бенджамин с Амелией согласились. В августе они переехали на Пэрлэнд-роуд 2. Там они жили сорок лет и пользовались уважением среди миссионеров КВМ. Хадсен и Дженни продолжали жить в доме №6, а дом №4 служил общежитием для кандидатов, в нем же находилось бюро миссии.

На призыв Хадсена отозвались многочисленные кандидаты. На новое место служения готовы были отправиться шесть испытанных миссионеров из самого КВМ. В августе в церкви Табернакель, общине Чарльза Сперджена, собралось полторы тысячи человек, чтобы выслать троих миссионеров. После этого в феврале 1876 года к миссии присоединилось еще девять человек. Дженни писала: «Теперь ”восемнадцать” в полном сборе». На самом деле миссионеров было уже двадцать, вскоре их стало еще больше. К тому же в 1876 году в Китай выехало шесть женщин.

Теперь и Хадсену нужно было обязательно ехать в Китай. Кто же еще мог ввести новичков в новую жизнь в Китае? Но нужен был кто-то, кто бы перенял организацию работы в Англии. Хадсен предложил этот труд Уильяму Солтау, ввел его в курс дел и доверил Бенджамину больший круг обязанностей.

В мае 1876 года в Тоттенхеме умерла мисс Стейси, это было для Хадсена тяжелым ударом. Целую неделю после этого он провел в постели. В сентябре он отправился в Китай – в надежде вернуться через сорок недель. Дженни осталась в Лондоне и заботилась о четырех детях Хадсена и о своих двоих. Она также много трудилась в совете миссии.

В конце октября Хадсен прибыл в Шанхай и оттуда поехал в Чжэцзян. Он снова заболел дизентерией, болезнью, от которой страдал всю жизнь. Но после этого он ощутил новый подъем! 14 сентября 1876 года была подписана Чифуйская конвенция. Она гарантирова-

ла иностранцам при наличии действительного паспорта безопасное путешествие внутри страны. Что означало это для КВМ? Уже в первые четыре месяца после заключения этой конвенции миссионеры КВМ отправились в шесть новых провинций, они вступили в области, куда еще не ступала нога иностранца. Миссионеров там встречали со смешанными чувствами, приветливостью и враждебностью.

«Женщины здесь, – писал Генри Тейлор из путешествия в Хонань, – душой и телом отдаются идолопоклонству, хотя понимают, что их сердце остается пустым и разум затемненным».

Через месяц в Чжэцзяне нашелся ящик с важными документами, который потерялся в Париже. С тех пор Хадсен просто задыхался от работы. «У меня в четыре раза больше работы, чем я могу сделать», – жаловался он. Чарльз Фиш был в отпуске в Англии, и никто кроме Хадсена не мог заменить его как секретаря КВМ в Китае. К тому же на нем все еще оставалось издание журнала «Миллионы Китая».

В конце длительного трудового дня, иногда в два или три часа ночи, Хадсен садился за фисгармонию и играл свои любимые песни. Больше всего он любил куплет:

> Иисус, я нахожу столько покоя,
> Если я радуюсь тому, что Ты есть.
> Все больше я вижу величие Твоей любви,
> Которую Ты имеешь для меня в Своем сердце.

Однажды – у него как раз был Джордж Николь – пришла пачка писем с печальными известиями: некоторые миссионеры были в опасности и боролись с большими трудностями. Тейлор прислонился к письменному столу, прочитал письма и начал насвистывать мелодию: «Иисус, я нахожу столько покоя».

Николь был в шоке:

– Как вы можете насвистывать, когда наши друзья в такой большой опасности?

– Положим, – ответил Тейлор, – что я сяду и буду переживать обо всех этих вещах. Но это никому не поможет и меня это сделает непригодным для моей работы. Я должен просто возложить это на Господа.

В мае 1877 года должна была состояться Всеобщая конференция протестантских миссионеров. Встреча обещала быть ха-

отичной. С тех пор как Роберт Моррисон семьдесят лет назад приехал в Китай, число миссионерских обществ умножилось во много раз, и пятьсот миссионеров из различных миссионерских обществ имели различные взгляды на свои задачи. Некоторые, среди них и КВМ, совершали евангелизацию и также создавали церкви, другие больше говорили о том, чтобы дать китайскому народу образование и помочь им подняться на более высокий уровень жизни. КВМ много критиковали, так как они посылали молодых и неиспытанных миссионеров в долгие путешествия внутрь страны. Другим пунктом спора был вопрос, какими выражениями можно передать библейское представление о Боге на китайском языке.

Тейлор опасался этих разногласий, если Бог не благословит эту конференцию. Поэтому он попросил группу из тридцати миссионеров из четырех миссионерских обществ встретиться в Ухани для молитвы о конференции. В конце этого собрания Гриффит Джон из ЛМО сказал: «Я благодарю Бога за мистера Тейлора, благодарю Бога за КВМ и благодарю Бога за моих молодых братьев», – он имел в виду миссионеров-пионеров, которые продвинулись далеко на запад Китая.

Около ста сорока человек из восемнадцати миссий и трех библейских обществ встретились через три недели на конференции в Шанхае. Спорный вопрос китайских выражений не затрагивался. Хадсен Тейлор защищал стратегию Китайской Внутренней Миссии. Он сказал, что необходимо предпринимать длительные путешествия, чтобы распространять Евангелие и проводить подготовительную работу по созданию церквей.

Почти все участники выступали против мнения, что распространение мирской литературы и западной научной литературы для устранения суеверий лучше, чем распространение литературы духовной, и согласились с мнением Гриффита Джона и Хадсена Тейлора. Оба не отрицали важность научной литературы, но считали главную цель миссионера в том, чтобы рассказать людям все о Боге, о грехе и о спасении.

В общем, на конференции было больше согласия, чем споров. После этой конференции на КВМ стали смотреть по-новому, и она получила большее признание. По мнению Хадсена Тейлора, эта конференция означала решительный шаг вперед для всех миссионерских обществ в Китае.

После конференции Хадсен, хотя его снова мучили сильные невралгические боли, посетил все центры миссии в провинции Чжэцзян. Почти на всем пути его сопровождала Элизабет Вильсон, которая в зрелом возрасте исполнила свое давнее желание – стать миссионеркой. Она была приветливо и с уважением принята китайцами. Не раз оба путешественника приходили в деревни, в которых идолы были выброшены из храма, в которых теперь проводились христианские собрания.

Много лет спустя Элизабет Вильсон вспоминала о маленькой, обтянутой белым мехом шкатулке, в которой Хадсен хранил свои бумаги и о его обычае, три раза в день молиться за миссию, называя при этом по имени каждого сотрудника.

Между тем прошло уже более сорока недель, и Хадсену следовало снова быть в Англии. Но он хотел сначала созвать в Нинбо конференцию китайских пасторов и евангелистов, сотрудничавших с английскими и американскими миссионерскими обществами. Он был очень воодушевлен работой местных миссионеров и как ребенок радовался тому времени, когда подобные встречи будут возможны во всех провинциях Китая.

Но потом настало время возвращаться в Англию. Дети Дженни, Эми и Эрнест, не узнали в незнакомце, который приехал на Рождество, своего отца, и Хадсену вновь пришлось знакомиться со своими детьми. С шестнадцатилетним Гербертом, пятнадцатилетним Говардом, десятилетней Марией и девятилетним Чарльзом, а также с Милли Дункан, которая после смерти своих родителей жила у Тейлоров, он праздновал радостное Рождество.

Глава 37

Мечта сбывается

В северных провинциях Китая, и прежде всего в Шаньси, по причине длительной засухи и плохого урожая пшеницы, свирепствовал ужасный голод. Конференции в Ухани и Нинбо, по предложению Хадсена Тейлора, собрали деньги, чтобы хоть немного помочь голодающим.

Вернувшись в Англию, Тейлор в собраниях и через газету говорил об этой нужде. Поступило много пожертвований, предназначенных именно для помощи голодающим, а не для миссионерских нужд. Хадсен к тому же попросил миссионеров принять двести детей-сирот в районах голода и в районах скопления беженцев. Но это, естественно, была «капля в море». Уже через четыре месяца после долгой разлуки он, хотя это было очень тяжело для него, сделал Дженни такое предложение:

– Ты знаешь, – сказал он, – что я не могу сейчас оставить Англию. Не поехала бы ты с двумя новыми миссионерами в Китай, чтобы понаблюдать за проектом для сирот, пока я не приеду туда?

Дженни в то время было тридцать пять лет. У нее было двое своих детей в возрасте двух и трех лет, и еще дети Марии, о которых нужно было заботиться. Две недели она молилась о предложении Хадсена и после этого решила ехать.

Когда Амелия услышала об этом, у нее к тому времени уже было десять детей, она сказала:

– Если Дженни уедет в Китай, тогда мне придется заботиться о ее детях.

Один друг, узнав о решении Дженни, пришел к ней и категорически заявил:

– Я считаю, что оставлять детей и мужа неправильно, даже ради такого важного дела.

Дженни знала, что так думали многие. Она пошла в свою комнату. «Дорогой Господь, – молилась она, – дай мне какой-нибудь знак, что это решение правильное. 50 фунтов были бы для меня теперь ценнее, чем целое состояние в другое время. Это было бы для меня подтверждением, что Ты позаботишься и о других моих нуждах».

Она просто нуждалась в укреплении своей собственной веры и в ответе для всех, которых ей нужно было оставить. Поэтому она как

Гедеон попросила двух знамений: достаточно денег для поездки и, по тогдашним обстоятельствам, крупную сумму в 50 фунтов для себя и для Хадсена. Если Бог услышит ее молитву, она примет это как знак, что через ее отъезд Он благословит остающихся больше, чем если она останется, и что Он будет с нею и поможет ей.

– Я хочу, вас попросить молиться со мной о двух вещах, хотя вы и не знаете о чем именно. Я расскажу вам мой секрет, если молитва будет услышана, – сказала Дженни утром на семейной молитве.

После обеда в дверь постучал один господин.

– Это верно, что Вы едете в Китай? – спросил он Дженни.

– Да, я готовлюсь к поездке.

Тогда господин сунул ей в руку чек в 10 фунтов, именно ту сумму, которая была необходима для поездки.

Через четыре дня пришло письмо от родителей Хадсена на имя Дженни. В нем было 50 фунтов. Дженни взяла деньги и пошла к Хадсену, чтобы показать ему. Но так как он в это время с кем-то разговаривал, она положила их в комнате и вышла. Когда она вернулась, Хадсен сказал:

– Я размышляю о том, для чего Бог хочет употребить эти деньги.

– Очень просто, – ответила Дженни, – эти деньги принадлежат мне. Я имею право на них, о котором ты, однако, еще ничего не знаешь.

Через десять дней Дженни, а с ней еще семь молодых людей поехали в Китай. Один новый член лондонского совета наблюдал, как прощались супруги Тейлор. На другой день он сказал Хадсену:

– Мне казалось, что я прощаюсь со своей женой. Даже мысль об этом казалась мне невыносимой. И все же я думаю: если бы Бог призвал нас к этому, тогда Он дал бы нам такое же спокойствие, которое даровал вчера Вам.

После прибытия в Шанхай Дженни сразу же поехала с двумя миссионерками и переводчиком, Фредериком Баллером, дальше в Шаньси. Они были первыми европейками, которые так далеко продвинулись внутрь страны. Дженни начала свою работу среди детей-сирот в провинции, охваченной голодом. После ее возвращения в Шанхай, эту работу продолжила группа миссионеров КВМ.

Чтобы не быть одному, Хадсен попросил семнадцатилетнего Герберта разделить с ним рабочий кабинет и спальню. Позднее он отвез трехлетнего Эрнеста к Фолдингам в Барнет, чтобы тот мог поправиться после тяжелой болезни. «Эрнесту там очень понравилось, – писал он Дженни, – и для меня это послужило подкреплением. Я наслаждался тишиной окружающих полей. Вечером я укладывал Эрнеста спать, молился с ним и утром одевал его. Он всегда так нежно прижимается ко мне».

После отъезда Дженни, Тейлор сконцентрировался на том, чтобы переорганизовать КВМ в Англии. Хадсен посетил всех членов Лондонского совета, но в течение года возникли еще некоторые проблемы. Джордж Солтау из-за большой перегруженности попросил освободить его от занимаемой должности, и совет управления предложил назначить Бенджамина Брумхола и Уильяма Солтау «вторыми секретарями». Тейлор не считал это идеальным решением проблемы, так как Уильям Солтау, с позволения сказать, к работе КВМ относился без души, а у Бенджамина были трудности с соблюдением установленных сроков, а также с бережливостью. Хадсен до сих пор не мог найти подходящего издателя для журнала «Миллионы Китая».

Летом 1878 года после острого приступа малярии Хадсен принял приглашение провести отпуск в Швейцарии. Физически ослабленный, он любовался ледниками в Понтрезине. С Библией, пачкой печенья, и зонтиком от солнца он уходил в горы. Он надеялся, что чистый воздух хорошо повлияет на его организм.

Он писал Дженни: «Мои силы обновляются, и я часто думаю о том, что это ответ на твои молитвы. И это увеличивает мою радость». Чудесно отдохнувший, он возвратился в Англию, где его однако ждали все нерешенные проблемы.

Все еще не было ясно, кто станет ответственным редактором журнала. Если больше работы доверить Бенджамину, тогда нужно найти другого ответственного за КВМ. В новом году Хадсен обратился к Теодору Говарду из Тоттенхема. Тот вырос в семье, члены которой владели химической фабрикой. Он уже долгое время дружил с Тейлором, поддерживая миссию. Говард был согласен в случае смерти Тейлора принять руководство миссией и заменять его во время его отсутствия в Англии. Бенджамин стал генеральным секретарем КВМ в Англии, а Джон Маккарти и Уильям Солтау должны были помогать ему.

31 декабря 1878 года на Пэрлэнд-роуд проходил день Молитвы КВМ. В то время много детей в Англии умирало от коклюша. Во время вечернего собрания пришла женщина с ребенком на руках. Она стояла в дверях и умоляла Тейлора спасти ребенка. Он тут же побежал к ним. Одна из молящихся крикнула ему вслед:

– Молитесь за этого ребенка!

– Да, молитесь, – ответил он, – пока я буду работать!

Маленькая девочка уже посинела и не подавала никаких признаков жизни. Первые попытки возвратить ее к жизни ничего не дали. Тогда Тейлор попробовал делать ей искусственное дыхание. Через несколько минут девочка снова начала дышать. Ночью у нее еще несколько раз были судороги, но она пережила болезнь без всяких последствий и когда выросла, стала миссионеркой КВМ! Через несколько лет сын Тейлора Говард комментировал этот случай так: «Мой отец молился так, как будто все зависело от молитвы, но он и работал так, как будто все зависело от его работы».

В феврале 1879 года Хадсен поехал в Китай, чтобы снова увидеть Дженни. Перед поездкой он еще посетил Георга Мюллера и Чарльза Сперджена в Ментоне. Мюллер путешествовал с благовестием, а Сперджен отдыхал после напряженной работы в лондонском Табернакеле. При встрече Сперджен с удивлением обнаружил, что Тейлор вовсе не похож на человека, который руководит такой большой организацией. Он был маленьким, хромал на одну ногу, в нем было удивительное сочетание нежности и силы, он не был самоуверен, но тверд в своем уповании на Бога. Он никогда не сворачивал со своего курса, если был уверен, что Бог поддерживает его и помогает ему. После того как Хадсен ушел, в ушах Сперджена все еще звучало слово «Китай» с такой своеобразной певучестью, как выговаривал его Хадсен. Сперджен также заметил, что он снова отращивает банзи.

Когда они достигли Индийского океана, Хадсен так сильно заболел, что ухаживающий за ним врач сомневался, доберется ли он живым до Гонконга. В Сингапуре его ожидала целая стопка писем, и одно из них от Дженни: «Я сказала Господу о всех трудностях, которые ожидают тебя здесь. Но, размышляя о них, я вместе с тем чувствую большую радость: разве это не чудесная возможность – трудиться для нашего Господа и торжествовать! Мы во всем отчетливо увидим Его руку! Если Господь с нами, тог-

да для Его слуг остается только одна обязанность и одна радость: быть послушными. Наша вера должна принести победу для наших братьев и сестер».

Когда Хадсен прибыл в Шанхай, Дженни заметила, что он выглядит изможденным. И ко всем несчастьям, еще до того, как он смог справиться со своей корреспонденцией, он снова заболел дизентерией. Один миссионер посоветовал ему до начала жары поехать в северный порт Чифу. Там Хадсен и Дженни жили у Фредерика Балларда, молодого таможенника, женатого на миссионерке. Его дом стоял на холме, на берегу бухты. Постепенно Хадсен окреп. Он сидел на веранде, вдыхал свежий воздух, смотрел на джонки и корабли и наслаждался запахом фукуса. В соседнем доме жили Чарльз и Элизабет Джадд со своими детьми. Они также отдыхали после болезни.

Вот тогда и зародилась мысль создать для миссионеров КВМ санаторий на побережье. Когда Хадсен Тейлор и Чарльз Джадд однажды гуляли на берегу бухты, они проходили мимо фасолевого поля. Казалось, что земля очень подходит для строительства дома. Но могли ли они позволить себе это?

– Вы хотите купить землю? – спросил крестьянин, который заметил их интерес.

Тейлор и Джадд очень хорошо знали, как могут подскочить цены, если люди увидят их интерес. Поэтому они сделали равнодушный вид.

– Не хотите ли Вы купить мое поле? – спросил крестьянин и предложил им свое фасолевое поле за удивительно низкую цену.

Такое же предложение сделали им хозяева соседних полей. И теперь Тейлора уже нельзя было остановить. Он сразу нарисовал план дома с десятью комнатами и верандой. Они наняли каменщиков, кирпичников, каменотесов и плотников, которые должны были жить на поле в палатках. Некоторые из них во время работы обратились ко Христу. Строительный лес они брали от двух вышедших из строя суден, которые лежали в бухте: дубовые бревна, норвежскую ель и сосновые планки для полов.

«Нельзя сказать, что это прекрасная вилла, – сообщал Чарльз Джадд, когда работы уже закончились. – Но все же здание удивительно хорошее, если учесть, как мало у нас было опыта в этом деле. И оно обошлось нам очень дешево. Европейцы были очень удивлены, как быстро мы построили этот дом. Они не верили своим глазам, что он уже готов». Но опасения Джадда были не-

обоснованны, так как этот дом простоял до 1915 года, когда на месте старого здания был построен современный санаторий.

После этого первого санатория, получившего название «Дом Джадда», КВМ построила еще дом для выздоравливающих, школу для детей миссионеров, больницу и аптеку – все очень комфортабельно и лучше, чем первое здание.

Тимоти Ричард был талантливым и влиятельным баптистом из Уэльса. Вначале он подал заявление в КВМ, но потом многие ему посоветовали поехать с Баптистским миссионерским обществом. В Китай он прибыл в 1870 году в возрасте 25 лет. Ричарду все больше нравилась мысль построить здесь на земле Царство Божие и защищать интересы бедных и неимущих. Он жил в северной провинции Шаньдун и был до глубины души потрясен нуждой и голодом, постигшим Китай в 1877-1879 годах. Он прилагал большие усилия, чтобы наилучшие достижения и техника Запада стали достоянием Китая и чтобы в будущем подобные массовые бедствия не могли повториться. Ричард был твердо убежден в том, что Бог действует и через другие религии: конфуцианство, буддизм или даосизм. Он считал, что последователей этих религий можно будет приобрести для христианства, если делать особое ударение на сходство этих учений с учением Христа. Таким образом все китайское общество со временем стало бы христианским. Он восхищался изысканным китайским образом жизни и проводил много времени за изучением китайской классики и религиозной литературы. Особенно охотно он вращался в обществе образованных китайцев. Поэтому не удивительно, что благодаря его влиянию в Шаньси открылся университет, в котором богатство западных мыслителей сочеталось с китайской историей и культурой.

Хадсен Тейлор считал, что Ричард «хорошую теорию приговорил к смерти», потому что он вместо того, чтобы проповедовать, раздавал трактаты, в которых речь шла хотя и о Боге, но не об Иисусе Христе, желая таким образом очень осторожно подготовить путь для Евангелия.

Тимоти Ричард обладал примечательной силой убеждения, и поэтому ему удалось заинтересовать своими идеями некоторых сотрудников КВМ, прежде всего тех, которые трудились в провинции Шаньси. «Дух Шаньси» стал – к сожалению – всеобщим

понятием для описания утраты духа евангелизации, что было неизбежным последствием мышления Ричарда. Один из членов КВМ отпал от веры и его пришлось отстранить, другой перешел в другое миссионерское общество, так как там платилось постоянное жалование. Три или четыре миссионера под влиянием Ричарда оставили КВМ, но потом все же вернулись к своим прежним убеждениям. Сам Ричард вышел из Баптистского миссионерского общества, но еще около пятидесяти лет трудился в Китае.

Тейлор видел в отрицательных последствиях, сказавшихся на КВМ, не столько ошибки Ричарда, как «неизбежный результат воздействия сильного характера на более слабые».

Глава 38

Хадсен Тейлор становится знаменитостью

Хадсен Тейлор был глубоко убежден в том, что китайские женщины играют более важную роль в воспитании детей и насаждении религиозных понятий, чем мужчины. И этих женщин лучше всего достигать через женщин-христианок. Поэтому Хадсен написал в 1879 году в журнале «Миллионы Китая»: «Да увеличит Господь число женщин-миссионерок в десять раз!» В этом же году Дженни была одной из первых западных женщин, которые проникли далеко на север Китая, чтобы нести весть о любви Христа тем, кто страдал от последствий голода в Шаньси.

Там, где Янцзы и Ханьшу сливаются в одно русло, находится город Ухань. Уже несколько лет Хадсен планировал использовать этот регион как исходную базу для дальнейшего продвижения вглубь страны. В феврале он поехал в Ухань, чтобы подготовить группу миссионерок – среди них были и незамужние – для первых путешествий в западные провинции. Другие миссионерские общества рассматривали это как чистое безрассудство – посылать незамужних женщин на миссионерское служение. Поэтому Хадсен вначале держал свои планы в тайне.

Двое девушек казались для этого служения особенно подходящими: одной из них была Джейн Кидд, которую Тейлор характеризовал как «веселого котенка». Уже через год она могла свободно общаться на китайском языке. Она должна была отправиться вместе с вдовой Эллен Маккарти в Гуйян в провинции Гуйчжоу, чтобы работать вместе с Джорджем Кларком и его женой. Сопровождать их туда должен был Фредерик Баллер. Второй девушкой была мисс Фоссет. Она собиралась присоединиться к Джорджу и Эмили Кинг в Ханьчжуи.

Целую неделю Тейлор провел с будущими миссионерками, чтобы подготовить их к работе. Он ежедневно проводил библейские часы, молился с ними и давал им практические советы, чтобы они знали, как вести себя с китайским населением.

Джейн Кидд, Эллен Маккарти и Фред Баллер путешествовали на жилой лодке, капитан которой был христианин. Когда они бросили якорь у озера Донтин, на берег вышло много народу. Китайские женщины гладили Джейн и Эллен по рукам и щекам. «Как вы красивы!» – говорили они.

В апреле 1880 года, после восьминедельного путешествия, они прибыли в Гуйян. Джейн Кидд была первой девушкой из Европы, которая вступила в одну из отдаленных провинций западного Китая.

В Ухани Тейлор должен был решить, кто будет сопровождать мисс Фоссет. Выбор пал на Элизабет Вильсон, пятидесятилетнюю женщину, которая уже четыре года жила в Китае. С ее седоватыми волосами она была для китайцев очень уважаемой личностью. Но Тейлор считал, что им нужен был еще и мужчина-проводник. Но все подходящие миссионеры и китайские христиане были заняты, кроме, может быть, Хуана Кецзона – прокаженного покаявшегося через проповеди Чарльза Джадда.

Хуан и Тейлор арендовали лодку и провели вдвоем ночь в каюте, а утром Хадсен приготовил им в дорогу продукты. Когда обе миссионерки присоединились к ним, мисс Фоссет пожаловалась:

– Постель Хуана воняет, – сказала она. – А это растительное масло портит вкус мяса.

Тейлор позаботился о новой постели для Хуана. Он еще несколько часов ехал с группой, затем на короткое время сошел на берег.

Вернувшись, он принес с собой корзину батата, яйца и жир, чтобы заменить плохое растительное масло. После этого Тейлор вернулся на своей маленькой лодке назад в Ухань.

Мисс Фоссет, Элизабет Вильсон и Хуан поднялись почти на 1.600 километров вверх по Ханьшу, пересекли пороги и почти через три месяца прибыли в Ханьчжуи. Хуан был для них прекрасным попутчиком. На каждой остановке он не только приглашал женщин и девушек, чтобы они услышали от миссионерок Евангелие, но и сам с большим рвением рассказывал об Иисусе.

Не считая нескольких незначительных случаев, Джейн Кидд, Эллен Маккарти, Элизабет Вильсон и мисс Фоссет очень хорошо перенесли эти удивительно долгие «первооткрывательские» путешествия и невредимыми прибыли на место.

В июле 1881 года умерла мать Хадсена, в августе – мать Дженни. Дженни решила поехать домой, чтобы урегулировать некоторые семейные вопросы. Еще во время ее поездки умер отец Хадсена. Теперь для супругов началось долгое время мучительной разлуки, когда они могли общаться только с помощью писем.

В ноябре Тейлор встретился в Ухани с небольшой группой миссионеров КВМ, чтобы с ними обсудить дальнейшую работу в Ки-

тае. Тейлор и А. Г. Пэрротт, который впоследствии стал его секретарем, пошли на холм рядом с городом погулять и побеседовать о своей работе. К этому времени КВМ имела уже девяносто шесть миссионеров (включая жен) и сто китайских сотрудников, которые трудились на семидесяти миссионерских станциях. Кроме этого, в школе КВМ обучалось более ста китайских детей. Тейлор считал, что из-за многих, пока не выполненных, задач число сотрудников нужно увеличить.

Оба рассуждали, сколько еще потребуется людей. Работы пожалуй будет еще достаточно для пятидесяти или шестидесяти. Вдруг Тейлор вспомнил слова из Лук. 10, 1: «После сего избрал Господь и других семьдесят учеников…» Но просить о семидесяти? Это уже, пожалуй, слишком! Ведь в этом году было уже намного меньше пожертвований, чем раньше. Пока они так разговаривали, Пэрротт споткнулся в траве обо что-то. Он нагнулся и удивленно воскликнул:

– Посмотрите-ка!

Пэрротт держал в руке шнур, на котором, как они позднее посчитали, было сто монет.

– Если мы пришли на этот холм, чтобы найти эти сто монет, то Бог даст нам деньги, которые нужны для дальнейшей работы.

В воскресенье они сидели за чаем с двумя другими миссионерами. И здесь они решили, что будут так долго молиться о семидесяти миссионерах, пока Господь не ответит на эту молитву. Вечером в понедельник, когда все миссионеры собрались в Ухани на молитву, Тейлор просил Бога о семидесяти миссионерах. «Я уверен, что сегодня вечером он произнес молитву веры, – писал Пэрротт об этом вечере. – Он твердо верит, что будет услышан». И на самом деле! Тейлор уже составлял план распределения сорока двух мужчин и двадцати восьми женщин по отдельным провинциям и городам.

– Давайте встретимся для благодарственной молитвы, – предложил кто-то, – когда последний из этих семидесяти приедет в Китай.

– К тому времени мы будем рассеяны по всей стране. Почему же не прославить Бога сейчас и заранее поблагодарить Бога за новых миссионеров?

Тейлор пообещал сотрудникам сообщить по телеграфу в Лондон, чтобы там нашли семьдесят новых миссионеров и послали их в Китай. Живущие же здесь хотели и дальше молиться об этом.

В январе 1882 года Тейлор написал призыв ко всем церквам на родине, который подписали семьдесят семь сотрудников миссии в Китае. «Повсюду гибнут люди, – было написано в нем, – потому что они ничего не знают о Христе. Каждый час больше тысячи умирают во тьме греха. Можем ли мы беспечно смотреть на это, не ощущая в себе упреков совести, что мы виновны в их гибели?»

В призыве Хадсен упомянул нужды других миссий, а затем подробно описал ситуацию в КВМ. Пока миссия ищет прежде всего Царства Божия, о содержании никому не надо переживать. Затем следовало слово предупреждения к будущим кандидатам: «Романтических чувств недостаточно. Они быстро остынут от тяжелой работы и многих недоразумений и испытаний в служении внутри страны. И романтика имеет мало значения, если человек болен или кончаются деньги. В таких ситуациях только одна вера дает радость и покой». Но у Тейлора было и слово ободрения. «Мы сами пережили, как Бог верен и как Он благословляет, когда мы полностью полагаемся на Него. Он всегда заботился о нас и впредь будет это делать. Мы счастливы в служении для Него, и все мы, у кого есть дети, не желаем для них ничего лучшего, как то, чтобы они пошли тем же путем и испытали ту же радость, если на то будет воля Божья».

Но 1882 год не принес ободрения. Ничего не говорило о том, что бесчисленные молитвы о семидесяти миссионерах будут скоро услышаны. Пожертвования едва поступали, и только одиннадцать новых миссионеров – восемь женщин и трое мужчин – приехали в Китай. Некоторые сотрудники оставили миссионерское служение, и в некоторых местах, казалось, было больше неудач, чем успехов. Тейлора эти Факты привели в уныние. Тем не менее он сообщил Дженни, что со здоровьем у него никогда еще не было так хорошо, как сейчас. Он просил ее вместе с ним молиться о братьях, которые имели бы духовные полномочия и необходимые способности, чтобы принять на себя руководство.

В июне Тейлор проповедовал на конференции КВМ в Аньцине на северном берегу Янцзы. Темой проповеди была книга Песни Песней Соломона. Двадцать пять лет назад он полюбил эту ветхозаветную книгу – в трудное время перед его женитьбой на Марии. И так получилось, что все, участвующие в Аньцинской конференции, не смогли забыть проповедь Тейлора. Некоторые

делегаты после этого провели в молитве многие ночи, и каждый из них провел день в посте и молитве. «Дух Святой сегодня утром так обильно благословил нас, – писал Тейлор, – что наши сердца были переполнены богатством благодати Божьей».

Между тем прошло уже четырнадцать месяцев разлуки Хадсена с Дженни. «Надеюсь, надеюсь, что до нашей встречи уже осталось недолго», – писал он. И еще одно обещал он: «Больше никогда не будет такой долгой разлуки».

Из Шанхая Тейлор писал своей жене, что многие радуются, когда он говорит в собрании. «Но, – спрашивал он, – подозревают ли эти люди, что это стоит для меня и Дженни?.. Но имеет ли ценность в служении для Христа то, что мало стоит?» – спрашивал он в конце своих рассуждений.

В последние месяцы 1882 года пожертвований не хватало, чтобы покрыть большие расходы на миссионерскую работу.

– Дорогой Отец, мы знаем, что Ты любишь приносить радость Твоим детям, – молился кто-то 1 февраля 1883 года на ежедневном молитвенном собрании в Чифу. – Прошу Тебя, побуди одного из Твоих богатых слуг так великодушно пожертвовать, чтобы и другие решились последовать его примеру.

Несколько дней позже Тейлор уехал в Англию. В Адене он узнал, что 2 февраля у Бенджамина Брумхола на Пэрлэнд-роуд поступило 3.000 фунтов для работы в Китае.

На Пасху 1883 года Дженни поехала в Париж, чтобы встретить своего мужа. Почти семнадцать месяцев они были в разлуке. Стояла чудесная весенняя пора, и Хадсен вспоминал: «Когда мы сидели рядом в дрожках, мы ничего не могли сказать, хотя было столько всего, что мы могли рассказать друг другу. Я только мог взять ее руку и молчать, у меня не было слов от радости».

Прибыв в Англию, Тейлор каждый день убеждался в том, что КВМ пользуется очень хорошей репутацией. С одной стороны это объяснялось тем, что Бенджамин Брумхол отлично информировал обо всем широкую общественность, но и работа миссионеров говорила сама за себя. Первые миссионеры, и среди них женщины, осмелились пойти почти во все провинции Китая, Бог явно заботился о них, хотя призывов к пожертвованиям никто не делал. Джон Маккарти прошел Китай от Уханя на востоке до Бирмы на западе, а Джон Стивенсон вместе с Генри Солтау про-

шли в противоположном направлении от Бамо до Янцзы, чтобы потом на лодке доплыть до Шанхая – всего три тысячи километров за восемьдесят шесть дней. Они были первыми европейцами, пересекшими Китай с востока на запад.

Эти удивительные походы были началом систематического завоевания страны для Христа через КВМ. В течение следующих лет миссионеры посетили все важнейшие города. Везде они собирали информацию, которая могла иметь какое-то значение для будущей работы. По дороге они проповедовали и раздавали Евангелия и трактаты.

Хадсен получал приглашения со всей Англии. Его просили рассказывать о КВМ и о жизни первопроходцев на полях благовестия. Повсюду было известно его имя.

«В случае, если Вы еще живы, – писал ему ребенок, – я хочу послать Вам деньги, которые я накопил, чтобы помочь маленьким мальчикам и девочкам в Китае, чтобы они полюбили Иисуса».

«Окажете ли Вы нам такую честь, – было в другом письме от Кэнона Уилберфорса из Саутгемптона, – в нашем доме провести библейский разбор для шестидесяти человек и потом переночевать у нас? Пожалуйста, сделайте нам это одолжение ради нашего Господа».

«Пожалуйста, скажите за меня проповедь в Табернакеле», – просил Сперджен.

«Я до сих пор всем сердцем поддерживаю Вашу удивительную работу, – писал с юга Франции Уильям Бергер, приложив к письму чек на сумму более пятисот фунтов. – С большой радостью я молюсь вместе с Вами о дополнительных семидесяти миссионеров, но не ограничивайтесь на этом!»

В один теплый вечер в июне 1883 года в классной комнате в Глостере вокруг Хадсена Тейлора собралось двенадцать молодых людей. Он рассказывал о том времени, когда изучал медицину и готовился к работе в Китае. «Мне казалось, – вспоминал позднее один из участников, – как будто я никогда ничего не жертвовал ради Господа, как будто не умел доверять Господу. Я был так потрясен, что попросил мистера Тейлора остановиться. Сердце мое разрывалось». Трое из этих молодых людей позднее пошли в Китай.

В Солсбери жена одного из служителей, организовавших конференцию с Тейлором, посетила ее из чувства приличия и с уверенностью, что ей предстоит скучный вечер. «Когда же мис-

тер Тейлор начал говорить, – рассказывала она после, – во мне воцарился такой покой и тишина! Мне по-новому открылось, что Бог пришел, чтобы помочь нашим человеческим нуждам. Мне казалось, что внутри меня открылся источник. Я начала понимать, что в действительности означает отдача Христу. И когда я отдалась Богу, моя жизнь наполнилась новой надеждой, светом и радостью – и с тех пор этот поток течет постоянно».

Люди, слушавшие Тейлора, обращали внимание на то, что он никогда не просил пожертвований, и что он никогда не говорил пренебрежительно о других миссиях. На конференции в Солсбери один из слушателей, мистер Кэнон Твайтс, был очень удивлен, слыша, как в речи Хадсена Тейлора сплетаются смирение и сила – «сила Духа Святого, которая действовала очень интенсивно, почти-что страшно». Конференция закончилась молитвенным собранием, на котором все славили Бога. И хотя КВМ не была упомянута ни одним словом, среди участников нашлись люди, которые посвятили свою жизнь миссионерскому служению в Китае. Не было никаких сборов, и все же «люди опустошали свои кошельки, снимали свои украшения, отдавали свои часы, кольца, цепочки и многое другое».

Кроме многочисленных поездок Хадсену пришлось в течение десяти месяцев ответить на 2.600 писем. В двух записных книжках точно записано: когда они получены, когда на них отвечено, о чем шла в них речь. Конечно, было еще много писем, которые были менее официальны и не вносились в список. Уже скоро Хадсену понадобился бы личный секретарь, но это было под большим вопросом: смог бы он справиться с этой работой?

Тейлор переживал за руководство миссии в Китае. Своими переживаниями он поделился с членами Лондонского совета, а затем, в августе 1883 года написал всем членам КВМ письмо, в котором предложил создать в Китае совет, который будет помогать ему или его последователю, подобно Лондонскому совету в Англии, поддерживающему директора. Члены этого совета будут руководителями отдельных областей, которые, в свою очередь, будут поддерживаться советами миссионеров этих областей. Все это должно содействовать более быстрому разрешению проблем, возникающих на местах. Таким образом, Тейлор мог бы регулярно иметь контакт с опытными миссионерами, которые лучше были знакомы с работой на местах и видели перспективы дальнейшего развития. Письмо заканчивалось словами: «Я был

бы рад услышать от Вас, какого Вы мнения об этом предложении и сможете ли Вы его принять».

В 1883 году двадцать новых миссионеров поехали в Китай, в 1884 году их было сорок шесть. Молитвы за семьдесят новых миссионеров были услышаны с избытком.

Глава 39

Намного лучше крикета

Хадсен и Дженни боялись новой разлуки. И все же она пришла – в январе 1885 года Хадсена ждали в Китае. Заливаясь слезами, Дженни с детьми махала ему вслед, когда он уезжал из дому на дрожках. Дома Амелия Брумхол, как могла, утешала свою невестку, а потом все принялись за работу. Им предстояло подготовить в путь несколько образованных молодых людей.

Эти «семеро из Кембриджа» уже проповедовали на различных собраниях в Англии и Шотландии. 2 февраля они говорили в Кембридже. Зал был до отказа заполнен студентами университета и жителями города. Первым говорил выпускник Кембриджского университета, бывший капитан эскадры из Тринити Колледжа, Стэнли Смит.

«Любовь Христова побуждает нас идти в мир, – гласила его весть. – Если мы не понесем дальше этот свет, наш свет здесь, в Англии, будет погашен силами тьмы».

Затем встал высокий и сильный гребец Монтегю Бьючэмп, сын баронета. После него говорили два солдата: Диксон Хост из Королевской военной академии, сын генерала, и лейтенант Сесил Полхил-Тернер, который закончил Итон Колледж и служил во Втором полку драгунской гвардии. За ним последовал другой выпускник Итон Колледжа. А после него – Ч. Т. Стадд, наверное, самый знаменитый из всех, лучший игрок крикета в Англии, вернувшийся в 1883 году с главным призом из Австралии.

«Я хочу рассказать Вам о моем Господе, – сказал Стадд. – У меня в жизни было много друзей, и я наслаждался многими прекрасными вещами, которые предлагает этот мир. Поэтому я могу заверить Вас, что все развлечения – ничто в сравнении с той радостью, которую я сейчас имею. Я очень любил крикет. Но когда Иисус пришел в мое сердце, я нашел бесконечно лучшее. С тех пор не крикет определяет мою жизнь. Я хочу приобретать души для Христа, хочу служить Ему и быть угодным Ему».

Артур Полхил-Тернер, брат Сесила, как и отец Стадда, пришел к вере через американского евангелиста Дуайта Муди. Артур был, пожалуй, первым из этой «семерки», который уже в 1882 году говорил, что хочет пойти в Китай. Седьмой, Уильям Кассельс, вначале хотел пойти в Китай с другой миссией, но когда

узнал, что эта миссия не работает внутри страны, он перешел в КВМ. Но здесь вмешалась его мать.

– Шесть его братьев ушли трудиться в миссию, – сказала она Тейлору. – Пожалуйста, оставьте мне хотя бы Уильяма.

– Я в любом случае уважаю мнение родителей, – сказал Тейлор, – и не буду поощрять Уильяма, если Вы против.

Но, обдумав все, мать изменила свое мнение и написала Тейлору, что она не хочет «быть плохой матерью одного из лучших сыновей».

Все эти новые миссионеры, кроме Диксона Хоста, окончили Кембриджский университет. Один журналист задался в своей статье вопросом, почему такие видные молодые люди, которым пришлось от многого отказаться, пошли трудиться в КВМ. В конце он пришел к выводу, что это вызвано «бескомпромиссным духовным служением миссии и их программой, где нужно отказаться от всего мирского. Это импонировало сознанию молодых людей, которые все положили к ногам Господа».

Мероприятия, посвященные проводам «семерых из Кембриджа» включая очень многолюдное собрание в Лондоне, принесли КВМ большую известность. Авторитет миссионерского общества сильно возрос.

Эти семеро 5 февраля 1885 года оставили Лондон и 18 марта прибыли в Шанхай. Там их встретил господин в китайской одежде, в котором они, хотя и не сразу, но все же узнали Хадсена Тейлора. Они тут же принялись изучать китайский язык. И уже через короткое время они в китайской одежде отправились внутрь страны. Они начали свое путешествие вверх по Ханьшу в Ханьчжуи, расположенный на юго-западе Шэньси.

Ч. Т. Стадд и братья Полхил больше других сетовали на трудности китайского языка. Поэтому они решили молиться, чтобы Дух Святой дал им дар говорить на китайском языке. Сразу после их прибытия в Ханьчжуи они уговорили еще двух миссионерок делать то же самое. Но Тейлор, услышав об этом, не мог согласиться с такой молитвой. «Как бесконечно хитры уловки сатаны, которыми он хочет помешать, чтобы китайцы услышали Слово Божье!» – писал он. Новым миссионерам он дал знать: «Даже если бы я одним взмахом мог вложить в Вас китайский язык, я бы этого не сделал». По мнению Тейлора, важно было пройти медленный процесс изучения языка с китайскими учи-

телями, а также слушая опытных миссионеров, так как это дает не только знание языка, но и мудрость!

Хадсен Тейлор надеялся в конце 1885 года возвратиться в Англию; ведь там его ждало много работы. Но сначала он хотел создать совет миссии, выбрать руководителей, найти для себя замену и построить запланированный центр для изучения китайского языка. Кроме этого, он хотел часть работы внутри страны держать под наблюдением, прежде всего – в провинции Шаньси.

Но потом одна за другой начались проблемы. Хадсен видел в этом атаки сатаны, который хотел помешать его поездке в Англию. Предложения Хадсена изменить структуру миссионерской работы не везде принимались с восторгом. До сих пор между миссионерами и Хадсеном был прямой контакт, который придавал всей работе семейный характер. А что будет теперь? Поэтому Хадсену пришлось бороться с первоначальным сопротивлением и различными недоразумениями.

Но были и успехи. Тейлор назначил Уильяма Купера руководителем округа Аньцин и пастором местной церкви. Способному к языкам Фредерику Баллеру он поручил руководство центром обучения миссионеров, который также располагался в Аньцине. Джеймс Мидоус, который двадцать три года назад был первым кандидатом в КВМ, был теперь руководителем в Чжэцзяне, провинции южнее Шанхая. И, самое главное, – Джон Стивенсон стал заместителем Тейлора.

Джон Уайтфорд Стивенсон был сын шотландского помещика из Трипвуда, Ренфрушир. Он приехал в Китай в феврале 1886 года, немного раньше «Ламмермурской» группы. Он был человеком высоким, широкоплечим, но стеснительным. Его девизом было – «хорошо работать и не терять ни одного дня». Он очень многое сделал в Нинбо, Шаосине и в Бирме, а также проделал, ставший легендарным, марш через Китай.

Хадсен Тейлор сообщил всем сотрудникам миссии, что Стивенсон будет его заместителем. Он будет ездить туда, куда в силу каких-либо причин не сможет поехать сам Хадсен. В отсутствие Хадсена он будет замещать его и отвечать на вопросы, возникающие у руководителей округов. Стивенсон оставался заместителем директора КВМ до 1916 года.

С некоторого времени Тейлору и его сотрудникам хотелось открыть новое бюро КВМ в Шанхае. Участок на улице Усон ка-

зался очень подходящим для этой цели. Но ни у Тейлора и ни у его сотрудников не было достаточно денег, чтобы приобрести его. Летом 1866 года на одной из молитвенных встреч Хадсен помолился об этой сумме. После обеда этого же дня из Глазго прибыл 28-летний предприниматель, Арчибалд Орр Эвинг, друг Стивенсона, и предложил полторы тысячи фунтов для поддержки миссии. Тейлор подписал договор купли-продажи земельного участка, на 2.500 фунтов. Но и о недостающей тысяче Бог позаботился. На Орра Эвинга работа КВМ произвела такое впечатление, что он присоединился к миссии, продал свое предприятие и взял на себя все расходы на покупку земли и всех построек на ней.

Тейлор еще никогда не был в провинции Шаньси, которая сильно пострадала от голода в 1876 году. Дженни начала там огромную работу с детьми-сиротами. Эта провинция была почти так же велика, как Англия и Уэльс вместе взятые, и после голода там проживало еще девять миллионов человек. Среди служивших в этой провинции был и Кассельс один из «Семерых из Кембриджа».

В июне 1886 года во время очень жаркого периода Тейлор отправился в путь в Шаньси. Его сопровождал старший сын Герберт, которому уже было двадцать пять лет, и доктор Эдвардс. Было тяжело найти что-нибудь поесть, и обоим молодым людям ничего не оставалось делать, как привыкнуть к веселым приглашениям Тейлора к «полуночному жаркому», для которого их часто нужно было будить, так как они уже спали от усталости. Большинство живущих в Шаньси миссионеров, среди них и пятеро из «семи кембриджцев» прибыли в столицу провинции Тайюань, чтобы встретиться с Тейлором. Целую неделю они были вместе, и позднее Монтегю Бьючэмп собрал беседы и проповеди Тейлора в книгу под названием «Дни благословения».

«Если Божья благодать торжествует в моем сердце, – сказал Тейлор на встрече в Шаньси, – и я могу китайцу при встрече сказать: „Бог может спасти тебя, такого какой ты есть и где бы ты ни был", тогда я "власть имеющий". Как иначе я могу помочь человеку, который зависим от опиума? Если у нас нет успеха, тогда часто причина в том, что мы сами не имеем полноты жизни во Христе. Если мы наполнены Им и исповедуем это, тогда мы увидим добрые результаты нашего служения...

Все человеческое только тогда полезно, если служит тому, чтобы привести души ко Христу. Если наша медицинская помощь

приводит людей к нам и мы можем их познакомить со Христом, тогда медицинская помощь является благословением. Но заменить проповедь Евангелия медицинской работой – это большая ошибка. Если мы думаем, что школа или образование могут изменить сердца людей (в то время, когда это может совершиться только духовной силой), тогда это тоже большая ошибка. Мнение, что люди посредством воспитания придут к покаянию, тоже совершенно неверно. Наши вспомогательные средства должны остаться только средствами, с помощью которых мы можем привести душу ко Христу. Тогда мы должны быть благодарны за них... В нашем сердце не должно быть ничего более важного, чем Евангелие, так как оно есть сила Божья, ведущая ко спасению. Все остальное должно служить ему... Мы никогда не впадем в отчаяние, если нам будет ясно, что мы все имеем во Христе».

Следующей целью Тейлора был Гонтон. Там должна была проходить большая конференция с тремястами китайских христиан и миссионеров. Джон Стивенсон приехал туда раньше Тейлора и познакомился с одним китайским христианином, который произвел на него большое впечатление и который впоследствии сыграл важную роль в истории КВМ.

Хси был некогда конфуцианским ученым. В 1879 году он покаялся через миссионера Дэвида Хилла, методиста. Через веру во Христа Хси освободился от своей опиумной зависимости. С тех пор он создал многие приюты, в которых посредством молитвы, веры и медицинского обслуживания люди получали исцеление от опиумной зависимости.

Пять или шесть недель Стивенсон с Хси путешествовали по Китаю и посещали эти приюты. Стивенсон слышал проповеди Хси и наблюдал, как он обращается с китайскими христианами. «На меня произвели большое впечатление, – вспоминал Стивенсон, – его духовное состояние, его серьезность, его молитва и пост, его устремленность. Для него на земле было только это одно служение, и его практические способности как руководителя этого дела были более чем замечательны. Никогда раньше я не встречал человека, который имел бы такое влияние на людей. Он был так силен, что все охотно подчинялись ему, и в то же время очень смирен. Но больше всего мне понравилось, с каким доверием приходили к нему люди и спрашивали совета. Он должен был нести все их тяжести, и все

же он был всегда готов выслушать и молиться с теми, которые нуждались в помощи.

Неизгладимое впечатление на меня произвело также то, как хорошо он знал Библию и обходился с ней. У меня в памяти осталась его проповедь об искушении Христа. В его изложении и во свете его духовного опыта знакомые тексты, казалось, приобретали новое значение. Для него Бог был несомненной реальностью. Во всякое время и во всех вопросах он считался с Ним. Но он также считался с сатаной, в очень реальном смысле. Иногда у него были такие ожесточенные столкновения с сатаной, что он целыми днями постился и молился. Даже в путешествии он однажды из-за сложного вопроса, который нужно было разрешить, целый день был в посте. Пост и молитва были неиссякаемым источником его силы».

Когда Хадсен наконец прибыл в Гонтон, Хси произвел на него такое же впечатление, как и на Стивенсона. Хадсен, признав его выдающиеся способности, решил назначить его пастором южной части провинции Шэньси. Хси вначале медлил, но потом согласился. Перед рукоположением он, как и следовало ожидать, провел три дня в посте и молитве. Тейлор пригласил всех миссионеров из близлежащих районов вместе с ним возложить руки на Хси и молиться, чтобы Бог мог употребить его как пастыря.

После этого Монтегю Бьючэмп и Тейлор отправились на запад в Ханьчжуи, находящийся на границе с провинцией Сычуань. Тейлор ехал верхом на муле, второе животное везло вещи, а Бьючэмпу больше нравилось идти пешком. Было так жарко, что они почти всегда могли передвигаться только ночью и поэтому часто сбивались с пути. Иногда от усталости Бьючэмп засыпал прямо на ходу.

Часто Бьючэмпу, высокому и атлетически сложенному, приходилось стоять по пояс в ревущем потоке. При этом он нес на своих плечах Тейлора, а двое китайцев поддерживали его с обеих сторон, чтобы их не унесло в сторону. На берегу одной из рек стояло несколько домов и местные жители зарабатывали хорошие деньги, перенося путешественников через реку.

– Сегодня перейти реку невозможно, – объявили они Тейлору. – Но за тысячу наличными мы перенесем Вас, – добавили они тут же.

– Неслыханная дерзость! – возмутился Бьючэмп и вошел в воду, которая, однако, после прошедших дождей поднималась прямо на глазах.

Когда китайцы увидели, что оба чужеземца не из робкого десятка, они отступили. Но обоим миссионерам было ясно, что через полчаса они бы уже не смогли перейти на другой берег.

На другом берегу находилась маленькая деревня. Здесь не было даже гостиницы. Так как из-за сильного дождя они не могли продвигаться дальше, Тейлор и Бьючэмп нашли себе прибежище в свинарнике, из которого прогнали его законного обитателя. Они заняли себе две скамейки, сняли двери, устроили их как кровати и завернулись в свои одеяла. Таким образом они могли переночевать в сухом месте. Но через короткое время обиженная свинья пришла назад, вышибла временные двери и уютно устроилась рядом с ними. Видно, она никогда еще не была в таком высоком обществе: директора миссии и будущего сэра Монтегю Бьючэмпа.

Через несколько дней Бьючэмп услышал пение Тейлора и уловил слова: «Мы благодарим Тебя, Господь, за эту пищу».

– Где же эта Ваша пища? – с удивлением спросил он.

– Она, наверняка, уже недалеко от нас, – с улыбкой ответил Тейлор. – Наш Отец знает, что мы голодные, и я думаю, что Он скоро пошлет нам завтрак. Тогда Вам придется сначала молиться, а я уже сразу смогу начинать!

И действительно: буквально через минуту они встретили человека, продававшего вареный рис.

Бьючэмп вспоминал, что всегда, когда он вставал перед рассветом, чтобы покормить мулов, он видел, как Тейлор при свечке читает Библию.

Путешествие длилось двадцать четыре дня. Затем они, наконец, прибыли в Ханьчжуи. Тейлор сразу ознакомился с медицинской работой, которую здесь уже четыре года проводил Уильям Вильсон. Он осмотрел также и школу, которой руководили шестеро незамужних миссионерок. Обсудив всевозможные планы продвижения в провинцию Сычуань, они один день провели в посте и молитве – и уже в конце этого года первые миссионеры КВМ начали свою работу в восточном Сычуане.

Последняя встреча в Ханьчжуи состоялась в прекрасный летний вечер во дворе Уильяма Вильсона. Лампы под широким вы-

ступом крыши открытого китайского зала излучали мерцающий свет. Над ними сияло небо, усеянное миллионами звезд.

– Мы прочитаем 3 главу Послания Филиппийцам, – начал Хадсен.

При чтении он сделал особое ударение на седьмом и восьмом стихах: «Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа».

«Что мы отдаем для Христа, то приобретаем, – говорил Тейлор в своей проповеди, – а что удерживаем от Него, то теряем. Когда я ехал сюда, я проходил через сотни больших и малых городов, в которых, насколько я знаю, нет ни одного христианина».

«Мы больше не видели того, кто говорил, – вспоминал Вильсон этот вечер, – мы слышали только голос Духа Святого. Это было время смирения и осознания грехов. Нам было здесь уютно всем вместе, и мы, может быть, думали, что исполнили заповедь Божью, а практически забыли, что Ханьчжуи – не весь мир, и что люди в близлежащих деревнях никогда не услышат о Христе, если мы не пойдем к ним».

Глава 40

Что Бог делает, Он делает хорошо

Прошло три года с тех пор, как Тейлор решил создать совет миссии в Китае. В середине ноября 1886 года этот совет впервые встретился в Аньцине. Тейлор, Джон Стивенсон и руководители провинций должны были определить и составить основные положения и практические методы работы КВМ, чтобы миссионерам и будущим сотрудникам было легче ориентироваться. Но прежде, чем начать работу, они молились и постились целую неделю.

Все решения Совета миссии Китая позднее были напечатаны в маленькой серой книжечке, которую Тейлор разослал на все миссионерские станции. В ней еще раз было указано, что Совет миссии Китая и Тейлор, как генеральный директор, будут регулировать работу в Китае так же, как Лондонский совет и Тейлор на родине. Книга содержала точные указания для миссионеров во время испытательного срока, для казначея, для секретаря в Китае, для руководителей в провинциях, для опытных и молодых миссионеров и для работы женщин. Дальше речь шла об одежде, китайских обычаях, о том как избежать неприличного поведения и о правовых отношениях между миссионерами и мандаринами. Составленный Стивенсоном и Фредом Баллером курс китайского языка был предложен центру обучения в Аньцине. В этой книге Тейлор давал руководителям такое наставление: «Очень важно так руководить другими, как это угодно Богу, потому что это касается нас всех. В первую очередь, нужно помогать, а не господствовать; предупреждать о ложных путях и направлять на правильные пути. И это не для того, чтобы заслужить похвалу, но чтобы прославился Бог, и наше служение было во благо тем, за которых мы несем ответственность. Такая ответственность всегда ведет нас ко кресту. Но если наше сердце действительно любит, тогда мы понесем этот крест и найдем свободу в послушании».

Джон Стивенсон вспоминал: «Для нас всех в то время открылись новые горизонты. Нам ничто не казалось трудным, ничто невозможным». На этой первой в истории КВМ встрече Китайского совета была поставлена еще одна важная веха в истории КВМ. Это была идея Стивенсона. Уже в сентябре 1886 года он написал в письме к Дженни: «Мы уверены, что в 1887 году не менее

ста новых миссионеров приедут в Китай». Тейлору и некоторым другим членам совета эта мысль показалась вначале слишком тщеславной. Но прежде чем Тейлор оставил Аньцин, он вместе с другими молился о ста новых миссионерах в 1887 году.

Сразу после встречи совета Тейлор и Стивенсон несколько дней занимались обработкой брошюры. Тейлор, как обычно, шагая взад и вперед, диктовал своему секретарю, сидящему за пишущей машинкой. Когда он проговорил «сто новых миссионеров в 1887 году», секретарь взглянул на него с таким глубоким сомнением, что Стивенсону навсегда запомнился этот взгляд. Не забыл он также реакцию Тейлора: «Если бы Вы показали мне сейчас фото прибытия в Китай этих ста новых миссионеров, то и тогда я не был бы более уверен в этом, чем сейчас».

Джон Стивенсон сообщил всем миссионерам КВМ: «Пожалуйста, молитесь за сто новых миссионеров». Затем он телеграфировал в Лондон: «Молитесь за сто новых миссионеров в 1887 году».

«Найти и послать сто новых миссионеров, – писал Хадсен Дженни, – это значит, что у нас прибавится немало работы. Но Господь даст нам силы. Мы будем нуждаться в мудрости, но Господь будет вести нас. Не имеем ли мы в Нем все, что нам нужно?»

Один пожилой миссионер в Шанхае сказал тогда Хадсену Тейлору:

– Я рад слышать, что Вы молитесь за большое подкрепление. Вы, естественно, не получите в течение года сто миссионеров, но Вы получите людей больше, чем это было бы возможно без молитвы.

– Благодарю за Ваш интерес, – ответил Хадсен. – Мы радуемся, что наши молитвы уже услышаны. И я уверен, Вы будете радоваться с нами и скажете последнему из этих ста миссионеров «Добро пожаловать».

6 января 1887 года Тейлор выехал из Шанхая и 18 февраля уже был в Лондоне. Друзья КВМ слышали о новом проекте, и в бюро на Пэрлэнд-роуд было уже множество приглашений со всей Англии и Ирландии.

Но как всегда – молитва и работа должны были идти рука об руку – Тейлор взял на себя большую часть работы. Весь год он путешествовал по Объединенному королевству и во многих городах проводил собрания и конференции. Он написал в то время сотни

писем, иногда по тридцать или сорок в день, столько же бесед он провел с кандидатами, которые отозвались на его призыв. К тому же еще не утихло противодействие Лондонского совета против «Книги об основных положениях», и нужно было со Стивенсоном решать «китайские» проблемы и конфликты.

«Я как выжатый лимон, – признался он однажды Стивенсону. – И иногда у меня появляется искушение надеяться, что мои дни сочтены. Но я знаю: слабым Он дает силу».

Невольное, настолько же длительное, как и горькое время разлуки Хадсен и Дженни пытались преодолеть с помощью многих-многих писем. «Мое сердце тоскует по тебе. Пожалуйста, по возможности отдыхай как можно чаще, – просила она его. – Не стоит работать до полусмерти, даже ради ста новых миссионеров».

«Сотни людей благословляются через наши собрания, – писал он ей. – Наша долгая разлука не напрасна! Вчера я поймал себя на мысли: на следующей неделе в это время я буду в пути домой. Я снова увижу свою Дженни! Видишь, что может случиться, если имеешь слишком много времени для раздумий».

21 мая 1887 года Тейлор праздновал свой 55-й день рождения. Прошел двадцать один год с тех пор, как «Ламмермур» отплыл из Англии. И столько же существует КВМ! На юбилейном собрании один из участников пожертвовал тысячу фунтов – и это был лишь один из многих даров, которые пошли на то, чтобы покрыть расходы на сто миссионеров.

В этот день Тейлор начал свою проповедь словами одного негра-евангелиста: «Что Бог делает, Он делает хорошо!»

«Господь всегда верен, – обратился Хадсен к своим слушателям. – Многие молятся: „Господи, дай нам больше веры!" Но разве Господь не упрекал Своих учеников именно за эту молитву? Он сказал им: вам не нужна великая вера, вам нужна вера в великого Бога. Даже если ваша вера мала, как горчичное зерно, она все же может передвигать горы. Мы нуждаемся в вере, которая уповает на великого Бога, которая ожидает, что Бог верен Своему Слову и исполнит, что Он обещал.

В этом году мы молились о ста новых миссионерах. И мы при этом полагались на слова: „И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне". Поэтому мы могли быть совершенно уверены, что наша просьба будет исполнена, когда мы начали в ноябре об этом молиться; уверенней, чем если

бы мой зять мистер Брумхол уже выслал список ста кандидатов. До этого решения мы несколько дней постились и молились. Мы начали это дело правильно – с Богом! Поэтому мы уверены, что мы его правильно и закончим. Тридцать один человек из ста уже в Китае. И мы счастливы в этом! Еще большая радость для нас – это знать, что больше ста наших сотрудников в Китае каждый день молятся о том, чтобы Бог выслал все сто.

Но может быть, Бог даст нам больше этой меры, послав нам более ста. Может, Он пробудит и других членов нашей церкви, так что поедут многие сотни, что будет для меня еще дороже! Или Он допустит, чтобы во всем христианстве возгорелось миссионерское усердие, и благословит через это весь мир. Но я твердо верю, что Он так или иначе ответит на эту молитву. Во всяком случае, Он сделает это хорошо.

Дорогие друзья, я хочу, чтобы вы познали этот основной принцип совместной работы с Богом и обо всем просили Его. Если наша работа соответствует этой заповеди Божьей, тогда мы можем с полным доверием идти к Нему и просить его о сотрудниках. И если Бог дарует нам новых сотрудников, тогда мы можем Его просить и о средствах, которые необходимы нам для содержания этих работников. Мы берем каждого кандидата, которого находим подходящим, – все равно, имеем ли мы для этого средства или нет. „Дорогой друг, – скажем мы тогда, – твоя первая задача состоит в том, чтобы вместе с нами молиться о деньгах, чтобы мы могли послать тебя в Китай".

Как только будет достаточно средств, будут подходящие обстоятельства, время года и все остальное, – наш друг поедет в Китай. Я думаю, мы не будем ждать, пока в нашей руке появится чек, который мы можем вручить нашему другу, когда он будет там. Господь уже позаботится о нем за это время, и деньги вовремя будут посланы в Китай, чтобы он мог жить на них. Прежде всего нам следует обращать внимание на то, чтобы мы не потеряли из виду Бога; чтобы нам идти по Его путям; чтобы мы искали возможности угождать Ему и отдавали честь Ему как в больших, так и в малых делах. Доверьтесь этому принципу: Божья работа, которая совершается по Божьему, будет всегда иметь Божьи средства.

И теперь, если этот принцип верен, что мы все должны приносить Богу и все принимать от Него – и наш опыт в Китайской Внутренней Миссии показывает, что это так и есть, – не должны ли мы тогда еще больше применять его в нашей повседневной

жизни? Господь хочет, чтобы Его народ не был обременен, чтобы он имел все, что ему нужно, чтобы он был сильным, здоровым и счастливым… Не должны ли мы твердо решиться исполнить Его повеление: „Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом”, и приносить в молитве Богу все вопросы, которые становятся бременем для нас и внушают нам страх, чтобы затем жить в Его совершенном мире?

С тех пор как Господь показал мне, что это Его работа, а не моя, я не знаю никаких забот. Если я хожу во свете Его, я не чувствую больше никакого бремени».

Какой отклик вызвала эта проповедь? Из Ирландии один друг Тейлора писал: «Я говорил с тремя людьми, которые все христиане, и на этом собрании они получили новые познания: Бог действительно имеет в виду то, что говорит, когда Он дает нам Свои обещания».

Каждый день Тейлор в тишине утра читал свою Библию. После обеда и вечером он рассказывал на собрании то, что получал от Бога. Иногда он объяснял целый отрывок из текста, иногда только один стих или предложение.

В сообщении об одном собрании вблизи Глазго, которое посетили полторы тысячи человек, секретарь Тейлора пишет: «Эта проповедь вчера вечером была полна силы. Многие слушатели были глубоко смущены, но Бог снова ободрил их. После прекрасного объяснения 3-ей главы книги Софонии, Тейлор очень просто и понятно говорил на тему „Доверие Богу”. Он окончил свою проповедь почти в девять. И все же люди слушали все время очень внимательно, и в зале царила такая тишина, – что можно было бы услышать, как пролетит муха».

Тейлор обычно делал скромное сообщение о том, что сделал Бог и что еще нужно сделать ученикам Иисуса, которые полностью отдались Богу и доверяли Ему. Реакция была потрясающей. Только на одном собрании в Эдинбурге 120 человек заявили о своей готовности пойти на миссионерское служение за границу. В середине октября 1887 года в КВМ было уже принято 89 кандидатов, которые готовились к выезду. Вначале ноября Тейлор мог сообщить, что КВМ приняла 102 кандидата и что есть достаточно средств для их поездки. В конце года все эти кандидаты были уже в пути по направлению в Китай. Бог услышал бесчисленные молитвы о ста миссионерах!

В течение этого года 600 человек заявили о своей готовности идти на служение. Но Лондонский совет предъявлял высокие требования. Он брал только одного из шести.

«Вы должны дальше молиться, – писал Тейлор Джону Стивенсону. – Скажите всем нашим друзьям, чтобы молились о том, чтобы Бог прославил Свое имя и поддержал работу достаточными пожертвованиями. Понятно: если мы в этом году получили сто миссионеров, то это далеко не все. На их содержание нам нужны добавочные пожертвования в сумме более десяти тысяч фунтов. Прыжок от двадцати до сорока тысяч фунтов ежегодно – это очень много. Можно только радоваться, что Бог Сам поставил нам вопрос: „Разве есть что невозможное для Бога?" Но если мы ослабеем в молитве о пожертвованиях, то в этой области у нас скоро будут большие искушения.

Каждый день я благодарю Бога за то, что Он дал нам Вас и что Вы повсюду пользуетесь большим признанием. Пока Вы во всем будете искать Его водительства и при всей Вашей работе будете находить время для очищения и освящения, а также молиться за всех сотрудников, Господь будет и дальше использовать Вас, называть Вас Своим чадом и благословлять Вас».

В 1888 году Тейлор был директором значительно выросшей миссии. В своем новогоднем письме он писал своим сотрудникам: «Не будем забывать, что мы никогда не призываем людей жертвовать, но тем больше и настоятельней мы должны просить об этом Бога. В каждом даре, который мы получаем, лежит данный и управляемый Богом духовный импульс. И именно то, что Бог так обильно благословляет нашу работу, будет в особенной мере держать нас всегда зависимыми от Него. Сможем ли мы достаточно благодарить Его, что мы находимся в таком счастливом положении и можем полностью доверять Ему?»

Хадсен Тейлор был уверен в том «дивном Аллилуйя», которое прозвучит, когда последний из ста миссионеров вступит на землю Китая. «Это не больше того, что мы ожидали от Бога. Но Он нас чрезвычайно благословил. Очень многие люди будут укреплены в вере, когда они увидят, что Бог, как в больших, так и в малых делах слышит молитвы людей, которые уповают на Него».

Среди тех, кто встречал последнего из ста, был и тот пожилой миссионер, который был совершенно уверен, что молитвы сотрудников КВМ не будут услышаны так буквально.

Глава 41

Мистеру Муди приходится подчиниться

В ноябре 1887 года, когда последний из ста новых миссионеров уже присоединился к КВМ, на Пэрлэнд-роуд пришел Генри Фрост. Ему едва исполнилось тридцать лет, и происходил он из очень уважаемой американской семьи, одной из основателей Гарвардского университета. Фрост основательно изучал Библию и пришел к убеждению, что язычники – погибшие грешники, и только через веру во Христа они могут получить спасение. Поэтому обязанность христианской церкви – сделать все, чтобы люди услышали Евангелие. После того как он увидел фото тех семерых из Кембриджа в китайской одежде и кое-что прочитал о КВМ, у него тоже появилось желание посвятить свою жизнь евангелизации Китая.

Он приехал в Англию, чтобы предложить Тейлору создать филиал КВМ в США. Перед встречей с Тейлором Фрост написал ему письмо, в котором он описал свое предложение.

Когда Генри Фрост прибыл в Лондон, Тейлор был в Шотландии. Первое, что поразило Фроста на Пэрлэнд-роуд, было ежедневное молитвенное общение. Об этом он писал: «На меня оно произвело глубокое впечатление. Эта простота, эта серьезность, широкий кругозор и духовная убежденность, с которой все молились, – превзошло все, что я до сих пор видел».

Потом он встретился с Тейлором. Он представлял его себе высоким, полным, с темным волосом, бородой и с глубоким зычным голосом. Но оказалось все совсем иначе. «Он был небольшого роста, светловолосый, с голубыми глазами и самым приятным голосом, который я когда-либо слышал».

Тейлор с радостью пожал руку гостя и приветствовал его:

– Добро пожаловать в Англии, добро пожаловать в КВМ и в моем доме! Я очень заинтересован Вашим предложением, о котором Вы написали мне. И я уже много молился об этом.

В этот момент Фросту стало ясно: «Никогда еще я не встречал человека, который был бы настолько исполнен кроткого смирения. С этого момента мое сердце принадлежало ему, и оно в новом, более глубоком смысле принадлежало и моему Господу».

Разговор продолжался целый час. Затем Тейлор сказал:

– Приходите сегодня вечером еще раз ко мне. Тогда здесь будет и мой зять Бенджамин Брумхол.

С хорошим настроением Фрост вернулся в свою комнату. У него создалось впечатление, что Тейлор не против создания филиала КВМ в США. Но после обеда Тейлор встретился с Бенджамином, и тот был против предложения Фроста.

– Американским миссионерским обществам не понравится, если мы перенесем к ним английскую организацию, – заметил он.

Вечером Тейлор снова приветливо принял Фроста. Они вместе помолились. Но уже в самом начале беседы Фрост заметил, что что-то изменилось.

– Есть разница, – пытался объяснить ему Тейлор, – в том, когда дерево сажают или когда его пересаживают. При пересадке дерево может погибнуть, но при посадке дерево будет расти и пускать новые крепкие корни, так что оно сможет перенести любую погоду. Было бы нехорошо принять Ваше предложение. Я должен отклонить его. Лучше всего создать чисто американское миссионерское общество, которое было бы похоже на КВМ, но, было бы самостоятельным.

Решение казалось окончательным, и Фрост особенно не возражал. Но затем он вспомнил, что Тейлор следующей весной хочет возвратиться в Китай.

– Не могли бы вы по пути в Китай заехать в Соединенные Штаты, если Вас пригласят в Ниагара-он-де-Лейк и на конференцию мистера Муди в Нортфильде?

– Да, такое приглашение я, пожалуй, смогу принять, – с готовностью ответил Тейлор.

Фрост вернулся в свою комнату «полностью разбитым физически и духовно». Он был так уверен, что его посещение Англии соответствовало воле Божьей. Теперь же он сомневался: «Как мне быть уверенным, что Бог ведет меня?»

Летом 1888 года Тейлор в первый раз посетил США. Его сопровождали его 25-летний сын Говард, который только что закончил медицинский факультет, личный секретарь С. Ф. Уайтхаусом, а также ливерпульский евангелист Реджинальдом Редклифф и его жена. Путешествие длилось неделю, и когда «СС Этрурия» прибыла в Нью-Йорк, Генри Фрост уже был там, чтобы встретить гостей.

Конференция в Ниагара-он-де-Лейк была «большим собранием христиан, которые получили глубокое наставление». У Тейлора была возможность проповедовать два раза. Он мало говорил о Китае, больше – о красоте и славе Иисуса Христа.

«Мы практически были подняты на небесные высоты, мы ощущали присутствие Божье», – описывал Фрост эти вечера.

Тейлор и его сын Говард оставили конференцию немного раньше, чтобы, как было договорено, встретиться в Чикаго с Муди. Но Реджинальд Редклифф и Роберт Вильдер в своих проповедях продолжали делать ударение на том, как важно быть послушным повелению Божьему – идти по всему миру и проповедовать Евангелие. Под влиянием Вильдера было основано «Американское студенческое добровольное движение» и позднее – «Интернациональное университетское братство».

– Сколько необходимо средств, чтобы в течение года содержать одного миссионера КВМ? – спросил кто-то Редклиффа.

– Пятьдесят фунтов, – последовал ответ.

Но Редклифф ошибался. В действительности нужно было намного больше денег.

Комитет конференции решил собранные в эти дни пожертвования передать КВМ. Было собрано больше пятисот долларов, по подсчету Редклиффа достаточно, чтобы содержать в течение года двух миссионеров. Эти деньги дали Генри Фросту и попросили его: «Пожалуйста, передайте это мистеру Тейлору для американских миссионеров, которые сотрудничают с КВМ».

В итоге через дополнительные сборы и частные пожертвования было собрано две тысячи долларов. Карманы у Генри Фроста были переполнены.

Фрост решил тут же поехать к своему отцу в Аттику, где находился Тейлор. Ему было любопытно, как отреагирует директор КВМ, когда узнает, что для его миссии собрана такая сумма?

Фрост опоздал на поезд и приехал в Аттику только в полночь. Он сожалел, что теперь ему со своей хорошей новостью придется ждать до следующего дня! Но Тейлор прибыл на вокзал, чтобы встретить его.

– Как дела? – спросил Тейлор.

Но Фрост молчал, пока они не остались одни.

– Мистер Тейлор, у меня для Вас хорошая новость. Ниагарская конференция доверила мне достаточно денег, чтобы содержать восемь миссионеров КВМ.

Тейлор не мог выговорить ни слова. Они оба склонились на колени, и Тейлор спросил Бога, что это должно означать. Когда они встали с молитвы, он спросил Фроста:

– Не сказали ли те, кто дал Вам эти деньги, что эти средства должны быть использованы для американских миссионеров?

– Да, они просили использовать их именно так.

– Тогда это серьезно, – сказал Тейлор больше себе, чем Фросту.

«В ту ночь мы оба были счастливы, – писал Фрост. – Но более великий и зрелый из нас двоих еще раз искал общения со своим Богом совершенно наедине. Его сердце и его дух были при этой тайной встрече с Господом настроены очень торжественно».

Очень живо Генри Фрост и Говард Тейлор сообщают о том, как Хадсен Тейлор говорил на конференциях, которыми руководил Д. Л. Муди. Одна из них состоялась в сентябре 1888 года в зале Христианского союза молодежи в Чикаго. Тейлор, небольшого роста, стоя за кафедрой, должен был ввести огромную аудиторию в присутствие Божье. Позади него сидел Муди, как вспоминал Генри Фрост, «высокий и прямой на стуле в середине сцены, где стояла кафедра», окруженный многими другими, кто должен был говорить на конференции. Тейлор стоял какой-то момент в тихой молитве. Затем он начал говорить – «как может говорить маленький ребенок и как пророк, который в видении видит беду страны и умирающих людей». Он говорил целый час.

Муди встал и сказал:

– Я прошу, чтобы помощники собрали пожертвования.

Тейлор мгновенно вскочил и прошептал Муди:

– Разве я не объяснил Вам, что КВМ не берет никаких пожертвований?

– Да, но такую возможность нельзя упускать, – ответил Муди и дал знак помощникам начинать.

Но Тейлор не уступал. Он попросил разрешения объяснить слушателям свое убеждение:

– Я очень благодарен Вам и Вашему руководителю за Ваше великодушие. Миссионерское общество, которое я представляю, еще никогда не собирало пожертвований, так как мы не хотим, чтобы Вы дали нам те деньги, которые были предназначены для других организаций. Мы не хотим мешать конфессионально связанным организациям, которые финансируются этими средствами, мы хотим им помогать. Если же кто-то желает

пожертвовать кроме этих средств и для КВМ, он может это сделать почтовым переводом.

– Я должен сказать Вам, – с удивлением заметил Муди, – что Вы первый человек, который отклонил такую возможность богатых пожертвований.

Сбора не было. Один предприниматель-христианин с облегчением оставил конференцию, так как двадцатидолларовая бумажка, которую он хотел пожертвовать, осталась в кошельке. Но после бессонной ночи он послал чек на сумму 500 долларов для евангелизации Китая.

В это время серьезно заболел отец Фроста. Поэтому Фрост несколько недель провел дома, пока Тейлор проповедовал дальше. У Фроста было много времени для размышлений и молитвы. Как в последнее время все развивалось? Были собраны деньги, чтобы американцы работали вместе с КВМ. А это означало, что ранее принятое решение – не создавать американского филиала КВМ – нужно вновь подвергнуть анализу. «Я не хочу влиять на Вас, – писал Фрост Тейлору из Аттики. – И все же я Вас настоятельно прошу подумать над вопросом: „Разве плохо было бы создать здесь филиал КВМ?" У меня есть много что сказать Вам на эту тему, в случае, если Вы хотите услышать мое мнение».

«Я думаю, что нашему миссионерскому обществу все же нужен американский филиал, – писал Тейлор со своей стороны Стивенсону в Китай. – Поэтому не удивляйтесь, если я привезу подкрепление».

Решение создать интернациональное миссионерское общество было не простым. «Никогда в моей жизни я не боялся чего-то больше, чем этого решения», – вспоминал позднее Тейлор. Но когда решение было принято, он обратился к молодым американцам с настойчивым призывом пойти в Китай.

«Иметь миссионеров и не иметь денег, это никогда не составляло для меня большой проблемы, – сказал однажды Тейлор своим слушателям, – так как Господь обещал заботиться о Своих. Он не хочет, чтобы я сам заботился об этом. Но иметь деньги и не иметь миссионеров – это намного хуже. И я думаю, что с Вашей стороны было бы не совсем любезно, дорогие американские друзья, наложить на нас это бремя и не послать людей из Ваших рядов, чтобы они использовали эти деньги. Мы имеем деньги, но где же люди?»

«Я тогда часто наблюдал за Тейлором, – писал Фрост много лет спустя. – Честно говоря, он часто был для меня загадкой. Он

не был каким-то неестественным. Никто не вел себя так естественно, как он. У него также не было никаких духовных мудрствований, он был самым разумным человеком, с которым я когда-либо имел дело. Но все же он имел духовную позицию, от которой можно было ожидать чего-то неожиданного, и я внимательно наблюдал, чтобы не пропустить что-то новое и необычное».

Однажды Тейлор и Генри Фрост решили запланировать общения в различных городах. Фросту было интересно, как человек, который жил в такой зависимости от Господа, получает водительство от Него. Тейлор сел рядом с Фростом за письменный стол.

– Может, помолимся, прежде чем начать наше планирование?

Фрост был согласен. Тейлор помолился первый:

– Дорогой Господь, мы несмышленые дети, и не в состоянии направлять наши шаги. Но Ты, Господи, знаешь все. Дай нам мудрости, в которой мы нуждаемся. Услышь нас во имя Иисуса. Аминь».

Затем он повернулся к Фросту и спросил:

– У Вас есть расписание поездов?

«Расписание поездов! – думал Фрост. – Расписание! Как банально! Всю жизнь я имею дело с расписаниями, но я никогда не думал, что через них можно получить знак свыше. А этот муж Божий спрашивает о расписаниях поездов!»

Фрост достал расписание из выдвижного ящика стола.

– Может у Вас найдется и карта страны? – спросил Тейлор.

Фрост достал и карту.

– Итак, – начал Тейлор, – вот здесь Аттика, а из Торонто я должен поехать дальше в Китай. Какие города находятся на этом пути?

Они выработали маршрут, распланировали каждый день, они учитывали каждый значительный город с таким расчетом, чтобы Тейлор вовремя прибыл в Торонто. И теперь Фрост знал: он только что получил урок о водительстве Божьем. Вначале была молитва, затем здоровый человеческий разум, и постоянное детское доверие Богу.

Когда Генри Фрост ехал с Тейлором в поезде в Монреаль, он читал в журнале критическую статью под названием «Хадсен Тейлор в Торонто». Фрост досадовал на ее содержание и очень хотел, чтобы Тейлор ничего не узнал о ней. Он попытался осторожно спрятать журнал под стопкой других бумаг. Но Тейлор уже слышал об этой статье и вытащил журнал, чтобы прочитать статью.

«Хадсен Тейлор разочаровал меня, – было написано в ней. – У меня было твердое представление, как должны выглядеть большие миссионеры. И так как он один из самых больших миссионеров нашего времени, он должен быть таким, как они. Но я заблуждался. Его трудно заметить на улице. Во всяком случае, он выглядит как самый обыкновенный англичанин. И голос у него совершенно обыкновенный. Его риторическая сила скорее скромна, не вызывает никаких аплодисментов, не говорит с кафедры громовых выражений... Даже наш миссионер Гофорт выступил с более превосходной риторикой и с явно большим успехом для миллионов людей в Китае. Вполне возможно, что если бы мистер Тейлор под другим именем представил свою кандидатуру на место пастора у нас в Онтарио, некоторые люди не дали бы ему ни цента за проповедь».

Тейлор положил газету и какое-то мгновение молчал. Затем улыбнулся Фросту.

– Это очень справедливая критика. Все это правда! Я часто думаю, что Бог меня потому сделал таким незначительным, чтобы показать, как Он велик.

Они легли на свои спальные места, Фрост вверху, а Тейлор внизу. Лежа в темноте, Фрост думал об этом замечательном человеке, который лежал внизу на полке: «Маленькому человеку нетрудно стать великим, но очень тяжело великому человеку стать маленьким. Мистер Тейлор очень скромен, и эту скромность может дать только Дух того смиренного Человека из Назарета».

Везде, где проповедовал Тейлор, молодые люди, а среди них и студенты, изъявляли желание посвятить себя миссионерскому служению в Китае. Приходило также много пожертвований. От «торжественного выражения», которое Фрост в самом начале заметил в лице Тейлора, не осталось и следа. Причин заботиться больше не было, так как теперь Бог ясно показал Свою волю. В середине сентября уже более сорока кандидатов заявили о своем желании идти трудиться в Китай. И, наконец, в Торонто прошли прощальные вечера для шести мужчин и восьми девушек, которые были избраны и могли вместе с Тейлором ехать в Китай. На одном из этих общений отец одной из этих восьми девушек рассказывал, что значит для него прощание с дочерью: «Я не имею ничего такого, что было бы слишком дорого для моего Господа. Он попросил отдать Ему самое драгоценное, и я отдаю его от все-

го сердца». Позднее Хадсен Тейлор часто думал об этих словах: «Ничего, что было бы слишком дорого для моего Господа». Это было одно из его самых дорогих воспоминаний о его первом посещении Америки.

Около тысячи людей пришло на вокзал в Торонто, чтобы торжественно проводить в путь 14 смелых американцев.

Глава 42

Что имел в виду Иисус

Хадсен Тейлор и первые американские миссионеры поехали канадской железной дорогой через Скалистые горы, а в октябре 1888 года отправились на корабле из Ванкувера в Китай. Незадолго до прибытия Тейлор получил известие о смерти двух миссионеров. Одним из них был Герберт Норрис, который руководил школой в Чифу. Защищая своего ученика, он умер от укуса бешеной собаки. Не менее печальные новости ожидали Тейлора в Шанхае: один из членов КВМ умер от тифа, а в результате перенесенного во время переезда шока, потеряла рассудок дочь Джона Стивенсона Мэри. Неделями Тейлор заботился о Мэри и других пациентах, хотя в бюро его ждала неотложная работа. Но как он мог работать, когда рядом в комнате бушевала Мэри, разрывая свою одежду и простыни. Иногда ее приходилось держать нескольким людям. На одной из станций внутри страны умерла от оспы Мэгги МакКи, а Уильям Купер в Аньцине заболел тяжелым воспалением легких. Но, слава Богу, он снова поправился.

«Мы переносим одно испытание за другим, – писал Тейлор. – Каждый день приносит новые трудности. Кажется, что Бог каждый день спрашивает нас: „Можешь ли ты и теперь еще сказать: да, Отче?" Но Он Сам укрепляет наш дух и будет и дальше это делать, независимо от упадка наших сил. Наш дом был больницей, теперь он стал пристанищем для душевно больных. Бремя, которое мы несем изо дня в день, почти что сверх наших сил. Но я знаю, что пути Божьи хороши, и не хочу, чтобы было по-другому».

Ко всем несчастьям добавились еще и большие разногласия с некоторыми членами Лондонского совета и другими друзьями миссии в Англии. Им совсем не понравилось поведение Хадсена Тейлора в США. В ответ на эту критику Тейлор написал членам совета: «Я был бы так же боязлив, как Вы, если бы сам не был там. К тому же все эти решения временны до полного их решения при моем возвращении в Англию, так как я хочу все вопросы обговорить с Вами».

Как в действительности было у него на душе, показывает его письмо к Дженни. В нем он пишет: «Сатана прямо-таки бушует. Он видит, как его царство по всей стране подвергается нападениям, и эта война ужасна. Если бы я не знал, что наш Повелитель

– всемогущий Бог, я бы уже давно все оставил. Я верю, что еще никогда не переживал такое, хотя мы и раньше проходили через испытания».

Уже многие-многие месяцы они с Дженни были разлучены. «Иногда у меня такое чувство, как будто от меня уходит вся прелесть и сила жизни через эти долгие разлуки с тобой, – писал Тейлор. – Надежда, которая медлит исполняться, страшит сердце! Но я не могу все это сбросить с себя. Тоска ослабляет силу мыслей... Наш крест не стал легче, не правда ли? Но это приносит драгоценные плоды».

Была ли плодом, о котором он говорил, духовная жизнь миссии? Он оценивал ее «выше, чем когда-либо» и сообщал о покаяниях в различных областях страны.

В испытаниях, которым была подвержена КВМ, страдал и Джон Стивенсон. И естественно, на нем тяжелым грузом лежала болезнь его дочери. «Никогда раньше я не переживал такого тяжелого времени. В эти страшные месяцы навалилось вдруг все сразу. Я не знаю, что бы мы делали без мистера Тейлора. Но как печально и озабоченно иногда выглядел и он! Особые дни поста и молитвы были во всех наших нуждах большой помощью. Когда нас захлестывали заботы, или нам нужно было набраться смелости, чтобы сделать следующий шаг вперед, или если мы испытывали духовную или финансовую нужду, – мы всегда обращались к посту и молитве. И помощь никогда не заставляла себя долго ждать».

О Тейлоре он писал: «Да, его жизнь стоит того, чтобы взглянуть на нее повнимательнее и тщательно изучить ее! Возьми человека, подобного ему, и ты во всякое время можешь организовать новое миссионерское общество. Его жизнь чудесна. Я еще никогда не встречал человека, который был бы так постоянен, хотя я годами наблюдал за его жизнью. Он жил с Богом, и свет Его сиял через всю его жизнь. Во всякое время он готов был прийти на помощь всякому, кто болел или имел проблемы. Глядя на его самоотречение и отдачу, я могу сказать, – это был единственный в своем роде человек».

Постепенно Тейлору стало ясно, что напряженность в Англии так серьезна, что он не сможет решить эту проблему с помощью писем. К сожалению, он не успел сделать в Китае и половину того, что планировал. Но все же! Мэри Стивенсон было уже лучше, и планы для новых зданий КВМ на улице Усон в Шанхае были готовы и уже находились у каменщика. Планировалось построить

новое здание миссии, здание для молитвенных собраний, помещение бюро и дом для пожилых миссионеров. Сотни часов Тейлор провел в подготовке этих планов; он наизусть знал размер каждого дверного и оконного проема. Но ничего нельзя было поделать. Он должен был ехать в Англию.

В мае 1889 года он снова был в Англии. К его радости, споры с Лондонским советом быстро разрешились, по крайней мере в том, что касалось вопроса нового филиала миссии в США. В июле Тейлор мог сообщить Стивенсону: «Уже многие годы обстановка здесь не была такой сердечной. У нас есть все основания благодарить Бога и славить Его». Но еще на протяжении нескольких лет оставалась напряженность между Лондонским и Китайским советами, а также недовольство стилем работы руководителя.

6 октября 1889 года Хадсен и Дженни отпраздновали сорок шестой день рождения Дженни в доме ее родителей в Гастингсе. С тех пор, как Хадсен Тейлор посвятил свою жизнь евангелизации центрального Китая, прошло уже двадцать четыре года. Теперь он думал о словах Иисуса в Евангелии от Марка 16:15: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». До этого дня он никогда не задавался вопросом: «Что имеет в виду наш Господь под словами «всей твари»? Столько лет он трудился для того, чтобы проповедовать Евангелие, строил стратегии, чтобы достигнуть всех провинций в Китае, – и все же он никогда не понимал до конца значение этих слов.

«Как мы должны реагировать на это повеление Господа? – задумался он в это воскресенье. – Можем ли мы окончательно опустить титул „Господь" и признать Его нашим Спасителем, чтобы получить прощение грехов, но не быть готовыми видеть себя „дорого искупленными" и исполнить Его требование безусловного послушания? Может нам следует сказать, что мы сами себе господа? Хотя мы охотно бы уступили Иисусу Христу, Который дорого купил нас Своей Кровью, кое-что от того, что Ему положено, – конечно, если Он потребует не слишком много. Наша жизнь, люди, которых мы любим, и наше имущество принадлежат нам, не Ему; мы даем Ему то, что считаем нужным, и послушны Его заповедям, которые не требуют от нас большой жертвы. Мы охотно соглашаемся, чтобы Иисус Христос взял нас к Себе на небо, но мы не хотим, чтобы Он руководил нами.

Я думаю, что каждый христианин отклонит в своем сердце такое предложение. Но разве мало людей в каждом поколении жили именно так, как будто они имели право на это? Как мало из народа Божьего действительно познали, что Христос является либо Господином над всем, либо вообще никем! Если мы судим Слово Божье вместо того, чтобы Слово Божье судило нас, если мы можем дать Богу много или мало – столько, сколько нам нравится, тогда мы – господа, а Он является тем, Кто должен нам, Который должен быть благодарен, если мы даем Ему наши подаяния, должен радоваться, если мы снисходим к Нему и слушаемся Его. Но если Он является Господом, тогда мы не можем с Ним так обходиться».

Итак, Хадсен Тейлор принял решение: нужно приложить все силы и все старание, чтобы принести Благую Весть каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку в Китае. Так звучало повеление Христа. И в этом надо быть послушным.

Хадсен рассуждал: если 1.000 евангелистов каждый день будут проповедовать 250 людям, тогда за 1.000 дней, или три года, 250 миллионов людей услышат Благую Весть.

Естественно, многие будут противоречить. Они скажут, что одному евангелисту невозможно за один день достичь 250 человек. Но уже много лет назад Хадсен и Уильям Бернс разработали план, при помощи которого это было вполне возможным. Кроме этого, он при своих расчетах не принимал во внимание, сколько работы уже сейчас делается более чем тысячей миссионеров. К этому можно присовокупить бесценное служение многих китайских христиан, которое становилось все более незаменимым и все более успешным.

Можно, конечно, возразить, что в конце Евангелия от Матфея дано повеление не только проповедовать, но также крестить и учить («Научите их исполнять все, что Я повелел вам»). Ведь именно поэтому столько миссионеров было занято постройкой школ и созданием китайских церквей – одним из важнейших элементов работы КВМ. То, что он хотел предложить, было новой инициативой дополнительно к тем служениям, которые уже совершались.

Итак Тейлор написал для декабрьского номера журнала «Миллионы Китая» статью «Всей твари». Он обращался не только к сотрудникам КВМ и ее друзьям, но ко всей христианской церкви. Он предложил работать сразу на всех четырех фронтах: во-первых,

нужно молиться за тысячу евангелистов для Китая; во-вторых, нужно было «одновременные согласованные действия всех христиан»; в-третьих, нужно работать координировано, чтобы не была забыта ни одна область; и в-четвертых, все люди должны насколько возможно поддерживать миссию своими пожертвованиями.

В ноябре и декабре Тейлор с сыном Говардом посетил Данию и Швецию. Его пригласили, чтобы завязать более близкие отношения между Миссионерским Обществом Швеции в Китае и КВМ. Везде он говорил перед переполненными залами, и радость жертвовать была чрезвычайной. Одна женщина сунула ему в руку дорогие часы. «Для Иисуса, – сказала она, – для любимого Господа».

Королева София пригласила Тейлора на личную аудиенцию. Одна из придворных дам заехала в гостиницу за Тейлором и в королевской карете привезла его во дворец, который находился вне Стокгольма. Королева приветливо разговаривала с Тейлором о Китае и попросила его прочитать что-нибудь из Библии. Хадсен прочитал 3Цар.10:1-13: «Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками… Да будет благословен Господь, Бог твой, Который благоволил посадить тебя на престол Израилев! Господь, по вечной любви Своей к Израилю...»

Насколько известно, Тейлор ответил на все ее вопросы, которые она задавала ему. Он показал ей карту Китая и рассказал ей о работе миссии. Затем, после чая, королева сердечно распрощалась с ним.

«Повсюду люди тянулись к Тейлору, – вспоминал Иосиф Холмгрин, пригласивший директора КВМ в Швецию. – Он относился к людям с расположением и любовью, и люди отвечали ему тем же. Когда он посещал семьи, радостно было видеть, как его окружали дети. И при этом они совсем не понимали его».

Тейлора попросили сказать проповедь при открытии «Всеобщей конференции протестантских миссионеров» в Шанхае. Поэтому весной 1890 года он в восьмой раз поехал в Китай. Путешествие дало ему возможность еще глубже поразмыслить над тем, что имел в виду Христос, говоря «всей твари». Кроме того, у него было намерение на конференции повторить призыв молиться о тысяче миссионерах.

Но поездка в Китай, естественно, снова принесла разлуку с Дженни. И на этот раз Тейлору было особенно тяжело. «Моя лю-

бимая, – писал он ей с дороги, – мне кажется, что я совсем забыл, что действительно значит самоотвержение. Поэтому мне невыразимо тяжело разлучаться с тобой. И это, я боюсь, темная туча, которая встала между мной и Богом. Всегда Бог и Его поручение стояли у меня на первом месте, но в некотором отношении это не было так, как должно. Я никогда осознанно не пренебрегал работой, но очень, очень неохотно оставлял тебя. При этом я хочу всем сердцем стать на служение Богу. Да соделает Он это во мне».

На корабле Тейлор приготовил для конференции проповедь на тему: «Сердце Иисуса и Его вседостаточность». Раскрывая текст о насыщении четырех тысяч людей (Матф.15:29-39) он хотел сказать: «Я так рад, что там было много людей, так много, что ученикам казалось невозможным насытить их. И все же эти люди действительно были в нужде, им нужна была неотложная помощь. Им нужно было или помочь немедленно, или не помогать совсем... В этот момент простого присутствия учеников было недостаточно! Они, может быть, могли сказать: „Ах, бедные люди!". А также с сожалением констатировать, что у них нет больше хлеба. Но им пришлось бы отослать людей голодными. Но там был Иисус, и Он позаботился о том, чтобы Его милосердная воля исполнилась. Все получили достаточно пищи, все пошли домой довольные и укрепленные. Ученики получили не только урок. Нет! Они тоже обогатились».

Когда же Тейлор потом проповедовал перед огромной аудиторией на конференции, он уклонился от первоначальной темы, чтобы говорить о силе Духа Святого – теме, которая в последнее время стала особенно важной для него.

«Если мы на этой конференции решим безукоризненно исполнить заповедь Господа, мы можем пережить такое излияние Духа Святого, такую Пятидесятницу, какой мир еще никогда не видел с тех пор, как Дух Святой снизошел в Иерусалиме. Бог дает Своего Духа не тем, которые хотят всегда быть наполненными им, но тем, кто слушает Его. Если мы, как шаг послушания, примем решение, что в этой стране каждая область, каждый город и каждая деревня должна услышать Евангелие, и как можно быстрее, и если мы сразу примемся за работу, тогда я верю, что Дух Святой наполнит нас такой силой, что мы вдруг будем иметь возможности, о которых и не подозревали. Мы увидим, как огонь перейдет с пастырей на стадо, и наши местные друзья

и вся церковь Божья получат благословение. Бог дает Духа Святого тем, кто слушает Его. Поэтому надо стараться действительно понять, что Он нам действительно повелевает, так как страна сегодня открыта как никогда, у нас так много возможностей, и Бог предоставил Своему народу локомотивы и телеграфы, чтобы быстрее достичь Его цели... И при этом, нам нужно только по 25 евангелистов в каждом миссионерском обществе, чтобы получить тысячу новых сотрудников!»

Конференция закончилась призывом: в течение пяти лет найти тысячу новых работников для всех областей миссии, а также учителей и врачей. Это был очень важный призыв, так как исходил он от руководителей американских, английских и других европейских миссий.

В апреле этого же года КВМ открыла свой новый большой китайский центр миссии в Шанхае. На праздник освящения пришли двести гостей. Среди них были и некоторые друзья Тейлора со времен его первых лет пребывания в Китае: Уильям Мьюхад, Джозеф Эдкинс и Джон Невиус. У входа они прочитали надпись: «К славе Божьей и для устроения Его Царства в Китае». КВМ не упоминалась.

Одновременно и независимо друг от друга четыре пастора из Мельбурна пришли к выводу, что и австралийские верующие должны что-то предпринять для евангелизации Китая. Поэтому, они пригласили Хадсена Тейлора посетить Австралию. Он поехал туда в августе, и, как всегда, везде проповедовал перед большой аудиторией.

В одной большой церкви в Мельбурне руководитель общения представил Тейлора как «нашего знаменитого друга». Тейлор одну или две секунды молчал, затем сказал: «Дорогие друзья, я только маленький слуга знаменитого Господа».

Во время своей остановки в Мельбурне Тейлор жил у пастора Х. Б. Макартни, который сам о себе сказал, что у него предрасположенность к особенной нервозности, которая в его загруженной делами жизни заставляет его целый день трепетать.

– Я в рабочем кабинете, – сказал он Хадсену Тейлору, – а Вы в большой гостиной. Вы имеете дело с миллионами людей, а я может быть с десятками дюжин. Ваши письма нуждаются в срочном ответе, на многие из моих писем можно было бы и не отвечать. И

все же я обременен и полон забот, в то время как Вы спокойны. Почему это так?

– Мой дорогой Макартни, – ответил Тейлор, – мир, о котором Вы говорите, для меня больше, чем приятная привилегия, это необходимость. Я бы не мог справиться с такой массой работы, если бы не мир Божий, который превыше всякого ума и который соблюдает мое сердце и мои помышления.

«Передо мною человек, которому почти шестьдесят лет, – писал Макартни. – Он несет тяжелые бремена и все же остается при этом абсолютно спокоен. Эти пачки писем, которые он получает! И каждое может содержать плохую весть: смерть сотрудника, нехватка денег, мятежи или другие проблемы. Но он открывает, читает и отвечает на все с тем же спокойствием – Христос есть основание его мира, Он дает ему силу и покой».

К дому Макартни в Мельбурне примыкала большая поляна – заросшая вереском и дикими австралийскими цветами. Макартни очень живо вспоминал о том, как Хадсен Тейлор частенько выбегал из дома и как ребенок наслаждался красотой местности.

Но Макартни не подозревал, как печально было на душе Тейлора. Разлука с Дженни и детьми была для него почти невыносима. К тому же из Англии пришло известие, что сын Хадсена Чарльз Эдвард, который учился в Кембридже и которому уже исполнился двадцать один год, был далеко от Бога и оказывал дурное влияние на других. Но все же Хадсен на пути в Австралию писал жене: «Как ты думаешь, сможешь ли ты приехать ко мне, когда я снова буду в Китае?»

В Квинсленде Хадсен жил у пастора Джона Саути и его жены, в Ипсвиче, недалеко от Брисбена. Саути было тридцать четыре года, у него было трое детей, он был англичанин. После перенесенной болезни он, по совету врачей, переехал в Австралию. Когда Саути прибыл на вокзал, чтобы встретить Тейлора, он ожидал увидеть необычного человека. Какое разочарование он испытал, посмотрев на Тейлора. «Но все же, – утешился он в разговоре с женой, – я уверен, что он хороший человек».

После короткого разговора с Тейлором миссис Саути прошептала мужу:

– Посмотри же, как его лицо сияет!

И Саути тоже заметил это. Отчего это могло быть? «Его взгляд постоянно направлен на Бога, и он имеет такое глубокое общение с Ним, что на его лице лежит своего рода небесный свет. Вскоре

после того как Хадсен появился в нашем доме, мое первоначальное разочарование сменилось глубоким почитанием и любовью. Никогда раньше я не видел так ясно, что может сделать благодать Божья... Он был очень приятный гость: приветливый, сердечный, внимательный, великодушный. Вполне непринужденно, он приспособился к нашему распорядку дня, не опаздывал к столу, старался как можно меньше обременять нас и благодарил за каждую услугу. Мы заметили, как он старается не ставить себя в центр внимания. Он был поистине кротким».

Супруги Саути также слышали о призыве молиться за тысячу новых миссионеров и говорили об этом с Тейлором: может быть, им тоже следует пойти на служение в Китай? Тейлор был осторожен. Он детально описал им все, что они встретят в Китае, рассказывал о тяжелом климате, о нехватке медицинской помощи и о трудной разлуке с детьми. Он, который с удовольствием ходил по саду, сказал миссис Саути:

– Такого сада у Вас в Китае не будет!

Одним словом, Хадсен не советовал им ехать в Китай. Джон Саути стал позднее директором КВМ в Австралии и Новой Зеландии.

В конце ноября 1890 года Тейлор с первой группой миссионеров из Австралии и Тасмании отправился в Китай. Это было четверо молодых мужчин и восемь женщин. Когда они перед Рождеством прибыли в Шанхай, Хадсена ждала огромная радость: после девятилетнего отсутствия в Китай вернулась Дженни. Родные и сотрудники на Пэрлэнд-роуд взяли на себя обязанности Дженни. Хадсен и Дженни надеялись, что никогда больше не будут разлучаться на такое долгое время.

С января по апрель 1891 года приехали еще шесть групп из Европы, США, Канады и Австралии, и среди них – Джон Саути. КВМ вновь обогатилась на семьдесят восемь работников. В феврале приехали две группы из Скандинавии. Это были пятьдесят членов Скандинавского миссионерского союза, который присоединился к КВМ и хотел работать по тем же принципам. Скандинавы любили петь в сопровождении музыкальных инструментов. Это были первые из тысячи новых миссионеров.

Глава 43

Сила Святого Духа

«Миссионеры являются главным отрядом западных наций, которые хотят завоевать Китай. Они обладают магической силой, чтобы погубить китайцев. Они вырывают младенцев из утробы матерей и выкалывают глаза мертвым, чтобы получить серебро. Иисус вел разнузданную жизнь с женщинами Иудеи и был приговорен к смерти, так как осквернил гарем царя. Христиане поклоняются свинье (игра слов к китайскому понятию „Господь") и противятся прославлять небо, землю, солнце, луну, звезды, предков и мудрецов».

Так было написано в листовках, которые распространялись с разрешения одного чиновника из Чанши, столицы враждебной к иностранцам провинции Хунань. Как и следовало ожидать, это привело к большим волнениям! В 1891 году беспорядки начались по всей долине Янцзы. Даже в Шанхае, где река впадает в море, власти боролись с грабежом и насилием. Один методистский миссионер был убит, когда он ожидал лодку; вместе с ним погиб и европейский таможенник, который хотел помочь ему. Римско-католические миссионеры тоже стали жертвой беспорядков. Члены КВМ были сохранены Господом, и ни одна из их станций не пострадала, хотя угроз, конечно, было много.

Чтобы защитить своих подданных, иностранные правительства послали военные корабли. Они настояли на том, чтобы император издал приказ, обязывающий чиновников провинций защищать миссионеров. Пекину не понравилось это требование, но в виду превосходящей силы западных стран они уступили.

«Я вижу в мятежах реакцию сатаны на призыв нашей конференции о тысяче новых миссионеров, – писал Тейлор. – Но Бог будет действовать, и если наш враг силен, то наш Бог – всемогущ». Тейлор написал всем миссионерам письмо, в котором указал на то, как они должны вести себя в опасных ситуациях. «Мы снова и снова ободряем новообращенных твердо стоять во время гонений и ради Христа смиряться с лишениями. Может, они думают, что нам легко говорить, наблюдая, что нам сейчас хорошо и мы не испытываем ни опасностей, ни лишений. Но если мы попадем в опасность, то они очень внимательно будут наблюдать за нами и потом сделают вывод, действительно ли мы верим, „что

рука Господа достаточна и наша помощь верная”. Многолетние наставления не произведут на них такого впечатления, как наше поведение во время гонений».

В октябре беспокойства стихли, частично из-за постоянных дождей (о которых молилась КВМ), и потому, что Пекин произвел давление на чиновников провинций.

После того как Джон Стивенсон пять лет совершал тяжелую работу заместителя директора, он вернулся в Англию, чтобы укрепить здоровье. Вся ответственность лежала теперь на Тейлоре и он не мог оставить Шанхай. «Даже Вы, дорогой мистер Говард, – писал Хадсен директору центра на родине, – едва ли сможете понять, что происходит здесь, что это означает – знать наших дорогих сотрудников и любить их, выслушивать их проблемы и заботы, их разочарования и бремена. Если кто-то заболевает и нуждается в помощи, он пишет мне, и я должен помочь. Я получаю телеграммы, в которых просят совета в угрожающей опасности, или сообщают мне о смерти сотрудника. Я получаю сообщения об избиениях и пожарах и обо всех других бесчисленных случаях. К тому же на мне лежит ежедневная ответственность и финансовые нужды миссионерского общества, которое состоит из почти пятисот сотрудников. В виду всех требований есть одна только возможность не отчаиваться: все приносить нашему Господу. Он помогает, и Он все понимает правильно».

Некоторые члены Лондонского совета были недовольны тем, что при обсуждении основных положений КВМ и при составлении книги Китайский совет сыграл такую большую роль. Эта напряженность чувствовалась еще в 90-е годы и привела к тому, что почти 30 миссионеров оставили КВМ. Комментарий Хадсена: «Похоже сатана очень активен».

Но и отношение Хадсена к Лондонскому совету не было безмятежным. Если он находился вне Лондона, у него складывалось такое впечатление, что Лондонский совет игнорировал его или по крайней мере задерживал информацию. Работа Бенджамина Брумхола против злоупотребления опиума, казалось, отвлекала его от управления КВМ. Однако Брухол считал этот упрек совершенно несправедливым.

Возможно, соперничество между Лондонским и Китайским советами было даже неизбежным. Но все же Тейлор хотел, чтобы Китайский совет имел полномочия и в практических вопросах и проблемах считался с мнением региональных руководителей. Лондонский же совет, напротив, видел себя высшим органом

КВМ, которому все остальные органы должны беспрекословно подчиняться. За ведущую роль Лондонского совета высказывался прежде всего Уильям Шарп. Ведь Лондонский совет должен отчитываться в работе КВМ в Китае перед друзьями и жертвователями КВМ, аргументировал он. Шарп (в переводе с английского «острый») оказал честь своему имени, когда писал Тейлору: «Вы создали совет, который официально консультирует Вас. Но вы должны признать и полномочия совета. Вы же, если он с Вами не одного мнения, пытаетесь навязать ему свое мнение. Вы должны дать свободную волю миссионерскому обществу и концентрироваться на проповеди и создании церквей». К счастью, это мнение не разделяли другие члены совета.

Дать Лондонскому совету высшие полномочия противоречило бы важному принципу КВМ: руководству из Китая. Это тоже имело последствия. Когда Лондонский совет поддержал некоторых миссионеров, которые не были согласны с некоторыми пунктами «Книги о положениях», Тейлор ответил, что это вопросы миссионерского поля, а не центра на родине.

Хадсен вместе с Китайским советом обосновал позицию, почему те вопросы, которые касаются Китая, должны решаться в Китае. По вопросу интернационального статуса КВМ они писали: «Всех сотрудников соединить в одно тело – это веление времени. Всего, что возбуждает в нас чувство, что мы различны, нужно обязательно избегать. „Никто не может служить двум господам". Предложенное требование (оставить за Лондоном последнее слово) на практике приведет к тому, что некоторые почувствуют себя менее связанными с КВМ и будут говорить: „Мы принадлежим тому или другому органу, ему мы обязаны, а не вам…" И без того нелегкая задача станет таким образом еще тяжелее».

В своем ответе Лондонский совет указал на то, что христианской общественности не нравится, когда Тейлор дает руководящие полномочия Китайскому совету. Он один должен решать все вопросы сотрудников, а Лондонский совет должен по возможности помочь в окончательной обработке «Книги о положениях» КВМ. Кроме этого, Лондон хотел получить право представлять Китайскому совету свои рацпредложения.

В ноябре 1891 года это письмо с требованиями совета прибыло в Шанхай. Для Тейлора оно было поистине уничтожающим. По его мнению, миссия находилась в одном из сложнейших кри-

зисов со времени ее основания. «У Вас нет средств, чтобы поддерживать пятьсот миссионеров, – писал он в ответном письме. – Вы не можете защитить миссионеров от мятежников и Вы не можете приехать сюда, чтобы уладить вопросы миссионерского общества. Мы должны жить в ответственности перед Богом».

В это время Дженни боялась, что нагрузка превзойдет силы Хадсена.

К счастью, кроме кризиса КВМ, у Хадсена были еще и другие интересы. Он привез из Скалистых гор Канады саженцы, за которыми с любовью ухаживал в застекленной веранде его комнаты на улице Усон.

Организационный кризис КВМ не мог удержать его от того, чтобы быть открытым для духовных нужд сотрудников. В марте 1892 года он разослал всем важный циркуляр. Он сообщал, что недавно покаялись некоторые моряки, китайские слуги, жители и гости Шанхая, и их было больше, чем в прошлые годы. «То, в чем сегодня нуждается большинство миссионерских обществ, – писал он дальше, – это очевидное присутствие Духа Святого. В стране были розданы сотни тысяч трактатов и частей Библии. Евангелие было возвещено в тысячах проповедей. Миссионеры прошли десятки тысяч километров – и все же как мало очевидных покаяний! Мы как миссионерское общество должны в смирении склониться перед Богом. Мы пережили много благословений, и многие души нашли спасение. Но где же тот, „который прогоняет тысячи" или „те двое, которые прогнали десять тысяч"? Где те жаждущие, которые напились, из чрева которых текут теперь потоки воды живой?

Может быть, среди нас совсем мало тех, кто доволен результатами своей работы. Возможно многие думают, что мы будем лучше продвигаться вперед, если наша организация станет лучше или щедрее. Но, по-моему, нам не нужна никакая лучшая организация. Что нам нужно, так это Божественная сила. Если десятки или сотни, которых мы ежедневно достигаем, не примут Христа, то зачем нам лучшая организация, через которую мы достигнем вдвое большее число людей? Не лучше ли будет, если мы все оставим в покое, смиримся перед Богом и помолимся о том, чтобы Он исполнил нас Духом Святым и сделал нас людьми, через которых Он может действовать непобедимой силой?

Теперь, именно в этот момент, души идут в погибель, потому что мы не имеем этой полноты, и в этот момент Бог благословля-

ет всех, которые с верой просят Его об этом благословении. Все готово, если мы готовы. Поэтому мы просим Бога испытать нас и удалить все то, что так мешает Его действию в нас. Если сатана искушает нас жаловаться, плохо думать или говорить о других сотрудниках; пустословить и отпускать шуточки, что не подобает нам; если мы допустили, что наше время и внимание, которое принадлежит Богу, заняли менее важные вопросы; если мы пренебрегли чтением Библии и личной молитвой, – тогда исповедаем все это Богу и попросим у Него прощения, которое обещано нам. И в будущем будем избегать таких слабостей. И если мы постараемся убрать все эти препятствия и по-новому отдадим себя Богу, тогда Дух Святой действительно войдет в очищенный храм и будет руководить там».

16 апреля 1892 года Китайский совет изменил свою «повестку дня». В протоколе заседания записано: «Вместо конференции Китайский совет с сотрудниками миссии в Шанхае объединились для молитвы. Они молились о себе, о всей миссии в Китае и о центре в Англии, чтобы всем исполниться Духом Святым».

Молитвы совета были услышаны. «Бог действует в нашей среде, – писала Дженни в том же месяце. – Одного за другим Он смирил и исполняет Духом Святым. Мы часто встречаемся и переживаем большую свободу и силу».

В мае 1892 года Хадсен и Дженни поехали в Канаду, чтобы обговорить с Генри Фростом назревшие вопросы и иметь встречу с Североамериканским советом. Фрост уговорил супругов остаться подольше и хорошо отдохнуть.

Возвратившись в Великобританию, Тейлор вначале встретился с каждым членом Лондонского совета отдельно, и только потом – со всеми вместе. После долгих изнуряющих переговоров совет немного отступил от своих требований, но остались несогласия по некоторым пунктам и некоторое огорчение.

Но организационные проблемы были не единственными, с которыми пришлось бороться КВМ. В 1892 году было мало пожертвований. В 1887 году, когда были высланы сто человек, было собрано 30.000 фунтов, в 1888 году – 33.000, в 1889 – почти 49.000, в 1890 – меньше 30.000 и в 1891 – немного больше 36.000 фунтов. Но в 1892 году каждый месяц приходило всего по 2.000 фунтов. Это говорило о том, что слухи о разногласиях в руководстве КВМ дошли до общественности.

3 октября 1892 года Тейлор возвратился из поездки в Шотландию и узнал, что пожертвования в сентябре были особенно низкими. Телеграмма, в которой указывалась сумма пожертвований за месяц, еще не была отослана в Шанхай. Чарльз Фиш, который в данное время был финансовым секретарем, хотел обговорить эту ситуацию с Хадсеном Тейлором.

– Я думаю, мы должны подождать еще один день, прежде чем будем телеграфировать в Шанхай, – предложил Тейлор. – До этого момента мы отложим нашу работу и будем просить Бога о помощи.

– Но мы не можем причислить к сентябрьским пожертвованиям то, что теперь придет на нашу молитву, – заметил Фиш.

Обычно сообщения пересылались один раз в месяц.

Итак, Тейлор и Фиш сошлись на том, чтобы отправить телеграмму с сообщением о низких пожертвованиях. В обед все сотрудники встретились на Пэрлэнд-роуд, чтобы специально молиться о финансовом кризисе.

После обеда пришло письмо с чеком на пятьсот фунтов и пометкой, что деньги предназначены «для немедленной отправки в Китай».

Когда в Шанхай пришла первая телеграмма, Китайский совет собрался на осеннее заседание. Члены совета поблагодарили Бога за помощь в прошедшее время кризиса и молились за большие суммы. На следующий пришло сообщение о 500 фунтах, и Джон Стивенсон объявил радостную весть: он получил дополнительно еще 500 фунтов. В протоколе совета записано: «Сотрудники поднялись со своих мест и воспели хвалу Богу».

В январе 1893 года из Канады в Лондон приехал Генри Фрост. Благодаря ему организационные спорные волны утихли и были найдены обоюдно приемлемые решения. Секретарем был избран предприниматель Вальтер Слоун. Он должен был взять на себя текучие работы в лондонском бюро и занять место в совете. Так генеральному секретарю Бенджамину Брумхолу оставалось больше времени для кампании против опиума и для общественной работы.

В марте все споры, в результате которых КВМ чуть было не развалилась, были улажены. Было решено, что Лондонский, Китайский и Североамериканский советы будут регулярно встречаться через определенные промежутки времени для избрания

своих руководителей, но никто из них не будет иметь полномочий руководства. Спорная брошюра об основных положениях была разделена на различные разделы, которые предназначались для миссионеров различного ранга. Генри Фрост стал директором североамериканского центра, а Джон Стивенсон утвержден как заместитель директора миссии.

Глава 44

С семьей в дороге

В феврале 1894 года Хадсен и Дженни покинули Англию и поехали в Китай. Для Хадсена это была девятая поездка. В апреле они приехали в Шанхай, где сопровождавшая их Джеральдина Гиннесс, позднее ставшая автором популярной биографии Хадсена Тейлора, вышла замуж за второго сына Хадсена – Говарда.

Всего через несколько недель Хадсен и Дженни стали планировать свое возвращение в Англию, где они надеялись продвинуть проект «Рывок», который был создан по поводу призыва о тысяче новых миссионеров. Но затем возникли проблемы в северных провинциях, и Хадсен решил остаться, так как он нужен был в Китае. В самое жаркое время года Хадсен и Дженни поехали внутрь страны, в те области, где еще не было железной дороги. И это путешествие должно было продлиться три-четыре месяца.

Когда Говард и Джеральдина вернулись из свадебного путешествия в Шанхай, родителей Говарда уже не было. Говард, врач по профессии, переживал о здоровье своего отца, поэтому молодая пара решила поехать вслед за ними. Своих родителей они догнали в Ханькоу.

– Эта поездка может стоить тебе жизни, – предупредил Говард отца.

– Я знаю, – ответил Тейлор. – Но мы не должны забывать, что «мы должны полагать души свои за братьев» (1Иоан. 3:16).

Впятером семья в мае оставила Ханькоу: Хадсен и Дженни, Говард и Джеральдина, а также Джо Култхард, который в 1879 году приехал в Китай и два года назад женился на дочери Хадсена Марии. Каждый день – за исключением воскресенья – они были в пути по четырнадцать часов. Говард и Джеральдина были очень удивлены, как приветливы и открыты здесь люди. Китайцы, для которых семья имеет большое значение, в свою очередь, были восхищены этой семьей.

– Посмотрите, как они все улыбаются нам! – сказала Джеральдина.

– Может быть, потому, что мы улыбаемся им! – ответил Говард.

Но гостиницы, в которых они ночевали, молодой паре не понравились. Английские коровники, по их мнению, были более

комфортабельными и уютными. Но тачки – в то время классический транспорт в провинции Хэнань – нашли у них снисхождение. Тачки имели устойчивую деревянную тележку с большим колесом посередине, на обоих концах ручки и крышу из бамбуковых циновок. Пассажиры имели право поставить впереди корзину с продуктами и легкий багаж. Свою постель они использовали для сиденья. Было небольшое утешение в том, что тачка «могла транспортировать сразу две жертвы». Пассажиры сидели по обеим сторонам колеса и смотрели назад. «Как только мы сели, – писала Джеральдина, – молодой крепкий толкач тачки набросил на плечи ремень из парусины, поднял тачку и уравновесил ее, в то время как мы в своих сиденьях были отброшены назад. Затем он позвал другого мужчину, чтобы тот тянул тачку спереди. Со скрипом и рывками тяжелая тачка с трудом пришла в движение. Вокруг нас с песчаной улицы летела пыль, поднятая ногами толкачей и колесом. Мы испуганно вцепились в остов тележки, как будто нам грозила смертельная опасность, а тачка с трудом прыгала через кочки и камни. Сухое, несмазанное колесо крутилось очень медленно, с неприятным визгом. На лбу мужчины, который в метре от нас так решительно согнулся под своей ношей, выступили крупные капли пота. Приветливые толпы людей исчезли вдалеке, и наша поездка началась».

Через десять дней они достигли оживленного торгового города Чжоуцзякоу на севере провинции Хэнань. Там жил и трудился Култхард. Цветущая китайская община из семидесяти членов сердечно приняла уставших путешественников. К церкви принадлежал и бывший мандарин Чен, который пришел в светлой шелковой накидке, поклонился Тейлору и сказал:

– Если бы не Вы, почтенный господин, мы бы никогда не услышали о любви Христа.

Чен подал Тейлору большой красный лист бумаги, на котором было написано следующее словотворчество:

«Я омываю мои руки и с уважением приветствую почтенного мистера Тейлора, который основал Китайскую Внутреннюю Миссию с ее достойными руководителями, пресвитерами и пасторами.

Вы, мой господин, не раз путешествовали между Китаем и Европой и перенесли много лишений и трудностей... В нашей среде вы достойны звания апостола – 2Кор. 12:11-12. Чудесная искупительная благодать нашего Спасителя стала для нас благосло-

вением. Но это могло совершиться только посредством того, что Вы, мой господин, пришли к нам и наставили нас на правильный путь. Иначе мы никогда не смогли бы найти ворота, ведущие к спасению...

Да благословит Бог Вас, нашего старого учителя, чтобы Вы дожили до пришествия нашего Господа, когда Иисус Христос станет Царем царей и Господом господствующих (Откр. 18:14). Мы уверены, мой господин, что в тысячелетнем царстве Вы будете занимать высокий пост, управлять тысячу лет со Христом и следовать рядом с Ним, когда Он поднимется на небо.

В нашей маленькой семье и маленькой церкви в Чжоуцзякоу и во всей округе нет никого, кто бы не уважал и не почитал Вас глубоко.

С благоговейными пожеланиями мира
совершенно недостойный член церкви Чен,
прозванный Жемчужинной Волной.
Я склоняю свою голову и приветствую Вас с почтением».

– Я не достоин, чтобы почтенный пастор пришел в мой дом, – уверял Чен.

Поэтому он повелел сварить китайский праздничный обед, который прислал в дом Култхарда для всей семьи Тейлора. Это были шесть огромных чаш с приготовленными различным образом кусочками мяса, как обычно готовилось для почитания предков. Когда Чен узнал, что Тейлор не переносит перец, он распорядился специально приготовить пищу для дальнейшего путешествия группы. Тщательно запаковав все запасы, он приложил к ним еще одно из своих красноречивых писем:

«Глубокоуважаемый и достопочтенный мистер Тейлор!

Чен Жемчужинная Волна склоняет свою голову перед Вами.

Я пишу эти строки с благоговением перед Вами и передаю Вам здесь продукты для путешествия: жареное в масле рубленое мясо, абрикосовые косточки с приправой и соленые арбузы. Пожалуйста, возьмите это милостиво из моих рук. Из приправленного мяса один сорт без перца, предназначенный для нашего старого учителя, другое со стручками перца – для мистера Култхарда и Вашего второго сына. Я пишу это письмо, чтобы пожелать Вам мира.

Первый день летнего солнцестояния».

С запасами Чена семья смогла отправиться в следующий этап своего длительного путешествия. Несколько недель они ехали на повозках, которые тянули лошаки. Долгие дожди превратили дороги в сплошное болото. Реки, питаемые водой горных ручьев, превратили броды в некоторых местах в стремительные потоки. Один раз Тейлоры приблизились к такому броду и только хотели пересечь его, как их обогнала другая повозка. Погонщики рассердились, так как в Китае считалось неприличным – обгонять без разрешения.

– Ничего, зато мы увидим, как глубоко в этом месте, – успокоил кто-то извозчика. Это было прямо-таки пророческое слово!

Миссионеры и их извозчики могли наблюдать, как лошаки другой повозки все глубже и глубже погружались в воду. Вначале они могли еще хорошо стоять, пока не подошли к песчаной отмели на середине реки, где хотели сделать короткую паузу. С ужасом люди на берегу увидели, как лошаки с повозками и пассажирами попали в стремнину. Вода все прибывала и заливала повозку. Извозчики Тейлоров кричали:

– Бу-чень, бу-чень! (Это конец!)

Бурлящий поток подхватил повозку и перевернул ее. Вмешательство наблюдателей не имело никакого смысла. Повозка с животными и людьми утонула. Первыми на поверхность всплыли колеса, затем изорванное покрытие повозки. Лошаки исчезли, и казалось, для людей с повозки не было никакой надежды на спасение. Но на изгибе реки повозку выбросило на другой берег. Произошло чудо – извозчик и пассажиры живыми выбрались из разбитой повозки. После пережитого Тейлоры отказались переезжать реку. Они сделали большой объезд до паромной переправы и без приключений переправились на другой берег.

Спустя несколько недель, вечером, путешественники приблизились к городу Сиань. На расстоянии почти в шестнадцать километров в багровом сиянии вечернего неба они увидели романтический силуэт городской стены с ее башнями и воротами. Среди расположенных в большой долине провинции Шэньси, на площади в 19.000 км^2, двадцати двух крупных городов, шестидесяти торговых городов и бесчисленных деревень, Сиань был самым важным. В течение восьми лет группа миссионеров КВМ под руководством Томаса Ботэма выдерживала в этом районе сильное сопротивление и создала там многие миссионерские станции. После того как появились первые плоды работы, сюда приехали

пятьдесят скандинавских миссионеров. Со своими гитарами им удалось даже в традиционно враждебной иностранцам столице Сиань наладить хорошую работу.

Согласовать служение скандинавских миссионеров с группой Ботэма, была одной из причин поездки Тейлора.

Джордж Истэн и скандинавец Хендрикс приветствовали Тейлора и его спутников в китайской одежде с большими соломенными шляпами на голове. Затем они повели своих гостей в город. В каждом доме, где была принята семья Тейлоров, был, к счастью, колодец с чистой холодной водой.

– После длительного и безводного путешествия, – сказал Тейлор скандинавам, когда они вместе провели вечерю, – было просто чудом, что мы могли освежиться прекрасной холодной водой. С тех пор, как мы прибыли в Сиань, мы никогда не терпели жажду. Также Иисус дает глубоко в моем сердце колодец, источник с живой водой, так как Он всегда обитает там. Что мы делаем с нашим колодцем? Мы идем и черпаем воду. Мы пьем и утоляем жажду. А если мы имеем Иисуса и пьем из этого источника, тогда у нас никогда не будет жажды».

Скандинавских миссионеров критиковали. Немецкая газета в Шанхае писала, что «двадцать беззащитных незамужних женщин», находятся в постоянной опасности без мужчин, которые могли бы им помочь. «Смогут ли китайцы понять добрые намерения этих женщин, или их недоверие будет направлено в другое русло?»

В связи с этим Тейлор разработал указания в поведении миссионерок и облегчил правила КВМ для незамужних женщин, согласно которых им можно было выходить замуж только после двух лет работы в Китае. Скандинавам он выделил в долине Сиань большую область, которая включала и столицу. Там они должны были евангелизировать и создавать церкви. Хендрикс трудился теперь руководящим миссионером вместе с Ботэмом.

В конце июля Хадсен и Дженни поехали на северо-восток, в южную часть провинции Шаньси. Там они несколько дней жили у пастора Хси и его жены. Через целый ряд дворов те повели семью Тейлоров к открытой площади, где уже был приготовлен обед. Затем все сидели под коричневым навесом, подпертым, по меньшей мере, дюжиной жердей. На другой стороне двора были приготовлены комнаты для гостей. На столах горели лампы, свежие соломенные циновки покрывали пол, двери и окна украшали новые

бамбуковые шторы и цветные платки, а на кроватях лежали белые войлочные покрывала. Супруги Хси застелили столы красными скатертями, а посередине положили четырехугольные салфетки из дорогого зеленого шелка. На маленьких столиках стояли блестящие медные тарелки, рядом лежали чистые белые полотенца с лучшим мылом, которое здесь можно было приобрести.

Хси и его жена сияли.

– Все это мелочи! Мы бы охотно предложили нашему почтенному пастору и его семье намного лучшее.

Во время еды пастор вместе с некоторыми помощниками обслуживал их. Каждый раз, когда Тейлор начинал благодарить его, Хси говорил:

– Вы так много перенесли и перестрадали, чтобы мы услышали Евангелие! Для меня это радость и подарок – послужить Вам. Это самое малое, что я могу сделать для Вас.

В июне 1894 года китайские и японские войска высадились в Корее. Именно в это время, когда Тейлоры наслаждались любвеобильным гостеприимством Хси, началась война между Китаем и Японией. Тейлоры сразу же отправились в обратный путь. Когда они прибыли в Шанхай, китайская армия терпела поражение. Тейлор боялся, что китайцы в своем гневе против японцев могли возненавидеть всех иностранцев. Поэтому он решил не ехать в Англию, но оставаться в Китае. Здесь он наверняка будет нужен.

Глава 45

Побеждать предубеждения

Война между Японией и Китаем началась после того, как обе страны уже многие годы враждовали друг с другом. Речь, прежде всего, шла о Корее, которая с XVII столетия находилась под господством Китая.

Когда японцы напали на порт Вэйхай, около 200 тяжело раненным китайским солдатам удалось оставить поле боя. С большим трудом они прошли шестьдесят километров по глубокому снегу вдоль побережья до Чифу. Туда они пришли обессиленные, в окровавленной одежде. Один прошел этот долгий путь с разбитым коленом, другой – с пулей в легких. Некоторые ползли на четвереньках и добрались до Чифу с обмороженными конечностями. Другие же не вынесли трудностей этого тяжелого пути и умерли в дороге.

В Чифу Артур Даутвайт, врач, уже двадцать лет работавший в Китае, построил клинику КВМ. Больше 20.000 пациентов в год получали здесь амбулаторную помощь, были сделаны сотни операций. Как можно быстрее Даутвайт собрал группу миссионеров, которые должны были ассистировать ему при операциях. У одного солдата они изъяли семь пуль. В эти дни они приняли и обслужили 163 человека. Это свидетельство любви Христовой в то время, когда китайцы терпели горькую нужду, во всей округе победило предубеждения против миссионеров.

После окончания войны в госпиталь в Чифу пришел китай–ский генерал с группой солдат и маленьким духовым оркестром. Он приказал установить золотую надпись, которая выражала благодарность китайской армии. Когда генерал услышал, что для нового здания школы в Чифу нужен строительный материал, он позаботился о том, чтобы материал был доставлен. Из-за глубокого презрения, которое китайцы столетиями питали к японцам, для них было ужасным ударом, когда японцы нанесли им окончательное поражение. Договор Шимоносеки, который в апреле 1895 года положил конец войне, вынудил китайцев признать независимость Кореи и платить Японии высокие репарации. Кроме этого они должны были уступить японцам некоторые области, в том числе и остров Тайвань.

Окончание войны совпало с истечением тех пяти лет, которые Шанхайская конференция установила, чтобы привлечь тысячу

новых миссионеров. Как председатель комитета, который должен был фиксировать результаты, Тейлор мог сообщить, что за это время в Китай прибыли 1.153 новых миссионера. Хотя Тейлор был весьма благодарен за услышанные молитвы, ему показалось достойным внимания то обстоятельство, что среди них было только 480 мужчин. И так как много новичков должны были работать в прибрежных провинциях, задача проповеди Евангелия «всей твари» в Китае оставалась неисполненной.

«Китай в своей истории достиг важного поворотного пункта, – сообщал Тейлор от имени комитета. – Эта война в корне изменила страну. Она неизбежно должна открыться еще больше, и это станет началом нового развития. Если церковь Христова не войдет через эти открытые двери, то это сделают другие! И тогда эти двери снова быстро закроются для нас… Время коротко. Мы уже пять лет назад нуждались в тысяче новых сотрудниках, а теперь тем более».

КВМ в данное время насчитывала 621 миссионеров, которые трудились на 122 станциях, из которых 90 находились в недостигнутых до того времени провинциях внутри страны. В свой 63-й день рождения, 21 мая 1895 года, Тейлор составил письмо всем членам КВМ с просьбой вместе с ним молиться о многих новых миссионерах для Китая, исполненных Духом Святым.

Тейлор чувствовал, что силы постепенно оставляют его. Поэтому он планировал организационные изменения, которые дадут ему возможность отойти на задний план и все больше и больше отдавать бразды правления способным людям. Так Уильям Купер стал ассистентом заместителя директора в Китае. Ему тогда было тридцать четыре года, и он уже двенадцать лет работал в Китае. Купер должен был взять на себя всю корреспонденцию, кроме писем, адресованных Стивенсону и Тейлору лично. Купер был сильным человеком, твердым в своих убеждениях, независимым от мнений других, но при этом всегда вежливым и немного стеснительным.

– Мне очень неудобно, что я так часто возражаю Вам, – сказал он однажды Тейлору, когда его только недавно ввели в Китайский совет. – Может, мне вообще лучше оставить совет?

– Нет, ни в коем случае! – возразил Тейлор. – Мы нуждаемся в таком противодействии! Оно хранит меня от многих ошибок.

С мая 1886 года казначеем миссионерского общества был назначен Джеймс Бромтон, который также занимался статистикой.

– Все должно сходиться до копейки, – утверждал он всегда. – Мистер Тейлор тоже всегда пунктуально подходил даже к незначительным вопросам.

Когда КВМ переселилась в новые здания на улице Усон, Бромтон тоже переехал туда и проработал там еще одиннадцать лет бухгалтером. Тейлору очень нравилась его работа, и он всегда хвалил его. Также в Шанхай приехал Чарльз Фиш, после того как он за семнадцать лет накопил опыт в миссионерской работе и в области руководства. С тех пор, если других членов Китайского совета не было на месте, Стивенсон, Купер, Фиш и Бромтон составляли консилиум.

Начиная с 1886 года Уильям Кассельс, один из «семи кембриджцев», вел работу КВМ в провинции Сычуань. Во время собрания миссионеров на Кесвикской конференции в 1895 году, председатель предложил назначить Кассельса епископом Западного Китая. ЦМО готово взять на себя его содержание и вести его в своих списках, в то время как он «останется на своей должности в КВМ». 18 октября 1895 года Кассельса в Лондоне посвятили в сан епископа.

– Это будет преимуществом для Китая, – радовался Тейлор. – Никакая другая миссионерская станция не имеет такого хорошего духовного состояния и так много успехов, как руководимая Кассельсем.

В мае 1896 года Хадсен и Дженни поехали в Англию. Стивенсон также некоторое время был там. Но Тейлор был твердо убежден, что он может доверить руководство в Китае Уильяму Куперу.

Дом на Пэрлэнд-роуд за это время стал мал для миссионерского руководства. Уже в мае 1893 года Лондонский совет разработал точный проект для нового центра на Ньюингтон-Грин – совсем недалеко от Пэрлэнд-роуд. Были построены помещения бюро, зал собраний, тридцать комнат и общественные помещения, и кроме этого, дом для кандидатов.

Когда Хадсен и Дженни после двух лет отсутствия летом 1896 года прибыли в Лондон, здание уже заселили. Супруги Тейлор специально не сообщили о своем прибытии. И хотя на Ньюингтон-Грин знали, что они в дороге, их еще никто не ждал.

В субботу вечером многие собрались в зал для молитвы, и тут на дрожках подъехали Хадсен и Дженни. С интересом они осматривали узкое трехэтажное здание с дополнительными комнатами под крышей. Планы, так точно составленные Хадсеном в

1893 году, осуществились. Над дверью они обнаружили выгравированные на камне слова: «Верьте в Бога». Они тихо сели в конце зала, и только после последнего «Аминь» все друзья с радостью собрались вокруг супругов и сердечно приветствовали их. С тех пор Хадсен и Дженни жили на Ньюингтон-Грин.

Еще когда они были в Китае, Бенджамин Брумхол оставил свою активную работу и ушел на пенсию. Он и Амелия продолжали жить на Пэрлэнд-роуд 2. Вальтер Слоун вместо Бенджамина стал генеральным секретарем. В то время Тейлор писал: «Моя цель – так построить работу во всех областях, чтобы она продолжалась и без меня. С этой целью я буду поочередно посещать все отделы».

Весной 1897 года Хадсен Тейлор поехал в Германию и имел встречу со многими людьми, скептически настроенными в отношении Китайской Внутренней Миссии. Руководству лютеранской государственной церкви не нравилась конфессиональная структура КВМ, другие не доверяли ее финансовому положению – ожидать пожертвования только путем молитвы. Ведущие личности церкви и секретари миссионерских обществ собирались, полные любопытства, в салоне баронессы фон Дунгерн в Берлине, чтобы познакомиться с 65-летним Тейлором. Совсем немногие относились к нему благожелательно.

«Незнакомец, который стоял посреди нас, – вспоминала баронесса, – не был примечательной фигурой. Только его светлые, волнистые волосы делали его моложе, чем он был на самом деле».

– Вы сын методистского проповедника, – спросил его кто-то в самом начале, – и имели связь с баптистами. Теперь Вы имеете в своих рядах высокообразованных молодых людей, которые принадлежат государственной церкви. Как они могут работать вместе с Вами?

– В наших основных целях, – ответил Тейлор, – мы едины во Христе. Кроме того, Китай так велик, что можно так распределить миссионеров различных деноминаций в провинциях, что всем из них хватит работы. Недавно мы в западном Китае приветствовали англиканского епископа, члена КВМ. Таким образом, наши англиканские сотрудники будут теперь иметь свое духовное руководство. Наш труд на миссионерском поле позволяет нам забывать о наших теологических различиях. Не напрасно наш девиз – «Единство во Христе Иисусе».

– Такое смешение церквей у нас было бы невозможным, – прошептал директор Госснерской миссии.

– Удивительно, – продолжал Хадсен – как Господь избирает Свои сосуды для труда на ниве Его. Даже незначительное в Его руке служит к похвале славы Его. Так дело обстоит и в Его творении. Есть крепкие и красивые дубы, но есть и маленькие цветы на полянах. И Он насадил как дубы, так и цветы. Я, к примеру, не особенно способный и от природы немного застенчивый. Но мой милосердный Бог и Отец склонился ко мне и укрепил меня, хотя я по молодости был слаб в вере. Он учил меня в моей беспомощности доверяться Ему и молиться о вещах, в которых другой мог бы сам себе помочь.

Он знал желание моего сердца, и я просто доверял Ему как ребенок и все приносил Ему в молитве. Так в молодые годы я узнал, что боящимся Его, Он охотно помогает, укрепляет и отвечает на их молитвы. И когда я позднее молился, приходили средства, в которых я нуждался.

– У меня есть вопрос, – прервал его кто-то. – Правда ли, что когда однажды Вы говорили перед большой аудиторией слушателей, люди были очень тронуты Вашим рассказом о нуждах на миссионерских полях, но Вы остановили сбор средств, который кто-то хотел сделать?

– Да, это я делал не раз, – ответил Тейлор. – Это не наш метод работы – собирать пожертвования. Мы не хотим получать пожертвования, которые предназначены для других миссионерских обществ. Мы берем добровольные дары, но никого не принуждаем к этому. Если кто-то хочет дать нам, то он и после собрания имеет возможность для этого, и многие давали нам по доброй воле.

– Мы слышали, – заметил служитель лютеранской церкви, – что таким образом пришли довольно крупные суммы. Мы, конечно, идем другим путем. Мы пытаемся объяснить нашим церквам, что они должны беспрерывно жертвовать.

– Это очень важно, – ответил Тейлор. – Но один поступает так, а другой иначе. Каждый должен так действовать, как, по его мнению, правильно. Как я уже говорил, в моей слабости Господь признал метод моей работы и молитвы, но я далек от того, чтобы убеждать других поступать так же.

Больше часа проходила дискуссия, и баронесса прервала ее, сказав:

– Мистер Тейлор пообещал говорить с нами еще сегодня вечером. Я думаю, нам нужно пожалеть его силы. Кроме того, по собственному желанию он все время стоял, отвечая на вопросы, в то время как мы уютно сидели вокруг него.

«Именно в этот момент, – вспоминала баронесса позднее, – солнечный луч упал на его лицо, которое было полно радости и мира. И я вспомнила о Стефане, который видел небо отверстым и Иисуса одесную Бога».

– Нам всем должно быть стыдно перед этим человеком, – прошептал кто-то.

– Да, – согласился директор Госснерского миссионерского общества, – в этом Вы совершенно правы. Мы не будем дальше обременять его.

Он встал, подошел к Тейлору, обнял и поцеловал его.

Баронесса после этого разговора заметила: «Как чудесно этот человек в смирении преодолел все предубеждения по отношению к нему и к его работе».

Когда Тейлор тем летом вернулся в Англию, для миссии пришло очень мало пожертвований. Тейлор молился и трудился и так много проповедовал, что заболел. Сильная невралгия и головные боли вынудили его последовать совету врача:

– Вы должны отдохнуть. На несколько месяцев передайте руководство миссией другим сотрудникам.

Так Хадсен и Дженни смогли поехать в Швейцарию, в Давос. Горный воздух укрепил их. К тому же из Англии пришла хорошая новость: их молитвы о пожертвованиях были услышаны. Дж. Т. Мортон, крупный торговец из Лондона, пожертвовал миссии 1.000 фунтов.

Через несколько дней Мортон умер. Когда Хадсен и Дженни приехали домой, они узнали, что Мортон в своем завещании написал: он отдает КВМ четверть своего имения – минимум сто тысяч фунтов! Деньги должны использоваться для евангелизации и школьной работы КВМ.

Эта сумма основательно изменила финансовую ситуацию КВМ.

И все же Тейлору было ясно, что такое большое пожертвование – палка о двух концах. Оно могло ослабить сознание зависимости от Бога и создать проблемы, когда в будущем нужно будет финансировать проекты, начатые сейчас. Естественно, он был твердо убежден, что этот дар пришел от Бога. И все же

он будет бесполезным, если не будет связан с ростом духовной силы и укреплением веры.

В ноябре 1897 года Хадсен и Дженни через Америку поехали в Китай. Они хотели сделать все, что было в их силах, чтобы продвинуть евангелизацию всех провинций страны.

Глава 46

«Что дешево стоит – не ценится»

После войны между Китаем и Японией европейские вооруженные силы видели шанс в том, чтобы выступить против ослабленного и лишенного мужества Китая. Их цель? Они хотели привести его в большую зависимость от Запада. Так, они потребовали от Китая отдать им некоторые порты, также большие части страны и дать разрешение западным фирмам построить сеть железных дорог.

Эти требования, как и следовало ожидать, вызвали в стране враждебное отношение к иностранцам. Некоторые китайцы пытались нападать на иностранцев повсюду, где только возможно, чтобы изгнать их из страны. Другие, напротив, считали, что лучше принять западный образ жизни. Так, с помощью реформ, которые поддерживала официальная сторона и образованные круги, в китайских обстоятельствах были достигнуты некоторые революционные изменения. Но доверие к императорской власти стало исчезать, по мере того, как китайцы узнавали, какие последствия имело поражение в войне и как унижали Китай западные силы. Тайные союзы росли как грибы. В 1895 году в Сычуане произошли мятежи. Здания КВМ были повреждены, но, к счастью, ни один миссионер КВМ не был убит, так как мандарины защитили их.

Но, к сожалению, в августе 1895 года в прибрежной провинции Фуцзянь членами тайного союза были убиты пастор Роберт Стюарт, его жена с ребенком и восемь других миссионеров ЦМО (Церковное миссионерское общество). Хадсен Тейлор понял, что наступили другие времена. По какой-то причине Бог удержал Свою руку, которой Он до сих пор хранил миссионеров и их семьи от насильственной смерти.

Летом 1898 года реформаторские силы в Китае нашли поддержку молодого императора. Гуансюй заинтересовался либеральными идеями, прочитал соответствующую литературу, и не только китайских авторов, но и, к примеру, книги Тимоти Ричарда. И он стал эти идеи реализовывать. За «Сто дней реформ», от июня до сентября, он издавал один указ за другим, изменил структуру государственной службы, проверку армии, построил школы и открыл университет, в котором можно было

изучать новые западные учения. Кроме этого, он ускорил строительство китайской железной дороги.

Эти реформы встретили ожесточенное сопротивление. Консервативные силы возлагали большие надежды на вдовствующую императрицу (мачеху Гуаньсюя), имевшую большой вес среди определенных кругов в Китае. В сентябре она взяла власть в свои руки. Гуаньсюя заперли в одном крыле дворца, но ему разрешили сохранить титул императора. Почти все реформаторы, по приказу матери императора, были арестованы и казнены. Все нежные ростки реформ были погублены.

Но прежний покой не наступил. Снова и снова возникали беспорядки и мятежи. В то время Хадсен Тейлор так описал политическую ситуацию: «Совсем мало надежды, что можно избежать полного развала». Поведение императрицы вызвало в стране новое пламя враждебных эмоций против иностранцев. И так как основная масса иностранцев внутри страны были миссионерами, вражда обратилась, прежде всего, против них.

Тейлор был благодарен Богу, что в течение 32-х лет – со дня прибытия «Ламмермура» в 1866 году – ни один миссионер КВМ не погиб вследствие мятежа, несчастья или в путешествиях. Хотя случалось, что имуществу КВМ был нанесен ущерб или пострадали сами миссионеры, как, например, Тейлор, – но всегда они оставались живы. Его сын и сноха были убеждены: «В Тейлоре выросло спокойное доверие, что Бог будет и дальше хранить Своих слуг в миссии, и прежде всего незамужних женщин, которые работали на своих станциях далеко от соседних миссионеров».

Все эти беспокойства, заботы и волнения не прошли для Тейлора бесследно. После того как Хадсен в десятый раз приехал в Китай, он так заболел, что должен был несколько месяцев провести в своей комнате в Шанхае. Еще по дороге туда он посетил доктора А. Т. Пирсона, американского богослова, автора и поэта песен. Вскоре после этого Пирсон тоже тяжело заболел. «Ах, сколько средств предпринимает Господь, чтобы показать нам, как мы пусты и что Он может действовать и без нас!» – писал в апреле из Шанхая Тейлор Пирсону. Но Тейлор не сдавался. Он, больной, в своей комнате провел более 200 бесед с членами КВМ.

В ноябре 1898 года Хадсену снова стало настолько лучше, что они с Дженни смогли поехать в Чунцин, где в 1877 году была

открыта первая миссионерская станция провинции Сычуань. Там должна была состояться конференция для миссионеров западного Китая. Сотни километров Тейлоры плыли вверх по Янцзы; вначале на паровом катере, потом на лодках, которые могли противостоять стремнинам. На полпути в Ханькоу они узнали о смерти австралийца Уильяма Флеминга, первого мученика КВМ. В юго-западной провинции Гуйчжоу Флеминг был убит вместе со своим другом и сотрудником Пан Шоушаном, верующим из племени Мео. «Какая ужасная весть! – жаловался Тейлор в письме Джону Стивенсону. – Это бесконечно печально для нас, для Китая и для его друзей. И это не только печальное, но и роковое событие! Кажется, что Бог посылает нам новое испытание. Я уверен: мы должны вновь одеться во всеоружие Божье. Вероятно нас ожидает большее благословение, хотя и через глубокое страдание. Будем полагаться на Сильного, чтобы получить силу, и пусть через эти испытания наша работа не остановится, но, каким бы ни было образом, углубляется и расширяется». Пророческие слова, которые вскоре должны были исполниться печальным образом.

На конференции Тейлор говорил с епископом Кассельсем и другими ведущими сотрудниками КВМ Сычуаня. Но свои планы – посетить другие миссионерские станции на западе – ему пришлось оставить. Причиной этому послужили новые ожесточенные мятежи в этой местности, а также тяжелое заболевание 66-летнего Тейлора. Он боролся со смертью. Дженни день и ночь была возле него. Она горячо молила Бога дать Хадсену здоровье. В тихой соседней комнате она склонилась на колени и молилась:

– Господи, мы беспомощны! Сделай, что Ты считаешь правильным. Помоги нам.

Хадсен ничего не знал о молитве Дженни, но когда она вернулась в его комнату, он прошептал:

– Я чувствую себя лучше, моя дорогая!

С этого момента его силы стали возвращаться.

По дороге в Шанхай ему становилось все лучше. Все же они решили провести начало лета 1899 года в санатории КВМ на побережье в Чифу. Таким образом они могли познакомиться с персоналом и учениками трех школ. Каким счастьем для них было видеть и наслаждаться игрой детей!

В то лето Хадсен много молился о проекте «Рывок». Но он и Дженни находили время, чтобы подумать о доме, где они хоте-

ли провести последние годы своей жизни. На одном из холмов, в двух днях пути от Шанхая, Хадсен купил участок. Здесь они хотели построить дом, чтобы избежать бесконечных забот центра в Шанхае. Они мечтали об одной особенности этого дома: о крытом балконе, с которого открывался бы прекрасный вид на покрытые лесом холмы и на долину, раскинувшуюся 600 метров под ними.

Несмотря на болезнь, Тейлор очень серьезно относился к своим обязанностям. Так, с января 1898 и по сентябрь 1899 года он пропустил только одно из восьми заседаний Китайского совета. Затем вместе с Дженни, Говардом и Джеральдиной они поехали в Америку, сделав «небольшой крюк», чтобы посетить Австралию и Новую Зеландию, где они говорили на различных собраниях.

В апреле 1900 года в Нью-Йорке проходила Всемирная миссионерская конференция. 3.500 человек до отказа заполнили огромный Карнеги-Холл. Проводимые параллельно большие собрания позволяли общественности присоединиться к двум тысячам официальных делегатов более ста миссионерских обществ. Президент Соединенных Штатов и губернатор Нью-Йорка приветствовали участников конференции.

Хадсен Тейлор говорил на тему: «Источник силы для миссионерского служения за границей». За месяц до своего шестидесятивосьмилетия он вместе с видными личностями миссионерского мира сидел в президиуме собрания. Прежде, чем начать свою речь, он окинул взглядом огромный двухъярусный зал с тремя балконами. Сделав шаг вперед, он – по обыкновению – на мгновение остановился для тихой молитвы. «Сила у Господа», – начал он свою проповедь.

Генри Фрост до конца своей жизни запомнил те часы. «Когда он начинал говорить, – писал он в своих воспоминаниях, – его голос становился приятным и пылким. Можно было буквально чувствовать, с каким напряжением люди слушали его. Пожилые, опытные руководители миссий, сидевшие на трибуне, подались вперед, чтобы не пропустить ни слова».

Что же сказал тогда Тейлор? «Многие из нас сделали все, что можно было сделать просто и без особых жертв. Но особая сила лежит в том, когда любовь Божия в наших сердцах делает нас способными на страдания, и мы вместе с Павлом желаем познать силу воскресения Его (а это означает, что нам вначале надо умереть), и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его. Это верно: что мало стоит – то и мало ценится...»

Фрост вспоминал: «Слушатели в зале были глубоко тронуты. Вся аудитория открыла свои сердца Господу, изъявила свою готовность жить и поступать согласно Божьей воле. Кругом росло желание жертвовать и идти». Еще тридцать лет спустя Генри Фрост встречал людей, говоривших, что проповедь Тейлора в то знаменательное утро навсегда изменила их жизнь. Затем они поехали в Нью-Йорк и в Бостон, где Тейлор вместе с А. Т. Пирсоном, который уже оправился от болезни, говорил на собраниях. На одном из них Тейлор вдруг потерял нить своей проповеди и стал повторять одно и то же: «Ты можешь слишком мало доверять Господу, но ты никогда не можешь чересчур много доверять Ему. „Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может"».

Пирсон пришел Тейлору на помощь и взял на себя руководство собранием. Позднее он писал об этом случае: «Было что-то трогательное и поэтическое в этом, что именно эти слова были первыми видимыми признаками того, что и он однажды оставит нас. Не это ли именно место он так часто повторял своим сотрудникам все эти годы? Что может быть лучшего, чем закончить свою деятельность именно теми словами, которые сопровождали его всю жизнь?»

Сын Тейлора Говард описал болезнь отца как очень серьезный приступ. А Брумхол писал позднее в биографии Тейлора: «Этот приступ был результатом физического изнурения, которое истощило его память и его душевные способности». Пришлось прервать посещение Америки, и в июне 1900 года Хадсен и Дженни вернулись в Лондон.

Тейлор был так болен, что не мог ни проповедовать, ни писать. И все же, полная надежды, Дженни организовала поездку в Давос, где ее муж должен был хорошо отдохнуть и поправиться.

С тех пор как Хадсен и Дженни в 1899 году уехали из Китая, политическая ситуация сильно обострилась. Поражение в японской войне, притязания европейских сил на китайские порты, строительство иностранными фирмами железной дороги, страх перед разделением страны между державами, враждебные чувства против отдельных миссионеров и ко всему прочему еще и голод – все это привело к тому, что в стране все чаще вспыхивали беспорядки. Враждебность к миссионерам очень часто возбуждалась и разжигалась посредством злых слухов. Утверждалось, что

миссионеры совершают ужасные безнравственные дела и разрушают китайские обычаи.

Императрица приказала создать местную милицию, которая должна была защищать страну. Из-за гимнастических упражнений их прозвали «боксерами». Вскоре повсюду был слышен их девиз «Ми янь!» («Смерть иностранцам!»). К ним присоединились разного рода вандалы. «Боксеры» примкнули к тайным обществам и увлекались волшебством и оккультными практиками – с целью лучше защититься от врагов.

В конце 1899 года «боксеры» начали гонения на христиан, и многие чиновники в провинциях не препятствовали им. В последний день уходящего года был убит миссионер «Общества Распространения Евангелия». Британские власти горячо протестовали и достигли того, что некоторые мятежники были арестованы. В июне 1900 года императрица, вопреки рекомендациям своих умеренных советников и протесту своего сына-императора, издала указ убивать всех иностранцев. Китай вновь объявил войну против всего мира.

Глава 47

Неувядаемый венец

Хотя восстание «боксеров» в 1900 году было направлено не именно против христиан, но против иностранцев в общем, миссионеры и китайские христиане пострадали больше всех. Прежде всего потому, что миссионеры жили дальше, чем другие иностранцы, от международных портов. Китайских христиан «боксеры» называли «дьяволами второго ранга», предателями родной страны и ее культуры. На северо-востоке страны насилие бушевало намного сильнее, чем в других областях, где китайские чиновники брали иностранцев под защиту. Они поняли, безум– ство восстания против всего мира, и изменили слова императорского указа. Вместо слов «Кто встретит иностранца, должен убить его», они писали: «Кто встретит иностранца, должен защитить его». Телеграммы с такими словами были посланы во многие провинции страны.

В этом восстании больше всех пострадали католики. В районе Пекина было убито от пятнадцати до двадцати тысяч католиков и были осквернены могилы Рикки и других миссионеров XVII и XVIII столетия. В Шаньси бушующая толпа убила больше двух тысяч христиан-католиков, среди них – двух епископов и многих священников.

Напротив, в провинции Ганьсу обстановка оставалась сравнительно спокойной. Хотя власти приказали миссионерам вернуться в Европу, они оставались на своих постах. В Юньане в 1900 году один путешественник встретил европейского священника, который вообще не слышал о восстании «боксеров». Когда он узнал, что консул приказал всем французским подданным покинуть страну, то воспротивился этому. Не мог же он оставить свою паству без повеления епископа.

На севере Китая, в местности, где происходило особое насилие, протестанты работали только сорок лет. Вследствие этого там было не очень много китайских христиан. В то время как было убито больше китайских католиков, чем протестантов, протестанты потеряли больше миссионеров, чем католики.

Когда ситуация в районе Пекина стала чрезвычайно угрожающей, протестантские миссионеры с другими иностранцами и некоторыми местными христианами бежали в резиденцию британ-

ского министерства. Около семисот протестантов почти восемь недель находились под защитой нескольких сотен иностранных солдат, прибывших в Пекин, прежде чем прервался контакт с побережьем. Наконец сильной армии из западных и японских войск удалось продвинуться из Тяньцзиня в Пекин и занять город.

В провинции Чжили, как называлась в то время местность вокруг Пекина, было убито много китайских христиан. Самая ужасная бойня была в Баодине, где в последний день июня и в первый день июля было убито пятнадцать миссионеров КВМ и двух других миссионерских обществ. Спокойствие и уверенность в спасении, с которыми миссионеры приняли мученическую смерть, произвели на китайское население глубокое впечатление.

В Шаньси в резиденции губернатора Тайюаня творилось ужасное. Там тридцати четырем протестантским миссионерам и двенадцати католикам отрубили головы. Сам губернатор стоял и смотрел на это зрелище. В Сяои были убиты две миссионерки КВМ Эмили Уитчерч и Эдит Сирелл, когда они стояли на коленях и молились. В Фенчжоу в августе было убито семь членов американской миссии и трое сотрудников КВМ.

Тяжелые гонения были на только на северо-западе, но и в провинции Чжэцзян южнее Шанхая. Видимо, сюда телеграмма с указанием убить всех иностранцев пришла без изменения. После некоторого промедления губернатор издал этот указ, но вскоре забрал его обратно. И все же разбушевавшаяся толпа в одном из городов убила мандарина, так как он пытался защитить иностранцев. С ним было убито одиннадцать членов КВМ.

В других провинциях не умер ни один протестантский миссионер. Здесь многие миссионеры последовали совету консула и бежали в договорные порты. Многие церкви и дома для собраний были разрушены, с бесчисленными китайскими христианами обращались очень жестоко. Но жертвы были не так велики.

Всего в этом восстании было убито более 130 протестантских миссионеров и более 50 их детей. Только КВМ потеряла 58 миссионеров и 21 ребенка. Было убито около 2.000 китайских христиан.

Вначале от Хадсена Тейлора пытались скрыть сообщения о масштабах бойни при восстании «боксеров». Но вскоре все же трагические вести из Китая нельзя было утаить. Но затяжное состояние духовного и физического переутомления не давало ему воспринимать это. «Я не могу читать, не могу думать, не могу даже молиться, но я могу уповать», – сказал он.

В июле Дженни послала письмо в Китай, в котором она писала: «День и ночь мы в мыслях с вами. Мой любимый муж говорит: „Я бы все сделал, чтобы помочь им. И наш Небесный Отец, Который имеет власть, поможет каждому по Своей мудрости и любви так, как угодно Ему"». Когда в середине августа пришли еще худшие новости, Тейлор был так слаб, что едва мог без посторонней помощи ходить по комнате.

В октябре он опять окреп настолько, что стал воспринимать события в Китае. Однажды утром Джеральдина подсела к нему. На горах выпал снег. Тейлор кое-что прочитал о событиях на юге Шаньси, где пастор Хси трудился до своей смерти в 1896 году. Со слезами на глазах он сообщил Джеральдине, что только что прочитал письмо от Эмилии Уитчерч и Эдит Сирелл, которое они написали за день до смерти.

«Подумай только, как чудесно было для них не видеть больше своих ужасных убийц, но зато видеть Его Самого, покоиться в Его руках и увидеть Его улыбку!» Тейлор вынужден был остановиться, пока снова смог продолжать. «Они не жалеют теперь об этом! Их ожидает неувядаемый венец! Они будут ходить в белоснежных одеждах, ибо они достойны». Его мысли пришли к Откровению 3:4.

Затем он стал говорить о группе миссионеров КВМ, которой удалось бежать из опасных районов в Шанхай. Тейлор хотел поехать к ним.

«Наверное, я не смогу им помочь, но я думаю, они любят меня. Если они расскажут мне о своей нужде и я поплачу вместе с ними, то это будет для них маленьким утешением».

«Никто во всем мире не может так утешать людей как ты, отец, – подтвердила Джеральдина. – Но ты сейчас не можешь поехать туда».

Жертвой «боксеров» стал и Уильям Купер, ассистент заместителя директора в Китае. Тейлор был рад, что уже вскоре Джон Стивенсон нашел себе помощника в лице Диксона Хоста, одного из «семи кембриджцев». Им двоим досталась тяжелая задача – дальше руководить КВМ на месте, укреплять и утешать сотрудников, которые потеряли в этом восстании своих родных. Диксон Хост приехал в Шанхай на лето из провинции Хэнань, чтобы поддержать Стивенсона в это тяжелое время, когда было столько работы, что одному невозможно было справиться. Тей-

лор уже некоторое время был убежден, что Хост был тем человеком, которому Бог хотел доверить руководство КВМ. Так в августе 1900 года, когда Хадсену стало ясно, что дни его сочтены, он послал в Шанхай телеграмму, в которой назначил Хоста административным генеральным директором миссии.

После окончания восстания западные страны потребовали, чтобы китайское правительство выплатило миссионерским обществам и китайским христианам возмещение ущерба в сумме 450 миллионов серебряных долларов. Тейлор вначале частично согласился с этим требованием. Он считал, что возмещение ущерба за убитых нужно отклонить, но за здания и имущество – принять. Но после того как Лондонский и Китайский советы обсудили этот вопрос, КВМ решила вообще ничего не принимать, даже если им это предложат. Они хотели показать китайцам «кротость и благость Христа». Ведь это решение исходило от общества, которое пострадало больше всех. Отдельным лицам, конечно, было разрешено принимать возмещение ущерба за личные потери, если они этого хотели. Некоторые критиковали это решение. Но британскому министерству внутренних дел это понравилось, и британский министр в Пекине, желая выразить свое восхищение и сострадание, послал КВМ частное пожертвование в размере ста фунтов.

Лишь немногие протестантские миссионерские общества последовали примеру КВМ. Большинство из них согласились принять возмещение ущерба. Епископ Стивен Нилл писал по этому поводу: «История показала, что Хадсен Тейлор имел в то время большую мудрость». Нилл также сообщал, что первый платеж США отдали назад Китаю, чтобы поддержать фонд образования для китайцев. От уплаты остальных платежей Китай был освобожден.

Смелость и мужество миссионеров во время восстания «боксеров» невозможно переоценить. Ни один миссионер не отказался от своей веры; никто не засомневался перед лицом смерти. В письмах, которые были написаны в то время, нет никакого признака горечи или мысли о мщении по отношению к убийцам.

Большинство китайских христиан также остались верными, хотя даже маленький компромисс мог бы спасти их жизнь. Примечательно и то, что даже китайские чиновники-нехристиане, рискуя впасть в немилость императорского двора и даже иногда

своей жизнью, защищали иностранцев в своих регионах или помогали им бежать.

«Я в последнее время часто писал родственникам сотрудников, которых мы потеряли, – сообщал Тейлор в конце 1900 года. – Я хотел утешить их. Но, к моему великому удивлению, они забывали свое горе и выражали мне свое сострадание». Триста членов КВМ, узнав о его болезни, написали ему из Шанхая и пожелали ему скорого выздоровления. В декабре 1900 года он ответил им:

«Когда мы с Дженни прочитали все подписи, мы благодарили Бога за то, что Он сохранил вас для нас и Китая. Все то ужасное, что принесло столько страданий, было допущено Богом к Его славе и для нашего блага. И если Он нас и наших местных братьев и сестер подверг такому тяжелому испытанию, то Он снова откроет двери для нашей работы, которая в данный момент прекратилась, и это будет в лучших условиях, чем до сих пор.

Мы благодарим Бога за милость, которая была дарована тем, кто пострадал. Господь нам как миссии даровал честь тяжелого испытания, и многие из нас удостоились получить венец мучеников. Возможно, некоторые из оставшихся в живых, страдали больше, чем эти мученики. Господь не забудет этого. Мы не можем выразить вам, как тяжело мне было в часы искушений быть так далеко от вас!

Если Господь мне когда-нибудь позволит вновь принять работу внутри страны, я, наверное, увижу некоторые изменения. Но те основные правила, которые мы испытали и которые основаны на Его неизменном Слове, должны остаться неизменными. Пусть каждый из нас возьмет урок из того, что Бог хотел преподать нам, и будет готов к дальнейшему служению, к которому Он нас призвал, до пришествия нашего Господа».

Глава 48

На пути к небу

Летом 1901 года Хадсен Тейлор чувствовал себя лучше и осмелился совершить экскурсию в долину Шамони у подножия Монблана. Но во время прогулки в лесу он поскользнулся на еловых иголках и упал. Долгие месяцы он не мог оставить свою комнату. Но затем снова поправился и смог на несколько месяцев поехать в Англию, чтобы принять участие в жизни центра на Ньюингтон-Грин.

Незадолго до своего 70-летия, в мае 1902 года, они с Дженни вернулись в Швейцарию, и с тех пор жили рядом с Женевским озером. В маленьком поселке Шевалейрс, который находился посреди лугов и прекрасных фруктовых садов вблизи Веве, они арендовали двухкомнатную квартиру с балконом и верандой, откуда наслаждались прекрасными закатами солнца. Пищу им приносили в комнату. Они быстро познакомились со своими соседями, начиная от графа с графиней из средневековой крепости де Блоне и кончая крестьянами в окрестности и жителями шалетов. Прошло немного времени, и Шевалейрс стал «центром КВМ высоко в горах», как назвали это место его сын со снохой.

Роберт Вильдер, американский руководитель студентов, пробыл у Тейлоров шесть месяцев. «Не только слова вашего отца, но особенно то, чем он был на самом деле, было для меня большим благословением, – говорил он Говарду и Джеральдине. – Ваш отец носил в себе „благоухание Христа". Его крепкая вера, его спокойствие и его постоянное усердие, несмотря на слабость, глубоко тронули меня... На меня произвело глубокое впечатление – видеть такого ранее активного человека, который теперь был вынужден вести тихую жизнь, который едва имел силы молиться пятнадцати минут, но при этом оставался таким приветливым и радостным. Я вспоминаю, как он говорил: „Если Бог желает отстранить меня от активной жизни, тогда я Ему не буду противиться". Никакого ропота, никакой жалобы. Он был всегда радостным. Днем он радовался цветам, а ночью наблюдал за звездным небом».

Хадсен и Дженни, которые раньше часто бывали в разлуке, наслаждались теперь совместным общением. «Они все еще были влюблены друг в друга», – описывали Говард и Джеральдина те дни, в которые ослабевшая пара предпринимала прогулки на по-

езде, на паровом катере или медленно, рука об руку, поднималась высоко в горы на свое любимое место, откуда открывался чудесный вид на озеро и Альпы. Только теперь Хадсен нашел время, чтобы вновь заняться любимым занятием – фотографией. Много часов он проводил за печатанием фотографий и изучением собранных цветов. Растениями он увлекался с тем же воодушевлением, которое 65 лет назад в нем пробудил его отец.

После перенесенного в Америке приступа, он мог сосредоточиться только на чтении легкой литературы. К этому прибавлялись письма и, естественно, Книга, которая сопровождала его всю жизнь. Сороковой раз за последние сорок лет читал он свою Библию и все еще находил для себя что-то новое.

Хотя он назначил Диксона Хоста административным генеральным директором КВМ, он оставил себе титул генерального директора и поэтому регулярно получал сообщения от Стивенсона и Хоста. Только в ноябре 1902 года, когда Хост посетил его в Швейцарии, Хадсен передал ему безграничное руководство миссионерским обществом. Он знал, что в этом вопросе он будет поддержан другими директорами и обоими советами.

«Я благодарен Богу, что Он побудил Вас избрать этого брата, который молится больше нас всех», – комментировал Арчибалд Орр Эвинг это решение Тейлора.

В июле 1903 года Хадсен заметил, что у Дженни, которой между тем исполнилось шестьдесят лет, появилась опухоль. Ее мать умерла от рака, и Хадсен приготовился к самому худшему. Он послал своему сыну телеграмму. Говард и Джеральдина сразу же приехали в Шевалейрс и проконсультировались у известного специалиста, который обследовал Дженни под наркозом. Он пришел к выводу: «Это рак! И я боюсь, что операция уже не поможет».

Ни Хадсен, ни Дженни никогда не спрашивали о результате обследования.

Всю зиму они оставались в Лозанне, где недалеко от них жил хороший врач. Весной 1904 года Дженни сильно ослабела, и поэтому они вернулись в Шевалейрс. Там они, к своей великой радости, узнали, что в Китае было много покаяний. Дженни, сильно похудевшая за это время, и все еще слабый Хадсен были счастливы тихо сидеть на веранде и смотреть на птиц, резвящихся на цветущем вишневом дереве. На лугах перед ними простирался цветной ковер нарциссов и незабудок.

В июне в Шевалейрс приехал Говард, а через несколько дней после него Эми, дочь Дженни. В конце июня Дженни была так слаба, что уже не могла вставать. Но когда они широко открывали окна, она наслаждалась прекрасным видом и прохладным свежим воздухом.

«Я не могу желать лучшего ухода и лучшего счастья, – сказала она своей подруге. – Я уже почти дома, и как чудесно будет там! Господь медленно и бесконечно нежно берет меня к Себе домой».

В одном из писем Джеральдине она писала: «Ты же сама знаешь, каким утешением является наш любимый Говард, и Эми, и отец – все так любят меня и балуют меня целыми днями. Господь поистине обращается с нами так нежно! Не остается никаких желаний. Мы можем только славить Бога!»

Вечером 29 июля Дженни стало трудно дышать. Хадсен сидел у ее кровати.

– Никакой боли, никакой боли! – все время объясняла она.

Перед рассветом она шепнула Хадсену:

– Проси Бога, чтобы Он скорее взял меня к Себе.

Хадсен немного помедлил – затем помолился:

– Дорогой Отец, освободи ее дух, который ждет Тебя.

Через пять минут его молитва была услышана.

Они похоронили Дженни в тени церкви Ла Чеза, старая серая башня которой была увита пышным красным вьющимся растением. После этого можно было видеть старичка, который с цветами в руках шел на могилу Дженни – вниз по дороге мимо крепости Блоне к церкви. Сидя под кедром, он смотрел, иногда со слезами в глазах, на озеро и горы.

После смерти Дженни он нашел утешение в стихе из Библии, который висел в его комнате на стене: «Верен Обещавший».

Когда приблизилась весна 1905 года, Хадсен чувствовал себя настолько окрепшим, что решил поехать в Китай – в одиннадцатый раз. Говард и Джеральдина поехали вместе с ним через Америку. 17 апреля они прибыли в Шанхай и провели пасхальные дни в Янчжоу. Там, сорок лет назад Хадсен и Мария пережили мятеж. В Чжэцзяне Тейлор пошел на кладбище у реки, где были похоронены Мария и четверо его детей.

Он разговаривал с группой молодых миссионеров, которые скоро должны были уехать на свои станции внутри страны. «Это

большая радость для меня – встретить Вас здесь, – волнуясь, сказал он им. – Много лет назад я познакомился здесь со многими миссионерами. Моя любимая жена умерла здесь. С годами я понял, что люди, которых мы любим, для нас ближе, чем мы думаем. Господь близок! Он никогда не оставит нас. Считайтесь с Ним, радуйтесь Ему, оставайтесь с Ним. Дорогие друзья, будьте всегда верны Ему и держитесь Его слова. Он никогда не разочарует Вас!»

29 апреля 1905 года в доме Гриффита Джона в Ханькоу встретились три старых «китайских ветерана», и кто-то умудрился сфотографировать их вместе. Все трое имели прекрасные бороды и были закутаны в толстые пальто. 78-летний Уильям Мартин, сидел под пальмой. Он прибыл в Китай 55 лет назад. Гриффит Джон, который также полстолетия пробыл в Китае, стоял в середине, и семидесяти двухлетний Тейлор, самый молодой среди них, сидел справа в плетеном кресле. Гриффит Джон, темпераментный уэльсец, громко пел с Хадсеном хоралы.

После этого посещения Тейлор поехал с сыном и снохой на север в провинцию Хэнань. Весь путь, на который одиннадцать лет назад потребовалось две недели, они преодолели на поезде всего за несколько часов. Втроем они посетили много миссионерских станций в Хэнане. На одной из них Тейлор праздновал свой 73-ий день рождения. Китайские христиане подарили ему ярко-красное полотнище с надписью: «Самому любимому человеку!»

26 мая Хадсен и его спутники возвратились в Ханькоу; в этот самый день, ровно тридцать девять лет назад «Ламмермур» отправился в Китай.

В понедельник, 29 мая, Тейлор с Говардом, Джеральдиной, доктором Уайтфильдом Гиннессом и мисс аф Сендеберг (в ее семье Тейлор жил в Швеции) на паровом катере поехали в Чаншу, столицу провинции Хунань, которую он никогда раньше не посещал. Хунань была всегда самой враждебной к иностранцам провинцией Китая. Восемь или девять лет назад здесь не жил ни один миссионер. Теперь же в провинции совместно с китайскими христианами работало сто миссионеров.

Пять путешественников были единственными иностранцами на борту совершенно новой лодки, которая пересекала озеро Донтинг и поднялась вверх по Сяну. Было очень жарко, и все наслаждались на палубе свежим бризом; особенно Уайтфильд Гиннесс и мисс Сендеберг, которые, кстати, в этом путешествии обручились.

В Чанше Тейлор поднялся на второй этаж одного из павильонов – самую высокую точку городской стены. Оттуда можно было наслаждаться прекрасным видом на холмы Хунаня, на Сян и на город. Они также осмотрели участок земли, который губернатор предложил КВМ для постройки больницы.

В субботу, 3 июня, в доме КВМ собрались миссионеры из шести миссионерских обществ, работающие в Чанше. Они хотели познакомиться с человеком, основавшим миссионерское общество, которое насчитывало теперь более 800 членов. Двери приемной выходили на зеленую лужайку, окруженную деревьями и яркими цветами. Подали чай. Хадсен Тейлор появился необычно элегантным, в костюме из шелка, и больше часа оживленно беседовал с гостями.

Когда последний гость ушел, Говард уговорил отца пойти наверх и отдохнуть. Доктор Барри, миссионер КВМ, живший в доме, проводил его наверх. Они еще немного поговорили, затем Тейлор встал и принес два веера. Один из них он дал Барри.

– Почему Вы не попросили меня это сделать? – смутился Барри.

– Потому что хотел сам принести Вам веер, – ответил Хадсен.

Затем они заговорили о молитве.

– Я вижу в этом большое преимущество – иметь право все приносить Богу в молитве, – сказал Барри. – Но иногда я медлю, так как думаю, что некоторые вещи слишком незначительны, чтобы молиться о них.

– Такого сомнения у меня нет, – удивленно заметил Тейлор. – Есть ли, собственно, большие или маленькие вещи? Только Бог велик, и Ему мы имеем право полностью доверять.

Когда вечером Тейлор ужинал в своей комнате, Джеральдина стояла на улице одна и смотрела на мерцающие огни города. Уже стемнело. Она снова пошла в комнату своего свекра.

На стуле рядом с кроватью стояла лампа, а Хадсен Тейлор сидел в постели, читая письма. Джеральдина поправила подушку и, сев на стул рядом с ним, начала говорить о снимках в журнале «Миссионерское обозрение», который лежал перед ним на кровати. Вдруг Тейлор повернул голову и потерял сознание. Джеральдина в испуге побежала к двери:

– Говард! Доктор Келлер! Быстро!

Доктор Келлер оказался на месте первым. Тейлор упал назад на подушку. Он перестал дышать, его лицо изменилось. Большой друг Китая выглядел как ребенок, который мирно спал.

Молодой китайский евангелист и его 18-летняя невеста читали книгу Тейлора «Обзор», которая к тому времени была переведена на китайский язык. После этого они решили лично познакомиться с автором. В доме КВМ в Чанше им сообщили о смерти Тейлора, и позволили присоединиться к маленькой группе, которая собралась вокруг кровати покойного.

– Как Вы думаете, можно ли мне прикоснуться к его руке? – немного нерешительно спросил молодой китаец.

Получив утвердительный ответ, он взял руку Хадсена и сказал:

– Наш любимый и уважаемый пастор! Мы любим Вас от всего сердца и пришли сегодня сюда, потому что хотели познакомиться с Вами. Мы хотели видеть Ваше лицо, ведь мы Ваши дети. Вы открыли нам дорогу в небо. Многие годы Вы любили нас и молились за нас. И поэтому мы пришли, чтобы увидеть Ваше лицо. Вы выглядите так счастливо и мирно! Вы улыбаетесь. Ваше лицо спокойно и довольно. Сегодня вечером Вы не можете говорить с нами, и мы не можем вернуть Вас. Но мы последуем за Вами. Мы придем к Вам, и там Вы всех нас будете встречать.

Китайские христиане настояли на том, чтобы купить гроб Хадсену Тейлору. Это был самый лучший гроб во всей округе. Затем они понесли его вниз к реке, где Хадсена снова ожидал корабль. Капитан припустил флаги, и они поплыли по могучей Янцзы. На каждой станции к кораблю приходили люди, приносили цветы и венки. Когда в Чжэцзяне на корабль взошел Джон Стивенсон, гроб был погребен под морем цветов. Диксон Хост сказал прощальную проповедь, затем Хадсена похоронили рядом с Марией и четырьмя детьми.

В 1988 году доктор Джим Тейлор, правнук Хадсена, обнаружил в Чжэцзяне памятник, хранившийся в бывшем британском консульстве – теперь музей. Надпись еще можно было прочитать: «На память пастору Дж. Хадсену Тейлору, глубокоуважаемому основателю Китайской Внутренней Миссии. Родился 21 мая 1832, умер 3 июня 1905. Муж Божий».

Послесловие

Джеймс Хадсен Тейлор III
Генеральный директор «Заокеанского миссионерского братства»

1990 год. Прошло 85 лет, с тех пор как Хадсен Тейлор умер в Чанше, глубоко в сердце Китая. И сегодня Китайская Внутренняя Миссия празднует свой 125-летний юбилей. Эта биография Тейлора появилась ко дню рождения миссии. Мой прадедушка передал по наследству основанному им миссионерскому обществу свою страсть – нести Благую Весть об Иисусе Христе всем людям Китая. Еще и сегодня его основные положения имеют значение и остаются для нас неизменными: быть зависимыми от Божьей верности; отождествлять себя с людьми, к которым мы идем и которых еще никто не достиг Евангелием; наставлять верующих и учить их руководителей.

После его смерти его книга «Духовная нужда Китая» поставила перед всеми молодыми людьми на Западе пламенный вопрос об их готовности отдать себя в полное распоряжение Иисусу Христу. Борден оф Йель хотел последовать призыву и начать работу среди мусульман на северо-западе Китая; но он умер на пути туда в Египте. Примерно в это же время музыкант и инженер Джеймс Фразер основал церковь в народе лису на юго-западной границе Китая. Церковь разрасталась прямо-таки на глазах.

В 1934 году, в начале Великого похода Мао, умерли мученической смертью молодая пара – Джон и Бетти Стэм. Все это было жестокой прелюдией к огненному испытанию, которым была охвачена вся церковь Китая во время земельной реформы, «Большого скачка» и культурной революции (1956-1976 гг.).

Несмотря на все это, китайская церковь поразительно выросла. Число ее членов возросло от ста тысяч в 1900 году до более семисот тысяч в 1950 году. Из ее рядов вышли сильные местные руководители – Джон Сун, Ванг Миндао, Дэвид Янг, Вочман Ни и Эндрю Ги. Началась работа среди студентов и создание своего миссионерского движения. Из-за японской интервенции и Второй мировой войны многим миссионерам пришлось оставить страну. Центр КВМ временно перенесли из Шанхая в Чунцин – далеко вверх по Янцзы. Всю школу из

Чифу отправили в концентрационный лагерь. Наши учителя шли впереди нас и пели с нами:

«Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах. Посему не убоимся. Господь сил с нами, Бог Иакова заступник наш» (Пс. 45:1,8).

Больше пяти лет мы были разлучены с нашими родителями, и учились в это время доверять Богу.

Но тяжелейшее испытание еще предстояло Китаю. В конце сороковых годов коммунистическая армия начала свой триумфальный марш на юг страны. Как выразительно описывает в своей книге «Китай: вынужденный исход» Филлис Томпсон, с 1949 и по 1952 годы все члены миссионерских обществ должны были покинуть страну. Когда руководители Китайской Внутренней Миссии встретились на внеочередном совещании в Борнмуте (Англия), они были так же зависимы от Божьего водительства, как и восемьдесят шесть лет назад Хадсен Тейлор на побережье в Брайтоне. И снова в послушании и вере было принято быстрое решение.

Всем миссионерам, бывшим в распоряжении миссии, было предложено для труда другое место, а также прозвучал призыв к новым работникам для новой цели – Восточной Азии. Из центра в Сингапуре миссионеры уезжали в Японию, Тайвань, Гонконг, Филиппины, Таиланд, Малайзию и Индонезию. Позднее прибавились еще Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Корея. В некоторых странах было дано совсем мало времени, чтобы собрать жатву.

Так как дверь в Китай была плотно закрыта, и многие страны встречали с недоверием все, что было связано с Китаем, старое название миссии было изменено.

Новая цель гласила – как можно быстрее познакомить с Евангелием миллионы людей в Восточной Азии. В каждом городе должна быть церковь. Там, где церкви уже были, ЗМБ тесно сотрудничало с ними. В некоторых же странах необходима была пионерская работа и создание церквей.

Была разработана двойная стратегия: с одной стороны, нужно было пойти в растущие большие города Азии с их многочисленными служащими, рабочими и студентами, с другой – в запущенные местности и к далеко живущим группам населения, то есть в недостигнутые внутренние области Восточной Азии. Миссионеры создавали алфавит и переводили Библию. Везде требовалось серьезное богословское образование, печатание и распространение христианской литературы. Большое значение

имела медицинская работа в сельских районах Таиланда. Там было построено три больницы и была разработана программа по борьбе с проказой. Здесь ЗМБ позднее заботилось и о беженцах. На Филиппинах оно разработало программы развития сельского хозяйства. В Японии проводило работу с алкоголиками, а в Бангкоке с проститутками.

В 1965 году ЗМБ праздновало 100-летний юбилей. Теперь оно готовится к следующему столетию. Мы рады, что во многих странах Восточной Азии образовались сильные церкви. ЗМБ как новое орудие миссии имеет искреннее желание трудиться в тесном сотрудничестве с местными церквами. Во многих восточно-азиатских странах были созданы советы, которые задались целью послать своих миссионеров в другие страны. Сейчас восемь таких национальных советов. Другая связь возникла с «Индийской Евангельской Миссией», которая послала многих миссионеров через ЗМБ в Таиланд.

ЗМБ все больше развивается как общество христиан Востока и Запада, которые плечом к плечу хотят исполнить повеление Божье. Конечно, это библейское братство находится в начальной стадии, но у Бога неисчерпаемые возможности.

Важной задачей Хадсена Тейлора было – познакомить Китай с Иисусом Христом, и восемьдесят пять лет КВМ преследовала одну эту цель. Но когда Господин жатвы в 1950х годах усмотрел закрыть двери для миссии, КВМ распространила область своего труда на всю Восточную Азию. И теперь, когда приближается 2000 год, Он призывает ЗМБ расширить свои горизонты во второй раз, чтобы принести Благую Весть всем восточным азиатам – независимо от того, в какой стране они живут. Многие тысячи живут очень далеко от своей родины и их сейчас легче достичь. Может быть, они смогут вернуться на свою родину христианами. Хотя многие страны создают ограничения для въезда миссионеров, профессиональные способности всегда приветствуются. Это мы должны использовать.

ЗМБ продолжает чувствовать себя неизменно и глубоко связанным с китайским народом. Мы не можем забыть, что мы начали свою деятельность как КВМ. Со времени нашего вынужденного выезда мы непрестанно призываем всех христиан молиться за китайских верующих и помогать им в том, чтобы миллионы новых христиан были укреплены через радиопередачи и через Библии, а также христианскую литературу. Бог действует сегодня в Китае

чудесным образом. Мы не можем посылать туда миссионеров, как раньше, но желали бы помочь китайской церкви и вместе с ней служить Христу. Миллионы людей в Китае все еще живут без Христа, среди них – многие маленькие народности.

Прошло восемьдесят пять лет со времени великого свидетельства Хадсена Тейлора. За эти годы и мы испытали верность Божью. Во время революции, мировой войны и последовавших за этим бурных времен, подобных тому времени, которое пережил и он, миссия была сохранена через Божье присутствие, и она все еще испытывает Его силу, Его заботу и Его защиту.

Эта книга учит нас следованию за Христом, и это не ограничивается одним человеком и созданной им организацией. Это живые и действенные основные положения Евангелия, которые каждый христианин может изучить и жить по ним, все равно студент он или домохозяйка, работодатель или рабочий. Нужно только поступать по Слову Божьему.

Сентябрь, 1989
Сингапур